

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Шилихина Ксения Михайловна

**ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ИРОНИИ: КОГНИТИВНЫЙ,
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультат доктор филол. наук, проф. В.Б. Кашкин

Воронеж 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. История изучения иронии: от античности до современности ...	20
1.1. Античная ирония	26
1.2. Средневековая ирония	35
1.3. Ирония в эпоху Возрождения.....	37
1.4. Ирония в эпоху Просвещения	38
1.5. Ирония в эпоху Романтизма	40
1.6. Ирония в XX веке	41
1.6.1. Философские концепции иронии	43
1.6.2. Ирония в этике.....	46
1.6.3. Ирония в художественном тексте: литературоведческий анализ ...	47
1.6.4. Семиотический анализ иронии	49
1.6.5. Лингвистические теории иронии.....	57
1.7. Компьютерное моделирование юмора и иронии	75
1.8. Выводы	77
Глава 2. Ирония в научной картине мира. Виды и функции иронии	81
2.1. Проблема классификации иронии	81
2.2. Классификации иронии: краткий обзор	83
2.3. Вербальная ирония и другие тропы и фигуры: дальнейшие проблемы классификации.....	92
2.4. Виды вербальной иронии.....	95
2.5. Функциональный потенциал иронии.....	99
2.6. Выводы	110
Глава 3. Корпус текстов как материал для исследования вербальной иронии	113
3.1. Проблема выбора материала исследования для изучения иронии	114
3.2. Состав корпуса и статистика	118
3.3. Метаразметка текстов	119

3.4. Дискурсивная аннотация текстов	122
3.5. Стратегии и тактики создания иронии	125
3.5.1. Вербальная стратегия создания иронии.....	125
3.5.2. Когнитивная стратегия создания иронии	138
3.5.3. Риторические тактики создания иронии.....	142
3.6. Другие источники материала для исследования вербальной иронии .	149
3.7. Выводы	151
Глава 4. Модусы коммуникации bona fide и non bona fide	154
4.1. Два модуса коммуникации	154
4.2. Свойства модусов дискурса bona fide и non bona fide.....	163
4.3. Выводы	179
Глава 5. Ирония в «наивной» картине мира	186
5.1. Метакоммуникация как инструмент организации дискурса.....	186
5.2. Терминологическое отступление. Металингвистика – метадискурс – метапрагматика	189
5.3. Маркеры модусов коммуникации bona fide и non bona fide.....	192
5.4. Метапрагматические маркеры иронии.....	209
5.5. Имплицитная метапрагматическая оценка вербальной иронии	223
5.5.1. Синестетические метафоры	232
5.5.2. Другие типы метафор в описаниях иронии	244
5.6. Выводы	245
Глава 6. Ирония как дискурсивная практика	249
6.1. Ирония в различных сферах коммуникации.....	249
6.1.1. Ирония в академическом дискурсе	250
6.1.2. Ирония в политическом дискурсе	271
6.1.3. Ирония в повседневной устной коммуникации	276
6.1.4. Ирония в компьютерно-опосредованной коммуникации	281
6.2. Дискурсивный статус иронии	285

6.2.1. Правила говорящего и правила адресата в дискурсивной практике иронии	293
6.3. Выводы	298
Глава 7. Модель понимания иронии в дискурсе.....	300
7.1. Компоненты иронического дискурса	301
7.2. Ирония: аномальное или нетривиальное использование языка?	305
7.3. Намеренная некогерентность как когнитивное основание иронии.....	308
7.3.1. От текста к пользователю: когерентность как свойство текста	309
7.3.2. От пользователя к тексту: когерентность как когнитивная способность.....	310
7.4. Языковые сигналы намеренной некогерентности.....	311
7.4.1. Некогерентность как результат нетривиальной лексической сочетаемости.....	312
7.4.2. Некогерентность как результат нетривиальной категоризации объекта	323
7.4.3. Некогерентность риторической структуры текста как потенциальный источник иронии.....	328
7.5. Комбинаторная модель понимания некогерентности в дискурсе	334
7.6. Деонтическая оценка в структуре иронического дискурса	338
7.7. Игра и притворство говорящего.....	343
7.8. Взаимодействие компонентов иронического дискурса.....	347
7.9. Выводы	349
Заключение.....	351
Литература	357
Словари и языковые корпуса.....	398

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению когнитивных, семантических и прагматических компонентов вербальной иронии – режиму коммуникации, который позволяет говорящему имплицитно выражать целый комплекс дополнительных смыслов. Ирония – это способ выражения критической оценки ситуации или явления, это также сигнал конкуренции точек зрения, насмешки.

Ирония занимает особое место в современной коммуникации: она создается средствами самых разных знаковых систем (наряду с вербальной иронией сегодня говорят об иронии в музыке, живописи, фотографии, дизайне, архитектуре и даже в парфюмерии и кулинарии). Исследователи обращают внимание на появление иронии в тех сферах общения, где раньше это было практически невозможно (примером такой сферы можно считать академический дискурс).

Существующий на протяжении нескольких столетий исследовательский интерес к ироническому дискурсу можно объяснить целым рядом обстоятельств. Во-первых, из-за разнообразия форм, которые может принимать ирония, имеющиеся модели коммуникации до сих пор не могут предложить целостного объяснения природы иронического использования языка. Во-вторых, в порождении и восприятии иронии задействованы сложные когнитивные механизмы, которые позволяют обнаруживать и интерпретировать скрытый смысл. Моделирование этих механизмов – необходимый этап разработки прикладных моделей, которые могли бы функционировать как составная часть более общих систем автоматической обработки естественного языка, а также могли бы обеспечивать полноценный диалог между человеком и компьютером. Наконец, интересна и чисто «лингвистическая» сторона иронической коммуникации. В частности, дискуссионным остается вопрос, какие элементы высказывания могут служить сигналами иронической интенции, и

какие свойства высказывания или целого текста позволяют адресату распознать иронию.

Основной **ЦЕЛЬЮ** исследования является описание вербальной иронии как дискурсивной практики. Составной частью этого описания является моделирование когнитивных механизмов, которые задействуют носители языка для понимания иронии.

Достижение этой цели требует решения ряда **ЗАДАЧ**; в данной работе решаются следующие из них:

- (i) выделяются критерии, позволяющие дифференцировать различные режимы модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*;
- (ii) обосновывается методологическая возможность использования корпусных методов для изучения дискурсивного феномена, не имеющего постоянной языковой формы выражения;
- (iii) создан размеченный корпус текстов, на материале которого формулировались основные гипотезы и теоретические положения;
- (iv) в соответствии с разработанной схемой дискурсивной аннотации текстов систематизируются основные стратегии и тактики создания иронии в дискурсе;
- (v) проводится анализ метапрагматической деятельности носителей различных языков (русского, английского, немецкого, польского) для выяснения места иронии в обыденной картине мира;
- (vi) выделяются критерии, позволяющие обосновать статус иронии как дискурсивной практики;
- (vii) на материале корпуса описываются лингвистические сигналы обязательных компонентов иронического дискурса: намеренное нарушение смысловой целостности высказывания, игра / притворство говорящего, а также имплицитное выражение деонтической оценки;
- (viii) предлагается «комбинаторный» подход к моделированию процесса понимания иронии: такой подход позволяет показать, каким образом

смысл высказывания «собирается» как динамическая когнитивная структура, важным свойством которой является некогерентность.

Стремление создать модель вербальной иронии, которая могла бы объяснять, почему разнообразные с точки зрения языкового оформления проявления иронии в дискурсе объединяются носителями языка в одну категорию и интерпретируются сходным образом, требует обращения не только к текстовому материалу, но и к металингвистической деятельности пользователей языка. Поэтому можно говорить о двояком **ОБЪЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**: с одной стороны, это содержащий иронию *устный, письменный и компьютерно-опосредованный дискурс* в различных сферах коммуникации. С другой стороны, объектом исследования в данной работе является *металингвистическая деятельность* носителей русского, английского, немецкого и польского языков: обращение к корпусам перечисленных языков позволило получить информацию о том, как оценивается ирония и какое место она занимает в повседневной коммуникации.

ПРЕДМЕТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ являются семантические, прагматические и когнитивные характеристики иронии в различных сферах дискурса.

АКТУАЛЬНОСТЬ предлагаемого исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, развитие систем эффективного человеко-машинного взаимодействия требует создания моделей различных режимов коммуникации. Ирония является одним из наиболее сложных для моделирования режимов общения, поскольку для ее порождения и понимания необходимо привлечение сложных когнитивных механизмов. Разработка модели, которая могла бы объяснить особенности функционирования иронии в дискурсе, представляется необходимым этапом в области исследования и моделирования различных режимов коммуникации.

Вторая причина обращения к обозначенной теме заключается в том, что несмотря на многовековую историю ее изучения, ирония до сих пор не

имеет определения, которое могло бы охватить все случаи ее возникновения в дискурсе. Не существует и общепринятой классификации видов иронии. Такое положение дел можно объяснить господством «инструментального» отношения к иронии как к риторическому тропу. Еще одна причина отсутствия согласия среди исследователей – ориентация на описание различий в языковых способах оформления иронии в дискурсе, а не на поиск единых когнитивных и лингвистических «механизмов» создания и понимания иронии в дискурсе. Поскольку объяснительная сила существующих подходов оказывается недостаточной, актуальной становится смена способа описания иронии: вместо ориентации на различия необходимо сосредоточиться на поиске общих свойств, которые позволяют носителям языка объединять различные проявления иронии в единую категорию.

В-третьих, значительная часть исследований иронии по традиции проводится на материале художественных текстов, в которых ирония рассматривается в ряду других литературных приемов [Brooks 1971, Booth 1975, Походня 1989]. Нехудожественные тексты гораздо реже становятся материалом исследований [Ермакова 2010, Bryant 2002, Kotthoff 2003, Eisterhold 2006, Kotthoff 2009]. До настоящего времени устная и компьютерно-опосредованная коммуникация практически не привлекались для исследования иронии. Таким образом, в современной лингвистике существует потребность в создании такой модели вербальной иронии, которая могла бы объяснять следующее: а) какие прагматические условия необходимы для возникновения иронии в дискурсе; б) какие свойства семантической структуры высказывания делают возможной его ироническую интерпретацию; в) какие когнитивные механизмы задействованы в создании и понимании иронии.

ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ОСНОВУ диссертации составили несколько групп научных публикаций. Описание двух модусов коммуникации (серьезного, далее – *bona fide*¹, и несерьезного, далее – *non bona fide*) и разработка

---

¹ *Bona fide* (лат.) – заслуживающий доверия

полипараметрической модели режимов модусов *bona fide* и *non bona fide* осуществлялись с опорой на отечественные и зарубежные работы по анализу дискурса (О.С. Иссерс, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, В.И. Подлесская, К. Ajmer, В. Fraser, К. Fischer, V. Raskin), а также на исследования вербального юмора и иронии (О.П. Ермакова, А.Г. Козинцев, Р. Мартин, В.З. Санников, Г.Г. Слышкин, S. Attardo, К. Barbe, С. Brooks, С. Colebrook, R. Giora, С. Hempelmann, L. Hutcheon, Н. Kotthoff, D.C. Muecke, А. Partington, V. Raskin, D. Sperber, D. Wilson). В диссертации также используются современные работы по лингвистической семантике (Ю.Д. Апресян, Т.А. Гридина, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, М. Ноуе, М. Stubbs), прагматике (В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Р. Grice, J. Verschueren), а также когнитивно-ориентированные исследования, посвященные проблеме смысловой целостности текста (W. Bublitz, S. Coulson, G. Fauconnier, T. Givón, М.А.К. Halliday, К. Hyland). Кроме того, обращение к работам по корпусной лингвистике (В.А. Плунгян, D. Biber, Т. McEnery, J. Sinclair, E. Semino, G. Leech) было продиктовано необходимостью создания собственного корпуса текстов различных жанров.

Данное исследование базируется на ГИПОТЕЗЕ о том, что в основе процессов понимания иронии в дискурсе лежат общие когнитивные механизмы. Эти механизмы позволяют носителям языка распознавать намеренные нарушения смысловой целостности (некогерентность) на различных уровнях дискурса. Потребность в рациональной интерпретации различных видов некогерентности побуждает к поиску дополнительных смыслов; при наличии имплицитно выраженной негативной деонтической оценки (оценки по шкале «данное – должное») и сигналов игрового поведения / притворства говорящего ирония становится одним из высоковероятных вариантов интерпретации сказанного.

Предпринимаемая попытка моделирования иронии как дискурсивной практики определила выбор МАТЕРИАЛА для диссертационного исследования. Для проведения основного исследования был создан корпус

нехудожественных текстов различных жанров. Все тексты были снабжены дискурсивной аннотацией, которая проводилась вручную по специально разработанной схеме. Подробное обсуждение структуры и состава корпуса, а также проблем, связанных с разработкой схемы разметки, представлено во третьей главе диссертации. Для изучения метапрагматической рефлексии носителей русского, английского, немецкого и польского языков привлекались данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru, далее – НКРЯ), The British National Corpus (<http://corpus.byu.edu/bnc/>, далее – BNC), The Corpus of Contemporary American English (<http://corpus.byu.edu/coca/>, далее – COCA), The Corpus of Historical American English (<http://corpus.byu.edu/coha/>, далее – COHA), The Corpus of Global Web-based English (<http://corpus2.byu.edu/glowbe/>, далее – GloWbE), Narodowy Korpus Języka Polskiego (<http://www.nkjp.pl>, далее – NKJP), а также Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (<http://www.dwds.de>, далее – DWDS).

Основными МЕТОДАМИ получения данных для диссертационного исследования служили методы корпусной лингвистики: конкордансы примеров употребления дискурсивных маркеров формировались на базе национальных корпусов русского, английского, немецкого и польского языков. В качестве методов анализа использовались метод семантического анализа, контекстологический метод. При разработке схемы полипараметрического описания режимов коммуникации и описании алгоритма распознавания модуса коммуникации использовался метод моделирования.

НА ЗАЩИТУ ВЫНОСЯТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ:

1. Адекватное описание структуры дискурса невозможно без учета существования двух модусов коммуникации: серьезного (*bona fide*) и несерьезного (*non bona fide*). Понимание высказываний в модусах *bona fide* и *non bona fide* требует различных наборов правил интерпретации. Основное отличие заключается в способе соотнесения высказывания с

действительностью: в то время как модус *bona fide* предполагает соответствие высказывания некоторой ситуации в реальном мире, дискурс в модусе *non bona fide* такого соответствия не имеет. Кроме того, два модуса различаются степенью кооперативности говорящего, наличием элемента игры / притворства в речевых действиях участников дискурса, а также возможностью металингвистического комментирования говорящими собственных речевых действий.

2. Применение методов корпусной лингвистики оказывается продуктивным для изучения иронии несмотря на то, что ирония не «привязана» к определенному языковому уровню и не имеет постоянной языковой формы. Разработанная в ходе исследования схема дискурсивной аннотации текстов позволяет систематизировать стратегии и тактики создания иронии и выделить общие когнитивные, семантические и прагматические свойства иронических высказываний независимо от языковой формы выражения.

3. Описание различных режимов модуса *non bona fide* – юмора, иронии, сарказма, лжи и абсурдного дискурса – нельзя провести по единому основанию. Более сложные с точки зрения семантики и прагматики режимы дискурса в модусе *non bona fide* (ирония, юмор, сарказм) требуют большего количества параметров. Для описания иронии необходимо семь параметров: отсутствие корреляции между высказыванием и ситуацией, необходимость привлечения инференции (формально-логической или вероятностной), игра / притворство говорящего, рациональность действий говорящего, наличие имплицитной деонтической оценки, одновременная апелляция говорящего к эмоциям и разуму адресата, возможность металингвистического комментирования говорящим собственных речевых действий.

4. Возможность использования иронии в различных сферах устной и письменной коммуникации, ее распространенность, а также универсальность когнитивных механизмов, используемых для создания и интерпретации

иронии в дискурсе, позволяют говорить о том, что ирония является *дискурсивной практикой* – принятым в определенном языковом сообществе регулярным способом говорить о чем-либо. Другим важным свойством иронии как дискурсивной практики является ее независимость от сферы коммуникации. Семантической основой иронии является намеренно создаваемое говорящим несоответствие между отдельными элементами высказывания либо между высказыванием и реальной ситуацией.

5. Важным источником информации о статусе иронии в структуре дискурса являются метапрагматические комментарии, с помощью которых эксплицируется ироническая интенция. Основной функцией метапрагматических маркеров модуса коммуникации является функция структурирования дискурса. Остальные функции зависят от той роли, которую играет в дискурсе говорящий. В речи инициатора смены модуса коммуникации метапрагматические маркеры информируют адресата о смене способа понимания высказывания либо корректируют неправильное понимание сказанного. В речи собеседника маркеры выполняют функцию уточнения (обсуждения) модуса либо служат сигналом отказа от переключения в модус коммуникации *non bona fide*. В речи повествователя, наблюдающего за чужой речью, метапрагматические комментарии комментируют речевые действия и задают способ восприятия нарративного текста читателями.

6. Сочетаемость русской лексемы *ирония* и английской лексемы *irony* с прилагательными является источником информации о том, как носители русского и английского языков воспринимают иронию в повседневной коммуникации. Семантический анализ наиболее частотных прилагательных-коллокатов позволяет говорить о том, что для носителей языка принципиально важными оказываются степень легкости / трудности понимания иронии, а также эмоции, которые вызывает ирония у участников коммуникации. Тенденция сочетаться с прилагательными, в семантике которых присутствует негативный коннотативный компонент, позволяет

говорить об отрицательной семантической (дискурсивной) просодии лексемы *ирония / irony*. Это говорит о том, что в дискурсе ирония чаще воспринимается как способ коммуникации, вызывающий негативную эмоциональную реакцию.

7. Прагматический потенциал иронии может быть сведен к двум основным функциям: установлению отношений авторитетности между инициатором иронии, объектом иронии и адресатом высказывания и развлечению адресата / аудитории, при этом первая функция является обязательной, а вторая – факультативной.

8. Основными компонентами когнитивной модели иронического дискурса являются намеренное нарушение смысловой целостности (некогерентность) высказывания или текста, игровое поведение и/или притворство говорящего, а также имплицитно выраженная деонтическая оценка объекта иронии.

9. Понимание иронии – это процесс создания динамической смысловой структуры, который может быть представлен как «сборка», в которой одинаково важными оказываются не только лингвистическое содержание высказывания, но и контекст коммуникации и имеющиеся у участников дискурса знания об окружающем мире. В процессе «сборки» различные смысловые компоненты «приспосабливаются» друг к другу таким образом, чтобы в результате получилась семантически и прагматически целостная когнитивная структура. Нарушения смысловой целостности внутри высказывания или несоответствие высказывания описываемой ситуации служат сигналом наличия скрытого смысла.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА исследования заключается в том, что

– в диссертации впервые обоснована необходимость учета модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* в теоретических и прикладных моделях структуры дискурса и предложены параметры для разграничения различных режимов, выделяемых внутри двух модусов коммуникации;

– впервые для изучения вербальной иронии предложена схема дискурсивной разметки текстов, содержащих иронию, и создан корпус текстов, позволяющий анализировать вербальные, риторические и когнитивные стратегии и тактики создания иронии в дискурсе;

– впервые в отечественной лингвистике предпринимается попытка комплексного описания лингвистических сигналов иронии на языковом, риторическом и когнитивном уровнях;

– впервые источником информации о функционировании иронии в различных сферах коммуникации становится металингвистическая рефлексия носителей различных языков (русского, английского, немецкого, польского);

– в исследовании предлагается динамическая «комбинаторная» модель понимания иронии, в соответствии с которой процесс понимания иронического высказывания представляет собой не анализ, а «сборку» смысловых компонентов на основе коммуникативной ситуации и имеющихся у адресата фоновых знаний.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ заключается в том, что в ней предложен ряд решений, применимых не только к анализу иронии, но и к другим режимам коммуникации модуса *non bona fide*:

– в работе предложена модель дискурса, учитывающая существование двух модусов коммуникации (*bona fide* и *non bona fide*), а также их различных режимов;

– эксплицированы параметры описания этих режимов и выявлены отличия иронии от юмора, сарказма, лжи и абсурдного дискурса;

– обоснована возможность использования методов корпусной лингвистики для исследования дискурсивного явления, не имеющего постоянного языкового способа выражения;

– создана схема дискурсивной разметки текстов, которая позволяет осуществлять аннотацию текстов в специализированном корпусе;

– в работе обосновывается возможность классификации иронии как дискурсивной практики и предложена модель когнитивных механизмов, необходимых для порождения и понимания иронии в дискурсе.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ результатов исследования определяется возможностью использования материалов исследования в практике вузовского преподавания в рамках курсов по лингвистической семантике, стилистике, когнитивной лингвистике, теории дискурса и текста, корпусной лингвистике. Предложенные в работе способы дискурсивной разметки могут быть также использованы для оптимизации работы с текстами различных жанров в корпусных исследованиях.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Результаты работы были представлены на следующих международных конференциях: «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, октябрь 2009 г.), «Информатика: проблемы, методология, технологии: X Международная научно-методическая конференция» (Воронеж, февраль 2010 г.), «Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения» (Воронеж, февраль 2010 г.), IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, март 2010 г.), V Международная конференция Российской Коммуникативной Ассоциации «Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности» (Тверь, сентябрь 2010 г.), «Проблемы лексико-семантической типологии» (Воронеж, октябрь, 2010 г.), «Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В.А. Звегинцева» (Москва, МГУ, октябрь 2010 г.), “Meaning, Context, Cognition – 2011. International Conference” (Łódź, Польша, март 2011 г.), «Проблемы компьютерной лингвистики» (Воронеж, ВГУ, апрель 2011 г.), «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, сентябрь 2011 г.), XII Виноградовские чтения (Москва, МГПУ, ноябрь 2011 г.), X международная конференция «Перевод: язык и культура» (Воронеж, ВГУ, ноябрь 2011 г.), «Информатика: проблемы, методология, технологии: XII Международная

научно-методическая конференция» (Воронеж, ВГУ, февраль 2012 г.), XVI Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, СПбГУ, март 2012 г.), The 14th Conference of the International Association for Dialogue Analysis (Åbo Akademi University, Turku, Finland, апрель 2012 г.), «Жизнь языка в культуре и социуме – 3», (Москва, Институт языкознания РАН, РУДН, апрель 2012 г.), 6th Łódź Symposium “New Developments in Linguistic Pragmatics” (Łódź University, Poland, май 2012 г.), 5-я Международная конференция по когнитивной науке (Балтийский федеральный университет им. Канта, Калининград, июнь 2012 г.), 24th Conference of the International Society for Humor Studies, (пленарный доклад, Krakow, Poland, июнь 2012 г.), VI Международная конференция Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире», (Красноярск, Сибирский федеральный университет, сентябрь 2012 г.), «Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве – 2012» (Ярославль, ЯрГПУ-МГПУ, ноябрь 2012 г.), Linguistic Approaches to Funniness, Amusement and Laughter. 3rd International Symposium: Entertainment Discourse beyond Humour Studies (Łódź, март 2013 г.), «Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы» (Тамбов, апрель 2013 г.), «Информационная структура текстов разных жанров и эпох (Проблемная группа «Логический анализ языка», рук. член-корр. РАН Н.Д. Арутюнова) (Москва, Институт языкознания РАН, май 2013 г.), Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог 2013» (Бекасово, май-июнь 2013 г.), «Проблемы лексико-семантической типологии – 2» (Воронеж, ВГУ, сентябрь 2013 г.), International Conference on Communication Styles (Krosno, Польша, октябрь 2013 г.), V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, март 2014 г.), III Международная конференция «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, МГУ, апрель 2014 г.), VI Международная конференция по когнитивной науке (Балтийский федеральный университет им. Канта, Калининград, июнь 2014 г.), 25th Conference of the International Society for Humor Studies (Утрехт, Нидерланды, июль 2014 г.).

Помимо этого, промежуточные результаты исследования докладывались на ежегодных научных сессиях факультета романо-германской филологии ФГБОУ ВПО «ВГУ» (2009-2014 гг.), а также на заседаниях научного семинара кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения и списка литературы. Список литературы включает 442 источника на русском и иностранных языках, а также список словарей.

Во **введении** определяются цели и задачи работы, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, дается краткая характеристика методов сбора и анализа материала, выдвигается основная гипотеза и формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «История изучения иронии: от античности до современности» представляет собой обзор существующих теорий иронии. Целью обзорного анализа является, с одной стороны, выявление идей, лежащих в основе современных философских, литературоведческих, семиотических и лингвистических теорий иронии. С другой стороны, исторический экскурс необходим, чтобы понять, почему, несмотря на многовековую историю изучения, существующие дефиниции иронии либо не охватывают всего многообразия проявления иронии в дискурсе, либо описывают иронию метафорически, дополнительно размывая границы понятия.

В **главе 2 «Ирония в научной картине мира. Виды и функции иронии»** обсуждаются наиболее популярные классификации иронии, а также проблема выделения прагматических функций, которые ирония выполняет в дискурсе. Как показывает анализ существующих таксономий, их общей проблемой является разрозненность классификационных критериев.

Следствием неоднородности критериев является невозможность однозначной и непротиворечивой классификации некоторых (достаточно многочисленных) случаев иронической коммуникации.

Вопрос о функциональном потенциале иронии является не менее важным, чем проблема выделения видов иронии. Прагматический эффект – это то, что отличает иронию от других режимов модуса *non bona fide*. В данной работе делается попытка показать, что все выделяемое исследователями многообразие функций иронии может быть сведено к двум основным: функции создания отношений авторитетности (доминирования) и функции развлечения адресата / аудитории.

В главе 3 «Корпус текстов как материал для исследования вербальной иронии» представлены состав и структура корпуса нехудожественных текстов на русском и английском языках общим объемом около 2,5 млн. словоупотреблений. Описываются принципы отбора текстов, параметры метаразметки и схема дискурсивной аннотации текстового материала, приводятся примеры реализации различных способов создания иронии в устном, письменном и компьютерно-опосредованном дискурсе.

Основная цель главы 4 «Модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide*» – обсуждение основных свойств двух модусов дискурса. Целью данного этапа исследования являются выделение параметров описания модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide* и разработка полипараметрической модели режимов коммуникации, выделяемых внутри модусов *bona fide* и *non bona fide*.

В главе 5 «Ирония в «наивной» картине мира» объектом исследования становится металингвистическая деятельность носителей русского, английского, немецкого и польского языков. Исследуются способы метапрагматического маркирования модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*, описываются основные функции маркеров двух модусов дискурса. Особое внимание уделяется метапрагматическим комментариям иронии.

Еще один аспект исследования металингвистической деятельности носителей русского и английского языков – изучение оценки иронии носителями русского и английского языков через корпусный анализ сочетаемости лексем *ирония* и *irony*. Анализ адъективной сочетаемости позволяет описывать семантическую просодию этих лексем, а также выявлять основные способы метафорической категоризации иронии.

Глава 6 «Ирония как дискурсивная практика» посвящена обсуждению дискурсивного статуса иронии. В данной главе обосновывается возможность использования понятия *дискурсивной практики* для описания иронии, а также анализируется функционирование иронии в академическом, политическом, компьютерно-опосредованном и устном дискурсе.

В **главе 7 «Модель понимания иронии в дискурсе»** представлена комбинаторная модель понимания иронического высказывания, которая должна объяснять, какие семантические свойства и какие прагматические условия делают возможными обнаружение некогерентности внутри высказывания / текста либо несоответствия между высказыванием и ситуацией и дальнейшую ироническую интерпретацию сказанного.

В этой же главе анализируются различные способы намеренного создания некогерентности, а также обсуждается роль контекста и имеющихся у участников дискурса знаний о мире и представлений о нормальном ходе событий в понимании иронии. Также обсуждается соотношение трех основных компонентов иронии: некогерентности, игры / притворства и имплицитной деонтической оценки.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИРОНИИ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Термин *ирония* относится к так называемым «зонтиковым терминам» – по сложившейся традиции им обозначают различные по своей природе явления: и языковой троп, и особый тип ситуаций (то, что во многих культурах принято называть *иронией судьбы*, *иронией истории* или просто *ситуативной иронией*), и философские идеи, которые высказывались отдельными учеными (здесь традиционно упоминают *иронию Сократа*, *романтическую иронию*, а также *постмодернистскую иронию* как способ отношения к жизни). Всё это позволяет исследователям называть иронию «семантической мешаниной», которая вызывает самые разные ассоциации и порождает разнообразные нюансы интерпретации [Gurewitch 1994].

Очевидная трудность определения иронии заключается в многообразии форм, которые может принимать ирония в дискурсе. Существуют образцы канонической, «прототипической» иронии (один из таких образцов – высказывание «*Чудесная погода!*», произносимое во время ненастья: очевидное и неоспоримое несоответствие между пропозицией высказывания и ситуацией приводит к тому, что едва ли не каждый, кто пишет об иронии, считает своим долгом привести его в качестве примера). В общем случае прототипическая ирония традиционно сводится к антифразису – способу сказать одно, имея в виду нечто противоположное, с целью выражения критической оценки некоторого явления, ситуации или объекта. Примером такой классической иронии является следующий фрагмент записи в LiveJournal:

[1.1] *Мне так и видится забитый и униженный чиновничий класс – эти беззаветно преданные делу труженники, за гроши и днем и ночью пашущие на благо Родины, и совершенно затерроризированные своим*

*неблагодарным народом*² [интернет-коммуникация].

«Замена знака» как способ создания и понимания иронии лежит в основе многих дефиниций иронии. В качестве примера приведем определение, которое предлагает А.Г. Козинцев: «Ироническое высказывание – это метасуждение, модус которого, отрицающий или подвергающий сомнению пропозицию, то есть исходное суждение, заменен *противоположным модусом*, эксплицитно или имплицитно (по умолчанию) подтверждающим это суждение» [Козинцев 2007: 172, курсив мой – К.Ш.]. Приведенная дефиниция является довольно распространенным способом определения иронии. Проблема с таким подходом, однако, заключается в следующем: классический способ определения иронии описывает лишь небольшую долю случаев иронической коммуникации, а именно – тех, где пропозиция высказывания явным образом противоречит положению дел в действительности. Параллельно с классическим антифразисом существует большое количество случаев иронической коммуникации, которые, хотя и не могут быть интерпретированы «от противного», все же оцениваются носителями языка как ирония. Так, в примере [1.2] читатель комментирует новость на сайте региональной газеты:

[1.2] *В Воронеже полицейский УАЗик врезался в автомобиль сотрудников ГИБДД. В ДТП никто из участников не пострадал.*

Комментарий: Интересно, ДТП уже оформили, или все стоят ждут ГИБДД? [http://www.moe-online.ru/news/view/250672.html]

Комментарий в форме вопроса, логическая структура которого в принципе не позволяет ни оценки по критерию истинности / ложности, ни интерпретации «от противного», позволяет его автору надеть маску

---

² Ряд примеров в этой главе и далее – это фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Заимствуя их в качестве иллюстративного материала, мы сознательно сохраняли орфографию и пунктуацию источников, чтобы представить современную интернет-коммуникацию в ее первоизданном, «неотфильтрованном» виде.

«несведущего» и представить неординарную ситуацию как типичную. Заметим, что вопросительная конструкция – один из наиболее частых способов создания иронии, не попадающий, тем не менее, в сферу действия канонического определения.

Еще одна разновидность иронии, которая не поддается описанию в рамках традиционного подхода – так называемая *абсурдная* (сюрреалистическая) ирония, в которой для выражения иронического отношения говорящий использует утверждения, заведомо не имеющие коррелята в реальном мире³ [Karogianni 2011]. Понимание абсурдности высказывания – «... это осознание отсутствия смысла там, где смысл должен быть» [Карасик 2003: 113]. Иллюстрацией абсурдной иронии является пример [1.3] – реакция пользователей интернета на новость о свадьбе А. Смирновой и А. Чубайса:

[1.3] *Подумаешь – Дуня Смирнова. Вот если бы Чубайс ушел к Татьяне Толстой – это была бы Новость.*

Или, вот если бы Путин ушел к Пугачевой. А Галкин бы ушел к Теме Лебедеву. А Джахан Поллыева ушла к Эльвире Набиуллиной. А Никита Михалков статусно ушел бы к Медведеву. А жена Медведева ушла бы к жене Путина, и они бы образовали Тандем. И затоптали бы Навального своими ногами. И вдвоем бы ушли к Стасу Михайлову.

Вот это я понимаю. А так – тоже мне новость. Мелко это все, Хоботов, мелко [интернет-коммуникация].

Наконец, не поддаются интерпретации «от противного» случаи так называемой *правдоподобной* (verisimilar) иронии [Partington 2006, 2007]: пропозиция такого высказывания выражает суждение о некоторой социальной норме, в ситуации, когда эта норма оказывается очевидным

---

³ Ср. точку зрения А.П. Бабушкина, который предлагает описывать некоторые случаи иронических высказываний, очевидным образом не имеющих коррелята в реальности, в терминах возможных миров [Бабушкин 2010].

образом нарушена. В качестве примера правдоподобной иронии А. Партингтон приводит высказывание *I love children who keep their room clean*, произносимое взрослым в ситуации, когда комната ребенка не убрана [Partington 2006: 187]. Очевидно, что такая ирония не может быть интерпретирована как антифразис. Примером правдоподобной иронии в компьютерно-опосредованной коммуникации является фрагмент обсуждения темы знакомства со свекровью:

[1.4]

А (жен) – В субботу иду знакомиться с будущей свекровью (у неё ДР). Немножко волнуюсь. А как у вас прошло знакомство со "второй" мамой?

В (жен) – Первый раз - телефонно, и это было прекрасно, что мы с ней так долго не пересекались. Увиделись воочию благодаря обстоятельствам, года 3,5 уже прошло. Лучше б и не знакомились. Это единственный человек, с которым я принципиально и ни при каких обстоятельствах не буду общаться даже на уровне "здрасьти".

Со второй познакомились, когда отношения между ним и мной были еще чисто дружескими. Всегда сохраняли вежливый нейтралитет, хотя я явно не невестка ее мечты)

Мама бойфренда знает о моем наличии, но без подробностей. Встречаться с ней не предполагаю) Это же понятно, что я ей заведомо не понравлюсь. Тем более, если ее мальчик решит на мне жениться.

С (муж) – удивительная способность женщин еще до знакомства ссориться... :-))) [интернет-коммуникация]

Утверждение «удивительная способность женщин еще до знакомства ссориться...» не может быть интерпретировано «от противного»: вряд ли участник диалога имел в виду, что способность женщин ссориться, не будучи знакомыми, его не удивляет. Тем не менее, соотношение высказывания и ситуации, описанной коммуникантом В, позволяет интерпретировать реплику коммуниканта С как ироническую.

Приведенные фрагменты позволяют сделать вывод о том, что

вербальная ирония является ярким примером нечеткой категории. На размытость ее границ указывают многие исследователи. Так, Дж. Томпсон пишет: «Ирония, по сути, сбивает с толку. Не только ее определения вносят путаницу; она сама вносит путаницу по определению»⁴ [Thompson 2011, здесь и далее пер. мой – К.Ш.] Ср. сходное мнение И.Б. Шатуновского: «То, что называют иронией и к чему применимы характеристики *иронический*, *сказал иронически*, *с иронией* и т.п., представляет собой чрезвычайно обширную и размытую область» [Шатуновский 2007: 340]. Аналогично, описывая многообразие явлений, называемых иронией, Л. Анолли использует метафору семейного сходства – “*the irony family*” [Anolli 2002].

Не только внешняя, формальная, но и семантическая разнородность высказываний, объединяемых термином *ирония*, препятствует четкому, однозначному определению границ этого понятия. Интуитивное ощущение семантической и прагматической сложности иронического дискурса приводит к его метафорическому осмыслению, и тогда ирония определяется как «... ясное сознание вечной подвижности, бесконечно полного хаоса» [Шлегель 1983: 360], «... умение ироника скользить по поверхности...» [Осиновская 2007: 41] или как «...метаязыковая игра, высказывание в квадрате» [Эко 1997: 637]. Такие определения, несмотря на образность, не помогают понять, как именно создается ирония в дискурсе и что позволяет носителям языка обнаруживать иронию в словах собеседника. Кроме того, разнообразие метафор, которые встречаются в работах, посвященных иронии, дополнительно размывает границы обсуждаемого понятия.

Казалось бы, подобная нечеткость не дает никаких шансов на создание такого определения иронии, которое позволяло бы описать все многообразие форм ее проявления. Однако В. Янкелевич пишет: «... если иронию нельзя определить, то присутствие ее от этого не становится менее самоочевидным; нельзя анализировать ее структуру, но можно, несомненно, описать ее

---

⁴ Irony is inherently confusing. Not only are its definitions confusing; it is confusing by definition [Thompson 2011].

движение и «повадки»; короче говоря, мы в состоянии вести *разговор о качественных особенностях*» [Янкелевич 2004: 28].

Чтобы разобраться в сущности тех явлений, которые называют иронией, необходимо проследить, как развивались представления об иронии в европейской культуре. Обращение к истории понятия представляется полезным еще и потому, что многие философские идеи, сформулированные несколько веков назад, оказываются востребованными в современных лингвистических и когнитивных теориях иронии.

На протяжении нескольких столетий ирония занимает особое место в культуре Европы – со времен античности о ней рассуждают философы, культурологи, литературные критики, лингвисты. Описанию того, как формировалось представление об иронии в европейской цивилизации, посвящено немало работ [см., например, Янкелевич 2004, Кнох N. 1961, Кнох D. 1989, Colebrook 2002, Colebrook 2004].

Практика выражения иронического отношения в тексте начала складываться задолго до того, как появился термин *ирония*. По мнению Э. Рейсса, ирония присутствует в текстах самых разных эпох: «Ирония, хотя и не само понятие, наполняет книги Гомера и Ветхий Завет: в разных формах она проникает в греческую трагедию и комедию: «Метаморфозы» Овидия – это, возможно, справочник в большей степени по иронии, чем по мифологии; и самые ранние стихи, написанные на древнеанглийском, наполнены иронией» [Reiss 1981: 210].⁵

Устойчивый интерес к возможностям иронии, к эффектам иронической коммуникации возник во времена античности, когда Сократ с помощью притворного незнания побеждал в спорах своих собеседников. На протяжении веков ирония меняла свой категориальный статус – от

---

⁵Irony, though not the term, fills Homer and the Old Testament: in various forms it permeates Greek tragedy and comedy; Ovid's Metamorphoses is a handbook of irony as well as of mythology, and probably more meaningfully so; and the earliest Old English poems are replete with irony [Reiss 1981: 210].

риторической тактики ведения спора до способа отношения к жизни у романтиков XIX века и постмодернистов XX века.

Отсчет времени осознанного использования термина *ирония* принято начинать с античности. Вплоть до конца XIX века рассуждения о природе и свойствах иронии велись исключительно в рамках философии и риторики. XX век – время формирования первых теорий иронии в этике, теории литературы и лингвистике. Поэтому с этого момента мы отступим от хронологического порядка изложения и будем рассматривать иронию в рамках определенной научной парадигмы. Это позволит нам проследить, как античные представления об иронии трансформировались с течением времени, а также показать конкуренцию теорий, которая стала особенно острой во 2-ой половине XX века.

1.1. Античная ирония

«Древние греки с их созерцательным типом мышления были восхищены многообразием способов использования языка, который они рассматривали как инструмент истины, изобразительно-выразительное средство и как орудие убеждения» [Лассвелл 2006: 264] – такое отношение к языку, которое можно назвать *инструментальным*, по сути, и есть начало традиции категоризации иронии как риторического тропа. Однако далеко не сразу античная ирония получила статус инструмента для «украшения речи».

В комедиях Аристофана встречается слово *εἰρωνεία*, но употребляется оно не в привычном нам значении: поначалу оно обозначает ложь. Однако уже вскоре отношение к иронии трансформируется: античные авторы начинают использовать его для указания на намеренное, легко узнаваемое притворство. Это позволило Г. Властосу предположить, что древнегреческое слово *εἰρωνεία* было так же многозначно, как и современное слово *притворство*, которое может означать и обман, и симуляцию, и игру [Vlastos 1987]. Тем не менее, поначалу, в текстах Аристофана, Теофраста, *εἰρωνεία* имеет ярко выраженную негативную коннотацию: *εἰρων* – это практически оскорбительная характеристика персонажа. Исследователи отмечают, что,

только будучи заимствованным в латынь тремя веками позже, слово *ironia* окончательно теряет отрицательную оценку и звучит совсем по-другому. «Отстиранное и дезодорированное, теперь оно означает высоту учтивости, элегантности и хорошего вкуса...» [Vlastos 1987: 84].⁶

Такой трансформацией значения, по мнению Г. Властоса, мы обязаны Сократу. Неудивительно, что Сократ – персонаж диалогов Платона – обычно упоминается первым в ряду мастеров иронии [Colebrook 2004].

Обращаясь к личности Сократа и его иронии, необходимо сделать две важные оговорки. Во-первых, следует помнить о том, что в истории античности было два Сократа: один – реальный человек, философ, не оставивший после себя никаких записей; второй – Сократ «виртуальный», персонаж античных комедий и диалогов. Даже «Диалоги» Платона представляют нам вымышленный и в значительной степени идеализированный образ философа, образ, который позволяет некоторым исследователям называть Сократа «супер-человеком» [Griswold 2002]. Именно через образ Сократа, который фигурирует в комедии Аристофана «Облака», «Меморабилии» Ксенофона, «Диалогах» Платона, шло формирование античной иронии. Сократ – человек, меняющий маски от лжеца (у Аристофана) до мудреца в роли простака в диалогах Платона. И, хотя исследователи античности спорят, кто из авторов наиболее достоверно передал образ Сократа (об этом см., например, [Dubs 1927]), эти тексты служат сегодня единственными источниками сведений о том, как зарождалась ирония в ее современном понимании.

По мнению исследователей, образ Сократа в античной литературе во многом противоречив. Как странного, загадочного человека характеризует Сократа Г. Властос, отмечая, что в Сократе – персонаже «Облаков» Аристофана – нет ничего, что указывало бы на его склонность к иронии. Нет

---

⁶ Laundered and deodorized, it now betokens the height of urbanity, elegance, and good taste...[Vlastos 1987: 84]

никакого упоминания об иронии и в «Memorabilia» Ксенофона; Сократ-мастер иронии возникает только в «Диалогах» Платона [Vlastos, 1987].

Однако даже в «Диалогах» личность философа «неидентична» самой себе: исследователи обращают внимание на то, что высказывания Сократа в различных диалогах зачастую непоследовательны и противоречивы [Wolfsdorf 2007]. Тем не менее, эта непоследовательность трактуется исследователями античности либо как проявление иронии, либо как педагогическое стремление разрушить догмы и подвести собеседника к новому знанию.

В европейской культуре Сократ стал известен как родоначальник иронии благодаря римлянам – Цицерону и Квинтилиану, которые, рассуждая об иронии, в своих трудах адресовали читателя к образу философа. Что именно заставило древнеримских ораторов считать Сократа первооткрывателем иронии в ее традиционном понимании?

Первое упоминание об иронии Сократа встречается у Аристотеля [Лосев 1969, Gooch 1987], и это упоминание тесно связано с понятием притворства. Ирония проявляется через притворную, нарочитую неосведомленность. Цель такого поведения – заманить собеседника в «ловушку», продемонстрировать его невежество, подвергнуть сомнению истинность общеизвестных понятий, утверждений и догм.

Позднее Ф. Шлегель так писал об иронии Сократа: «Сократовская ирония – единственное вполне произвольное и вместе с тем вполне обдуманное притворство. Одинаково невозможно как измыслить ее искусственно, так и изменить ей... В ней все должно быть шуткой и все всерьез, все чистосердечно откровенным и все глубоко сокрытым...» [Шлегель 1983: 286].

Рассуждения о сократовой иронии усложняются тем обстоятельством, что сам Сократ – персонаж диалогов Платона, – никогда не называл ни собственный метод рассуждения, ни свою манеру ведения диалога *иронией*. Не предлагая ни определения, ни теории иронии, он демонстрировал ее

своим поведением: это не обман или простое притворство, но точка зрения, позиция.

Ирония Сократа возникает в результате столкновения двух подходов к понятиям истины и истинности: софистского и сократовского. С одной стороны, Сократ говорит правду, утверждая, что он ничего не знает: действительно, в отличие от собеседников, он не обладает абсолютными истинами, готовыми определениями тех понятий, о которых идет спор: *«Задай ты свой вопрос кому хочешь из здешних жителей, любой бы засмеялся и сказал: «Счастливым ты, видно, считаешь меня, чужестранец, если думаешь, будто я знаю, можно ли выучиться добродетели, или же она достигается иным способом. А я не только не знаю, можно ей выучиться или нельзя, но и вообще не ведаю, что такое добродетель».* И со мной, Менон, точно так же: здесь я делю нужду моих сограждан и упрекаю себя в том, что вообще знать не знаю, что же такое добродетель» [Платон 1998]. С другой стороны, занимаемая Сократом позиция простака – это способ подвергнуть сомнению готовое знание собеседника, утверждения, считающиеся абсолютными истинами.

Сомнение лежит в основе иронии Сократа; на это обстоятельство указывает С. Кьеркегор: «В наше время много говорится о значении сомнения для науки; а ирония для частной жизни является тем, чем сомнение – для науки. И поэтому подобно тому, как ученые утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии» [Кьеркегор 1993: 186].

Сократ задает вопросы собеседникам не потому, что не знает ответа; напротив, своей внешней наивностью он ставит в тупик того, кто изначально претендовал на обладание истинным знанием. Ирония и притворное незнание возникают только тогда, когда Сократ говорит о моральных ценностях. Ирония Сократа – это, по сути, своеобразный педагогический прием, с помощью которого можно показать, что утверждения и идеи, представляющиеся очевидными, на самом деле таковыми не являются.

Представленная в «Диалогах» Платона риторическая манера древнегреческого философа оказалась настолько значимой для европейской культуры, что в современных словарях ей посвящены отдельные словарные статьи. Например, The Oxford English Dictionary определяет иронию Сократа следующим образом:

Socratic irony – ignorance assumed in order to entice others into making statements that can then be challenged⁷.

Не все исследователи античности считают, что ирония Сократа – это способ достижения истины. Иную трактовку речевого поведения философа предлагает А. Ниамас: ирония – это не столько риторический прием, сколько тактика демонстрации своей исключительности через знание, недоступное другим. Именно поэтому такая ирония всегда воспринимается с подозрением. А. Ниамас полагает, что в ранних диалогах Платона Сократ считает иронию разновидностью хвастовства и предвосхищает подозрительное отношение к себе со стороны собеседников. Ирония – это средство дистанцирования говорящего от адресата, демонстрация собственного превосходства над собеседником [Nehamas 1998]. Эту точку зрения подтверждают те фрагменты «Диалогов», где манера речи Сократа получает явно негативную оценку со стороны собеседников. Например, в диалоге «Государство» один из собеседников Сократа – Фрасимах – упрекает философа за любовь к иронии:

Услышав это, Фрасимах усмехнулся весьма сардонически и сказал:

– О Геракл! Вот она обычная ирония Сократа! Я уж и здесь всем заранее говорил, что ты не пожелаешь отвечать, прикинешься простачком и станешь делать все что угодно, только бы увернуться от ответа, если кто тебя спросит [Платон 1998. «Государство»].

---

⁷ Сократова ирония – притворное незнание, побуждающее других делать утверждения, которые можно оспорить.

Упрек Фрасимаха, адресованный Сократу, – это обвинение в неискренности, в привычке говорить не то, что он думает. Кроме того, Фрасимах дает понять, что тактика Сократа уже не вводит собеседника в заблуждение своей наивностью и простотой. Становится понятно и раздражение Фрасимаха: разгадав тактику Сократа, софист также понимает, что Сократ с помощью иронии демонстрирует свое превосходство: называя Фрасимаха умным, на самом деле Сократ оценивает его прямо противоположным образом. Ирония позволяет Сократу продемонстрировать, что он все же знает нечто такое, чего те, с кем он ведет беседы, знать недостойны. Таким образом, Сократова ирония не имеет однозначной интерпретации: с одной стороны, это уже не ложь, с другой – это речевые действия, позволяющие философу через притворство каждый раз возвышаться над собеседниками, демонстрируя собственное интеллектуальное превосходство.

Независимо от интерпретации и оценки поведения Сократа современные исследователи сходятся во мнении о том, что «Диалоги» Платона сыграли важнейшую роль в дальнейшем становлении понятия иронии. И философы эпохи Возрождения, и немецкие романтики XIX века, и представители постмодернизма так или иначе обращались к фигуре Сократа, пытаясь объяснить его противоречивое поведение, за маской несведущего угадать истинное намерение философа. По мнению некоторых исследователей, коммуникативная тактика Сократа стала не только педагогическим приемом, но и методом философских рассуждений [Баллаева 1996].

Аристотель был одним из первых античных авторов, в чьих трудах отношение к иронии постепенно начинает сдвигаться в положительную сторону. Ирония описывается в «Риторике» и «Никомаховой этике», причем в «Риторике» ирония изначально упоминается в ряду речевых действий, которые могут вызывать гнев и раздражение собеседника: «[Сердимся мы] и на тех, кто не благодарит нас, потому что в [этом случае] пренебрежение

противно приличию, а также на тех, кто иронизирует, когда мы говорим серьезно, так как ирония включает в себе нечто презрительное, и на тех, кто, благотворя другим, не благотворит нам, потому что не удостаивать человека тем, чем удостаиваешь других, значит презирать его» [Аристотель. «Риторика». Кн. II. Гл. IX].

В рассуждениях Аристотеля ирония последовательно ассоциируется с притворством говорящего. Так, в «Никомаховой этике» Аристотель выстраивает ряд *хвастовство – правда – ирония*: «Итак, что касается правды (to alethes), то пусть, кто держится середины (ho mesos), называется, так сказать, правдивым (alethes), обладание серединой – правдивостью (alatheia), а извращения [истины] в сторону преувеличения – хвастовством (aladzoneia) и его носитель – хвастуном (aladzon), а в сторону умаления – притворством (eironeia) и (его носитель) – притворой (eironeia)» [Аристотель 1997]. Из двух вариантов отклонения от правды для Аристотеля более предпочтителен ироник: в отличие от хвастуна, он притворяется и отклоняется от правды не с целью личной выгоды, а для того, чтобы избежать излишней помпезности (τὸ δὲ κηρόν) [Gooch 1987].

Такое противопоставление правды, с одной стороны, хвастовству, а с другой – иронии, показывает, что ирония не является грехом, но также далека она и от добродетельного поведения. Иронические недомолвки прочно ассоциируются с притворством и противоречат античному идеалу правдивости и искренности.

Определение иронии как способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное (*contrarium ei quoddicitur intelligendum est*), традиционно приписывают древнеримскому оратору Марку Фабию Квинтилиану. В своих рассуждениях об иронии древнеримский оратор опирался на труды Платона и Аристотеля.

Квинтилиан различал иронию как риторическую фигуру (локальную иронию) и иронию как свойство речи, целого текста, отдельной личности. Можно сказать, что в таком противопоставлении уже заложены основные

подходы к иронии: риторический и философский (мировоззренческий). В «Наставлениях оратору» (*Institutio oratoria*) Квинтилиан писал об иронии следующее:

Eironeian inveni qui dissimulationem vocaret: quo nomine quia parum totius huius figurae vires videntur ostendi, nimirum sicut in plerisque erimus Graeca appellatione contenti. Igitur eironeia quae est schema ab illa quae est tropos genere ipso nihil admodum distat (in utroque enim contrarium ei quod dicitur intellegendum est), species vero prudentius intuenti diversas esse facile est deprehendere [Quintilian. 1854. “De Institution Oratoria” IX.2.XLIV]⁸.

Предложенная Квинтилианом дефиниция иронии как риторического инструмента прошла проверку временем; сегодня именно она считается классической. Заложённая Квинтилианом традиция определения иронии как антифразиса оказалась настолько сильной, что и современные словарные дефиниции единодушно фиксируют внимание читателя только на случаях прототипической иронии, т.е. такой, которая интерпретируется «от противоположного»:

ИРОНИЯ [греческое *eironeia* – притворство] – явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, к-рый в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством. [Литературная энциклопедия, Т.4: 572]

---

⁸ Слѣдуетъ *Иронія*. Ее называютъ нѣкоторые *Притворствомъ*, *Dissimulatio*. Но какъ слово *сiе* не означаетъ, кажется, всей силы и пространства фигуры, то и удовольствуемся здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, Греческимъ наименованиемъ. Итакъ *Иронія*, какъ фигура, отъ *Ироніи* тропа, по роду своему не много разнится: ибо въ той и другой должно разумѣть противоположное тому, что говоримъ. Но разсмотрѣвъ внимательнѣе виды, увидимъ легко, что онѣ различны между собою [Квинтилиан 1834: 137].

Ирония (от греч. εἰρωνεία, букв. – притворство) – троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики [Русский язык 1997].

Irony – language which expresses a meaning other than that literary conveyed by the words, usually for humorous or dramatic effect [Crystal 1999: 170].

Irony – the expression of one's meaning by using language that normally signifies the opposite, typically for humorous or emphatic effect [The Oxford English Dictionary].

i-ro-ny

1.

a. The use of words to express something different from and often opposite to their literal meaning.

b. An expression or utterance marked by a deliberate contrast between apparent and intended meaning.

c. A literary style employing such contrasts for humorous or rhetorical effect. See synonyms at **wit**. [The American Heritage Dictionary]

Iro·nie *die (kein Plur.)*

1. der Vorgang, dass jmd. auf indirekte Weise seinen Spott zum Ausdruck bringt, indem er das Gegenteil dessen sagt, was er meint [<http://de.thefreedictionary.com/Ironie>].

Ironia

Zamierzona sprzeczność między na pozór aprobującym sensem wypowiedzi a ukrytą w niej złośliwością, drwiną lub szyderstwem [Wielki słownik języka polskiego <http://www.wsjp.pl/>].

Очевидно, что приведенные определения охватывают только случаи «прототипической» иронии, однако для понимания современных теорий иронии рассуждения Квинтилиана важны еще в одном отношении: именно в

трудах Квинтилиана термин *ирония* становится многозначным. Древнеримский ритор различал иронию как определенное речевое действие и иронию как способ отношения к жизни [Colebrook 2004].

Античная культура заложила основания современного отношения к иронии. Представления древнегреческих и древнеримских философов об иронии компактно обобщил Э. Лапп:

- сказанное противоположно тому, что имеется в виду;
- то, что говорится, не совпадает с тем, что на самом деле думает говорящий;
- критика выражается через ложную похвалу, а похвала – через ложную критику;
- ирония – это способ представить нечто в нелепом виде, подвергнуть осмеянию. [Lapp 2007: 24].

Дальнейшая история существования понятия *иронии* в европейской культуре связана в первую очередь с литературно-философской традицией; исследователи иронии строят свои рассуждения на основе художественных текстов, поскольку именно в них ироническая интенция автора наиболее очевидна (ср. радикальное мнение К. Брукса о том, что ирония может быть приравнена ко всей литературе [Brooks 1948; Brooks 1951]). В центре внимания оказываются причины, по которым говорящие выбирают иронию, критерии узнаваемости иронии, определение сигналов, свидетельствующих об иронической интенции автора [Kotthoff 2003].

1.2. Средневековая ирония

Существуют различные точки зрения относительно того, в какой мере эпоха Средневековья позволяла человеку быть ироничным. Традиция сократовой иронии как способа ведения диалога была практически неизвестна этому времени: остроумие и насмешливая манера говорить, свойственные Сократу, изредка упоминались средневековыми авторами, но не ассоциировались с иронией. Следует отметить, что для средневековых

философов ирония представляла гораздо меньший интерес по сравнению с метафорой и аллегорией [Кнох 1989].

В. Янкелевич писал о невозможности иронии в Средние века, считая, что мораль этой эпохи не позволяла проявлений притворства и несерьезности [Янкелевич 2004]. Что же касается тех исследователей, которые придерживаются иной точки зрения и считают, что средневековая литературная традиция вполне допускала возможность выражения иронического отношения, то они расходятся во мнении относительно того, какую роль играла ирония в средневековой культуре Европы.

С одной стороны, в Средние века использование иронии было ограничено сферой риторического мастерства, поэтому можно сказать, что эта эпоха – время однозначной трактовки понятия *ирония*. Риторическая традиция Средневековья опиралась на каноническое определение иронии как антифразиса. Насколько сильна была эта традиция, можно судить по определениям иронии, предложенным Донатом (*tropus per contrarium quod conatur ostendens*) и Исидором Севильским (*Ironia est sententia per pronuntiationem contrarium habens intellectum*) [цит. по Green 1979: 4]. Объясняя суть иронии, Исидор Севильский обращает внимание и на притворство говорящего («этот троп делается посредством остроумия или посредством обвинения, или посредством насмешки» [Севильский 2006: 56]), и на те свойства иронии, которые сегодня мы бы назвали ее прагматическими характеристиками: «*Ирония* (*ironia*) – это когда посредством притворства умом стремятся не к тому, о чем говорят. Бывает же это, или когда мы хвалим то, что [на самом деле] хотим порицать, или порицаем то, что хотим похвалить» [Севильский 2006: 87]. Таким образом, для энциклопедистов и грамматиков Средневековья ирония было характерным отношением к иронии как к инструменту целенаправленного риторического воздействия.

С другой стороны, некоторые исследователи полагают, что и в Средние века можно обнаружить иронию не только в виде риторического тропа, но и как способ отношения к жизни (как следствие господства христианской

морали). Средневековый художник неизбежно ироничен, поскольку пытается имитировать божественное творение и одновременно понимает собственное несовершенство, тщетность попыток достичь божественного уровня. Вербальное выражение иронии в тексте (например, в произведениях Чосера) трактуется как проявление иронического мировоззрения эпохи [Reiss 1981].

Заметим, что такая точка зрения – это результат современной интерпретации средневековых текстов. Вопрос о том, воспринимали ли сами авторы ситуацию противоречия между безграничным божественным началом и ограниченностью человеческих возможностей как ироническую, остается открытым.

1.3. Ирония в эпоху Возрождения

Если в Средние века упоминания имени Сократа (особенно в связи с его иронической манерой ведения спора) были исключительной редкостью, то в эпоху Ренессанса именно Сократ становится той фигурой, через которую античное понятие иронии возвращается в европейскую культуру. Переводы «Диалогов» Платона на латынь прочно ассоциировали иронию с именем Сократа.

В трактатах философов эпохи Возрождения, с одной стороны, происходит полный отказ от античной традиции понимания иронии как лживого притворства. С другой стороны, культурной константой продолжает оставаться средневековая трактовка иронии как риторического тропа (например, Петр Рамус по важности отводил иронии второе место после метафоры), с той только разницей, что к риторическому пониманию вновь добавилась ирония как манера ведения диалога. Она ассоциировалась с иронией – риторическим приемом, при этом различалась ирония тонкая (именно такая ирония называлась сократовой и оценивалась как достоинство) и ирония агрессивная. Таким образом, уже в эпоху Возрождения ирония получает полярные оценки риториков и философов: например, Эразм советовал

священникам использовать иронию в проповедях в умеренных количествах, а не постоянно, как это делал Сократ.

Хотя тонкая ирония считалась проявлением остроумия и оценивалась скорее как достоинство, она все же затрудняла интерпретацию античных текстов. «Диалоги» Платона по ясности изложения уступали трактатам Аристотеля: ирония позволяла Сократу скрывать свою точку зрения, и это, по мнению авторов эпохи Возрождения, делало «Диалоги» трудными для однозначного понимания.

Еще одной характерной чертой отношения к иронии как в Средние века, так и в эпоху Возрождения является отсутствие попыток классификаций видов иронии. Скорее всего, это связано с господством вполне однозначной риторической трактовки этого понятия. Единственным исключением можно считать логический подход рамистов, которые опирались на предложенную Аристотелем классификацию противоположностей и выделяли разновидности иронии, основанные на различии, противоположности, противоречии понятий.

1.4. Ирония в эпоху Просвещения

Дж. Свифт и Вольтер – два имени, которые принято называть, когда пишут о сатире, сарказме и иронии эпохи Просвещения.

В произведениях Вольтера ирония используется в первую очередь для привлечения внимания читателей к острым социальным проблемам. Объектом иронии становится именно социальная «слепота» и лицемерие тех, кто по долгу службы должен служить примером добродетели. Таким образом, ирония эпохи Просвещения – это в первую очередь инструмент нравственного воздействия на читателя.

«Сказка бочки», «Скромное предложение» и «Путешествия Гулливера» – произведения Свифта, в которых наиболее отчетливо выражено ироническое отношение писателя к окружающему миру. Исследователи творчества Свифта рассматривают его иронию и сатиру в связи с

политическими особенностями эпохи и взглядами самого писателя [Tamura 2003]. Поэтому литературоведческий анализ произведений Свифта обычно содержит ссылки на исторические обстоятельства их написания. Литературоведы сходятся во мнении о том, что «Путешествия Гулливера» – это реакция Свифта на ключевые идеи того времени. Рационализм, увлечение логикой, законами правильного мышления, которые проявлялись, например, в строгом следовании закону непротиворечия (никакое высказывание не может быть одновременно истинным и ложным) в «Путешествиях Гулливера» доводятся до абсурда. Свифт критикует логику и рационализм, голосом разумного, рационально мыслящего Гулливера – и в этом современные читатели видят авторскую иронию [Colebrook 2004].

«Скромное предложение» – текст, построенный на приеме абсурда. Объектом авторской иронии является повествователь, чьи логические рассуждения идут вразрез с социальными ценностями и моральными нормами. Разрыв между ними показывает серьезность, остроту проблемы, о которой пишет Свифт: слепое стремление к экономическому прогрессу любой ценой приводит к многочисленным социальным конфликтам. Ирония Свифта позднее получила статус литературного приема, с помощью которого автор может выражать собственное критическое отношение к описываемой ситуации. Именно такой «абсурдной» иронии посвящена статья в литературной энциклопедии, где в качестве дефиниции предлагается следующее описание:

ИРОНИЯ – явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, к-рый в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством [Дынник 1930, т.4, стр. 571].

Абсурдная ирония выделяется и современными исследователями, поскольку она отличается от других способов иронизирования несколькими

свойствами: во-первых, она легче распознается, во-вторых, она практически всегда производит комический эффект, в-третьих, она наименее зависима от контекста [Karogianni 2011]. К абсурдной иронии прибегают и сегодня при обсуждении острых социальных вопросов: одним из примеров являются записи в Твиттере виртуального персонажа «Перзидента Роисси»:

[1.5] *Чтобы удвоить подушевой ВВП, нам потребуется вдвое сократить население* [<http://twitter.com/#!/KermlinRussia>].

1.5. Ирония в эпоху Романтизма

В исследованиях, посвященных иронии, термином *романтическая ирония* обозначают прежде всего идеи немецких романтиков. Культура романтизма – время, когда ирония вновь обретает категориальный статус. Новая волна интереса к иронии связана в первую очередь с Йенским кружком, объединявшим братьев Шлегелей, Людвига Тика, Карла Зольгера и Новалиса.

Э. Белер называет точную дату – 1797 год, – когда в одном из фрагментов Фридрих Шлегель пишет: «Философия – это подлинная родина иронии, которую можно было бы назвать логической красотой» [Шлегель 1983: 282; Behler 1990: 73]. Теоретическое осмысление иронии становится частью общей концепции литературного творчества немецких романтиков. «*Знаком дистанции* между несовершенством и неполнотой объективированного замысла и совершенством идеального мира художника-гения является *ирония*. Она позволяла художнику быть свободным по отношению к тому, что он создал» [Пивоев 2000: 22].

И романтическая ирония, и ирония эпохи античности основаны на воспринимаемых несовершенствах и противоречиях внешнего мира [Mellor 1980]. В то же время это весьма различные способы отношения к миру. Отличие иронии эпохи романтизма от античной иронии заключается в закрытости, таинственности романтиков. Тайна постоянно сопутствует иронии, и поэтому романтическая ирония индивидуалистична, опирается на

внутренний мир художника, в то время как античная ирония направлена вовне, на другого. И еще одно различие между ирониями двух эпох: «Сократическая ирония оспаривала только пользу и достоверность науки о природе, романтическая же ирония в начале XX в. оспаривала само существование природы» [Янкелевич 2004: 11].

Ф. Шлегель определял иронию через понятие парадоксальности: «Ирония есть форма парадоксального. Парадоксально все, что одновременно хорошее и значительное» [Шлегель 1983: 283]. Парадоксальность мира, по мнению Шлегеля, можно постигнуть только через двойственное отношение, каким и является ирония.

Таким образом, романтическая ирония – это уже не просто риторический инструмент или стилистический приём, но способ философского отношения к миру и проявления творческой субъективности художника [Mellor 1980]. «Понятие романтической иронии, разработанное Фридрихом Шлегелем, предполагает победоносное освобождение гениального я от всех норм и ценностей, от своих собственных объективации и порождений, непрерывное «преодолевание» своей ограниченности, игровое вознесение над собой самим. Ироничность есть знак полной произвольности любого состояния духа...» [Бахтин 1979: 387]. Субъективность как основное, ведущее свойство иронии выделял и С. Кьеркегор [Кьеркегор 1993].

По мнению К. Коулбрук, немецкие романтики ближе всех подошли к созданию теории иронии, поскольку в риторических тропах романтики видели не просто словесные инструменты, но способы описания окружающего мира [Colebrook 2004].

1.6. Ирония в XX веке

Вплоть до начала XX века ирония была предметом обсуждения преимущественно в философских трактатах, учебниках риторики и художественных произведениях. XX век стал временем формирования сразу нескольких целостных теорий иронии. Всплеск интереса к иронии легко

объясним: в XX веке резко изменилась социальная структура общества, увеличилась скорость распространения информации, появились новые сферы коммуникации. Именно в это время ирония выходит за пределы художественных текстов и распространяется на повседневную коммуникацию. К концу XX – началу XXI вв. ирония стала возможной не только в сфере массовой коммуникации, но и в политическом дискурсе, академической коммуникации, компьютерно-опосредованном общении. В результате классическое понимание вербальной иронии как риторического тропа, интерпретируемого путем «замены знака», оказалось слишком узким – на этот факт обращает внимание большинство исследователей. Возможно, именно сомнение в правильности классической трактовки вызвало новую волну интереса к ироническому дискурсу: в итоге практически каждая отрасль гуманитарного знания предложила свой вариант теоретического осмысления иронии.

Важным следствием всплеска исследовательского интереса стало расширение границ самого понятия *ирония*; кроме того, XX век предложил принципиально иные возможности интерпретации текстов в ироническом ключе. В качестве примера приведем мнение К. Барб: «Странные вещи происходят, когда изучаешь иронию. Кажется, чем больше я работаю с иронией, тем больше ее я вижу. Иногда практически все вокруг кажется ироничным. Время нашего собственного неведения (кажется, что прошлое часто идет рука об руку с неведением) делает всю нашу жизнь ироничной – отсюда классическая ирония судьбы. Поэтому многие произведения реинтерпретируются как ироничные, потому что теперь мы видим несоответствия там, где изначально их могло и не быть» [Barbe 1995: 12]. Ярким примером такой реинтерпретации является ироническое прочтение священных текстов: смысл Священного Писания, взаимоотношения между Богом и героями Библии теперь интерпретируются сквозь призму иронии, роль которой видится исследователям в бесконечном усложнении понимания священного текста [Sharp 2009].

Отправной точкой в обзоре современных теорий будут философские размышления о сути этого явления, поскольку именно они в значительной степени задают тон современным лингвистическим, литературоведческим и когнитивным подходам к иронии.

1.6.1. Философские концепции иронии

Эпоха романтизма подготовила почву для иронического мировосприятия – именно такой статус получила ирония в философии и искусстве XX века. Ирония занимает особое место в культурно-философской традиции постмодернизма: это в первую очередь способ отношения к окружающему миру, к истории, к тексту. Если любой текст потенциально многозначен, значит, он допускает не только серьезное, но также и ироническое прочтение. Потенциальная ирония в любом тексте – это следствие отказа от тезиса о том, что «... язык при правильном его использовании способен рассказать правду о реальности» [Харт 2006: 32].

Ирония становится одним из ключевых понятий культуры эпохи постмодерна, ее мировоззренческой доминантой. В этом смысле постмодернизм идет вслед за немецкими романтиками, придавая иронии особый статус способа мировосприятия.

Энциклопедический словарь «Постмодернизм» посвящает иронии отдельную словарную статью, делая акцент на иронии как неотъемлемом и почти обязательном свойстве текста: любой текст может быть прочитан иронически. Более того, ирония становится технологией, способом двойного кодирования реальности: с одной стороны, иронический текст высмеивает существующую реальность, с другой – оставляет возможность для ее изменения [Постмодернизм 2001].

Границы иронии раздвигаются, поскольку для ее создания теперь привлекаются самые разные знаковые системы – архитектура, фотография, музыка [Gerstel 1999, Zank 2009]. Однако наиболее характерный для постмодерна иронический способ восприятия мира по-прежнему основан на

использовании языка: вербальный дискурс продолжает оставаться основной «площадкой» для создания иронии. Р. Рорти в книге «Случайность, ирония и солидарность» основным критерием ироничности называет умение сомневаться в *собственном словаре*: «Я буду называть «ироником» того, кто удовлетворяет трем условиям: (1) он всегда радикально и беспрестанно сомневается в конечном словаре, которым он пользуется в настоящее время, потому что на него уже произвели впечатление другие словари, словари, которые принимались за окончательные людьми или книгами, с которыми он столкнулся; (2) он признает, что аргумент, выраженный в его сегодняшнем словаре, не может ни подтвердить, ни разрешить этих сомнений; (3) поскольку он философствует о своей ситуации, он не думает, что его словарь гораздо ближе к реальности чем другие, или что он находится в соприкосновении с силой, отличной от него самого. Ироники, имеющие склонность к философии полагают, что выбор между словарями совершается не внутри нейтрального и универсального метасловаря, не через усилия пробиться через явления к реальности, а просто в разыгрывании нового против старого» [Рорти 1996: 102-103]. Фактически для Рорти индивид – это прежде всего продукт языковой деятельности, точнее, результат использования определенного словаря. Поэтому ироник «всегда озабочен возможностью того, что он был принят в члены не того племени, что был научен играть не в ту языковую игру. Он обеспокоен, что процесс социализации, сделавший из него человеческое существо, передав ему язык, наделил его может быть не тем языком и обратил его тем самым в человеческое существо не того рода» [Рорти 1996: 104].

Обратим внимание на то, что ироническое использование языка – это разновидность игры. В постмодернистской трактовке игра как элемент иронии не ограничивается языком, затрагивает не только выбор слов, но в значительной степени определяет поведение человека в целом. Так, У. Эко считает иронию игрой, позволяющей переосмыслить то, что было сказано ранее. Постмодернистская ирония-игра не требует знания правил: «...можно

участвовать в игре, даже не понимая ее, воспринимая ее совершенно серьезно. В этом отличительное свойство (но и коварство) иронического творчества. Кто-нибудь всегда воспримет иронический дискурс как серьезный» [Эко 1997: 637]. Игра в иронию становится способом существования: «Ироническое поведение действительно походит на какую-то неведомую болезнь. Вот лишь некоторые из ее симптомов, которые были подробно описаны выше. Ироник:

- говорит чужими голосами или вовсе молчит,
- недееспособен,
- впадает в детство (его, как ребенка, больше всего занимает игра),
- ведет себя странно, «чужаковато»,
- воображает себя другими людьми,
- социально опасен: ему неведома общественная мораль» [Осиновская 2007: 89].

Ирония – это способ связать язык и реальность и одновременно разделить их. Поэтому для понимания постмодернистской трактовки иронии оказывается важным понятие интерпретации. Для лингвистического исследования вербальной иронии это означает необходимость уделять внимание роли адресата в понимании иронии. Интерпретация субъективна, следовательно, у адресата есть возможность выбора способа понимания текста (модуса интерпретации) – серьезного или игрового.

Постмодернистская ирония имеет речевую основу, причем речевая деятельность ироника – это проверка языка «на прочность», своеобразный лингвистический эксперимент, в котором аномалия занимает место нормы: «Постмодернизм, сменивший разные формы «поэтики девиаций», вынужден расшатывать наиболее глубинные и стабильные конвенции литературы (например, условие непротиворечивости фактов). Другим его ресурсом является стилизация – условное возвращение к «чужой» поэтике, делающее из нее игру и объект иронии» [Арутюнова 1987а: 17]. Ирония становится возможной благодаря безграничной свободе языковой игры,

интертекстуальности, особому вниманию к уровню метакоммуникации.

В рамках постмодернистской философии были высказаны и другие идеи, оказавшие влияние на современные лингвистические трактовки вербальной иронии. Это, например, идеи о полифоничности иронического текста (в лингвистической трактовке эта идея реализуется в теориях иронии, в рамках которых понимание иронии описывается через сосуществование и одновременное противопоставление буквального и имплицитного смысла высказывания), об интертекстуальной природе иронического высказывания (в лингвистической интерпретации наиболее ярко это свойство иронии используется в теории иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон, обзор которой представлен ниже).

1.6.2. Ирония в этике

Поскольку ирония – это способ имплицитной трансляции системы общественных ценностей, в рамках этики она рассматривается как аксиологическая категория. «Ирония – это отклонение от нормального, она сама отклоняется от того, что считает нормальным, истинным, реальным, скрывается от него в противопоставленном ему ненормальном, недействительном, нереальном, чтобы агрессивно ринуться на него, разоблачая, вскрывая, срывая покровы» [Паси 1980: 61]. Все, что противоречит норме, на шкале ценностей получает отрицательную оценку и, тем самым, достойно осмеяния.

Аксиологический статус иронии отличается двойственностью: с одной стороны, как способ выражения критической оценки ситуации или явления ирония является отражением существующих в социуме ценностных установок, общественных норм. С другой стороны, поскольку ирония позволяет говорящему ощутить собственное превосходство, она отражает субъективную точку зрения. Если мировоззрение говорящего противоречит общественным ценностям (как это произошло с Сократом), ирония становится сигналом конфликта между индивидом и социумом: «субъект

иронии убежден в справедливости и общезначимости своего представления об «идеале», с позиций которого он оценивает объект, и, значит, должен отвечать за свою оценку, однако он кодирует, шифрует, прячет свою оценку, скрывает за внешним значением, хотя и намекает на внутреннее, скрытое, противоположное отношение, то есть как бы пытается уйти от ответственности» [Пивоев 2000: 94].

Ирония описывается в рамках этики как весьма своеобразный способ вынесения оценочных суждений. Именно это обстоятельство объединяет этический анализ с лингвистическими подходами. Например, ценностная составляющая иронического дискурса лежит в основе одной из наиболее популярных лингвистических теорий иронии – теории иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон. Точкой отсчета в рассуждениях Спербера и Уилсон является идея о том, что любое ироническое высказывание так или иначе апеллирует к нашему знанию об определенных социальных нормах и ценностях. Ирония возникает как результат несоответствия между этим знанием и пропозицией высказывания.

Осмысление иронии как этической универсалии снова связано с использованием языка, поэтому в рамках этики ирония определяется как «... возможность играть, летать по воздуху, жонглировать содержанием, отрицая его или пересоздавая» [Янкелевич 2004, с.12], как «... возможность, средство, отношение, образ искусства, особенность мышления» [Паси 1980: 60-61]. Очевидно, что в таких определениях преобладает образная составляющая, которая, с одной стороны, свидетельствует о важности осмысления иронии как аксиологической категории, но с другой стороны, никак не способствует уяснению сути этого явления.

1.6.3. Ирония в художественном тексте: литературоведческий анализ

Литературоведение – это та область, где иронии традиционно уделяется повышенное внимание. Критики и теоретики литературы

анализируют иронию в самых разных жанрах, в творчестве авторов, принадлежащих различным эпохам и направлениям [Mudrick 1968, Brooks 1948, Карраньюс 2000, Бахтин 1979, Балашов 2006, Вишневский 2007, Гаспаров 1996, Дмитриев 1980, Лимарева 1997, Пьеге-Гро 2008]. В качестве исследовательского материала могут привлекаться как несколько текстов одного автора [Балашов 2006, Самыгина 2013, Heller 1981, Silver 2001], так и отдельно взятые тексты, будь то стихотворение [Louw 1993], драматическое произведение или так называемый иронический детектив [Купина 2009].

Две трактовки иронии – риторико-стилистическая и мировоззренческая – четко прослеживаются в литературоведческих работах. В зависимости от того, какой точки зрения придерживается исследователь, меняется и способ метафорического описания иронии. Ирония как мировоззрение – это стекло, через которое человек смотрит на мир. Игра – обязательный компонент, основа иронии – становится единственным способом взаимодействия с миром. При таком подходе ключевыми становятся понятия *отношения автора, маски, притворства и отстраненности*. Писатель, подобно актерам, притворяется, надевает маску, отстраняясь от собственного текста.

Метафорическое описание иронии подчеркивает важность эмоциональной составляющей в ироническом мировосприятии: «Ирония – это преломленный опыт...» [Костюков 2003]; «Ирония вообще имеет цену и смысл, если она рождается из горечи, если она оплачена сочувствием, иначе она становится холодным и разрушительным цинизмом, который всегда прав, как безусловный инстинкт» [Губайловский 2003].

Несмотря на то, что в теории литературы ирония – уже не просто троп, теперь она получает статус художественного (стилистического) приема, – литературоведческий анализ является еще одним примером инструментального отношения к иронии: она по-прежнему описывается как готовый, объективно существующий объект. Писатель или поэт может «взять» иронию как вещь, применить ее в тексте для достижения самых разных эффектов. Ирония-инструмент может выполнять различные функции:

например, у Дж. Остин – это защита от строгих социальных норм [Mudrick 1968, Moses 2003], а для современных авторов ирония становится способом развлечь читателя (здесь уместно вспомнить о жанре иронического детектива, см., например, [Mesropova 2006, Купина 2009]).

Обратим внимание на еще один важный факт: в литературоведческом анализе была заложена традиция рассмотрения иронии в рамках категории *комического* [Пропп 1997]. Результатом этого стало отождествление иронии с юмором, сатирой, пародией либо отнесение иронии к жанру комического [Воркачев 2003], что также не добавляет терминологической ясности и ведет к дальнейшему размыванию границ понятия.

1.6.4. Семиотический анализ иронии

Выше мы уже упоминали о том, что XX век – время окончательного укрепления иронии в статусе способа мировосприятия. Возможности для выражения иронического отношения к событиям и явлениям окружающего мира значительно расширяются за счет того, что в ироническую коммуникацию вовлекаются самые разные знаковые системы. Становится возможной ироническая интерпретация не только текстов, но и явлений моды [Duarte 2013], искусства кулинарии [Svejenova 2007], музыкальных произведений, фотографий, скульптур и архитектурных сооружений [Longyear 1970, Hutcheon 1995, Gerstel 1999, Sheinberg 2000, Butler 2002, Scott 2004, Zank 2009]. Для анализа иронии, не связанной с использованием естественного языка, привлекаются методы семиотического анализа, поскольку семиотика – это наука о том, как люди создают значения и обмениваются ими [Leeds-Hurwitz 1993].

Значительно обобщая, можно сказать, что ирония в искусстве возникает в том случае, если имеет место намеренное совмещение двух несовместимых (но не обязательно противоречащих друг другу) знаков внутри единого художественного образа. Цель такого совмещения – через необычную комбинацию элементов образа выразить собственное

критическое отношение к тому объекту, с которым этот художественный образ ассоциируется. В результате такого «экспериментального» использования знаков в несвойственных им контекстах и сочетаниях связь формы и содержания оказывается непрочной, нестабильной даже в тех областях творчества, где традиционно соотношение плана выражения и плана содержания сомнению не подвергалась (см., например, рассуждения о западноевропейской постмодернистской архитектуре в [Butler 2002]).

Вовлечение различных знаковых систем в иронический дискурс делает возможной интерпретацию иронии в терминах традиционной для семиотики триады «семантика – синтактика – прагматика». Более того, семиотический критерий может быть использован для классификации иронии: разновидности иронии могут в таком случае выделяться в зависимости от знаковой системы, с помощью которой создается ирония. В семиотической таксономии вербальная ирония должна быть противопоставлена иронии изобразительной (об иронии в фотографии см., например, статью [Scott 2004]). Можно говорить и об иронии в музыке: исследователи европейской музыкальной традиции предлагают варианты иронической интерпретации многих классических произведений. В качестве примера музыкальной иронии Л. Хатчеон упоминает творчество Р. Вагнера [Hutcheon 1995], а С. Занк анализирует творчество М. Равеля как пример музыкальной иронии. Ирония в музыке французского композитора-импрессиониста возникает в результате сочетания контрапункта, оркестровки, влияния восточных мотивов на западноевропейскую музыку, а также интересом композитора к мульти-сенсорному восприятию [Zank 2009].

Для произведений архитектуры, живописи, кино, фотографии XX-го века эпитет *ироничный* является положительной оценкой. Наличие иронии в художественном произведении указывает на несоответствие музыкального или зрительного образа ожиданиям, которые есть у зрителя [Scott 2004].

Теперь, когда ирония может воплощаться не только в языковой форме, но и с помощью других нежестких знаковых систем (фотография,

скульптура, музыка, кино, дизайн), представляется спорным утверждение о том, что «... ирония жить без языка не может» [Карасик 2007: 434].

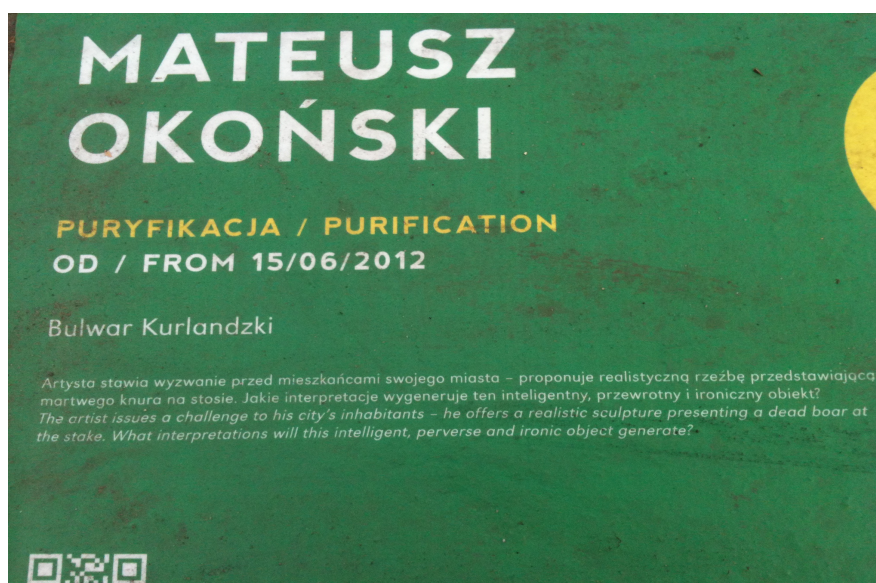
В качестве примера визуальной иронии приведем две фотографии⁹: на первой – фигура белой свиньи, лежащей на костре. Автор инсталляции с характерным названием «Очищение» – польский художник Матеуш Оконьский. Скульптура была выставлена в рамках фестиваля “Grolsch Artboom Festival” в г. Кракове на реке Висла в 2012 году:

Рис 1. Mateusz Okoński. Puryfikacja

Инсталляция сопровождается надписью на тротуаре набережной:

Рис 2. Комментарий к скульптуре

⁹ Обе фотографии сделаны автором в г. Кракове в июле 2012 г.

Комментарий информирует зрителей о том, что автор скульптуры «бросает вызов жителям города: он представляет реалистическую скульптуру мертвой свиньи, зажаренной на костре. Какие ассоциации вызывает это интеллектуальный, отвратительный и *ироничный объект?*» [перевод и курсив мой – К.Ш.]. Очевидно, такая характеристика объекта указывает на потенциальную неоднозначность интерпретации образа. Кроме того, поскольку ирония всегда связана с риском непонимания, организаторы выставки предупреждают зрителей о необходимости «небуквального» восприятия экспоната.

XX век – это время, когда для создания иронии используются не только разные по своей природе знаковые системы, но и задействуются различные каналы восприятия. Ироническая интерпретация информации об объектах и их свойствах приводит, например, к таким описаниям:

[1.6] *«Этот сине-рыжий флакон в духе поп-арта сразу бросается в глаза в «Л'Этуаль». Новая версия Pop аромата Solo Loewe – мужественная, энергичная, но еще и ироничная. А ирония – в парадоксальности нот. Они вроде бы и свежие, но с перчинкой, а дальше вроде бы мужественные, массивные, но на самом деле это абсолют лаванды – самый, пожалуй, уютный и домашний запах»* [Time Out Москва №16 / 26 апреля – 2 мая 2010 г.].

Описание запаха через понятие иронии основано на противоречии порождаемых ассоциаций. Однако не только аромат может быть ироничным. Даже цвет стен в современном интерьере может стать источником иронии:

[1.7] *The living room needs a new coat of paint, perhaps a fresh start for both of you. But what about something different this time? No more off-white. Maybe a color that is bold and creative, but also educated, witty and ironic* [<http://www.nytimes.com/2011/10/20/garden/eve-ashcraft-the-paint-doctor-is-in.html>].

«Семиотические эксперименты» с различными по своей природе знаковыми системами показывают, насколько гибкой является связь между формой и содержанием знака. Возможность иронической коммуникации – это доказательство того, что соотношение двух сторон знака (в том числе и языкового) – означающего и означаемого – отличается высокой степенью нестабильности, зависит от непосредственного контекста общения и более общих культурных сценариев. В рамках семиотического подхода к иронии мы сталкиваемся с уже знакомой трактовкой иронии как игры с языковыми знаками [Козинцев 2007]. Нетривиальное соотношение формы и содержания иронического музыкального или визуального произведения становится основным объектом семиотического описания.

Анализируя соотношение между двумя сторонами языкового знака с точки зрения грамматики, С.Д. Кацнельсон писал: «Асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место многослойной структуре с рядом промежуточных образований» [Кацнельсон 1972: 15]. Представляется, что это утверждение применимо и к анализу семиотической стороны коммуникации: ирония может рассматриваться как результат именно такого усложнения.

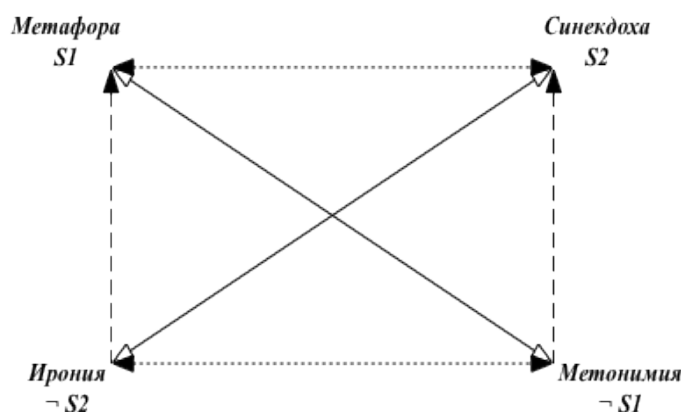
Семиотика унаследовала риторическую традицию рассмотрения вербальной иронии в ряду других тропов. Объяснением этому служит тот факт, что в основе тропеического использования языка лежат сходные семантические процессы. Один из таких процессов описывает Ю.М. Лотман: «Пара взаимно несопоставимых значимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности, образует семантический троп» [Лотман 2001: 178].

На рубеже XVII-XVIII вв. Дж. Вико выделил четыре базовых тропа: метафору, метонимию, синекдоху и иронию. [Вико 1994, Marshall 2010]. В XX веке К. Берк использовал идею Вико для описания четырех тропов с точки зрения возможности их использования для выражения «истины»

[Burke 1941, Burke 1966]. «Мы будем обсуждать этот мимолетный момент, когда не только граница между прямым и переносным употреблением сдвигается, но и четыре тропа переходят друг в друга. Дайте человеку один из них, прикажите использовать все его возможности, и, если он будет достаточно тщателен, он натолкнется на три других»¹⁰ [Burke 1941: 421].

Отношения между базовыми тропами моделируются как различные по своей природе бинарные противопоставления [Chandler 2007]. Ирония включается в отношения с другими тропами, которые образуют так называемый семиотический квадрат А. Греймаса:

Рис.3. Риторические тропы в семиотическом квадрате

Семиотический квадрат – пример «внетекстовой» модели иронии, в которой устанавливаются логические отношения трех типов: противоположность, противоречие и импликация. Ирония оказывается в отношениях импликации с метафорой, в отношениях противоположности с метонимией и в отношениях противоречия с синекдохой [Chandler 2007].

¹⁰ It is an evanescent moment that we shall deal with – for not only does the dividing line between the figurative and literal usages shift, but also the four tropes shade into one another. Give a man but one of them, tell him to exploit its possibilities, and if he is thorough in doing so, he will come upon the other three” [Burke 1941: 421]

Что касается «внутритекстового» семиотического анализа вербальной иронии, то в нем особая роль отводится противопоставлению ролей автора и читателя. Соответственно, и ирония может анализироваться как с авторской, так и с читательской позиции. Подход к иронии с позиции читателя опирается на понятие интерпретации: читатель имеет возможность интерпретировать текст как иронический, если сталкивается с какими-либо неразрешимыми противоречиями или несоответствиями [Culler 1981].

Примером приложения классического семиотического анализа к художественному тексту является работа Л. Хатчеон и С. Батлер “The Literary Semiotics of Verbal Irony: The Example of Joyce's 'The Boarding House'” [Hutcheon 1981].

По мнению Л. Хатчеон и С. Батлер, объектами иронии Джойса являются религиозные и финансовые ценности, а также взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Ирония возникает как результат одновременной актуализации нескольких значений слова в контексте (задача читателя – разгадать эту многозначность). Например, слово *boarding* ассоциируется не только с жильем, сдаваемым внаем, но и с посадкой на корабль, а также с интимными отношениями (жаргонное значение этого слова – *совокупляться*). Лексические повторы в различных контекстах (религиозном, финансовом, интимном) – это и есть примеры метаязыкового «упоминания», сигналы авторской иронии.

Анализируя текст произведения с точки зрения его синтаксических характеристик, Л. Хатчеон и С. Батлер обнаруживают немало синтаксических параллелей, которые Джойс использует в описании персонажей. По сути, это также примеры вторичного использования, «упоминания», т.е. фактически и на синтаксическом уровне писатель создает многократные интратекстуальные связи, которые также можно отнести к сигналам авторской иронии.

Что касается прагматического аспекта, то в качестве исходной функции авторской иронии рассматривается насмешка над противоречиями между

системами ценностей, носителями которых выступают герои произведения Джойса.

Семиотический анализ иронии, представленный в работе Л. Хатчеон и С. Батлер, делает особый акцент на полифоническом характере повествования. Кроме того, исследователи принимают во внимание то, что в художественном тексте ирония возникает не на уровне слова или отдельного предложения, а на значительно более сложном уровне – уровне текста. Для выявления текстовых сигналов авторской иронии Л. Хатчеон и С. Батлер привлекают теорию иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон: разнообразные повторы в тексте выполняют, по сути, метазнаковую функцию и могут считаться завуалированными сигналами иронии.

Семиотический анализ текста Джойса подводит авторов статьи к двум выводам: во-первых, ирония в художественном тексте не может быть сведена к антифразису. Во-вторых, языковые способы создания иронии сосредоточены не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне: в произведении Джойса значительную роль играют дейктические средства, эллипсис, а также синтаксический параллелизм.

Таким образом, терминология семиотики является удобным инструментом для описания иронии, выражаемой с помощью различных знаковых систем. Применительно к вербальной иронии, среди достоинств семиотического подхода необходимо отметить выход за пределы уровня слова или отдельного высказывания.

Нетрудно заметить, что в семиотическом анализе иронического текста помимо собственно семиотических идей активно используется литературоведческая и лингвистическая терминология. Кроме того, теоретической моделью для семиотического анализа, предложенного Л. Хатчеон и С. Батлер, служит лингвопрагматическая теория иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон. Эти сходства позволяют говорить о том, что в случае с вербальной иронией семиотический анализ не предлагает новых

методов описания иронии; скорее, он представляет собой попытку оптимизации лингвистических и текстологических подходов.

1.6.5. Лингвистические теории иронии

Лингвистика 2-ой половины XX столетия стала своеобразным «полигоном», на котором «проходят испытания» сразу несколько теорий вербальной иронии. Сосуществование, либо, в отдельных случаях, открытая конкуренция теорий (например, теории иронии-как-эха и теории иронии как притворства – см. [Wilson 2006]) – характерная черта лингвистического осмысления иронии в течение трех последних десятилетий. Среди существующих моделей нельзя выделить доминирующую, но можно сопоставить имеющиеся концепции с точки зрения их универсальности и объяснительной силы.

Почему лингвисты снова обратили внимание на явление, о котором, казалось бы, известно уже все или почти все? Новый всплеск интереса к иронии связан с развитием лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики, а также с появлением компьютерной лингвистики. Прагматические и когнитивные исследования не могли обойти стороной проблему скрытых смыслов во всех ее проявлениях [Баранов 2007, Стернин 2011]. С другой стороны, попытки формализации диалога на естественном языке показали, какую важную роль играют различные формы не прямой коммуникации и насколько малоизученной является эта сторона человеческого общения.

Общие тенденции в моделировании вербальной иронии таковы: с одной стороны, во многих отношениях современные лингвистические теории являются «прямыми потомками» идей, высказанных ещё античными философами. Так, по-прежнему сильна классическая традиция инструментально-вещного отношения к иронии [Feller 2007]. Ирония – это в первую очередь способ украсить речь, а также готовый языковой «инструмент», с помощью которого говорящий может достичь определенной

цели (ср., например, определение иронии как «... a rhetorical device characterized by its versatility...»¹¹ в работе [Moneva 2002: 60]). Такая трактовка иронии возможна в рамках традиционной информационно-кодовой (трансляционной, линейной) модели коммуникации. Отсюда вытекает и общая черта многих исследований, посвященных иронии: они концентрируют свое внимание на том, ЧТО происходит в тексте, но практически не объясняют, КАК достигается иронический эффект.

С другой стороны, многие теории в качестве отправной точки для рассуждений используют мысль о недостаточности инструментальной трактовки; исследователи указывают на то, что отнесение иронии к разряду тропов и ее интерпретация «от противного» не охватывает все случаи иронической коммуникации. Еще одной характерной чертой современных лингвистических исследований иронии является опора на эмпирические данные. Постепенно происходит переход от теоретических рассуждений к работе с информантами: для моделирования процессов понимания иронии все чаще исследователи прибегают к экспериментальным методикам [Воробьева 2007, Giora 1999, 2003, 2011, Utsumi 2004, Filik 2010, Campbell 2012, Kowatch 2013].

Лингвистические теории и модели вербальной иронии стремятся ответить на несколько вопросов:

- как соотносятся прямое и переносное значения иронического высказывания (это противопоставление может быть терминологически обозначено как «*что сказано vs. что имеется в виду*»);
- как скрытый смысл отражается в структуре высказывания;
- какие элементы текста и ситуации общения помогают адресату обнаруживать и интерпретировать ироническую интенцию говорящего;
- каков механизм обнаружения и понимания иронии: осуществляется ли обработка прямого и переносного смысла высказывания последовательно или параллельно [Utsumi 2000].

---

¹¹ ... риторический инструмент, характеризующийся изменчивостью...

Эти вопросы были впервые сформулированы в рамках прагматического подхода к вербальной иронии. Поэтому отправной точкой в обзоре лингвистических теорий будут идеи Г.П. Грайса, философа и логика, чья модель коммуникации легла в основу нового направления исследований в лингвистике 2-ой половины XX века.

1.6.5.1. Ирония в Стандартной прагматической модели П. Грайса

В истории изучения иронии логико-прагматический подход П. Грайса занимает особое место: фактически, это первый шаг к переосмыслению статуса вербальной иронии. Прагматическая концепция Грайса интересна в первую очередь переключением с классической кодовой модели коммуникации на инференциальный подход: в центре внимания оказываются процессы формирования и распознавания коммуникативных интенций говорящего. В рамках этой модели основной целью общения провозглашается не передача информации, а демонстрация интенций говорящего, которые могут быть поняты в контексте определенной ситуации [Дементьев 2006].

Кратко остановимся на тех понятиях и положениях теории П. Грайса, которые играют важную роль в исследованиях вербальной иронии.

В основе теории, получившей название *Стандартной прагматической модели коммуникации*, лежит широко обсуждаемый в лингвистической литературе Принцип Кооперации ([Grice 1975], кроме того, подробный анализ этого принципа см., например, в [Dyrel 2009]). Другим ключевым понятием теории Грайса является рациональное поведение говорящего – именно рациональность коммуникативных действий лежит в основе кооперативного поведения. Иллюстрацией рациональности в коммуникации может служить модифицированный Грайсом принцип бритвы Оккама: *смыслы не должны умножаться без необходимости*¹² [Grice 1989: 45].

---

¹² I would like to propose for acceptance a principle which I might call Modified Occam's Razor, *Senses are not to be multiplied beyond necessity* [Grice 1989: 45].

На первый взгляд ирония не может считаться кооперативным и рациональным поведением, поскольку значение высказывания и значение говорящего не совпадают; кроме того, происходит невыполнение (flouting) Максимум кооперативного общения. Однако, если отказаться от ставшей традиционной идеализации¹³ Принципа Кооперации, и принять другую точку зрения, согласно которой в основе человеческого взаимодействия лежат «мягкие» предпочтения, а не жесткие требования [Veale 2012], то можно увидеть, что ирония не противоречит этому принципу и может считаться вариантом рационального и кооперативного коммуникативного поведения.

Для описания не прямых способов коммуникации в концепции Грайса принципиальным является различие значения высказывания (sentence meaning) и значения говорящего (utterer's meaning в терминологии Грайса или speaker meaning в работах его последователей): несовпадение значения высказывания и значения говорящего является источником импликатур, понимание которых базируется на инференции.

Скрытые смыслы и способы их обнаружения стали темой многих лингвистических исследований последних десятилетий. Определение границ между эксплицитным и имплицитным способами передачи информации, типы возможных импликатур и особенности их функционирование в речевых актах активно обсуждаются в работах [Дементьев 2006, Демьянков 1989, Демьянков 2006, Дорошенко 1989, Attardo 2001, Bach 1994, Bach 2001, Bara 1999, Carston 2002, Cutting 2006, Dynel 2009, Gee 2006, Haverkate 1990, Horn 1999, Juez 1995, Renkema 2004, Sperber 2004, Wilson 2007]. Ср. характерное рассуждение В.З. Демьянкова: «Когда говорят об имплицитности, имеют в виду, что говорящий чего-то «недовложил» в свою речь, которую, тем не менее, адресат способен понять и «доинтерпретировать» (часто имея полное

---

¹³ Идеализация проявляется прежде всего в выводе о том, что невыполнение Максимум ведет к прекращению действия Принципа Кооперации. На самом деле даже в тех случаях, когда нарушается не одна, а несколько Максимум, Принцип Кооперации все равно действует.

право потребовать от собеседника «отстоя и долива» речи)» [Демьянков 2005, с.36].

Наличие импликатур – одно из рациональных объяснений того, как носители языка понимают имплицитные смыслы, в том числе и иронию. В рамках стандартной прагматической модели коммуникации [Grice 1975, Searle 1979] считается, что в нормальных условиях общения (т.е. при соблюдении всех максимум Принципа Кооперации) понимание ограничивается прямым, буквальным значением, но если это значение вступает в конфликт с контекстом, то адресат «отбрасывает» его и ищет в сказанном скрытый, переносный смысл. Таким образом, для понимания высказывания адресат должен обладать метакоммуникативной компетенцией распознавания значения (т.е. истинных интенций) говорящего на основе сказанного. Понимание буквального и скрытого значения представляется как последовательные стадии процесса обработки значения высказывания.

Грайс был одним из первых, кто сделал попытку объяснить суть вербальной иронии как особого способа реализации имплицитного значения говорящего, опираясь на рациональные прагматические критерии. Для объяснения факта существования иронической коммуникации Грайс использовал понятие конверсационной импликатуры, т.е. невыраженного содержания, которое может быть восстановлено путем инференции на основе сказанного. В теории Грайса ирония – это разновидность конверсационной импликатуры, когда не само высказывание означает нечто противоположное, а *говорящий намеренно имплицитует*, т.е. имеет в виду нечто противоположное сказанному.

Важными свойствами конверсационных импликатур (в том числе и иронии) являются зависимость от контекста, а также возможность «аннулирования» интенции при изменении ситуации общения. Говорящий может отрицать наличие иронии в высказывании, если по каким-либо причинам ее распознавание адресатом становится невыгодным для говорящего. Следующий пример является иллюстрацией того, как участники

коммуникации обсуждают «режим интерпретации» одного из утверждений, коммуникант [B] настаивает на серьезной, неиронической интерпретации его слов:

[1.8]

[A] *Через десять лет будет социализм / и тогда все это само собой будет / я вас правильно поняла?*

[B] *Конечно.*

[A] ***Вы не иронизируете / вы серьезно это говорите?***

[B] ***Я серьезно это говорю / там не нужно будет сержантов / профессионалов переводить / там не нужно будет.*** [НКРЯ]

Как уже было упомянуто, несоответствия между значением высказывания и значением говорящего являются следствием нарушения (flouting) одной или нескольких Максим. По мнению Грайса, ирония является случаем намеренного нарушения Максимы Качества. Грайс раскрывал суть этой Максимы в двух конкретных постулатах: «Не говорит того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [Грайс 1985: 222-223]. Имплицируемое в результате нарушения максимы качества значение может быть выведено говорящим путем инференции – логического вывода. И здесь Грайс оказывается «в плену» традиционного понимания иронии, поскольку в качестве механизма вывода импликации предлагает «замену знака». Приведенные ниже примеры хорошо иллюстрируют случаи, когда ирония является следствием намеренного отклонения от максимы качества. В обоих примерах сообщаемая собеседникам информация является ложной, поскольку авторы высказываний оценивают ситуацию прямо противоположным образом. Фраза *Такое удовольствие вас читать!* указывает на то, что тексты собеседника не вызывают положительных эмоций, а номинация *управленцы широкого профиля* указывает на некомпетентность чиновников (см. также ставший классическим анализ высказывания *X is a fine friend* в [Grice 1975]):

[1.9] *Вы пишете, пишете побольше! Такое удовольствие вас читать!*
[интернет-коммуникация]

[1.10] *Минобр разрешил им называться вузами и выдавать дипломы государственного образца – вот и пусть бы Минобр проверил их соответствие выданным лицензиям, да лишние бы и поотбирал. Но нет. Это хлопотно, скучно, да и много в чем разбираться надо, а в Минобре-то все больше управленцы широкого профиля.* [А. Привалов. «Высшее учебное запустение». «Коммерсантъ Weekend» № 49 от 21.12.2012. С.34]

Хотя понятие имплицатуры и смещает акцент с текста на говорящего, теорию Грайса все же нельзя считать радикальным отказом от классического понимания иронии как риторического тропа: во-первых, ирония по-прежнему стоит в одном ряду с метафорой, метонимией и гиперболой. Все эти явления трактуются достаточно однородно: как намеренные нарушения той или иной максимы Принципа Кооперации. Во-вторых, понимание иронии в теории Грайса по-прежнему сводится к «замене знака».

Все более поздние теории вербальной иронии так или иначе опираются на положения теории Грайса [Padilla García 2010], либо развивая и уточняя ее положения, либо дискутируя с ней. Развитие концепции Грайса ее сторонниками связано с выявлением тех случаев, когда ирония возникает в результате нарушения не только максимы качества, но и всех остальных максим Принципа Кооперации [Juez 1995]. Критики Грайса отмечают, что его теория не объясняет, каковы причины использования иронии в дискурсе [Sperber 1981]. Еще одно «слабое место» теории Грайса – отсутствие объяснения, почему адресат должен интерпретировать ироническое высказывание «от противного», а не как ложь [Baga 1999].

Отметим еще один недостаток теории Грайса – ее упор исключительно на рациональность действий говорящего: поскольку понятие конверсационной имплицатуры характеризует рациональные действия участников дискурса, практически без внимания остается эмоциональная составляющая вербальной иронии, хотя именно эмоции являются стимулом к

ироническому модусу коммуникации. Эмоциональная реакция повышает значимость ситуации для говорящего и может стать «спусковым крючком» для иронии.

1.6.5.2. Теория иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон

Теория иронии-как-эха (The Echoic Theory of Irony), предложенная Д. Спербером и Д. Уилсон в качестве альтернативы точке зрения П. Грайса, является одной из наиболее популярных и широко цитируемых концепций в западной лингвистике. Отмечая слабые стороны прагматической концепции Грайса, авторы выстраивают свою теорию на основе более общей Теории релевантности, которая предлагает ответ на вопрос, почему в определенных ситуациях говорящий может предпочитать не прямые способы коммуникации, в том числе иронию, прямым [Sperber 1995, Carston 2002, Wilson 2006, Wilson 2007, Yus 2010, Wilson 2012].

Статья “Irony and the Use-Mention Distinction” [Sperber 1981] – одна из первых публикаций Д. Спербера и Д. Уилсон, посвященных вербальной иронии. По сути, эта работа – прямая полемика с теорией Грайса. В первую очередь сомнению подвергается возможность применения понятия *импликатура* к анализу иронии: «Очевидно, что говорящий может иногда хотеть сообщить нечто отличное от буквального смысла высказывания. Когда он хочет сообщить нечто **ВДОБАВОК** к буквальному смыслу, понятие конврсационной импликации оказывается релевантным. Оно не представляет проблемы для теории разрешения многозначности; напротив, оно играет важную роль в этой теории. Если бы переносное значение могло быть проанализировано в терминах конврсационных импликаций, как предложил Грайс, снятие многозначности было бы достаточно простым. Однако, в случае переносного значения, говорящий обычно хочет сообщить нечто **ВМЕСТО** буквального значения высказывания; импликатура должна **ЗАМЕЩАТЬ** буквальный смысл. Идея о том, что импликатура может противоречить буквальному смыслу высказывания – как это происходило бы

в случае с иронией – не согласуется с основным утверждением Грайса о том, что импликатуры действуют как предпосылка в рассуждениях о том, что говорящий соблюдал максимы общения, произнося высказывание. Из этого следует, что интерпретация иронических высказываний не может быть сведена к поиску конврсационных импликатур без того, чтобы в значительной степени исказить само понятие импликатуры. Грайсу не удастся интегрировать интерпретацию переносных значений в его прагматическую теорию» [Sperber 1981: 299 – К.Ш.].

Заметим, что проблема существования двух способов понимания скрытых смыслов является предметом дискуссий в лингвистической прагматике. Чтобы развести два разных случая имплицитности (наличие дополнительного смысла vs. замену значения высказывания), К. Бах вводит понятие *конврсационной имплицитуры* (conversational implicature) в противовес грайсовской конврсационной имплицатуре [Bach 1994].

Развитие теории иронии-как-эха в последующих публикациях как самих авторов, так и их последователей [Curcó 1985, Sperber 1998, Livnat 2004, Zhao 2011] происходило в соответствии с основными положениями теории релевантности. На современном этапе существования этой теории релевантность трактуется как основной когнитивный принцип, который лежит в основе человеческого общения: именно он регулирует процессы понимания, переходы от значения высказывания к значению говорящего в ситуациях непрямо́й коммуникации [Wilson 2012].

Теория Д. Спербера и Д. Уилсон получила название «иронии-как-эха», поскольку в ее основе лежит идея о том, что любое ироническое высказывание, по сути, является отголоском, упоминанием того, что было сказано ранее. При таком подходе ключевым становится противопоставление *языка и метаязыка*: принципиально различаются высказывания, в которых говорящий выражает свои идеи и чувства (такие высказывания могут быть оценены с точки зрения их истинности или ложности), и высказывания, которые выполняют функцию отсылки к тому, что было сказано кем-либо

ранее. Высказывания-отсылки не могут быть оценены с точки зрения истинности / ложности, поскольку они функционируют как сигналы знания, общего для участников коммуникации.

Уилсон и Спербер определяют иронию как способ *метакоммуникации*; она возникает как эхо (отсюда и название теории), в результате вторичного (т.е. металингвистического) упоминания того, что уже было сказано ранее. При этом говорящий дистанцируется от упоминаемого высказывания, подчеркивает свое негативное отношение к нему. В теории иронии-как-эха не делается принципиального различия между прямым и переносным значением иронического высказывания; любое высказывание может быть понято либо в своем буквальном значении, либо как метаязыковое эхо-упоминание того, что было сказано ранее. Следовательно, понимание иронии не должно принципиально отличаться от понимания высказывания, иронию не содержащего.

Интерпретация высказывания в этой теории находится в максимальной зависимости от контекста: ирония позволяет говорящему достигать максимального эффекта, только если адресат опирается на контекст и предыдущий коммуникативный опыт.

Теория иронии-как-эха перекликается с бахтинской идеей многоголосия [Shilikhina 2013], с популярным в отечественной лингвистике понятием прецедентного текста [Проскурина 2004], интертекстуальности [Шилихина 2008], а также с эстетическим представлением об иронии как зеркальном отражении: «Ирония предлагает нам зеркало, где свободно отразится наше сознание, или, говоря иначе, она посылает человеку эхо, являющееся отзвуком его собственного голоса» [Янкелевич 2004: 26].

Среди достоинств теории иронии-как-эха следует отметить ее «семиотическую» универсальность: она применяется не только к текстам, но и к иронии, созданной визуальными средствами [Scott 2004]. Кроме того, по сравнению с традиционным отношением к иронии как скрытому отрицанию теория Спербера и Уилсона лучше объясняет и такие случаи, когда ирония

возникает не в результате «замены знака», а благодаря тому, что известное участникам дискурса высказывание помещается в новый контекст:

[1.11] *На 2010 год в РФ действует 3,066 диссертационных советов что, как бе, больше чем число 4-year institutions в США (2,774). В каждом совете должно быть не менее 5 докторов (не кандидатов) наук. Ну ладно, пусть некоторые из них заседают в более чем одном совете (стахановцы, блин). Но все равно, должно быть минимум тысяч эдак 10 докторов, научная элита. Внимание вопрос, если в стране есть такая прорва докторов, то где огромная масса публикаций этих докторов (ну не в вестнике Урюпинского заборостроительного, а в индексируемых изданиях)? А то закрадывается предательское подозрение что **какие-то неправильные это пче.. доктора, которые делают неправильный мёд?** [интернет-коммуникация]*

Приведенный фрагмент может быть интерпретирован как иронический, если читатель знаком с положением дел в отечественной науке, с одной стороны, и с высказыванием, произнесенным сказочным персонажем, с другой стороны:

[1.12] *Это неправильные пчёлы! И они, наверное, делают неправильный мёд!* [А.Милн. «Винни-Пух и все-все-все». Пер. Б. Заходера]

Обе фразы, «изъятые» из исходных контекстов и помещенные в новое окружение – классический пример иронического эхо-упоминания. Такое мета-употребление чужих слов позволяет говорящему дистанцироваться от сказанного ранее; при этом текущая ситуация имплицитно сравнивается с двумя другими ситуациями, и в результате между тремя контекстами возникают отношения интертекстуальности.

Установление межтекстовых связей можно считать одним из приемов создания иронии. Пример [1.13] – запись в ЖивомЖурнале, посвященная критике качества работы Почты России – хорошо иллюстрирует случаи

намеренного совмещения несовместимых, противоречащих друг другу контекстов:

[1.13] *Идем на рекорд. Вчера (7 февраля) в Питер наконец-то пришла одна из моих отосланных 9 декабря открыток. Всего-то без двух дней два месяца. Открытка была новогодняя, да. Ну, хорошо, что не пришла к 8 марта. Или к 1 мая. Все-таки успела еще зимой. Это хороший результат, я считаю!* [интернет-коммуникация]

Текст записи сопровождается следующей иллюстрацией (рис.4):

Рис. 4. Почта России: И пусть весь мир подождет!

Фраза «И пусть весь мир подождет» известна как часть рекламного слогана молочного десерта «Даниссимо». Благодаря телевизионной рекламе употребление десерта ассоциируется с отдыхом и покоем, что противоречит идее почтовой услуги – максимально быстрой доставке корреспонденции. Интертекстуальная отсылка позволяет создать оксюморонное соединение двух противоположных качеств: ожидаемой от почтовой службы скорости и реально наблюдаемой нерасторопности. Пользуясь терминологией теории иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон, можно интерпретировать фразу «и пусть весь мир подождет» как мета-употребление в новом контексте как

иронию. Несовместимость двух ситуаций, противоречие между качествами, одновременно приписываемыми объекту (никакой объект не может быть одновременно в движении и в состоянии покоя) позволяет говорящему выражать собственное негативное отношение к ситуации.

Несмотря на то, что теория Д. Спербера и Д. Уилсон хорошо объясняет случаи, когда ирония не может быть сведена к антифразису, существуют проблемы с применением теории иронии-как-эха для объяснения некоторых других случаев иронии, например, когда она создается лексическими средствами (через метафорическую номинацию или в случае нарушения ожидаемой лексической сочетаемости – такие случаи будут подробно рассмотрены в главе 7).

Еще одно слабое место теории иронии-как-эха заключается в том, что далеко не всегда адресат может легко догадаться, какое высказывание, мнение или идея стали источником иронии. Следовательно, под вопросом оказывается исходное положение концепции Спербера и Уилсон о том, что ирония – это всегда металингвистическое использование языка.

Наконец, теорию иронии-как-эха можно упрекнуть за ее ориентацию на анализ единичных высказываний: в результате она не объясняет тех случаев, когда ирония является свойством целого текста.

1.6.5.3. Ирония как релевантная неуместность

Полемика вокруг работ Д. Спербера и Д. Уилсон (см., например, дискуссию в [Relevance Theory: Applications and Implications 1998]) заставляет исследователей предлагать другие варианты объяснения свойств иронического дискурса.

К группе наиболее заметных альтернатив теории иронии-как-эха можно отнести теорию иронии как значимой неуместности, автором которой является С. Аттардо. Значительная часть работ этого исследователя

посвящена изучению вербального юмора [Attardo 1994, 2001, 2008, Аттардо 2003]. Что касается его теории вербальной иронии, то ее можно отнести к прагматическим концепциям, в которых объяснение иронии строится на основе близких понятий неуместности и несоответствия.

Теория иронии как значимой неуместности была представлена С. Аттардо в статье “Irony as Relevant Inappropriateness” [Attardo 2007]. Центральным понятием теории является логическое понятие *уместности*: высказывание считается уместным, если все его пресуппозиции совместимы с пресуппозициями того контекста, в котором употребляется высказывание. Далее понятие *уместности* противопоставляется понятию *релевантности*. Основное отличие уместности от релевантности заключается в том, что критерием уместности является истинность высказывания, в то время как релевантность высказывания не определяется его истинностью. Ирония возникает, если высказывание или его элемент контекстуально неуместны, но при этом релевантны для участников коммуникации. Неуместные элементы неизбежно обращают на себя внимание и, следовательно, несут большее количество информации по сравнению с уместными, ожидаемыми элементами.

Согласно теории иронии как значимой неуместности, значение иронического высказывания двупланово: оно одновременно несет в себе и буквальное значение, и значение косвенное, и именно соотношение этих двух планов значения (а именно – неуместность) порождает скрытое отрицание¹⁴. Поэтому процесс понимания иронии включает две стадии: адресат должен сначала понять прямое значение высказывания, затем соотнести его с контекстом, и, обнаружив несоответствия на прагматическом уровне, перейти к следующему шагу – поиску скрытого смысла. Буквальное

---

¹⁴ Сходную идею высказывает И.Б. Шатуновский, рассматривая иронию как такой способ косвенной коммуникации, в котором два смысла высказывания – положительный и отрицательный – находятся в отношениях противопоставления [Шатуновский 2004].

значение сказанного, таким образом, не отвергается полностью: оно лишь дополняется переносным значением [Attardo 2001].

Модель иронии, предложенная П. Грайсом, теория иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон, точка зрения С. Аттардо – это примеры моделирования вербальной иронии «сверху вниз», от теории к примерам, ее подтверждающим. Альтернативой подходу «сверху вниз» являются эмпирические исследования иронической коммуникации, в основе которых лежит лингвистический эксперимент. Экспериментальное изучение иронии необходимо для того, чтобы получить ответы на два основных вопроса: как происходит понимание иронии в дискурсе и каким образом формируется способность создавать и понимать иронические высказывания у детей.

1.6.5.4. Гипотеза ранжированной салиентности Р. Гиоры

Примером экспериментального изучения иронии являются работы Р. Гиоры и ее коллег [Giorga 1997, 1999, 2003, 2011; Peleg et al. 2008]. Цель проводимых экспериментов – ответить на вопрос, каким образом адресат «обрабатывает» ироническое высказывание и какую роль в понимании иронии играет прямое (буквальное) значение.

Объяснение механизмов понимания иронии в работах Р. Гиоры базируется на идее так называемой «салиентности» (т.е. высокой степени значимости) одного из значений потенциально многозначного слова для носителя языка.

По мнению Р. Гиоры, противопоставление буквального и переносного значения оказывается несущественным для участников коммуникации: адресат выбирает тот вариант интерпретации высказывания, который представляется ему наиболее предпочтительным (салиентным) в данной ситуации. Умение носителя языка из нескольких возможных значений выбрать наиболее релевантное описано в рамках разрабатываемой Р. Гиорой

на протяжении нескольких лет *гипотезы ранжированной салиентности* (Graded Saliency Hypothesis) [Giora 1998; Giora 2003; Givoni 2013]. Значения, которые активируются в памяти адресата первыми, принято называть салиентными (от англ. *salient*). На существование такого критерия как степень значимости при выборе одного из значений многозначного слова обращают внимание многие исследователи [Рахилина 1998, Рахилина 2008, Падучева 2013]. По мнению Р. Гиоры и ее коллег, понятие салиентности играет ключевую роль в объяснении того, как происходит понимание иронии. С его помощью можно объяснить, как носитель языка выбирает иронический либо неиронический способ интерпретации сказанного.

Принципиально важным в теории Р. Гиоры является положение о том, что для участников коммуникации *важное, салиентное* значение не является синонимом *буквального*. Салиентным может быть как прямое, так и переносное значение, в том числе и ироническое. Салиентность иронического либо неиронического способа понимания сказанного определяется контекстом. Ироническая интерпретация «запускается» в том случае, когда салиентное значение оказывается контекстно неуместным [Giora 2013].

Суть проводимых Р. Гиорой экспериментов заключалась в следующем: иронические высказывания предъявлялись испытуемым на фоне эквивалентов, имеющих только прямое значение. Исходная гипотеза состояла в том, что обработка (понимание) иронических высказываний как более сложных по своим семантическим и прагматическим свойствам, должна занимать больше времени.

Эксперименты Р. Гиоры показывают, что именно важность (*saliency*) значения для адресата в конкретной ситуации является определяющим фактором для интерпретации высказывания в его буквальном значении либо как иронического; при таком подходе вопрос, является ли салиентное значение буквальным или переносным, оказывается второстепенным, однако в этом случае многократно возрастает роль контекста. Именно

несовместимость салиентного значения с контекстом заставляет адресата переходить от неиронической к иронической интерпретации высказывания / текста.

С точки зрения адресата, настроенного на «добросовестную коммуникацию», в большинстве ситуаций ироническое значение не является ожидаемым, поэтому его понимание требует больше усилий и времени. При этом буквальное значение высказывания не может быть отброшено: адресат делает вывод о наличии иронического значения, основываясь на несовпадении буквального значения высказывания с реальной ситуацией.

Предложенная Р. Гиорой модель удобна для объяснения тех случаев, когда ирония создается преимущественно лексическими средствами. Гиора трактует иронию как скрытую форму отрицания: говорящий использует ее, чтобы обратить внимание адресата на несоответствие между ожидаемым и реальным положением дел. Она объясняет, как происходит выбор значения в случае лексической многозначности (на последовательной активации нескольких значений многозначных лексем и согласовании их с контекстом основано не только понимание иронии, но и юмористический эффект так называемых *garden-path sentences*, см. [Dynel 2009]). В тех случаях, когда ирония не привязана к лексическому уровню, трудно говорить о существовании актуального значения высказывания, аналогичного значению слова.

1.6.5.5. Экспериментальные исследования становления способности создавать и понимать иронию

Еще одна проблема, к которой обращаются исследователи иронии, – формирование у детей способности распознавать и понимать иронию. Основная задача таких исследований – проследить этапы становления этой способности и соотнести их с общим когнитивным развитием ребенка.

Существующие экспериментальные исследования иронии в детском общении показывают, что первоначальное формирование способности понимать иронию начинается в младшем школьном возрасте: дети в возрасте до 6-8 лет в ряде случаев демонстрируют умение интерпретировать иронические высказывания «от противного», однако в тех случаях, когда для понимания иронии требуется более сложная инференция, дети понимают сказанное буквально. Кроме того, даже в тех случаях, когда ребенок понимает скрытый смысл, он часто не может объяснить, с какой целью используется ирония [Hancock 2000, Harris 2003].

Когнитивно-прагматическая теория иронии, предложенная в работе [Bara 1999] – это попытка объяснить, как развивается способность порождать и понимать иронию. Данный подход основан на разделении иронических высказываний на два класса: простую иронию, которая интерпретируется «от противного» и иронию сложную (косвенную), для понимания которой требуются более сложные навыки логического вывода. В соответствии с этим разделением моделируется развитие способности порождать и понимать иронию в дискурсе: от более простых, прототипических иронических высказываний (это первая стадия) к порождению и пониманию более сложных форм иронии (это вторая стадия развития). Такая модель помогает объяснить разнообразные, и зачастую противоречащие друг другу данные экспериментальных исследований вербальной иронии в детской речи.

Все рассмотренные выше исследования посвящены проблеме функционирования иронии в человеческой коммуникации. Однако в последние десятилетия появилась еще одна сфера коммуникации: человеко-машинный диалог. Моделирование юмора и иронии в общении человека с компьютером, обучение компьютера порождению и пониманию шуток, иронии стало одной из наиболее амбициозных и одновременно трудно решаемых задач.

1.7. Компьютерное моделирование юмора и иронии

Моделирование юмора и иронии в человеко-машинном диалоге – это составная часть более общей задачи создания моделей языковой деятельности и систем автоматической обработки естественного языка. Сложность построения таких моделей и систем проявляется уже в ситуациях моделирования «добросовестной» коммуникации, где участники дискурса ориентируются в первую очередь на передачу и получение информации (см., например, [Кибрик 1992]). Создание моделей порождения и понимания юмора и иронии представляет собой задачу на порядок более сложную в сравнении с моделированием прямой коммуникации, поскольку в реальном общении эти режимы «несерьезного» дискурса требуют использования особых когнитивных механизмов и привлечения дополнительной информации о ситуации и устройстве окружающего мира.

«Обучение» компьютера анализу и синтезу юмора и иронии можно считать своеобразным «тестом» на понимание сути этих явлений [Littman 1991]. Заинтересованность исследователей в разработке компьютерных агентов, способных понимать и порождать юмор и иронию, объясняется несколькими причинами. Во-первых, шутки и / или ирония делают человеко-машинный диалог более естественным, и, по мнению разработчиков, это может повысить коммерческую привлекательность компьютерной системы с такими возможностями [Ritchie 2001]. Во-вторых, обучение компьютера порождать и понимать юмор и иронию – это важный шаг в развитии систем автоматической обработки естественного языка [Binsted 2006, Hempelmann 2008]. В-третьих, как успешные, так и неудачные попытки моделирования юмора и иронии предоставляют исследователям дополнительную информацию о работе когнитивной системы человека, о том, какие знания и умения необходимы для порождения и восприятия юмора.

«Обучение» компьютера пониманию и порождению шуток или иронических высказываний связано с моделированием не только речевой

деятельности, но и эмоций. Это дополнительно усложняет стоящую перед исследователями задачу. Поэтому значительная часть исследований на современном этапе концентрируется вокруг решения какой-либо отдельной проблемы: выявлению источника иронии или юмора в тексте на основе измерения стилистического расстояния между словами [Venour 2011], моделированию эмоциональной реакции адресата в иронической коммуникации [Kotov 2009, Котов 2011] или созданию агента, способного генерировать шутки по заданной схеме [Hempelmann 2008].

Среди приемов моделирования можно выделить те, которые изначально ориентированы на языковую форму высказывания, и те, которые связаны с моделированием семантики текста. Приемы первой группы, как правило, используются для моделирования шуток, основанных на фонетических изменениях. Приемы, ориентированные на моделирование семантики, более разнообразны. Для выявления источника юмора / иронии в тексте могут использоваться статистические способы оценки семантической и стилистической совместимости / несовместимости слов в тексте [Venour 2011]. Для оценки несовместимости когнитивных сценариев, моделирования понимания и порождения шуток используются семантические онтологии [Hempelmann 2008].

Как юмор, так и ирония с большим трудом поддаются формализации и компьютерному моделированию (о весьма скромных успехах в этом направлении см. [Hempelmann 2008]). Дело в том, что любая компьютерная модель неизбежно является упрощением реального объекта, поэтому в моделировании вербальной иронии и юмора исследователи ограничиваются либо определенным жанром, либо типом ситуации, в которой возможно появление юмористического или иронического высказывания. Такое положение дел позволяет сделать вывод, что, несмотря на многовековую традицию исследовательского интереса к иронии и юмору, обилие теорий и моделей, ученые до сих пор весьма смутно представляют себе, как происходят эти процессы в человеческом общении.

1.8. Выводы

Целью представленного в данной главе обзора теорий иронии было не столько их хронологическое упорядочивание, сколько определение тех идей, которые используются в современных лингвистических и когнитивных теориях иронии. История изучения иронии показывает, что в первую очередь оказались востребованными идея несовместимости / неуместности иронического высказывания, идея многоголосия (эха), античное представление об иронии как об игре и притворстве.

Наиболее значимым результатом развития разнообразных лингвистических теорий на сегодняшний день является признание ее когнитивной сложности [Colston 2007, Giora 2009]. Еще одним важным итогом можно считать отказ от упрощенного понимания иронии исключительно как риторического способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное. Отражение этого мы находим в усложнении представления семантической структуры лексемы *ирония* в лексикографических описаниях. Современные электронные англоязычные лексикографические ресурсы фиксируют различные значения слова *irony* и стремятся показать связи между этими значениями. Например, семантическая сеть WordNet¹⁵ фиксирует три значения для существительного *irony*:

1. S: (n) *sarcasm, irony, satire, caustic remark* (witty language used to convey insults or scorn) "he used sarcasm to upset his opponent"; "irony is wasted on the stupid"; "Satire is a sort of glass, wherein beholders do generally discover everybody's face but their own"--Jonathan Swift

2. S: (n) *irony* (incongruity between what might be expected and what actually occurs) "the irony of Ireland's copying the nation she most hated"

3. S: (n) *irony* (a trope that involves incongruity between what is expected

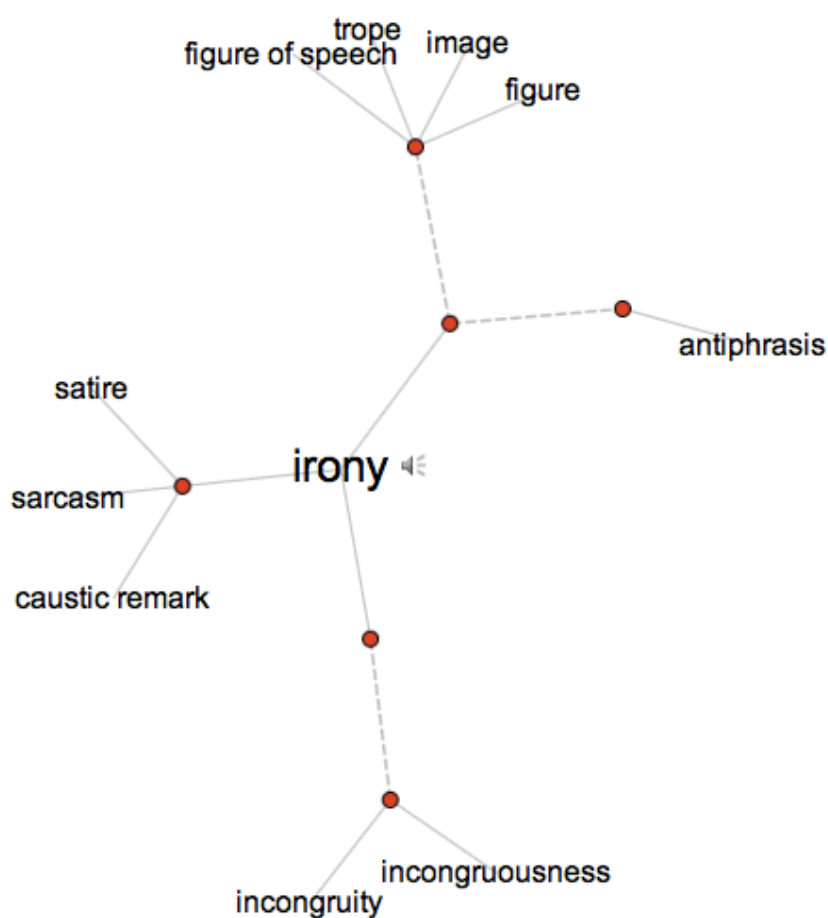
---

¹⁵ WordNet <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn>

and what occurs)

В визуальном тезаурусе¹⁶ эти значения представлены в виде карты. Каждое ответвление от исходной лексемы означает актуализацию одного из значений. В результате семантические связи представлены в тезаурусе следующим образом:

Рис. 5. Визуальная схема семантических связей лексемы “irony” по данным *The Visual Thesaurus*

Связь с лексемами *satire*, *sarcasm* и выражением *caustic remark* основана на актуализации значения “*witty language used to convey insults or scorn*”. Значение “*incongruity between what might be expected and what actually occurs*” обеспечивает семантическую близость лексемы *irony* с лексемами *incongruity* и *incongruousness*. Наконец, классическое понимание иронии как

¹⁶ The Visual Thesaurus <http://www.visualthesaurus.com/app/view>

фигуры речи (“*a trope that involves incongruity between what is expected and what occurs*”) реализуется в связях лексемы *irony* с лексемами *antiphrasis*, *figure, trope, image* и *figure of speech*.

Еще раз обратим внимание на то, что, несмотря на длительную историю изучения, границы понятия *ирония* по-прежнему остаются предметом дискуссий. С одной стороны, сохраняется прочная многовековая традиция отношения к вербальной иронии как риторическому тропу, способу украшения речи. С другой стороны, многие исследователи считают эту трактовку слишком узкой, поскольку она не объясняет многие случаи использования иронии. Пытаясь охватить как можно больше случаев иронической коммуникации, лингвисты, философы и литературоведы присваивают иронии самые разные статусы: это и тактика ведения диалога, и способ отношения к окружающему миру, и художественный прием.

Нет согласия и относительно роли, которую ирония играет в дискурсе. Как способ воздействия на собеседника ирония получает полярные оценки: ироническое высказывание может трактоваться и как сигнал скрытой агрессии, и как вежливый способ смягчения критики [Miller 2009]; с одной стороны, ирония – это ловушка, «речевая хитрость», с помощью которой можно ввести в заблуждение доверчивого собеседника, с другой – способ педагогического воздействия, ведущий к обнаружению истины.

На семантическую сложность иронии указывает и тот факт, что немногочисленные попытки формализовать иронический дискурс для человеко-машинного диалога пока не увенчались успехом. Исследователи отмечают необходимость учета слишком большого числа факторов, как лингвистических, так и не имеющих прямого отношения к языковой системе, но влияющих на создание и распознавание иронии.

Такую противоречивость взглядов и отсутствие общепринятого определения можно объяснить по меньшей мере двумя причинами. Первую причину можно условно назвать идеологической: речь идет о доминировании метафоры вещиности коммуникации в современных лингвистических

исследованиях. В результате ирония часто представляется как готовый инструмент, с помощью которого можно осуществлять некоторые действия. Инструментальный подход заставляет исследователей причислять иронию к языковым явлениям, считать ее частью языковой системы, в то время как на самом деле ирония – явление дискурсивное, она возникает в процессе коммуникации как результат совместных действий говорящего и адресата.

Вторая причина расплывчатости границ интересующего нас понятия заключается в том, что иронию пытаются определить, исходя из критериев, которыми определяется серьезное, «добросовестное» общение, направленное на обмен информацией. Однако эти критерии могут быть применены к описанию иронии лишь частично, поскольку ирония является одним из режимов несерьезного (*non bona fide*) модуса дискурса. В существующих моделях коммуникации различия между двумя модусами – серьезным (*bona fide*) и несерьезным (*non bona fide*) практически не принимаются во внимание. На наш взгляд, учет этих различий представляется необходимым, поскольку, как будет показано ниже, модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide* требуют различных правил интерпретации написанного / сказанного. Описанию двух модусов использования языка и обсуждению основных параметров, позволяющих разграничивать различные режимы модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*, посвящена третья глава диссертации.

ГЛАВА 2. Ирония в научной картине мира. Виды и функции иронии

Несмотря на достаточно долгую историю изучения иронии, представители различных научных направлений продолжают обсуждать не только суть иронической коммуникации, но и проблему классификации иронии. Дискуссионным остается и вопрос о функциях, которые ирония может выполнять в дискурсе. В данной главе представлен обзор наиболее известных классификаций иронии и обсуждается проблема функционального потенциала иронических высказываний. Цель этой главы – обозначить основные трудности, с которыми сталкиваются исследователи при разработке классификаций иронии и выделении ее функций и обосновать необходимость перехода к интегративному подходу, который позволяет описывать иронию через выделение общих компонентов, позволяющих носителям языка объединять разрозненные проявления иронии в дискурсе в единую категорию.

2.1. Проблема классификации иронии

Попытки классифицировать разнообразные проявления иронии делались со времен античности. XX век предложил наибольшее количество таксономий иронии, но, несмотря на многообразие, ни одну из них нельзя считать окончательным решением проблемы – ирония по-прежнему всячески «сопротивляется» попыткам классификации. Заметим, что наложение таксономической сетки на явления окружающего мира всегда приводит к разного рода ограничениям и выявлению исключений. Именно так обстоит дело с иронией: попытки классифицировать все многообразие ее проявлений в дискурсе не только не привели к появлению единой общепризнанной таксономии, но и заставили исследователей фокусировать внимание на различиях в языковом оформлении иронии. Поэтому сопоставление

конкурирующих классификаций входит в круг наиболее обсуждаемых проблем [Ермакова 2005, Походня 1989, Attardo 2007, Partington 2006, Colston 2007, Karogianni 2011].

Можно выделить несколько причин, которые объясняют параллельное существование нескольких классификаций иронии: во-первых, одно из основных свойств иронии заключается в том, что каждый раз она принимает новое «обличие». Выше мы уже говорили о том, что, в отличие от других тропов, ирония не связана с каким-либо конкретным уровнем языковой системы, поэтому очень трудно определить тот набор языковых средств, за которым в языковой системе была бы закреплена функция «служить сигналом иронии» в высказывании. В результате все попытки выделения и формализации классификационных критериев исключительно на лингвистических основаниях оказываются непродуктивными. Во-вторых, классифицируя иронию, исследователи зачастую опираются на дедуктивный подход. Это означает, что сначала создается некоторая классификационная схема, а затем она применяется к конкретному материалу. Неизбежно ученые сталкиваются со случаями, которые не вписываются в рамки предложенной таксономии и размывают границы предложенных исследователем категорий. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, характеризуя традицию применения подобных классификаций к языковому материалу, пишут: «... стратегия навязывания языковому материалу жесткой логической схемы противоречит самому духу современной лингвистики. Языковые феномены настолько сложны, что описание их с помощью заранее заданных фиксированных противопоставлений существенно огрубляет наши знания об исследуемом феномене» [Баранов 2010: 25].

Отсутствие единой классификации иронии во многом объясняется именно тем, что к этому чрезвычайно гибкому явлению по традиции применяют жесткие классификационные рамки, желая получить четкую, непротиворечивую таксономию. Это приводит к тому, что разные исследователи выделяют разные виды иронии. Кроме того, пытаюсь уложить

все многообразие способов проявления иронии в рамки единой классификации, лингвисты вынуждены вводить дополнительные подгруппы, что неизбежно приводит к усложнению и дроблению явления, которое носителям языка интуитивно представляется простым и ясным.

Недостатки существующих таксономий, равно как и многообразие функций иронии, которые выделяются различными исследователями – это следствия господства «инструментального» подхода к иронии: традиция отнесения иронии к явлениям языка (а не речи) дополнительно усложняет ситуацию.

Выход из «классификационного тупика» может быть найден, если вместо поисков различий ориентироваться на поиск сходств. Поэтому в данной работе мы не стремимся к созданию однозначной классификации – как показывает опыт предшественников, это вряд ли возможно. Напротив, свою задачу мы видим в поиске того, что позволяет носителям языка объединять разнообразные проявления иронии в одну категорию. Однако прежде чем мы сфокусируем внимание на объединяющих свойствах иронии, обратимся к существующим классификациям иронии.

2.2. Классификации иронии: краткий обзор

Итак, как показывает многовековая история существования иронии, ее классификация – задача нетривиальная. Сочетание внешних и внутренних факторов усложняет создание четкой, непротиворечивой таксономии. Многообразие форм иронической коммуникации с одной стороны (назовем это внутренней причиной), и желание исследователей максимально учесть это многообразие, с другой (это внешняя причина), приводит к тому, что исследователи выделяют не только *вербальную* и *ситуативную иронию*, но и *драматическую иронию*, *иронию Сократа*, *философскую иронию*, *практическую иронию*, *романтическую иронию*, *сентиментальную иронию* и т.д. [Mueske 1980]. Кроме того, исследования иронии проводятся с

различных точек зрения: ирония может быть описана через функции, которые она выполняет, через языковые средства ее реализации, через прагматический эффект, который создается в дискурсе. Этим и объясняется несовпадение существующих классификаций иронии. Кратко рассмотрим некоторые из них.

Таксономия С. Чжанг

Наиболее простая классификация, которую можно назвать «прикладной», представлена в работе Сююо Чжанг “English Rhetoric”: в качестве классифицирующего признака автор использует цель, с которой говорящий инициирует ироническую коммуникацию. В соответствии с целью выделяется три типа иронии: *вербальная*, *цитатная* (в терминологии С. Чжанг – *quotation irony*, в других работах по риторике такой тип иронии называют антифразисом) и *ситуативная*. Вербальная ирония, в свою очередь, распадается на две разновидности: легкую (*light irony*), предназначенную для развлечения, и тяжелую (*heavy irony*), т.е. такую, с помощью которой говорящий выражает критику [Zhang 2005].

Простота классификации имеет утилитарное, прагматическое объяснение: автор пишет об эффективности использования иронии и в то же время предупреждает о ее разумном дозировании в общении, поскольку избыток иронии снижает ее эффективность.

На примере данной таксономии можно обозначить основную классификационную проблему: с точки зрения семиотической системы, которая используется для выражения иронического отношения, цитатная ирония также является вербальной, и ее выделение в отдельный тип представляется не вполне оправданным.

Таксономия Р. Кройца и Р. Робертса

Одной из наиболее популярных классификаций иронии в современных западных исследованиях является таксономия, предложенная Р. Кройцем и Р. Робертсом. Исследователи выделяют четыре разновидности иронии:

сократову иронию, драматическую иронию, иронию судьбы, и, наконец, вербальную иронию [Kreuz 1993].

Сократова ирония – это определенный тип поведения, в основе которого лежит притворство. Говорящий притворяется несведущим в обсуждаемом вопросе [Ferrari 2008]. На некоторое время собеседник получает мнимое «преимущество» в диалоге, однако в дальнейшем именно его мнение оказывается несостоятельным.

Драматическая ирония предполагает наличие третьего участника коммуникации – наблюдателя, который и является настоящим адресатом иронии. Объект иронического отношения, являющийся непосредственным участником коммуникации, воспринимает только буквальный смысл сказанного и оказывается неспособным понять истинные намерения говорящего.

Именно так происходит в театре: актеры на сцене адресуют свои реплики не только друг другу, но и зрительской аудитории, которая и является основным интерпретатором авторского замысла. Драматическая ирония дает возможность наблюдателю почувствовать свое превосходство над объектом иронического отношения. Это свойство активно эксплуатируется создателями телевизионных сериалов: реплики героев воспринимаются как иронические только зрительской аудиторией, в то время как объекты иронии остаются в неведении относительно истинного смысла сказанного. Цель такой иронии – высмеять собеседника, максимально понизив его авторитетность в глазах наблюдателя.

Ирония судьбы (или ситуативная ирония) – особая разновидность иронии, которую Г. Колстон и Р. Гиббс образно характеризуют как «...недостаточно изученную двоюродную сестру вербальной иронии» [Colston 2007]. Ситуативная ирония не связана с какой-либо определенной семиотической системой. Скорее, речь идет о стечении обстоятельств, в котором говорящий усматривает несоответствие ожидаемого и реального

положения дел¹⁷ [Shelley 2001, Lucariello 2007]. Оценить ситуацию как ироническую можно либо в случае очевидного нарушения социальных норм, либо при несовпадении действительного положения дел и знания о том, как «все должно быть». Еще одним поводом для описания ситуации как «иронической» может стать противоречие между действиями субъекта и обстоятельствами, от него не зависящими. Последний случай хорошо иллюстрирует следующий контекст:

[2.1] *В 1890 году Альфреду Нобелю, у которого заболело сердце, прописали нитроглицерин. Нобель наотрез отказался его принимать и написал в письме другу: «Разве не ирония судьбы, что мне был прописан нитроглицерин для внутреннего приёма! Они называют его тринитрин, чтобы не пугать химиков и общественность»* [От динамита до «Виагры» // «Коммерсантъ-Власть», № 40, 2000].

Ситуативная ирония возникает в силу несовместимости двух сфер возможного применения нитроглицерина одним и тем же человеком: военной, разрушительной по своей сути (нитроглицерин – основа многих взрывчатых веществ, в том числе динамита, изобретенного А. Нобелем), и медицинской, т.е. созидательной (нитроглицерин прописывают в качестве лекарства человеку, который лучше, чем кто-либо другой знает химические свойства этого вещества и в полной мере осознает опасность его применения, пусть даже и в медицинских целях).

Еще один пример иллюстрирует ситуативную иронию, которая возникает в результате несоответствия ожиданий рассказчика, его представлениям о том, «как должно быть», реальному положению дел:

[2.2] *Впервые за долгое время начали заявлять о себе непривычно яркие, самостоятельно мыслящие люди, включая ученых. Судьбы их, как правило, складывались потом трудно: почти каждому пришлось пережить*

---

¹⁷ Сходную идею о разделении юмора на лингвистический и ситуативный можно найти в работе [Почепцов 1990].

жестокие нападки и гонения, подчас длительную опалу, а иногда и репрессии. Ирония судьбы состояла в том, что меньше всего они могли себя выразить там, где, казалось бы, это было наиболее естественно, — в академических институтах, занимающихся общественными науками, и в вузах [НКРЯ].

В данном фрагменте ситуация воспринимается сквозь призму иронии в результате несоответствия между ожидаемым и реальным положением дел: в норме ученые-обществоведы должны описывать общественно-политическую жизнь и преподавать общественные науки, но в действительности они этого сделать не могут именно в силу сложившейся идеологической системы.

Дж. Лукариелло относит ситуативную иронию к классу четко структурированных понятий, которые связаны с нашим жизненным опытом. Для описания ситуативной иронии используются термины когнитивной науки: план, сценарий, скрипт. В самом общем виде ситуация воспринимается как ироническая в том случае, если нарушается сценарий, имеющийся в памяти участника ситуации [Lucariello 2007]. Иллюстрацией того, как ситуации оцениваются на основе имеющегося жизненного опыта, может служить следующий контекст:

[2.3] *As a Vietnam veteran, I find irony in President Bush, on Presidents Day, comparing the American Revolution to the "war on terror." He neglects the historical fact that the revolution was won by American colonists ("insurgents, terrorists"?) fighting a guerrilla war on American soil against the more powerful British [COCA].*

Отсылка к имеющемуся опыту служит основой оценки текущей ситуации как иронической: война на чужой территории с местным населением – ситуация, противоположная тем событиям, о которых говорил в своем выступлении Дж. Буш. Ирония возникает в результате несоответствия (точнее, прямой противоположности) имеющегося у говорящего сценария и реального положения дел.

С. Шелли обращается к изучению когнитивных оснований ситуативной иронии, т.е. нашей способности обнаружить несоответствие некоторых компонентов ситуации и интерпретировать их соотношение как некогерентное. В основе анализа, предложенного С. Шелли, лежат понятия категоризации и бикогерентности: ситуация воспринимается как ироническая, если ее элементы могут быть отнесены одновременно к двум категориям, не имеющим общих свойств [Shelley 2001]. Данный подход представляет определенный интерес для исследования вербальной иронии, поскольку когнитивные механизмы, лежащие в основе нашей оценки когерентности как некоторых событий, так и дискурса, имеют много общего (подробно этот вопрос обсуждается в главе 7).

Классификация Р. Кройца и Р. Робертса не лишена недостатков. Основная проблема таксономии заключается в том, что виды иронии выделяются на разных логических основаниях: вербальная ирония выделяется по ведущей знаковой системе (естественный язык), драматическая – по наличию еще одного участника дискурса (наблюдателя), сократова – по цели использования (дидактическая коммуникация), ситуативная – по наличию некогерентных фактов или событий. Такое разнообразие классификационных критериев лишает таксономию функциональности: четкое распределение различных проявлений иронии в ряде случаев оказывается в принципе невозможным. Например, если ирония возникает в диалоге в присутствии третьего лица, она может быть классифицирована и как вербальная, и как драматическая, особенно в том случае, если настоящим адресатом иронического дискурса является именно наблюдатель. А если при этом говорящий преследует дидактические цели или просто хочет указать собеседнику на его некомпетентность, то этот же фрагмент дискурса может быть отнесен к сократовой иронии. Трудность проблемы однозначной классификации иллюстрируют высказывания-замечания, которые на уроках делают учителя детям и преподаватели студентам:

[2.4] *Может быть, мне пойти отдохнуть, а Аня проведет у нас урок?*
[устная речь]

[2.5] *Милые мои, кабинет хорового пения у нас за стенкой* [устная речь].

[2.6] *Наверное, вам было бы удобнее достать шпаргалку, чем каждый раз туда залезать* [устная речь].

Дидактическая направленность таких высказываний очевидна. На этом основании иронические замечания могут быть классифицированы как сократова ирония. С другой стороны, замечания адресованы не только объекту иронии, но и «наблюдателям» – остальным учащимся. Это позволяет считать подобные высказывания проявлением драматической иронии. Наконец, поскольку интенция говорящего выражена средствами естественного языка, приведенные выше высказывания могут быть отнесены к вербальной иронии.

Что касается иронии судьбы и других проявлений ситуативной иронии, то, на наш взгляд, здесь мы имеем дело с рефлексией, размышлениями об отклонениях от нормального хода событий, выраженными средствами естественного языка. Называя некоторые события или явления иронией судьбы, говорящий выражает мета-суждение, оценивает стечение обстоятельств как некогерентное.

П. Симпсон: «эkleктический» подход

В работе [Simpson 2011] предлагается еще один вариант классификации разновидностей иронии. Справедливо критикуя существующие теории, П. Симпсон отмечает, что их слабым местом является «бинарное» отношение к иронии: высказывание либо является ироничным, либо нет; адресат либо интерпретирует иронию, либо нет. Для П. Симпсона отправным пунктом в рассуждениях является идея о том, что ироничность – качество коммуникации, которое может проявляться в разной степени; в повседневном общении носители языка интуитивно воспринимают

достаточно тонкие различия между разнообразными формами языкового воплощения иронии.

Таксономия, предложенная в статье П. Симпсона, – это попытка объединения наиболее популярных теоретических подходов к иронии. Классификация включает пять разновидностей иронической коммуникации:

- *ирония «от противоположного»* (oppositional irony), т. е. такая ирония, которая была описана П. Грайсом в связи с проблемой имплицатур. Имплицатуры возникают как результат намеренного нарушения (flouting) максимы качества;

- *эхо-ирония*, т.е. случаи мета-употребления того, что было сказано или потенциально могло быть сказано кем-то ранее. Эта разновидность иронии выделяется П. Симпсоном на основе работ Д. Уилсон и Д. Спербера;

- *приращенная (conferred) ирония*: это те случаи, когда ироническая интерпретация текста или высказывания не совпадает с изначальным замыслом автора; часто текст или высказывание воспринимается как иронический только по прошествии некоторого времени;

- *драматическая ирония* – этот вид выделяется многими исследователями, однако отличие трактовки П. Симпсона заключается в том, что он выделяет драматическую иронию не столько в связи с ее сценическим воплощением и своеобразным адресатом – зрительской аудиторией, сколько в связи с тем объемом знаний, который имеется у собеседников и аудитории. Наиболее «информированными» являются наблюдатели, именно им адресован и должен быть понятен иронический замысел. Непосредственные участники диалога могут не обладать таким же объемом знаний и поэтому воспринимают сказанное буквально;

- *ироническая вера* в вымышленный текст (*ironic belief*) – с нашей точки зрения, выделение этой разновидности иронии является наиболее спорным. П. Симпсон считает, что в ряде случаев адресат осознанно воспринимает вымышленную ситуацию (например, описанную в художественном тексте) как реально существующую. Ирония заключается в

том, что при этом люди прекрасно знают, о том, что ситуация (или персонаж) в реальности никогда не существовали. В качестве примеров П. Симпсон приводит публикации, в которых Шерлок Холмс представлен как реально существовавший человек, или случаи, когда люди осознанно отождествляли себя с персонажами фантастических фильмов. Вряд ли здесь имеет место ирония – все же она предполагает наличие оценки, причем, как правило, оценки критической. Случаи, описанные П. Симпсоном, – это, скорее, целенаправленное игровое поведение, у которого только ряд черт совпадает с теми, которые необходимы для иронии. В первую очередь это несоответствие действий реальности, а во вторую – уже упомянутый элемент игры. Причины, по которым люди сознательно выбирают такой стиль жизни, явно не имеют отношения к языковому поведению.

Классификация П. Симпсона, на наш взгляд, страдает тем же недостатком, что и приведенные выше таксономии: выделение разновидностей иронии осуществляется на разных основаниях. Автор смешивает лингвистические и психологические критерии, а также перспективы говорящего, адресата и наблюдателя. В результате классификация становится эклектичной (впрочем, именно так характеризует свою теорию и сам автор).

Подведем промежуточный итог: проблематичность классификации видов иронии объясняется многообразием ее форм и ситуаций, в которых потенциально возможно выражение иронической интенции. Тем не менее, можно выделить два вида иронии, существование которых не подвергается сомнению: это вербальная ирония и ситуативная ирония. Их различие имеет семиотический характер: вербальная ирония требует использования естественного языка, ситуативная ирония не связана с какой-либо знаковой системой. Общим когнитивным основанием этих двух видов иронии является наше знание о том, какие события и явления (в том числе языковые) сочетаются, а какие – нет. Но и в выделении этих двух видов есть классификационная проблема: среди исследователей нет согласия

относительно того, какую из разновидностей следует считать первичной: в работах, посвященных ситуативной иронии, именно она объявляется первичной, а ирония в художественных текстах – производной, вторичной к иронии судьбы. Литературоведческая традиция, наоборот, считает вербальную иронию прототипом иронии ситуативной, а ситуативную – производной, особыми случаями, «имитирующими искусство» [Shelley 2001].

Представляется, что в основе вербальной и ситуативной иронии лежат общие когнитивные механизмы, в частности, наше умение распознавать нарушения смысловой целостности высказывания, текста или, шире, некоторого положения дел в действительности. И вербальная, и ситуативная ирония связаны с нарушением ожиданий, с несоответствием реальной ситуации нашему знанию о нормальном ходе событий. Поэтому обсуждение вопроса о первичности / вторичности ситуативной и вербальной иронии теряет смысл: мы используем нашу способность устанавливать смысловые связи вне зависимости от того, является ли объект восприятия целостной ситуацией или высказыванием / текстом.

2.3. Вербальная ирония и другие тропы и фигуры: дальнейшие проблемы классификации

Разнообразие форм вербальной иронии, по мнению многих исследователей, требует выделения и описания ее видов. Кратко остановимся на наиболее значимых исследованиях с тем, чтобы оценить, насколько удачны предложенные классификации разновидностей вербальной иронии.

Традиция рассматривать иронию в ряду других риторических средств уходит корнями в античную риторику (см. главу 1). Сам по себе такой способ описания иронии не вызывает удивления: действительно, ирония – один из способов небуквального использования языковых средств [Дементьев 2006,

Шатуновский 2004]. Но даже в рамках риторического подхода исследователи не могут прийти к единому мнению, следует ли относить иронию к тропам или фигурам. Так, О.П. Ермакова считает правомерным отнесение иронии к классу риторических средств и причисляет ее к тропам: «Если нужно объединить все виды иронии (которые, как отмечают все исследователи, необыкновенно разнородны), обозначив их одним именем, то скорее всего, очевидно, для этого подойдет термин «троп» [Ермакова 2007б: 172]. Такая точка зрения представляется проблематичной, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, она сводит иронию к лексическому уровню, т.е. употреблению слова в значении, отличном от буквального (ср., однако, случаи правдоподобной иронии). Во-вторых, включение иронии в группу тропов приводит к трудностям в объяснении тех случаев, когда ирония возникает в результате специфического использования метафор, гипербол и других образных средств. Приведем несколько таких примеров:

- *создание иронии с помощью метафоры:*

[2.7] ***Ядовитые жала пропагандистских ТВ-пчелок с кремлевской пасеки, пущенные в тело главного пчеловода Москвы и его жены, к великому сожалению и вопреки мнению многих наблюдателей, не дискредитируют российскую власть*** [С. Новопрудский. «Оно не тонет» <http://www.gazeta.ru/column/novoprudsky/3420433.shtml>];

- *создание иронии с помощью гиперболы:*

[2.8] *Oh, wow! Rick Perry hit Mitt Romney with the illegal immigrant landscapers!*

It was the high point of this week's Republican debate, and somehow I have a feeling it was a preplanned attack. Perry was so eager to tell the world that his nemesis had once relied on undocumented workers for a healthy lawn and well-maintained tennis court that he responded to a question about uninsured children in Texas with the story of Mitt's yard work.

“And the idea that you stand here before us and talk about — that you’re strong on immigration is, on its face, the height of hypocrisy,” Perry declaimed.

I found this very exciting because it brings us closer to the moment when one of Romney’s competitors will point out that he once drove to Canada with the family dog strapped on the roof of the car.
[<http://www.nytimes.com/2011/10/20/opinion/mitt-and-begonia-gate.html?src=me&ref=general>];

Сходным образом могут функционировать *литоты*: преуменьшая размер, степень важности и другие параметры описываемого объекта, они создают несоответствие между высказыванием и ситуацией:

[2.9] *Кстати, тут один с говорящей фамилией сделал грязные намёки, мол по соседству с тремя квартирами Табуреткина Сердюкова в Молочном переулке есть и скромное жилище нового назначенца, дескать, официально всю дорогу жил на одну зарплату, бизнесом не занимался, а вот на квартирку на «Золотой миле» наскрёб. Ну не понимает злопыхатель, что по-настоящему умные люди имеют со своих патентов куда больше, чем иные неумные со своих бизнесов.* [интернет-коммуникация]

В приведенных контекстах тропы и фигуры не только выполняют свою основную риторическую функцию, но также служат сигналами несоответствия высказывания реальности, будь то гиперболическое описание путешествия с собакой, привязанной к крыше автомобиля, метафорическая номинация Ю. Лужкова *главный пчеловод Москвы* или характеристика элитной квартиры как *скромного жилища*.

На то, что ирония отличается от метафоры, метонимии и других тропов, указывал А.А. Потебня. Основное отличие заключается в том, что ирония может обходиться без образа. Кроме того, по мнению Потебни, ирония – это выражение чувства, а не описание объективных признаков объекта. Эти обстоятельства позволяют отнести иронию к разряду фигур:

«Иронія – фигура. Она может обходиться вовсе без тропов: «хорошо!», «какже!», «эге!»; может заключать тропь...» [Потебня 2010: 188].

Разногласия исследователей в определении статуса вербальной иронии в ряду риторических средств еще раз показывают непродуктивность попыток уложить иронию в жесткие классификационные рамки. Если учесть, что ирония не сводится к интерпретации высказывания «от противного» и может создаваться при помощи различных тропов и фигур, однородность риторической таксономии снова оказывается нарушенной. Поэтому следует признать, что ирония не является ни тропом, ни фигурой, ее нельзя считать исходным «ингредиентом», из которого готовится «блюдо» – текст. Наоборот, тропы и фигуры зачастую оказываются теми самыми ингредиентами, из которых каждый раз заново «готовится» ирония.

2.4. Виды вербальной иронии

Вернемся к мысли о том, что вербальная ирония не имеет стабильной языковой формы и не «привязана» к конкретному языковому уровню. Это обстоятельство побуждает исследователей проводить дальнейшую классификацию, выделяя разновидности уже внутри собственно вербальных способов выражения иронии.

Ярким примером работ, в которых авторы сосредотачивают свое внимание именно на лингвистических свойствах иронии являются публикации С.И. Походни и О.П. Ермаковой [Походня 1989, Ермакова 1997, 1999, 2002, 2005, 2006, 2007, 2010]. Обе исследовательницы отмечают несводимость иронии к антифразису, однако, следуя риторико-стилистической традиции, относят ее к явлениям языка, а не речи.

Книга С.И. Походни – классический пример лингвистического анализа иронии в художественном тексте [Походня 1989]. Ирония классифицируется как разновидность комического и рассматривается как результат использования системы изобразительных средств языка. Такой подход

продиктован, в первую очередь, особенностью текстового материала: исследуются средства реализации иронического смысла в английской и американской художественной прозе XIX-XX веков. Логика изложения ориентируется на классическую уровневую концепцию языка: автор оперирует понятием структурной схемы – им обозначаются наиболее характерные способы создания иронии средствами различных языковых уровней. В зависимости от условий и способов создания исследовательница выделяет два основных типа иронии в художественных текстах: ситуативную и ассоциативную. «Оба типа по-разному реализуют коммуникативное задание, а значит, и создают несколько отличающиеся друг от друга структуры текстов, занимая тем самым разные места в идейно-образной структуре произведения» [Походня 1989, с.62]. Ситуативная ирония создается средствами лексического и синтаксического уровня, легко опознается благодаря ближайшему контексту. Структурно ситуативная ирония складывается из последовательности «изложение ситуации – выражение авторской оценки».

Ассоциативная ирония – это более сложный вид, поскольку приращение иронического смысла происходит на гораздо более широком контексте, часто – на протяжении всего текста (например, рассказа или повести). Анализ ассоциативной иронии проводится в основном с использованием текстовых категорий (напр., стилистический прием, когезия, проспекция / катафора, ретроспекция / анафора). Разнообразные связи между отдельными фрагментами на протяжении всего текста и создают ассоциации, лежащие в основе этого вида иронии. В отличие от ситуативной иронии, авторская ирония часто становится понятной только после прочтения всего текста.

Классификация, предложенная С.И. Походней, удобна тем, что помогает разграничивать так называемую «сферу действия иронии» – тот объем текста, в котором воплощается ироническая интенция автора. Однако с точки зрения языковой формы граница между этими двумя видами

вербальной иронии оказывается размытой: по сути, и ситуативная, и ассоциативная ирония создаются одними и теми же языковыми средствами.

Исследование С.И. Походни – это попытка анализа иронии «сквозь призму» грамматики: основное внимание уделяется именно грамматико-синтаксической организации иронических высказываний. В связи с этим возникает вопрос, являются ли синтаксические характеристики высказывания релевантными для создания иронии? Если да, то в какой мере? Можно ли говорить о «грамматикализации» иронии? На наш взгляд, ирония не является системно-языковым свойством тех или иных грамматических конструкций, поэтому привязку иронии к синтаксическому уровню языковой системы вряд ли можно считать оправданной. Кроме того, при восприятии речи носители языка опираются на слово как основную составную часть текста, и вряд ли они анализируют в лингвистических терминах, из каких синтаксических структур состоит услышанный или прочитанный текст.

Еще одна проблема предложенного подхода заключается в материале исследования: источники примеров иронии – англоязычные художественные тексты. Известно, что язык художественного произведения по уровню синтаксической сложности значительно отличается от разговорной речи. Следовательно, выводы о свойствах иронии, полученные на таком материале, могут быть распространены только на язык художественной литературы определенной эпохи.

Наконец, исследование С.И. Походни не решает самой сложной задачи: связывая иронию с грамматическими характеристиками высказываний, автор неизбежно вынужден фокусироваться на различиях, и не показывает, что объединяет перечисленные многообразные способы создания иронии в текстах.

Несколько иной подход к иронии предлагает в своих работах О.П. Ермакова. Само название книги О.П. Ермаковой – «Ирония и ее роль в жизни языка» – говорит о том, что, с одной стороны, ирония по-прежнему рассматривается как свойство языковой системы в рамках

«инструментальной» традиции. Автор пользуется метафорой «языковых механизмов», с помощью которых «приводится в действие» ирония. С другой стороны, О.П. Ермакова отходит от традиции тропеической трактовки иронии и предлагает прагматическую перспективу: «Ирония – это один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» [Ермакова 2005: 7].

Для классификации разновидностей вербальной иронии О.П. Ермакова выбирает формальный признак, а именно – количество слов, создающих иронический эффект в высказывании или тексте: в результате выделяется ирония вербализованная (локализованная в одном слове) и ирония текстовая, т.е. такая, которая выходит за рамки слова или словосочетания (типы вербализованной иронии рассматриваются также в работе [Ермакова 1999]). С нашей точки зрения, это не очень удачное основание для классификации, поскольку ирония по своей природе – явление комбинаторное, часто возникающее как эффект нетривиальной комбинации языковых единиц в высказывании. Поэтому точно определить границы иронического использования языка можно далеко не всегда. При таком подходе трудно решить, является ли ирония вербализованной или текстовой, если она возникает на уровне словосочетания, как, например, в следующем контексте:

[2.10] *Прежние репетиторство и взяточничество, с которыми реформаторы так страстно боролись и которые якобы навеки убили светозарный ЕГЭ, скоро вспомнятся милыми шалостями.*
[<http://www.kommersant.ru/doc-rss/2091801>]

Заметим также, что и в случае с вербализованной иронией (например, если это ироническая номинация) иронический эффект возникает в результате взаимодействия номинативного средства с собственным лексическим окружением. Вне контекста такой способ названия может и не иметь иронической интерпретации.

Основная проблема данной классификации, на наш взгляд, заключается в ее субъективности: индивидуальность восприятия текста (особенно художественного) является общепризнанным фактом. Кроме того, не существует сколько-нибудь полного списка языковых средств создания иронии (заметим, что создание такого списка вряд ли возможно. Можно говорить только о наиболее очевидных языковых сигналах иронии). Поэтому при применении данной классификации следует ожидать разногласий относительно того, какие именно языковые средства и в каком объеме послужили сигналом к иронической интерпретации данного текста.

Таким образом, ни одна из существующих классификаций иронии, в том числе иронии вербальной, не является универсальной. Помимо многообразия лингвистических форм, фактором, дополнительно усложняющим эту ситуацию, можно считать полифункциональность иронии в дискурсе.

2.5. Функциональный потенциал иронии

Функции, которые может реализовывать ирония в дискурсе, и достигаемый с ее помощью прагматический эффект (или эффекты) – то, что отличает иронию от других риторических тропов и фигур с одной стороны, и от юмора, сатиры и сарказма с другой. Выделяя функции иронии, исследователи исходят из того, что ирония – социально «маркированный» способ коммуникации, с помощью которого говорящий инициирует особый тип взаимоотношений между всеми участниками.

Полифункциональность иронии интуитивно ощущается многими исследователями [Kalbermatten 2010]. Например, сравнивая функциональные возможности иронии и сатиры в художественном тексте, С.И. Походня отмечает: «В целом же ирония может быть намного результативней как средство воздействия, так как она в состоянии выразить гораздо более

широкую гамму чувств, эмоций, она менее прямолинейна, более гибка, чем сатира» [Походня 1989: 4].

Традиционно анализ функций иронии осуществляется с позиции говорящего. Приведенная выше цитата из работы С.И. Походни – яркий пример такого анализа. Именно говорящий, будучи инициатором иронии, несет ответственность за результат коммуникации. Во многих работах, затрагивающих вопрос о функциональных свойствах иронии, позиция говорящего, точнее, его коммуникативные намерения становятся отправной точкой при определении функции, которую реализует ирония в конкретной ситуации.

Перспектива говорящего по умолчанию является исходной в споре о том, является ли ирония завуалированной формой агрессии или, напротив, это вежливый способ высказывания критики, позволяющий участникам дискурса «сохранять лицо». Этот спор напрямую связан с вопросом о функциях иронии в дискурсе: их выделение и классификация зависят от того, какой точки зрения придерживается исследователь.

Примером того, как рассуждают сторонники иронии как формы агрессии является точка зрения Дж. Хаймана: ирония – это «высокий», утонченный способ выражения агрессии в рамках определенной культуры. Утонченность иронии объясняется тем, что, по сути, это уже метауровень коммуникации [Haiman 1998]. Аналогичным образом, утверждая, что ирония – это инструмент для завуалированного выражения агрессии, С. Аттардо отмечает, что все же это более мягкий способ по сравнению с открытым, эксплицитным проявлением агрессивности [Attardo 2002].

Сторонниками противоположной точки зрения являются П. Браун и С. Левинсон. В ставшей классической работе “Politeness: Some Universals in Language Usage” они характеризуют иронию как специфическую стратегию позитивной вежливости, позволяющую выразить негативное отношение, при этом не нанося вреда адресату. При необходимости говорящий имеет возможность отказаться от наличия дополнительного смысла, а адресат

может игнорировать ироническую интенцию и ориентироваться только на буквальный смысл сказанного [Brown 1987].

Дж. Лич также относит иронию к формам вежливости: опираясь на Принцип Кооперации Грайса и сформулированный на его основе Принцип Вежливости, Дж. Лич выдвигает производный Принцип Иронии, который сводится к следующему: при необходимости выразить критическое отношение говорящий должен избегать способов, которые противоречат Принципу Вежливости. Предпочтительными оказываются косвенные способы выражения критики, которые позволяют адресату распознать отрицательное отношение говорящего, опираясь на импликатуры [Leech 1991].

Спор между теми, кто считает иронию формой вежливости, и теми, кто относит иронию к формам агрессивного поведения, вряд ли может быть однозначно разрешен в пользу одной из сторон. Дело в том, что вежливость – это характеристика формальной стороны общения (т.е. речь идет о том, в какой форме «упакована» интенция говорящего), в то время как агрессия – это характеристика качественной составляющей коммуникации (в центре внимания оказывается то, что именно хочет сообщить и какой эффект произвести говорящий своим высказыванием). Поэтому агрессия может выражаться в вежливой форме через иронию, однако степень агрессивности, конфликтности общения может варьировать. Приведем несколько примеров таких случаев.

В диалоге [2.11] участницы одного из женских интернет-форумов обсуждают празднование Дня Святого Валентина. Диалог начинается с вопроса, заданного в соответствии с принципами кооперативного общения, однако последующие реплики переводят диалог в ироническую тональность, при этом участницы обсуждения в своих комментариях выражают негативную оценку ситуации:

[2.11]

– Девушки, кто как планирует отмечать День всех влюбленных? Мы заказали столик в ресторане японской кухни, потом дома продолжение... Без изысков, но приятно. У нас "нюанс": 2 детей и отправить к бабушке не получится (один маловат еще, а старшей в садик в понедельник). А вы как будете отмечать, если тоже дети дома? Lady V

– **ГЫ:))) Вот теперь я понимаю кто будет покупать у нас наборы подарочные, а я еще думала затевать акцию на день св валентина или все таки нет, в прошлом году как-то мало наборов разошлось:))) Совершенно не понимаю, что за праздник такой. Ни в конфетно-букетный период его не праздновали, ни сейчас... У меня такое ощущение, что наши женщины придумали его отмечать для очередного подарочка:))) Ну или "я слишком стар...":))) я (зараза)**

– А что за наборы?:) При чем тут женщины? **Общеизвестно, что ДСВ – это всемирный заговор торговцев цветами-конфетами-парфюмерией-мягкими игрушками и прочей розово-слюнявой хренью, которую тоннами сметают накануне этого дня морально неустойчивые граждане:))) тигр-мыгр**

– ну наша продукция оформленная в стиле дня всех влюбленных, с сердечками и пр..... какая продукция я умолчу, больше потребляемая женщинами, если в общих чертах:) я (зараза)

– Мыло?:)) тигр-мыгр

– **стиральный порошок, ага:)))) Представляю лицо дамы в пеньюаре с сердечками, свечами и бутылкой вина, когда ее мужчина с подарочным набором стиральных порошков припреца:))))))))) я (зараза) [интернет-коммуникация].**

Вряд ли можно однозначно определить, является ли ирония проявлением вежливой критики или агрессии в приведенном выше диалоге. С одной стороны, вместо прямого ответа на вопрос автор темы получил встречную иронию (*Вот теперь я понимаю кто будет покупать у нас*

наборы подарочные), кроме того, практически все участницы обсуждения иронично выразили свое отрицательное отношение к празднику. С другой стороны, ни одна из собеседниц не нарушила Принципа Вежливости, поскольку высказанная критика направлена не на конкретного участника диалога, а относится ко всем, кто отмечает праздник. Тем не менее, формально вежливые высказывания несут в себе агрессивную интенцию и отражают состязательный характер диалога.

Несколько легче определить характер иронии в следующем примере – фрагменте статьи, посвященной благотворительному аукциону, в котором принимали участие не только представители финансовой элиты Москвы, но и их жены и дочери:

[2.12] *Почти все светские гранд-мамы, как ни печально, оказались куда красивее, чем их дочери, даже несмотря на разницу в возрасте. Что еще раз подтвердило наблюдение: профессиональные красавицы девяностых одаривали потомством богатых крокодилов, ну, и что выросло, то выросло.* [Б. Рынска. «Тыща долларов – и можно всю ночь мыть голову!» <http://www.gazeta.ru/lifestyle/bozhena/3814426.shtml>].

Номинация «*богатые крокодилы*» и использование глагола *вырасти* в форме среднего рода для описания девушек – это сигналы резко отрицательной оценки тех, о ком идет речь. Такая ирония – это проявление агрессии уже потому, что использование именной группы «*богатые крокодилы*» для называния группы людей нарушает нормы вежливости.

Еще один пример – из англоязычной интернет-коммуникации. Участники форума обсуждают появление новой хрестоматии для студентов, изучающих киноискусство. Основным предметом обсуждения становится не сама книга, а ее стоимость:

[2.13] *OK, I thought I have seen it all: this is a reader on film theory which costs \$1,450.00. That is to say, FIFTEEN HUNDRED DOLLARS!!!! Course adoption, anyone?* [интернет-коммуникация]

Ироничное предложение принять эту книгу в качестве базового учебника для университетского курса не противоречит канонам вежливости. Однако ему предшествует эксплицитно выраженное возмущение (заглавные буквы в интернет-коммуникации являются эквивалентом повышенного тона в устном общении). Получается, что ирония является продолжением агрессии, выраженной в предыдущем высказывании, хотя формально вопрос к участникам обсуждения не нарушает Принципа Вежливости.

Многие исследователи иронии не сводят ее функциональный потенциал к вежливому либо агрессивному выражению критики. В качестве альтернативного решения они предлагают выделять несколько функций иронии в дискурсе. Такой подход к описанию функций вербальной иронии представлен в работе [Hutcheon 1995]. Л. Хатчеон смотрит на результат иронической коммуникации с позиции адресата: фактически успешность действий говорящего в значительной степени определяется тем, как собеседник интерпретирует его речевые действия. Поэтому иронии приписывается та или иная функция в зависимости от того, какой способ интерпретации сказанного выбирает тот, кому адресовано высказывание.

Вербальная ирония может восприниматься адресатом двояко: либо как дополнительная «приправа», позволяющая сделать общение более интересным и состязательным, либо как коммуникативное неудобство (напомним, что полярность оценок иронии проявилась и в метапрагматической рефлексии носителей русского языка). Противоречивое отношение к иронии, интуитивно ощущаемое носителями языка, нашло отражение в представленной Л. Хатчеон таксономии дискурсивных функций иронии [Hutcheon 1995].

Классификация Л. Хатчеон представляет собой континуум, внутри которого каждая функция получает две диаметрально противоположные характеристики. Например, ирония в усиливающей (reinforcing) функции с одной стороны, может быть оценена как точная и выразительная, с другой – как излишнее украшение, побочный эффект коммуникации. Усиливающая

функция, по мнению Л. Хатчеон, обладает наименьшим потенциалом воздействия (*minimal affective charge*). Далее на шкале по мере усиления этого потенциала располагаются другие восемь функций иронии: усложняющая (*complicating*), развлекательная (*ludic*), дистанцирующая (*distancing*), функция самозащиты (*self-protecting*), раскрывающая суть объекта иронии (*provisional*), оппозиционная (*oppositional*), атакующая (*assailing*). Наибольшим потенциалом воздействия обладает собирательная функция (*aggregative*), причем и она может быть оценена как положительно (поскольку в таком случае с помощью иронии создается некая общность, группа тех, «кто понимает»), так и отрицательно (с точки зрения внешнего наблюдателя такая группа может быть охарактеризована как «снобско-элитарная», поскольку ирония может быть направлена на исключение «чужих»).

Классификация функций иронии, предложенная Л. Хатчеон, имеет как свои достоинства, так и некоторые недостатки. С одной стороны, функциональный континуум показывает, что и сама ирония тесно связана с потребностью выражать оценку. С другой стороны, учет только одной перспективы – позиции адресата – не позволяет судить, в какой мере интенции говорящего совпадают с тем, как адресат оценивает иронию.

Поскольку участников иронического дискурса как минимум двое, необходимо учитывать обе перспективы. Представляется, что все многообразие функций иронии может быть сведено к двум: реализация отношений авторитетности через установление асимметричных отношений между участниками коммуникации (говорящим, адресатом и объектом иронии) и развлечение адресата иронического высказывания или текста. Если первая функция является обязательной, то вторую можно считать факультативной, поскольку далеко не всякое ироническое высказывание вызывает смех. Выделяемые исследователями другие функции иронии (усложняющую коммуникацию, атакующую, дистанцирующую и др.) можно считать конкретными проявлениями функции авторитетности.

Поясним нашу точку зрения. Утверждая, что основная функция иронии в дискурсе – это установление отношений авторитетности, мы исходим из того, что практически все прагматические эффекты, производимые иронией, основаны на отношениях, которые предполагают асимметрию коммуникативных позиций. Ирония – это всегда попытка доминирования, стремление увеличить свой «символический капитал» [Bourdieu 1991], повысить собственный коммуникативный статус за счет объекта иронии (например, через представление точки зрения оппонента как абсурдной). Для иллюстрации этого положения приведем несколько примеров.

Первая иллюстрация – фрагмент рецензии фильма “I Don’t Know How She Does It”. Автор иронизирует по поводу актрис (Сара Джессика Паркер и Джулия Робертс), которые стали знаменитыми благодаря одной яркой роли; их карьера на протяжении многих лет связана с исполнением похожих ролей. Работа актрис метафорически описывается как заболевание (ailment), название которого образовано от фамилий (Parkeritis, the Roberts Syndrome):

[2.14] *The curse of Carrie Bradshaw infects “I Don’t Know How She Does It” with a severe case of what might be called post-Carrie Parkeritis. Parkeritis, if you haven’t heard, is the term given to a new ailment named after Sarah Jessica Parker, in which a star finds herself condemned to eke out the last drops of freshness from the role (in this case in “Sex and the City”) that made her world famous eons ago. In its chemical structure it closely resembles the Roberts Syndrome (as in Julia), first identified in “Pretty Woman” and last seen in “Larry Crowne.”* [<http://movies.nytimes.com/2011/09/16/movies/i-dont-know-how-she-does-it-review.html>]

Как проявляются отношения авторитетности в данном фрагменте? Автор повышает собственный статус в глазах читателей за счет понижения статуса популярных актрис: метафора хронического заболевания, с помощью которой оценивается их творчество, несет явную негативную коннотацию.

Не только письменный текст позволяет инициатору иронии устанавливать асимметричные отношения. Следующий пример – обмен

репликами между врачами в операционной – иллюстрирует реализацию отношений авторитетности в повседневной коммуникации.

[2.15]

– *У вас тут чистая операция?*

– *Ну конечно чистая, тут гнойная операционная, поэтому здесь мы делаем только чистые операции* [устная речь].

Внешне перед нами – вопросно-ответное диалогическое единство, однако ответная реплика не выполняет своей основной функции – предоставления информации. Через притворное согласие говорящий показывает неуместность вопроса коллеги и выражает упрек в незнании или пренебрежении нормами и правилами, принятыми в данной больнице. Прагматическая составляющая столь пространного и неинформативного ответа может быть интерпретирована следующим образом: «Я предполагаю, что врач, работающий в этой больнице, знает, что эта операционная предназначена для проведения гнойных операций. Поэтому он не будет спрашивать, какая операция здесь проводится. Своим ответом сообщаю, что ваш вопрос я расцениваю как проявление непрофессионализма». Указывая на неуместность вопроса, говорящий противопоставляет собственный уровень компетенции некомпетентности коллеги и тем самым устанавливает асимметричные отношения между собой и собеседником.

Еще один пример, ярко иллюстрирующий возможности иронии в установлении отношений авторитетности – фрагмент статьи, в которой обсуждается частое посещение города Сочи высокопоставленным политиком:

[2.16] *Город Сочи — чемпион страны по любви к премьеру. Если большая часть нашей великой и необъятной пребывает в коматозном оцепенении – кормимся, и ладно, – то в Сочи за лето и сентябрь визиты августейшей особы успевают так достать, что электорат лает барина на каждом углу* [<http://www.gazeta.ru/lifestyle/bozhena/3774985.shtml>].

Ирония, которая создается благодаря метафорической номинации (*город – чемпион страны по любви к премьеру*) и нетривиальной лексической сочетаемости (*электорат лает барина*), направлена сразу на нескольких участников ситуации: с одной стороны, это премьер-министр, с другой – жители города Сочи, с третьей – все население России, которое «пребывает в коматозном оцепенении». Такое множество объектов иронии помещает автора в позицию «над» всеми, о ком идет речь в тексте.

Что касается второй функции – развлекательной, – то она является своеобразным «следствием» игрового поведения говорящего. Ирония может реализовываться в дискурсе как намеренное усложнение формы высказывания, например, в виде языковой игры или пародии. Именно развлекательная функция является причиной частого объединения иронии с юмором или описания ее в рамках этической категории комического.

Пример развлекательной иронии – публикация “Spaghetti or Lasagna for Linguists” в сатирическом лингвистическом журнале *Speculative Grammarian* [<http://specgram.com/>].

[2.17]

Spaghetti or Lasagna for Linguists

LSA Committee on Comestibles in Linguistics

In order to understand various types of linguists better, we conducted a controlled experiment. Very simply, we asked each linguist “Do you want spaghetti or lasagna for dinner?” We think the replies we got are instructive, and so we are sharing them with you.

Classical Generative Phonologist: “*Whether it’s spaghetti or lasagna will be predictable from context. Give me either one, and call it ‘pasta.’*”

Structuralist: “*Both. Neither one will have any flavor unless I can compare them.*”

Typologist: “*Spaghetti. It’s a more prototypical instance of the category of pasta.*”

Discourse Functionalist: “*I don’t know. Are we eating with spoons or*

forks?”

Corpus Linguist: *“Lasagna. The bigger noodles are more impressive.”*

Semanticist: *“Lasagna. Lasagna noodles are larger, and therefore they entail spaghetti noodles.”*

Sociolinguist: *“I’d like two plates of spaghetti with different sauces.”*

Psycholinguist: *“Spaghetti. No, wait, that was just the primacy effect, sorry. Lasagna. No, hang on, that was just recency....”*

Neogrammarian: *“Neither. They are both borrowed, and I will go hungry rather than accept a borrowing.”*

Contact linguist: *“I’d like lasagna with refried beans.”*

“Aspects” Syntactician: *“I’ll take spaghetti. Lasagna is just spaghetti that’s been conjoined.”*

X-bar theorist: *“There’s no difference; they’re both just Specs of the plate.”*

Minimalist Syntactician: *“I’ll have whatever Chomsky is having.”*

Phonetician: *“Could you say that second word again more slowly?”*

Relational Grammarian: *“I’ll take spaghetti. Lasagna is underlyingly spaghetti that’s been raised into a bigger pan.”*

Systemicist: *“At this level of delicacy, I really need to know more about the genre (business dinner? date? lonely carbo-chowdown?) and register (is there a maitre’d, or am I dealing with Edna, who calls me “hon”?). Can I do MOOD and APPRAISAL analyses first?”*

Deconstructional linguist: *“Spaghetti is just lasagna that has been digested many times by previous speakers.”*

Literary linguist: *“The important thing is what spaghetti and lasagna mean in the context of the entire meal.”*

Nostraticist: *“They’re both flatbread, you know.”*

Statistical Linguist: *“I’ve recorded the past two thousand instances of dining, and so far, there’s a much higher incidence of lasagna-ordering on days when it’s the special. Today it’s not the special, so I’m going to flip a coin.”*

[<http://www.specgram.com/CLXIII.2/05.lsa.spaghetti.html>]

Игровой эффект в тексте достигается благодаря пародийному наложению двух ситуаций, которые обычно не совмещаются друг с другом: научного дискурса и выбора блюда. Элементарный выбор между спагетти и лазаньей превращается в пространную теоретическую дискуссию, в которой каждый из представителей различных направлений лингвистики пользуется теми же терминами и теми же способами рассуждения, с помощью которого принято анализировать языковые явления в рамках определенного исследовательского направления. Так, лингвист, занимающийся анализом художественных текстов (Literary Linguist), вместо того, чтобы сделать выбор, рассуждает о роли спагетти и лазаньи в общем контексте принятия пищи. Очевидна параллель между макаронными изделиями и элементами художественного текста, которые традиционно могут быть интерпретированы только относительно общего контекста литературного произведения.

Поскольку в тексте существует очевидный контраст между способом научного рассуждения и бытовым характером контекста, пародия на академический дискурс является сигналом наличия дополнительных смыслов (критическая оценка существующих лингвистических теорий) и одновременно развлекает читателей. Совмещение традиционных для лингвистики способов рассуждения с новым контекстом показывает слабые места научной коммуникации: неумение дать простой ответ на простой вопрос, несамостоятельность в рассуждениях и ориентация на авторитеты (*“I’ll have whatever Chomsky is having.”*)

2.6. Выводы

Представленный обзор классификаций иронии позволяет говорить о том, что при выделении видов иронии основной исследовательской проблемой является необходимость учета разнообразных факторов: семиотической системы, которая используется для создания иронии,

прагматического эффекта, который может быть достигнут в ироническом дискурсе, состав участников коммуникации, соотношение реального и ожидаемого положения дел. Попытки учесть все многообразие коммуникативных компонентов приводят к тому, что виды иронии выделяются на различных основаниях. Следствием этого являются ситуации, когда конкретные контексты не могут быть однозначно классифицированы, поскольку совмещают в себе несколько классификативных свойств (см. примеры [2.4] – [2.6]).

Наиболее очевидным представляется выделение двух разновидностей иронии: вербальной и ситуативной. Важно, однако, что, несмотря на очевидные различия в источнике иронии, для понимания вербальной, и ситуативной иронии используется наше знание о том, какие события, явления, объекты или языковые единицы могут сочетаться, а какие – нет. Иными словами, в основе понимания иронии лежит потребность в разрешении некогерентности ситуации, высказывания или текста. На данном этапе исследования можно выдвинуть предположение о том, что умение распознавать некогерентные события или нарушения смысловой целостности дискурса является основным когнитивным механизмом, который носители языка задействуют для распознавания и понимания иронии.

Наконец, в выделении функций иронии можно проследить две тенденции: либо иронии приписывается одна основная функция, либо исследователи предлагают детальную классификацию функций. По нашему мнению, основной функцией иронии в дискурсе является функция создания отношений авторитетности. Эта функция реализуется независимо от сферы и канала коммуникации. Ирония – это способ выражения негативного отношения к объекту иронии. С помощью имплицитной критики говорящий повышает собственный авторитет, тем самым увеличивая свой «символический капитал».

Выдвигаемые положения о функциях иронии и об общности когнитивных механизмов, необходимых для понимания различных видов

иронии могут быть проверены только на большом объеме текстового материала. Именно поэтому в данной работе в качестве основного метода исследования был избран корпусный анализ. В главе 3 представлен корпус текстов, а также обсуждаются основные проблемы, связанные с возможностью применения корпусных методов для анализа дискурсивного явления, не имеющего постоянной языковой формы выражения.

ГЛАВА 3. КОРПУС ТЕКСТОВ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ

Исследования дискурса требуют особого внимания к материалу: достоверность выводов в значительной степени зависит и от качества, и от количества источников. В лингвистической практике характерной можно считать ситуацию, когда исследование проводится с опорой на тексты, хорошо известные лингвисту (как правило, это тексты художественных произведений). Кроме того, важную роль в анализе дискурса играет исследовательская интуиция: выделяя основные категории и создавая модели, лингвисты в значительной степени опираются не только на уже существующие описания языков, но и на имеющееся у них интуитивное представление о том, как функционирует язык [Плунгян 2008а].

Развитие корпусных технологий серьезно повлияло на отношение лингвистов к материалу исследования. Корпусы предлагают другой вариант изучения не только уровневых языковых явлений, но и дискурса. Этот вариант заключается в создании корпусов текстов и их дальнейшем количественном и качественном исследовании [Рассказы о сновидениях 2009, Semino 2004].

На современном этапе развития анализа дискурса можно говорить о некотором противостоянии сторонников классического и «корпусного» подходов: исследователи, опирающиеся на собственную интуицию и читательский опыт, отрицают пользу корпусов в исследованиях свойств текста и дискурса [Fludernik 1996]. В качестве аргументов в поддержку данной точки зрения высказываются мысли о невозможности создания такой аннотации, которая адекватно отражала бы структурные и семантические свойства текстов. Кроме того, исследователи сомневаются в возможности использования статистического анализа применительно к структурно-смысловым свойствам текстов.

Сторонники корпусного подхода, напротив, говорят о том, что именно корпусный анализ обеспечивает необходимую степень объективности исследования. Корпусный анализ позволяет увидеть факты, которые оказываются недоступными при «интуитивном» подходе к отбору и анализу текстов и примеров.

Дискуссия о том, на каком материале следует проводить исследования дискурса, имеет принципиальное значение для изучения вербальной иронии. Традицию опираться на художественные тексты или интуицию исследователя нельзя признать удовлетворительной: такой подход ограничивает возможность распространения полученных выводов на «нехудожественные» сферы коммуникации и снижает объяснительную силу создаваемых лингвистами моделей вербальной иронии. В данном исследовании делается попытка анализа иронии на материале корпуса, в который вошли письменные нехудожественные тексты различных жанров, записи устной речи и фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Преимущество корпусного исследования заключается в возможности учета вариативности – важного свойства речевой деятельности [Viber 1988, Viber 2010]. В следующих разделах данной главы мы остановимся на проблеме отбора текстового материала и приемах его систематизации.

3.1. Проблема выбора материала исследования для изучения иронии

Один из наиболее сложных вопросов в исследовании вербальной иронии – это вопрос выбора исследовательского материала. На протяжении нескольких столетий в качестве источников данных использовались (и продолжают использоваться) художественные тексты либо высказывания, сконструированные самими исследователями на основе их языкового опыта.

Такой выбор объясняется, с одной стороны, высоким статусом художественной речи и длительной традицией опоры на исследовательскую интуицию. Еще одним объяснением можно считать существующую в лингвистике традицию изучения языка «сверху вниз», т.е. от теории к ее подтверждению эмпирическим материалом. При таком подходе текст оказывается не столько предметом анализа, сколько вспомогательным источником данных, которые необходимы для подтверждения теории.

Проблема, однако, заключается в том, что ни литературные произведения, ни высказывания-конструкты нельзя признать надежными источниками информации о том, как создается ирония в дискурсе.

Художественные тексты – это пример вторичной моделирующей системы. Такие системы надстраиваются над естественным языком и обладают большей сложностью [Лотман 1970]. Для изучения иронии это обстоятельство оказывается одновременно и достоинством, и недостатком. Сложность языка художественного произведения позволяет передавать комплексы смыслов в «концентрированном» виде, и это повышает шансы исследователя на обнаружение иронии. Именно этим объясняется популярность художественной литературы в качестве источника данных. Но, анализируя иронию в литературном тексте, исследователь теряет право распространять полученные выводы на повседневную, нехудожественную коммуникацию, поскольку естественный язык, который является основной знаковой системой для этих сфер, неизбежно отличается от языка художественного произведения по многим свойствам, в том числе и по степени сложности. Еще одна проблема, которая неизбежно возникает при исследовании художественных текстов – необходимость учета такой характеристики как *индивидуальность авторского стиля*. Выводы, сделанные на основе анализ творчества одного писателя, могут быть распространены на тексты других авторов только в определенной степени. Еще более затруднительно говорить об универсальности таких выводов применительно к некоторому языковому сообществу: вряд ли они могут

объяснять, как действуют носители языка, порождая и интерпретируя иронию в дискусе.

Опора на интуицию исследователя в исследованиях иронии также не может считаться надежным источником информации по меньшей мере по трем причинам: во-первых, использование высказываний-конструктов приводит к тому, что из поля зрения исследователей выпадает языковая вариативность. Во-вторых, конструирование примеров позволяет подбирать такие контексты, которые наилучшим образом иллюстрируют положения выдвигаемой теории; при этом контексты, которые в каком-либо отношении противоречат идеям исследователя, просто игнорируются. Наконец, в-третьих, можно говорить о повторяемости примеров и описываемых ситуаций в работах лингвистов.

С учетом обозначенных выше проблем в данной работе была избрана исследовательская стратегия *абдукции*, т.е. исследовании некоторых фактов и выдвижения гипотез об их общих свойствах с дальнейшей проверкой и уточнением этих гипотез на более широком материале [Есо 1984, Кашкин 2001].

Абдукция как способ логического размышления была описана в работе Ч. Пирса [Pierce 1974]. По мнению многих исследователей, абдукция – это не только способ научного рассуждения, но и способ повседневного взаимодействия с окружающим миром [Pierce 1974, Кашкин 2001]. Абдукция предполагает «челночный» способ рассуждений [Карасик 1988], позволяющий сформировать гипотезу, с некоторой степенью вероятности объясняющую наблюдаемые факты.

Стратегия абдукции позволяет проводить не только качественный, но и количественный анализ интересующего нас дискурсивного явления. Трудность его реализации заключается, во-первых, в отборе материала и контроле за репрезентативностью выборки. Во-вторых, специфика целей и задач исследования требует разработки специфического способа дискурсивной разметки текстов в корпусе.

Для проведения основного исследования был создан корпус текстов различных жанров на русском и английском языках. Этот корпус можно охарактеризовать как специализированный в том смысле, что с его помощью решалась конкретная исследовательская задача – исследование и классификация лингвистических сигналов иронии в разных видах текстов. Еще одной особенностью данного корпуса можно считать принцип, положенный в основу отбора текстового материала. Обычно в качестве ведущего критерия при составлении специализированного корпуса лингвисты используют экстралингвистические характеристики текстов, например, сферу коммуникации, хронологический период либо определенную социолингвистическую характеристику авторов.

В данном исследовании мы придерживались принципа, сформулированного Дж. Синклером: тексты включались в корпус не столько с точки зрения их лингвистических свойств, сколько в соответствии с их коммуникативной функцией [Sinclair 2005]. Более конкретно, в созданном нами корпусе критерием включения текста является прагматическая характеристика: присутствие иронии. Решение о включении текста в корпус принималось на основе параметров, используемых в модели модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide* (эта модель подробно обсуждается в четвертой главе диссертации).

Поскольку целью исследования является описание иронии как дискурсивной практики, т.е. регулярно используемого носителями языка способа говорить о чем-либо [Баранов 2014], нас интересует ее функционирование в максимально широком спектре сфер коммуникации. Поэтому в корпус включались письменные нехудожественные тексты, записи устной монологической и диалогической речи, фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Источниками текстов стали бумажные и электронные версии газет и журналов, электронные новостные издания, социальные сети, блоги и форумы, тексты научных статей и

монографий, научно-популярные публикации, транскрипты теле- и радиопередач, записи спонтанной разговорной речи.

Тексты вручную размечались в программе UAM CorpusTool [O'Donnell 2008]. Выбор данного программного средства объясняется возможностью создавать собственные схемы метаразметки и аннотации текстов.

3.2. Состав корпуса и статистика

Общее количество текстов, вошедших в корпус – 1500, из них 500 – письменные тексты, 500 – записи устной речи и 500 – фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Такое распределение текстов объясняется требованием сбалансированности: поскольку задачей данного исследования является изучение функционирования иронии в различных сферах коммуникации, необходимо, чтобы эти сферы были представлены равномерно. Объем корпуса составляет около 2,5 млн. словоупотреблений. Распределение текстов по регистрам и количеству словоформ представлено в Таблице 1.

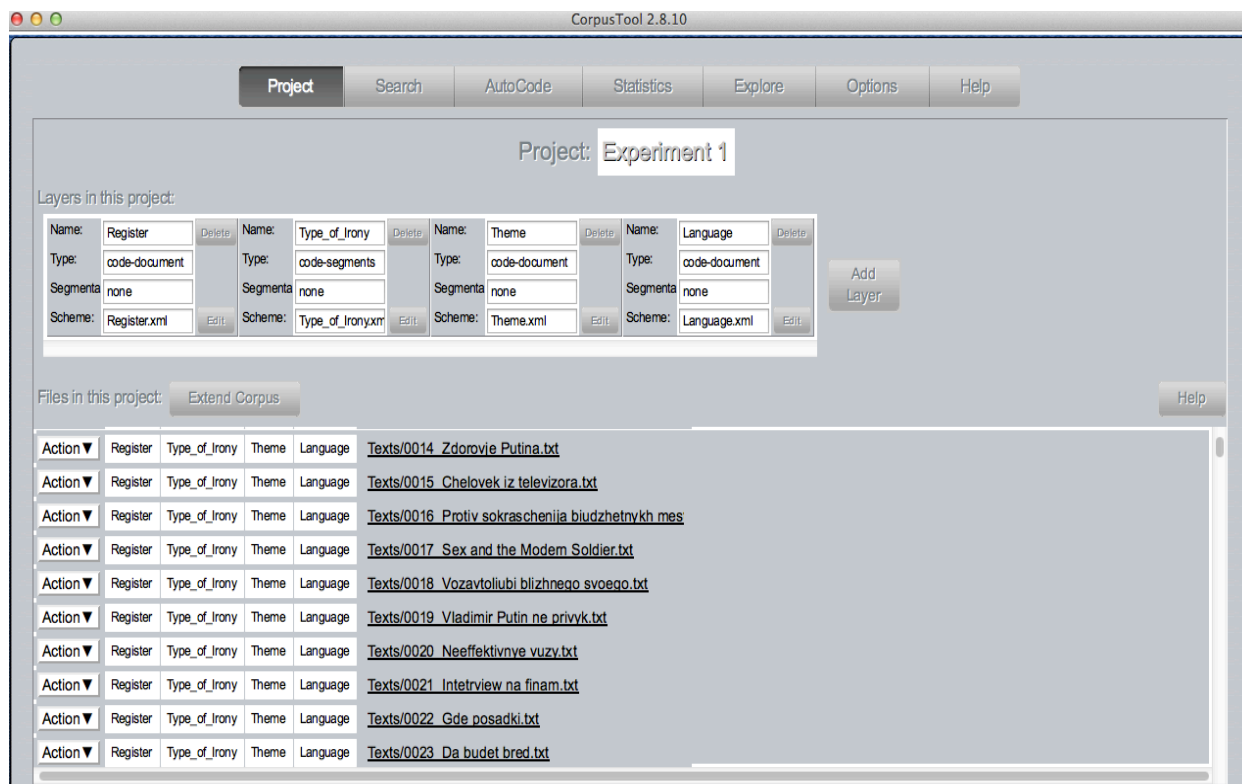
Таблица 1. Состав корпуса

	Письменные тексты	Устные тексты	Компьютерно-опосредованная коммуникация
Кол-во текстов	500	500	500
Кол-во словоформ	774000	882000	879000

По языкам тексты распределились следующим образом: в корпус включено 843 текста на русском и 657 текстов на английском языке.

Общий вид интерфейса программы UAM CorpusTool представлен на Рис.6. Программа позволяет не только осуществлять метаразметку и аннотацию текстов, но и проводить поиск по различным критериям, а также получать статистические данные о свойствах текстов, включенных в корпус.

Рис.6. Интерфейс программы UAM CorpusTool

3.3. Метаразметка текстов

Метаразметка – это информация о свойствах текста (язык, автор, время создания текста, жанр, объем и т.д.) [Lee 2001, Leech 1997, Leech 2005]. Метаразметка является необходимым «технологическим» элементом языкового корпуса: при формировании корпуса она позволяет соблюдать требования сбалансированности и репрезентативности корпуса. Кроме того, метаданные позволяют классифицировать тексты, включенные в корпус, а также осуществлять автоматический поиск, обработку и сортировку текстов в соответствии с критериями, интересующими пользователя.

Как отмечает Дж. Лич, не существует идеальной схемы разметки текстов; каждый корпус размечается исходя из потребностей конкретного исследования [Leech 2005]. Поэтому, в соответствии с целями и задачами данного исследования отобранные для включения в корпус тексты были размечены по следующим критериям:

- язык (русский или английский);
- канал коммуникации (устный – письменный – компьютерно-опосредованный);
- тип текста.

Разговорная речь описывалась как монологическая или диалогическая, для диалогов также было введено дальнейшее распределение по следующим типам: речь кино, текст радиопередачи, текст телепередачи, интервью, непубличная коммуникация, публичная коммуникация. В группу диалогов в сфере публичной коммуникации включены фрагменты диалогического общения во время конференций, в сфере профессиональной коммуникации. Непубличная диалогическая коммуникация – это записи диалогов в неофициальной обстановке (например, внутрисемейное общение).

Особой оговорки требует включение речи кино в корпус. С одной стороны, лингвисты высказывают мнение о «ненатуральности» речи киногероев. С другой стороны, в Национальном корпусе русского языка диалоги персонажей кинофильмов описываются как нехудожественная устная речь. На то, что диалоги персонажей в значительной степени отражают особенности устной разговорной речи, указывает также и П. Куальо [Quaglio 2009].

Письменные тексты также классифицируются по типу текста: в корпус включены газетные, а также журнальные статьи, тексты научных и научно-популярных публикаций (статей и монографий), эссе.

Наибольшее разнообразие наблюдается среди фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации: здесь выделяются записи в блогах, коммуникация на форумах, в чатах и социальных сетях, статьи, опубликованные на новостных сайтах, электронная переписка и записи в твиттере. Отдельные группы составляют читательские комментарии к различным интернет-публикациям, а также две разновидности «гибридных текстов»: это статьи с читательскими комментариями и записи блогов, также сопровождаемые читательскими комментариями. Такая классификация

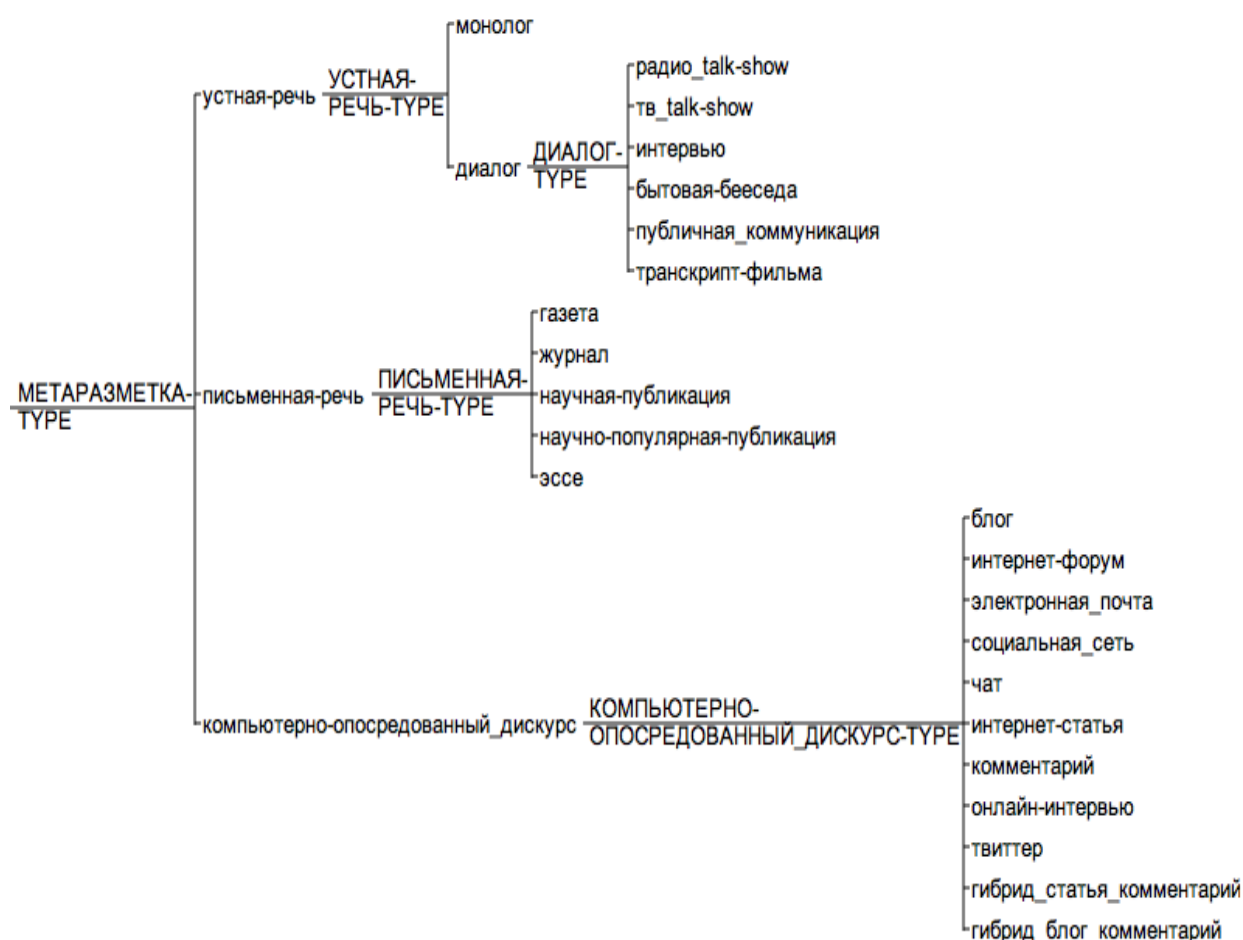

отражает два варианта случаев: читатели могут иронически комментировать текст, не содержащий иронии, либо иронические комментарии сопровождают статью или запись интернет-дневника, также написанную в ироническом стиле.

Создание корпуса текстов и схемы жанровой метаразметки носило итеративный характер: списки типов текстов имеют возможность пополнения, поэтому любой новый текст может потенциально изменить схему описания. С другой стороны, в процессе накопления текстового материала формируются определенные ожидания относительно того, в текстах каких жанров ирония наиболее вероятна.

Общая схема метаразметки текстов по этим параметрам представлена на Рис. 7.

Рис. 7. Схема метаразметки текстов

Все тексты также были размечены в соответствии с обсуждаемой в них тематикой. Как и в случае с жанровыми характеристиками, список тем

является открытым, однако можно говорить о том, что обсуждение отдельных тем чаще вызывает ироническую реакцию. В первую очередь это вопросы политики, социально-экономические проблемы, взаимоотношения государства и церкви, образование, спорт, а также сфера развлечений и массовой культуры. Таким образом, появление иронии в тексте определенной тематики повышается в ситуации социального конфликта.

3.4. Дискурсивная аннотация текстов

Для исследования способов создания иронии тексты были снабжены дискурсивной аннотацией тех фрагментов, в которых содержатся сигналы иронической интенции говорящего / пишущего. Дискурсивная аннотация – это выделение фрагментов текста или высказывания, в котором содержатся сигналы иронии. Техническая сторона дискурсивной аннотации заключается в расстановке xml-тэгов, которые указывают границы интересующего нас фрагмента, а также маркируют способ создания иронии в соответствии со специально созданной схемой разметки. Дискурсивная разметка обеспечивает возможность автоматического поиска и статистического анализа корпуса.

Схема разметки представляет собой иерархически упорядоченную классификацию стратегий и тактик создания иронии, которые использовали говорящие / пишущие в дискурсе.

Поскольку дискурсивное аннотирование текстов осуществлялось вручную, разработку схемы также можно охарактеризовать как итеративный процесс: на начальном этапе в схему были включены способы создания иронии, уже описанные в лингвистических исследованиях [Ермакова 2005, Походня 1989]. По мере добавления текстов схема уточнялась, тактики, имеющие общие свойства, были сгруппированы в более крупные кластеры, которые, в свою очередь, объединялись в стратегии создания иронии в дискурсе.

Опыт аннотирования текстов показал, что ирония может возникать под влиянием трех групп факторов:

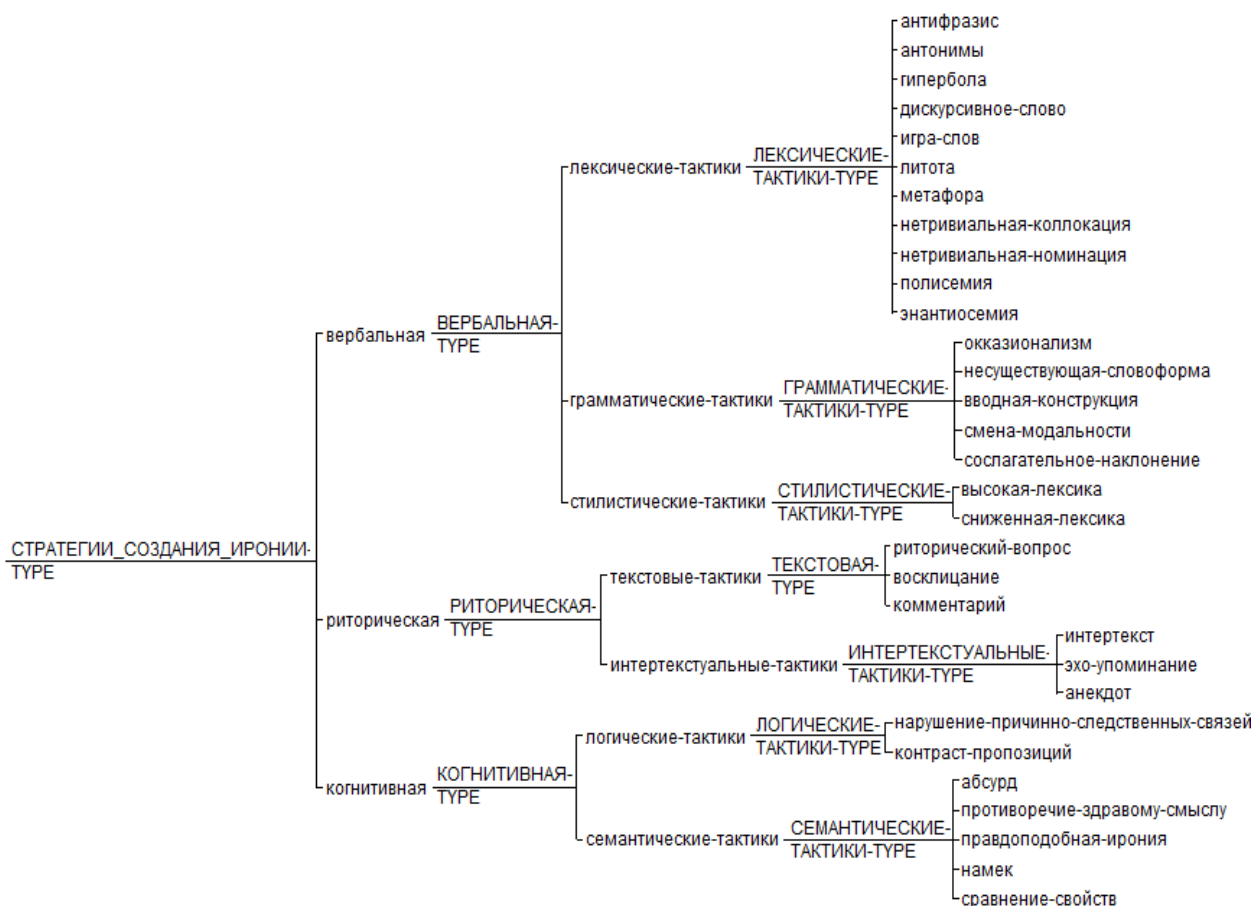
- языковых, которые выражаются в имеющихся у носителей языка эксплицитных и имплицитных знаниях языковой нормы и конвенций узуса, в умении отличать нормативное и приемлемое, ожидаемое использование языка от ненормативного, необычного, неожиданного;
- когнитивных, которые связаны с имеющимися у коммуникантов знаниями о мире и представлениями о нормальном ходе событий;
- дискурсивных (риторических), которые проявляются в умении устанавливать смысловые связи между отдельными отрезками дискурса, в том числе и в тех случаях, когда эти отрезки не являются составными компонентами единой коммуникативной ситуации, а разделены во времени и пространстве. К этой же группе относятся и знания о том, как должен быть организован диалог, какими риторическими свойствами должен обладать семантически связный текст.

Выделенные группы факторов определяют одно из важнейших свойств коммуникации – когерентность. Для исследования иронии понятие когерентности играет особую роль: семантической основой иронии является намеренное нарушение смысловой целостности на различных уровнях дискурса. Поэтому в процессе разработки схемы дискурсивной аннотации были выделены три стратегии создания иронии в тексте: вербальная, риторическая и экстралингвистическая. Говоря о *стратегии* создания иронии мы имеем в виду сознательное акцентирование говорящим наиболее коммуникативно важных, приоритетных смыслов и ослабление менее значимых смысловых компонентов высказывания или текста [Бергельсон 1987].

В свою очередь, тактика – это выбор конкретной языковой «техники» оформления высказывания, с помощью которой говорящий может достичь своей цели оптимальным образом.

На Рис.8 представлена схема дискурсивной аннотации текстов, включенных в корпус.

Рис. 8. Схема дискурсивной аннотации текстов

Дальнейшее описание схемы дискурсивной аннотации текстов и иллюстрация примерами будет проводиться в соответствии с выделенными стратегиями и тактиками. Данные о количественном распределении контекстов, реализующих выделенные стратегии создания иронии, приведены в таблице 2.

Таблица 2. Стратегии создания иронии

Стратегия создания иронии	Кол-во контекстов	Доля от общего кол-ва контекстов
Вербальная	3212	53,1%
Риторическая	1540	21,4%
Когнитивная	1296	25,5%
Всего	6048	100%

По данным корпуса, самой «востребованной» из выделенных стратегий является вербальная стратегия, которая реализуется на уровне высказывания. Риторическая и когнитивная стратегии используются инициаторами иронии в два раза реже, однако то количество контекстов, которое зафиксировано в корпусе, является доказательством того, что ирония в принципе не может быть сведена к риторическому тропу.

В следующих разделах данной главы мы охарактеризуем общие свойства вербальной, риторической и когнитивной стратегий, а также продемонстрируем на примерах реализацию различных тактик, выделяемых внутри этих стратегий создания иронии в дискурсе.

3.5. Стратегии и тактики создания иронии

3.5.1. Вербальная стратегия создания иронии

Вербальная стратегия проявляется в намеренном отступлении от конвенций узуса или языковой нормы, в нетривиальном использовании лексических, грамматических или стилистических языковых средств. Вербальная стратегия позволяет говорящему создавать некогерентность «внутри» высказывания. Для адресата намеренное нарушение нормы – это сигнал, указывающий на наличие скрытых смыслов.

Дальнейшее выделение и описание вербальных тактик создания иронии ориентировано на традиционное для лингвистики уровневое представление о структуре языка, в соответствии с которым были выделены лексические, грамматические и стилистические тактики создания иронии в высказывании / тексте.

Наиболее разнообразными оказались *лексические тактики*: практически все способы семантических «сдвигов» (по сути, это риторические тропы и фигуры) при определенных прагматических условиях

способны служить сигналами иронии. Приведем примеры реализации лексических тактик создания иронии в дискурсе.

Антифразис – это пример «классической» иронии, интерпретируемой путем «замены знака»:

[3.1] *Спасибо Вите, теперь я знаю в чем можно фотографироваться, а в чем нет. **Чтоб я без этого интеллектуала делала, ну просто не знаю*** [интернет-коммуникация].

[3.2] *The Queen has been told to cut spending and raise cash for her £50 million household repair bill by renting out Buckingham Palace for special events. **What a brilliant idea*** [The Times 29th January, 2014].

В обоих приведенных примерах ирония возникает как результат замены положительной оценки на отрицательную: ясно, что знание о том, в чем можно или нельзя фотографироваться не является показателем интеллекта, а предложение сдавать Букингемский дворец для проведения торжественных мероприятий не является блестящей идеей.

Антифразис – частотная, но далеко не единственная тактика создания иронии. В корпусе доля случаев, в которых говорящие используют тактику антифразиса, составляет 14 % от общего количества контекстов.

Антонимия – лексический способ создания иронии, который дает возможность говорящему указать на несоответствие реальной ситуации ожиданиям или некоторым нормам благодаря наличию в контексте слов с противоположным значением. Антонимы позволяют обозначить противоречие между реальным и ожидаемым положением дел:

[3.3] *Делегаты около часа ждали Владимира Путина в зале. Когда ожидание стало, похоже, невыносимым, было уже понятно, что оно должно как-то разрешиться. И оно разрешилось: на пол со страшным звоном, переходящим в какой-то треск, упала сумка кого-то из делегатов. **Очевидно, этот человек готовился не к открытию конференции, а к ее закрытию. И вот, судя по звону с треском, все пошло прахом*** [А.

Колесников. «Если в партию сгрудились центральные». Газета «Коммерсант» № 39 (4580) от 05.03.2011].

Использование антонимов позволяет показать несоответствие между реальной ситуацией и ожидаемым ходом событий. В корпусе доля контекстов, в которых ирония создается благодаря антонимическому противопоставлению реального положения дел ожидаемому составляет 1,5 % от общего количества контекстов.

Дискурсивные слова с семантикой адмиративности могут служить маркерами иронии в тех случаях, когда указывают на притворное удивление говорящего:

[3.4] *Кто-нибудь запомнил фамилию героя-трудяги из Магнитогорска, задавший Путину вопрос про ношение хиджабов в школах? Оказывается, у нас проблем в городе-то и нет, кроме этой* [интернет-коммуникация].

[3.5] *Похоже еще чуть-чуть золотого нефте-газового времени и мы выполним главный наказ Хрущева – догнать и перегнать Америку. Не по уровню жизни конечно, но по количеству миллиардеров. Это для Запада кризис беда, а для нас мать родная... Невзирая на эти самые кризисы число счастливых обладателей этой цифры выросло еще на 30 человек. Темпы просто удивительные! Видимо непосильным трудом, из поколения в поколение, копейку к копейке, зарабатывались эти состояния* [интернет-коммуникация].

Доля контекстов, в которых говорящий создает иронию с помощью дискурсивного слова – 3 %.

Энантисемия – стратегия, которая позволяет говорящему одновременно актуализировать два значения слова, причем эти значения находятся в отношениях противоположности. В этом энантисемия близка антифразису. Однако нами было принято решение выделить случаи энантисемии в отдельную группу по двум причинам. Отличие энантисемии от антифразиса заключается в том, что в первом случае

актуальными остаются оба значения, в то время как антифразис предполагает замену одного значения другим. Кроме того, энантиосемия всегда реализуется только на уровне слова, в то время как антифразис может реализовываться и на более крупных единицах высказывания, например, на уровне пропозиции.

Пример [3.6] иллюстрирует случай энантиосемии: отрицание *не зря* может быть интерпретировано в своем прямом значении по правилам модуса *bona fide* и в противоположном – по правилам модуса дискурса *non bona fide*.

[3.6] *ХАКАМАДА: Я ходила во дворе, был кружок, тогда в Советском Союзе бедные художники имели право жить в подвалах бесплатно, там ютились со своей семьей и за это они должны были заниматься общественной работой во дворе. Они создавали кружки, я училась живописи и, я забыла, как называется, когда на куске линолеума выбиваешь рисунок, потом катаешь краской, получается литография.*

СТАХОВСКИЙ: Что-то такое, да.

ХАКАМАДА: Что-то такое. Я помню, что горшки рисовала, мольберт у него стоял. Потом, когда я уже родила своего сына, я его встретила, он стал лауреатом каких-то премий, наделал очень много Ленина.

СТАХОВСКИЙ: Зачем?

ХАКАМАДА: Заказуха.

СТАХОВСКИЙ: Ну, то есть, по делу он делал.

ХАКАМАДА: То есть, он пошел, да.

КУЗЬМИНА: Не зря давали подвалы бедным художникам.

СТАХОВСКИЙ: Нет, ну, мало ли, может, увлекался. [Радио «Маяк». «Школьная анкета» с И. Хакамадой. http://www.radiomayak.ru/fragment/show/brand_id/61/fragment_id/27439]

Энантиосемия используется говорящими гораздо реже антифразиса – объем контекстов, реализующих эту тактику, составляет только 1%.

Гипербола – одна из наиболее распространенных тактик создания иронии. Преувеличение свойств объекта – один из способов показать расхождение между реальной и ожидаемой ситуацией:

[3.7] *То есть вот прямо вот этот вот Олег Львович Митволь – тот, который закрывал "Новые Известия" и выгонял на улицу Игоря Голембиовского, тот, который устраивал демонстрационные сносы бань Аллы Пугачевой от имени Росприроднадзора, тот, который велел отвинчивать вывеску с "Антисоветской шашлычной", тот, который превращал в идиотский балаган с монорельсом и ветряными мельницами должность префекта одного из столичных округов, тот, который спойлерил на выборах в Одинцове, в Химках и в Екатеринбурге, и тот, который всеми этими долгими годами упорных упражнений зарабатывал себе репутацию самодовольнейшего из бессовестнейших демагогов, позеров и лицемеров столицы и ее окрестностей, – он такой себе ученый. Исследователь. Отважный ходок в неведомое. Могучий раздвигатель горизонтов. Исторических наук доктор [http://echo.msk.ru/blog/serguei_parkhomenko/1255558-echo/].*

Ироническая гипербола позволяет представить объект таким, каким он не является в действительности, и в этом отношении гипербола может быть близка антифразису:

[3.8] *Ну что, ребята, поздравляю. Мы действительно живем в «самой прекрасной стране на свете», и все остальные страны нам действительно завидуют! Ну где еще бывший министр, находящийся под следствием, может получить государственную должность? Правда, уже появилось опровержение – все-таки назначение **прекраснейшего Сердюкова** советником директора корпорации «Ростехнологии» – вроде как слухи [интернет-коммуникация].*

Доля контекстов, в которых основным средством создания иронии является гипербола – 4,1%.

Литота позволяет создавать иронию за счет имплицитного сравнения участников ситуации (пример [3.9]) или, так же, как и гипербола, представляет объект таким, каким он на самом деле не является (пример [3.10]).

[3.9] *As for us narrow-minded comparers – it's so easy to find parallels using your list* [интернет-коммуникация].

[3.10] *Ну, про такие мелочи, как оттяпывание самых лакомых кусков земли под дворцы и коттеджи, передел бизнеса – всего! – сносы и поджоги жилых домов под строительство торговых центров и прочая, и прочая, и прочая, я уж говорить не буду* [А.Бабченко. «Добро пожаловать, Крым!» <http://www.snob.ru/profile/27517/blog/73706>].

Литота как тактика создания иронии реализуется в 1,5% случаев.

Метафора позволяет говорящему менять категориальную принадлежность объекта или ситуации. В иронической метафоре говорящий намеренно объединяет свойства объектов, принадлежащих непересекающимся понятийным областям. Результат – новая когнитивная структура – оказывается несовместимым с имеющимся у адресата знанием об окружающем мире:

[3.11] *Как всегда, высказаться коротко у Суркова не получилось, и подвал газеты «Ведомости» затопило прорвавшимся энтузиазмом первого зама руководителя администрации президента.*

[3.12] *Нет, говорят, где-то есть другая жизнь. Настоящая, насыщенная, интересная жизнь. Где-то там люди более достойные посещают музеи. Театры. Вообще, осматривают достопримечательности. Вот это вот все. С горки ледяной летят на санках с радостным хохотом. Или на лыжах. На этой. Такой. Одна большая лыжина. Как ее. Все слова пере забудешь с этими каникулами. Сноуборд, конечно, сноуборд. А ты выныриваешь из салата, гребешь в сторону телевизора.*

Объем контекстов, в которых сигналом иронии является метафора – 3,2%. Более подробно использование гипербол, литот и метафор как вербальных тактик создания иронии уже обсуждалось в главе 2.

Нетривиальная лексическая сочетаемость – это тактика создания иронии, которая функционирует на уровне словосочетания. В результате намеренного отступления говорящим от канонов узуса ожидания адресата оказываются нарушенными.

[3.13] *Шла предвыборная кампания, и помещение в мэрии было арендовано, чтобы не вызывать у конкурентов ненужных вопросов о ненадлежащем использовании премьерской резиденции (или, вернее, ненадлежащих вопросов о ненужном использовании).*

[3.14] *Brussels prefers to keep away reality from the EU project, but this week there was an outbreak of sanity* [The Times].

Тактика использования слов в необычном окружении в качестве сигнала иронии – одна из наиболее распространенных: на ее долю приходится 8,4% контекстов.

Нетривиальная номинация также связана с необычной категоризацией или рекатегоризацией объекта или ситуации:

[3.15] *Составление планов, разработка концепций, создание программ, в общем выпиливание лобзиком путеводных звезд, приобрело значимость, возвышающуюся над тем, что планируется, и осознаваемую как самоцель* [М.Ю. Сидорова. «Записки инопланетянина» <http://www.pravmir.ru/zapiski-inoplanetyanina1/>].

[3.16] *К. ЛАРИНА – Называется как: сны о России. Не кошмары, не ночные кошмары о России. Кстати уже наша добрая аудитория переименовала это шоу «Сны премьера России». Поскольку фотография со спящим премьер-министром обошла, по-моему, уже все интернет-*

пространства за сегодняшнюю ночь [Радиостанция «Эхо Москвы». «Человек из телевизора». <http://echo.msk.ru/programs/personstv/1254022-echo/>].

По данным корпуса, нетривиальная номинация как тактика создания иронии использовалась в 5% от общего количества контекстов.

«Эксплуатация» лексической многозначности позволяет говорящему актуализировать несколько значений многозначного слова. В отличие от энантиосемии, эти значения не находятся в отношениях противопоставления. Заметим также, что эта тактика часто используется в других жанрах модуса коммуникации *non bona fide* – каламбурах и шутках.

[3.17] *В день больших событий в советских учреждениях всегда выбрасывают большой дефицит. Объявление, которое возникло в думском буфете в день приезда на Охотный Ряд Владимира Путина, было двусмысленным: «Уважаемые посетители! В продаже появилась клюква урожая 2008 года по цене 156 рублей за кило».*

Самим депутатам, с одной стороны, не привыкать к клюкве на Охотном Ряду. Но, с другой стороны, вчера, для того чтобы повесить такое объявление, нужно было определенное гражданское мужество, ибо текст объявления граничил с политической оценкой происходящего здесь в этот день события [А.Колесников «Владимир Путин отчитался как отчитал». «Коммерсантъ» № 61(4116) от 07.04.2009].

На долю тактики актуализации нескольких значений многозначных слов приходится 1% от общего количества контекстов в корпусе.

Игра слов – еще одна тактика, характерная не только для иронии, но и для юмористического дискурса. В ироническом дискурсе игра слов, как правило, сопровождается выражением негативной оценки события, объекта или ситуации. Так, в примере [3.18] нетривиальный порядок следования кореферентных элементов – местоимения *он* и именной группы *кардиолог Хренов* – позволяет интерпретировать именную группу не только как

сочетание имени нарицательного с именем собственным, но и как сочетание существительного с прилагательным:

[3.18] *Он открыл нам глаза, кардиолог Хренов.*

Ср. со следующим контекстом:

– Ладно, разведчик хренов, – бурчит отец, обнимает за плечи и целует в висок...) [НКРЯ].

Пример [3.19] – реакция читателя на новостное сообщение об одном из голливудских актеров – содержит контаминацию *Hollyweird* (*Hollywood + weird*), которая указывает на негативное отношение и к прочитанной новости, и к актерам Голливуда в целом:

[3.19] *Yawn. Half of **Hollyweird** is #\$\$%, or gay, or whatever the in term is now. It ought to make news when some guy's confirmed to be straight.*

Игра слов составляет 1,3% от общего количества иронических фрагментов в корпусе.

Стилистические тактики создания иронии связаны с включением в текст слов, выделяющихся по своим стилистическим свойствам, т.е. речь идет об использовании слов либо принадлежащих высокому стилю, либо слов разговорных или просторечных:

[3.20] *Вы давно мечтали об этом. Все вокруг уже давно это делают. Ведь быть депрессивным, меланхоличным, уставшим от жизни так модно. Так шикарно **вещать** о бессмысленности жизни.*

[3.21] *У нас очень смешной президент – Медведев. Свою работу они видит в том, чтобы **тыркать** пальцем во все, что не работает, и требовать, чтобы это заработало.*

[3.22] *Константину Эрнсту, у которого в анамнезе шоу «Голос», Гай Германика, два «Дозора», «Высоцкий. Спасибо, что живой», фильмы Парфенова и Бог знает что еще вплоть до лично спродюсированного фильма «Чужая» по знаменитому Адольфычу — вот ему, Эрнсту, приходит из Государственной Думы протокольное поручение: предоставить*

информацию о доходах Владимира Познера и, если эти доходы выше, чем у остальных журналистов Первого канала, ответить, связано ли это с тем, что у Познера кроме российского есть французское и американское гражданства. И вот Константин Эрнст должен на официальном бланке, аккуратно, чтобы его не заблевать, ответить депутатам Государственной Думы на их вопросы [блог, интернет-коммуникация].

Сниженная лексика используется чаще, чем высокая: в корпусе содержится 2% и 0,5% контекстов соответственно.

Наконец, *грамматические стратегии* связаны с отступлением от грамматических норм и норм словообразования, т.е. с изменениями не только семантическими, но и формальными.

В примерах [3.23] и [3.24] авторы высказываний используют тактику создания окказионализмов:

[3.23] *У нас в стране коррупция, – строго говорит Медведев, – мы должны ее полностью ликвидировать к две тысячи кувырнадцатому году.*

[3.24] – *А подписи Н.С. Михалкова, наверное, потому нет, что готовится особое письмо: «Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Владимире Владимировиче; как художник – впервые».*

– *Похоже на то. Почему молчат михалкологи? Думаю, вы правы, будет отдельное произведение, еще более достойное [общение в социальной сети, интернет-коммуникация].*

Еще один случай нарушения грамматической нормы связан с употреблением личных имен или *singularia tantum* в форме множественного числа:

[3.25] *Виктория, как вы считаете, наступило ли, благодаря усилиям разнообразных Госдум, Роскомнадзоров и других контролирующих*

инстанций, все-таки наступила ли в нашем обществе сексуальная контрреволюция? [телевизионное ток-шоу]

[3.26] *Сидят в студии четыре неумных остроумных балагура и хохмача: Цекало, Мартиросян, Ургант и Светлаков, читают себе газеты и балагурят сами себе. Вот так, прям без подготовки. Сами тут же остроумно остряют и сами тут же со смеху покатываются, как **четыре обезумевшие резины дубовицкие*** [А. Мешков. Зацепило: Горький привкус телевизионного чеса <http://www.kp.ru/daily/24196/401989/>].

К грамматическим тактикам отнесено также использование сослагательного наклонения: это позволяет говорящему имплицитно сравнивать реальное положение дел с ожидаемым. Пример [3.27] – запись в твиттере KermlinRussia, в которой комментируется высокая стоимость дорог в Сочи:

[3.27] *Стоимость километра могла бы быть еще выше, если бы в смету включили компенсации избитым журналистам и экологам.*

Пример [3.28] – комментарий читателя к новости о дорожно-транспортном происшествии, в котором столкнулись автомобили полиции и ГИБДД:

[3.28] *Сколько бы они игровых автоматов закрыли, если бы не разбились, страшно подумать* [интернет-коммуникация].

Смена модальности – еще один способ имплицитного сравнения двух ситуаций (0,5% от общего количества контекстов). В примере [3.29] с помощью высказывания «*может, западным артистам сразу повестки в суд раздать*» говорящий меняет модальность на предположительную и вводит в диалог новую ситуацию, которая имплицитно сопоставляется с уже имеющейся:

[3.29] *Бывшая активистка прокремлевского движения «Наши» Марьяна Скворцова (ныне беременная гражданка Яковлева), которой после*

скандала с Бронзовым солдатом в Эстонии закрыт въезд в ЕС, сообщила, что, как человек с активной гражданской позицией, надеется, что «судебное заседание предотвратит подобные выступления в будущем».

– Каким же образом? – уточнил судья.

– Мы создадим прецедент.

– Может, западным артистам сразу повестки в суд раздать – и добро пожаловать в Московский районный суд, – заметил Барковский. – Вдруг совершат что-нибудь [Новая газета. № 134 от 26.11.2012].

Использование вводных конструкций в качестве тактики создания иронии позволяет говорящему либо оценивать обсуждаемую ситуацию (пример [3.30]), либо отсылать к ситуации, являющейся причиной текущего положения дел (пример [3.31]):

[3.30] *Поездка на три дня на юг, по словам, **не побоюсь этого слова**, главного санитаря, грозит двухнедельным расстройством (вот тут я не поняла, кого или чего расстройством. Сам ли г. Онищенко огорчится или чем другим угрожает нам, потенциальным отъезжающим)* [интернет-коммуникация].

В приведенном контексте вводная конструкция *не побоюсь этого слова* – один из целого ряда сигналов авторской иронии. Семантика этой вводной конструкции позволяет говорящему имплицировать квазикатегоризацию объекта, т.е. показать, что этот объект (в данном случае – главный санитарный врач) по некоторым причинам не может быть отнесен к названной категории.

В следующем примере конструкция *как Вы и завещали* отсылает читателя блога к предложению правительства ввести социальные нормы энергопотребления, а также к коллокации *как завещал X*, которая обычно используется для ссылки на авторитетный источник (ср. с контекстом [3.32]):

[3.31] *Допустите, что я пишу эти строки, сидя в комнате. Она освещается четырьмя энергосберегающими (как **Вы** и завещали) лампочками по 15 Вт каждая [интернет-коммуникация].*

[3.32] *А уж в связи с непонятно откуда... точнее понятно откуда взявшимся кризисом эта работа вообще не очень-то актуальна, малооплачиваема... А в Москву... Нет, там зарплаты все еще неплохие, но она переводится все-таки как резиновый город... Так что на чердак, и учиться, учиться, учиться, **как завещал** дедушка Ленин, умерший, правда, в 54 года, так что это даже не дедушка, а так... [НКРЯ]*

На долю окказионализмов как сигналов иронии приходится 1,2% контекстов; отступления от словообразовательных норм содержатся в 0,5% контекстов. Это позволяет говорить о том, что творческое использование языка, в отличие от художественной литературы, для иронии в нехудожественных нехарактерно (более подробно вопрос о том, насколько творческой является ирония в повседневной устной коммуникации, обсуждается в главе 6). Что касается остальных грамматических тактик создания иронии, по данным корпуса в 0,5% случаев говорящий использует вводную конструкцию, в 0,5% контекстов сигналом иронии является смена модальности и в 1% – использование сослагательного наклонения.

На рис. 9 представлена информация о частоте использования вербальных тактик создания иронии по данным корпуса.

3.5.2. Когнитивная стратегия создания иронии

Когнитивная стратегия создания иронии «эксплуатирует» имеющиеся у коммуникантов знания о мире и о том, какое положение дел считается нормальным. Ироничные высказывания и тексты противоречат этим знаниям, представляя ситуацию странным или необычным образом.

Когнитивные тактики создания иронии можно разделить на две группы: к первой относятся различные логические нарушения (например, эти нарушения могут затрагивать причинно-следственные отношения):

[3.33] *Чиновникам нельзя работать бесконечно. Поэтому они решили не работать совсем.*

[3.34] *Подмосковные электрики больше не берут взятки за восстановление энергоснабжения. Поэтому несколько тысяч человек до сих пор сидят без света.*

Логическое противоречие между двумя пропозициями также может стать сигналом иронии:

[3.35] *С 1 июля хотят запретить кружевное белье. Я так понимаю: на что я живу, плачу кредит и содержу ребенка – это не важно, а вот какие на мне трусы – проблема на государственном уровне [интернет-коммуникация].*

[3.36] *Конечно, святые отцы 2 тысячелетия неправильно толковали, а пришел Алексей и все – пазл сошелся... [интернет-коммуникация]*

Отметим, что нарушение причинно-следственных связей и противопоставление пропозиций используется достаточно редко: в 0,7% и 0,5% контекстов соответственно.

Во вторую группу когнитивных тактик включаются высказывания, семантика которых не позволяет соотносить их с реальным положением дел. В этой группе выделено несколько подгрупп:

- ***высказывания, противоречащие здравому смыслу:***

[3.37] *Виктор Кирьянов постоянно летал по встрече и лишь однажды сбил человека. Ему можно доверить безопасность не только на дорогах, но и в небе [http://twitter.com/kermlinrussia];*

По данным корпуса, количество примеров иронических высказываний, противоречащих здравому смыслу, составляет 10% от общего количества контекстов.

- ***абсурдная ирония***, которая возникает в тех случаях, когда говорящий намеренно представляет ситуацию так, что высказывание очевидным образом противоречит существующим представлениям об устройстве мира. Важно, что вероятность такого положения дел всегда равна нулю:

[3.38] *Ледяная глыба, упавшая на губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко, пользовалась бы поддержкой 97,2% жителей города.*

[3.39] *Ясное дело все ракеты перед стартом освящаются, фоток этого процесса в сети полно.*

Загадки же в неудачах никакой нет – проблема в том, что с тех пор как в России практически покончили с атеизмом ракеты стали биться о небесную твердь [интернет-коммуникация];

Объем контекстов, в которых говорящий представляет ситуацию абсурдной – 4,1% от общего количества контекстов.

- ***правдоподобная ирония*** – высказывания, эксплицирующие некоторую социальную норму в ситуации ее очевидного нарушения:

[3.40] *Конечно, религиозным людям глубоко неприятно смотреть, как страна пьёт и веселится. Они чувствуют себя чужими и обиженными [блог, интернет-коммуникация];*

- ***высказывания-намеки***, которые также позволяют говорящему имплицитно указать на несоответствие между реальным и возможным ходом событий:

[3.41] *Есть, кстати, странное совпадение, замеченное очень многими: «неэффективные» вузы в большом количестве случаев занимают отличные места в центре городов, очень хорошие, а то и прямо «исторические» здания (что, конечно, неправильно – подобное хозяйство можно использовать куда более рационально) [С. Неклюдов. «Гильотина как эффективное средство от мигрени». <http://polit.ru/article/2012/11/27/edu/>];*

Правдоподобная ирония – нечастая тактика создания иронии. По данным корпуса, примеров реализации этой тактики – около 1,7%.

- ***высказывания, в которых говорящий или пишущий сравнивает реальную ситуацию к еще более абсурдному положению дел:***

[3.42] *Вообще, реформировать МВД – это все равно что отнести к стоматологу покойника с плохими зубами: после процедуры он не станет ни здоровее, ни улыбчивее [Esquire. Письмо редактора. http://esquire.ru/ed_letter-53].*

[3.43] *The more she annoys and infuriates, the happier, I am sure, she becomes. “My growing notoriety shows that I am an effective communicator and earning a grudging form of respect!” she doubtless tells herself. Never quite realising, perhaps, that the same logic was employed by that sweaty kid at your school, whose name everybody certainly knew but **only because he once ate a worm*** [The Times. Hugo Rifkind on TV <http://www.thetimes.co.uk/tto/arts/tv-radio/reviews/article3998904.ece>].

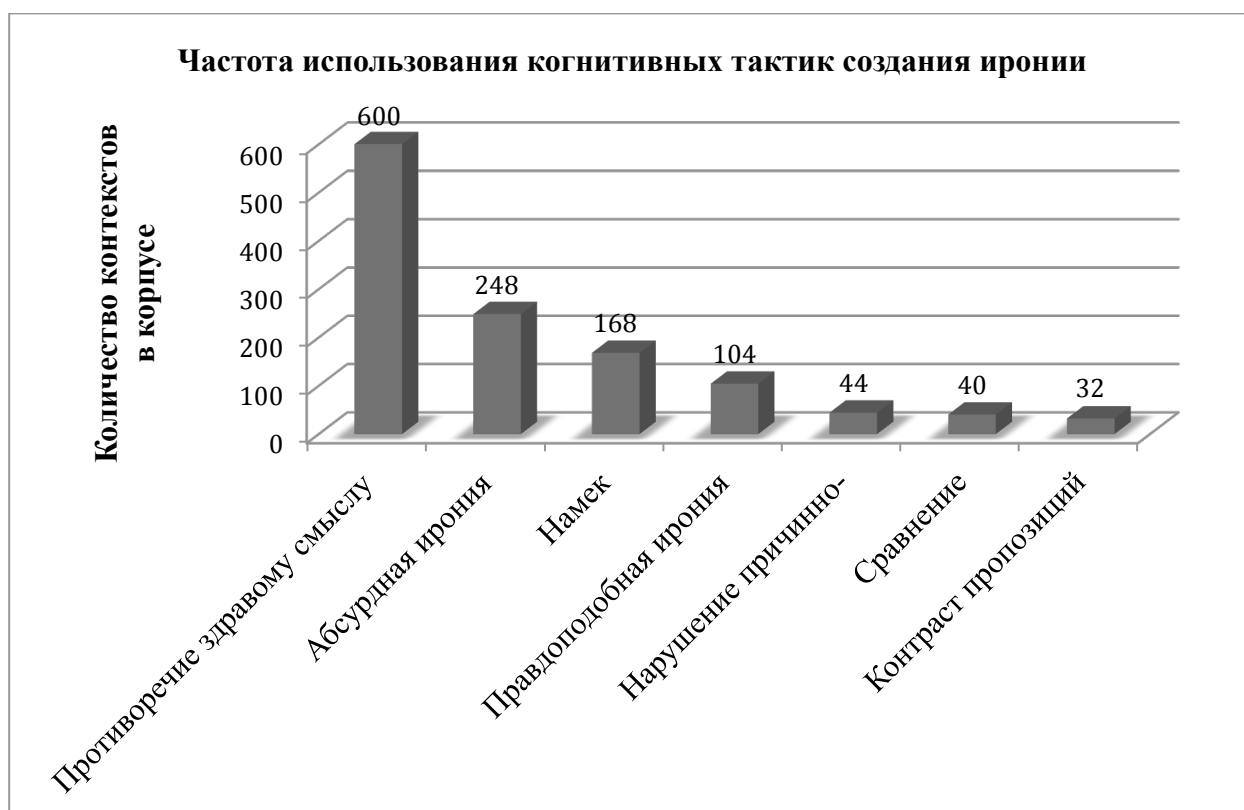
Ирония, возникающая в результате сравнения двух ситуаций, содержится в 0,7% контекстов.

К группе когнитивных тактик создания иронии нами были также отнесены случаи использования намеков (2,8% от общего количества контекстов):

[3.44] *Есть, кстати, странное совпадение, замеченное очень многими: «неэффективные» вузы в большом количестве случаев занимают отличные места в центре городов, очень хорошие, а то и прямо «исторические» здания (что, конечно, неправильно – подобное хозяйство можно использовать куда более рационально)* [С. Неклюдов. «Гильотина как эффективное средство от мигрени» polit.ru/article/2012/11/27/edu/].

Все эти тактики объединяет наличие имплицитного или эксплицитного сравнения реальной ситуации с некоторой социальной нормой или ожидаемым либо вероятным положением дел в действительности.

Количественная информация об использовании когнитивных тактик представлена на рис. 10.

Абсолютным «лидером» среди когнитивных тактик является противоречие высказывания здравому смыслу, т.е. знанию о нормальном, ожидаемом ходе событий. Второй по частотности является абсурдная ирония. Такая ситуация не вызывает удивления: семантическая организация высказываний, представляющих ситуацию странным или абсурдным способом позволяет адресату легко распознавать коммуникативную интенцию говорящего.

3.5.3. Риторические тактики создания иронии

Дискурсивные (риторические) тактики создания иронии основаны на имеющемся у коммуникантов знании о том, как должен быть организован семантически целостный текст. Дискурсивные тактики также делятся на две группы: к первой относятся те случаи, когда говорящий намеренно отступает от канонической структуры текста. Во вторую группу включены случаи,

когда для создания иронии говорящий опирается на интертекстуальные связи. Проиллюстрируем эти тактики примерами.

Отступления от ожидаемой (канонической) структуры текста могут выглядеть как *риторические вопросы* (примеры [3.45] и [3.46]), *восклицания* (пример [3.47]) или *комментарии* (пример [3.48]- [3.50]):

[3.45] *я сотрудник РГГУ, в прошлом году я делала доклады на конференциях в Оксфорде, Эколь Нормаль Суперьер, в университетах Тулузы и Токио – не говоря о России, я получаю 12 тысяч рублей. **Правильно ли я понимаю, что я научно неэффективна?*** [комментарий к требованию отменить рейтинг эффективности вузов на сайте www.change.org]

[3.46] *Как получилось так, что в одном месте собралось столько патриотов, что Россия не знала никогда?* [Вопросы к Б. Грызлову. <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3337459.shtml?allq100>]

[3.47] *А мы-то дураки, учимся в институтах, работаем, стараемся, даже плодиться стали! Строим заводы новые, чтобы от ихней окраины не зависеть. Будем ракету Ангару пускать на днях. А потом усиленный вариант – ракета грузоподъемностью 250 тыс. тонн. Это, конечно, не Майдан. Куда нам до них! И вот ещё, худо-бедно олимпиаду провели. Какой-никакой праздничек* [интернет-коммуникация].

[3.48] *Он, оказывается, был жуткий циник – уродовал в своих изображениях человеческие тела! Его даже Сальвадор Дали осуждал (ну этот-то реалист и человеколюб известный!)*

[3.49] *Михаил Котюков, глава Федерального агентства научных организаций, тот самый, к кому больше всего чувств сейчас у академиков, сказал, что агентство и не собирается вмешиваться в научную деятельность институтов.*

Значит, во все остальное собирается. И чувства академиков только усилятся.

[3.50] *Vladimir Putin has saved Russia from the turmoil of Ukraine or Georgia. As with de Gaulle, he has not been popular with many journalists (of whom de Gaulle incidentally imprisoned 300).*

Количество контекстов, в которых ирония создается с помощью риторического вопроса 6,6%, восклицания 1%, комментария – 4,2% от общего количества иронических фрагментов. Можно говорить о том, что включение в структуру текста вопроса, восклицания или комментария – это способ либо выразить негативную оценку ситуации, либо указать на расхождение между реальным и ожидаемым положением дел.

Комментарии являются самым частым способом создания иронии в группе риторических средств – говорящий (чаще всего он выполняет роль повествователя) комментирует и одновременно оценивает события. Комментарий «вклинивается» в повествование, нарушая риторическую структуру нарратива. Риторические тактики не связаны с конкретным уровнем языка (например, лексическим или грамматическим). Выделяя эту группу, мы стремились показать, что в ряде случаев ирония возникает в результате отступления от ожидаемой структуры текстов (как правило, эти отступления встречаются в нарративах).

Как было упомянуто выше, вторая группа дискурсивных тактик связана со включением интертекстуальных связей или аллюзий в текст. При разметке текстов нами было выделено три группы случаев: цитирование другого текста, перефразирование известных высказываний и использование анекдота для иллюстрации собственной точки зрения (об этой функции анекдотов см. [Kashkin 2009]).

Интертекстуальные связи – давний объект исследований в лингвистике, литературоведении и семиотике [Женетт 1998, Фатеева 2000, Кристева 2004, Пьеге-Гро 2008]. Отношения интертекстуальности играют важную роль и в создании иронии: используя уже существующий (как правило, хорошо известный) текст в новом контексте, говорящий / пишущий отсылает адресата к ситуации, с которой сравнивается текущее положение

дел. Необходимо отметить, что использование цитат или фрагментов текстов в новом окружении, как правило, оказывается неуместным, и это нарушает смысловую или прагматическую целостность высказывания. Примеры [3.51] и [3.52] иллюстрируют такие случаи:

[3.51] *ПЕДАГОГАМИ НЕВЫСОКОГО УРОВНЯ НАЗВАЛ МИНИСТР ОБРАЗОВАНИЯ ДМИТРИЯ ЛИВАНОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ, КОТОРЫЕ ЗАРАБАТЫВАЮТ ДО 30 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ В МЕСЯЦ*

Только не принимайте близко к сердцу! Этот министр просто сорвался (рухнул) со золотой цепи на дубе том...

[3.52] *М.ВЕЛЛЕР: Карнавальная культура мне близка – это совсем другое дело. Участвовать в карнавале и участвовать в карнавальная культуре... Простите, пожалуйста, вся наша политика – это прекрасная карнавальная культура. Все слышат одно, подразумевают другое, делают третье. Мы уже вернулись на более высоком...*

О.ЖУРАВЛЕВА: Меняются местами, меняются масками.

М.ВЕЛЛЕР: Да-да-да, конечно. ...на более высоком диалектическом витке мы вернулись к эпохе брежневского швейкизма. Но лица моложе, вот, как-то люди задорнее, тексты...

О.ЖУРАВЛЕВА: «Мы стали более лучше одеваться», как сказала одна прекрасная девушка.

Корпусный подход позволяет оценить распространенность этой тактики: на ее долю приходится 15,5% от общего количества контекстов.

Похожей тактикой создания иронии является эхо-упоминание того, что было сказано или написано ранее. От собственно интертекста эхо-упоминание отличается элементом игры: исходный текст «переделывается» говорящим, приспособливается к новому контексту. Можно говорить о пародийном характере эхо-упоминаний:

[3.53] *Официальная версия, сработанная Conde Nast, оскорбительно топорна: Алена, дескать, Долецкая пишет книгу, масштабное полотно, и*

доле не может разрываться между созданием эпоса «Война и Бог» и руководством одноименным журналом [Б. Рынска. «Сталинград in Vogue» <http://www.gazeta.ru/column/rynska/3403115.shtml>].

В примере [3.54] интернет-пользователь комментирует высказывание министра образования России Д.В. Ливанова о низких зарплатах преподавателей ВУЗов:

[3.54] *Товарисч не знает: «И за МКАД есть жизнь!»*

Высказывание «И за МКАД есть жизнь!» – это аллюзия к вопросу «Есть ли жизнь за МКАДом?», ставшему популярным интернет-мемом. Ср. словарную статью «Замкадье», размещенную в юмористической интернет-энциклопедии «Луркоморье»:

[3.55] *Замкадье — это то, что находится за МКАДом. МКАД – это дорога вокруг Москвы, окруженная по внешнему периметру листами гофрированного алюминия. За этими листами стоят замкадьиши — люди в лаптях, с песьими главами, стучат вилами о гравий и заглядывают в щели. Где-то недалеко за МКАДом твердь земная обрывается во тьму внешнюю, а сквозь трещины асфальта можно видеть далеко внизу слонов и черепаху, на которой держится земной диск.*

В Замкадье расположены Мухосрански, тысячи их!

Климат такой же, как и в Москве, а вот экологическая ситуация из-за отсутствия производства и автомобилей у 95% замкадских нищобродов лучше, поэтому самые продвинутые москвичи селятся там, правда, всё равно ближе к «Кольцам Всевластия». Замкадье полностью состоит из степей, лесов, полей и рек, а также городов, болот, деревень и тюрем. Везде можно встретить грязь, лужи, алкоголиков, но зато полностью отсутствует разрушительная для духовности цивилизация. Замкадские города нередко обладают характерной разрывной архитектурой – городской ландшафт (асфальт, плитка, бетон и т. д.) внезапно обрывается и начинается натуральный лес. Или овраг. Или нечто вообще странное.

Затем также внезапно снова начинается тот же город
[<http://lurkmore.to/Замкадье>].

Тактика эхо-упоминания также является одной из наиболее частотных: на ее долю приходится 7,7% контекстов в корпусе.

Анекдот служит сигналом иронии говорящего в тех случаях, когда используется как иллюстрация точки зрения (пример [3.56]) или как объяснение сложившейся ситуации (пример [3.57]):

[3.56]

– *(Татьяна Лазарева) Сначала послушаем специалиста, Станислава Белковского. Может, он нам что-то еще разъяснит, может, мы чего-то не поняли.*

– *(Станислав Белковский) Сегодняшние дебаты еще раз показывают, что вся современная российская политика исчерпывающе описывается двумя известными старыми анекдотами. Первый анекдот более старый, о том, как Рабинович раздавал листовки у Мавзоля. Листовки были без текста, и когда удивленные сотрудники КГБ СССР подошли к Рабиновичу и спросили, почему он раздает пустые листовки, Рабинович ответил – а что писать, и так все понятно. А анекдот номер два, более современный, таков: у России четыре беды, две из них все знают, а еще две – это дураки и дороги [www.gazeta.ru/politics/elections2011/debates/ironov_vs_udaltsov.shtml].*

[3.57] *Я поняла, что меня беспокоило все два отделения. На сцене огромное количество денег, деньги расклеены по залу, деньги висят на люстре, они разложены на полу, зарыты под землю, вплетены в занавес, деньгами обиты ложи, стулья, бортики, банкетки. А чуда не случается. Как в том анекдоте про бракованные игрушки, которые мужик принес сдавать в магазин и поясняет причины: повесил на елку, а радости нет. В номенклатурном варианте: сижу в президиуме, а счастья нет [Н. Осс. «Без претензий на чудо». <http://www.gazeta.ru/column/oss/3929950.shtml>].*

Анекдот позволяет говорящему имплицитно выразить отрицательное отношение к объекту иронии: в примере [3.56] таким объектом является политическая ситуация, в примере [3.57] – постановка балета «Щелкунчик» в Большом театре. В обоих случаях анекдоты описывают ситуацию обобщенно, и читатель / слушатель должен понять установить соответствия между ситуацией в анекдоте и объектом иронии.

Информация о количестве контекстов, в которых реализуются описанные выше риторические тактики, представлена на рис. 11.

Рис. 11.

Преобладание тактик, в которых инициатор иронии использует интертекстуальные связи или эхо-упоминания известных высказываний, объясняет популярность теории иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон: действительно, рассмотренные ими случаи – одни из наиболее частотных.

3.6. Другие источники материала для исследования вербальной иронии

Поскольку в задачи данного исследования входило не только описание того, как создается и интерпретируется ирония в различных типах нехудожественных текстов, но и анализ метапрагматической оценки иронии носителями различных языков, для сбора данных использовались корпусы русского, польского, немецкого и американского варианта английского языков. В конкордансы включались контексты, содержащие фразы *я говорю серьезно, я иронизирую, это была ирония, я шучу, I'm serious, I mean seriously, I'm kidding, I'm joking, I'm being ironic, that was irony, no irony intended, ich meine es ernst, ich bin ironisch, das war ironisch gemeint, mówię poważnie, jestem ironiczny / ironiczna, ja żartuję* и др., например:

[3.58] Конечно, теперь, по прошествии многих лет, зная и историю особняка на нашей улице, и историю жизни замечательной певицы П. И. Жемчуговой, было бы соблазнительно думать: а вдруг сама судьба подавала мне знаки-подсказки для выбора моей теперешней профессии?.. И поселила меня рядом с особняком этой певицы, и даже роддом "выбрала" для моего появления соответствующий – как раз напротив места её венчания. Конечно, **я иронизирую**, но всё же... А вдруг в этом совпадении всё же что-то есть? [НКРЯ]

[3.59] JACKSON: Well, there were two things that I wanted. When I was 5, 6, 7 and I was very serious about it, I wanted to be a horse racing jockey. MORGAN: Did you really? JACKSON: Yes. No, **I 'm serious**. I started riding when I was 5. [COCA]

[3.60] Damals schmückte ein Foto des Taj Mahal Palace and Tower in Mumbai den Titel des Zeit- Sonderhefts über unsere liebsten Hotels. Gefährlicher Luxus «haben wir über den zugehörigen Artikel des Schriftstellers Ilija Trojanow

geschrieben; es war ironisch gemeint. Heute müssen wir das Taj Mahal noch einmal abbilden als brennende Todesfalle [DWDS].

[3.61] – *Co oni, biją się? – pyta zdumiona Monika Pyrek, druga z naszych tyczkarek, czwarta dwa lata temu, ale w tym sezonie skacząca wyżej od Rogowskiej. – To tak wygląda przekazanie pałeczki? Ja nie żartuję. Zawsze, gdy jest sztafeta, ja jeszcze skaczę w konkursie i nawet nie próbuję patrzeć, co dzieje się wokół.* [NKJP]

Подробный анализ употребления метапрагматических комментариев проводится в главе 4 диссертации.

Общее количество проанализированных контекстов, содержащих метапрагматические комментарии модуса коммуникации, приведено в Таблице 3.

Таблица 3.

*Количество контекстов, содержащих
маркеры модуса коммуникации*

Язык	Русский	Английский	Немецкий	Польский
Кол-во контекстов	715	689	435	428

Для исследования особенностей риторической структуры иронического текста был также выделен подкорпус нарративов – еще одна специализированная коллекция текстов, размеченных с точки зрения их нарративной структуры (анализ особенностей иронических нарративов в публицистике и компьютерно-опосредованной коммуникации см. в главе 6). Общее количество нарративных текстов, вошедших в подкорпус – 67, объем подкорпуса составляет 87 тыс. словоупотреблений. Исследование нарративных текстов позволило проследить, как влияет намеренное отступление от канонической структуры нарратива на создание иронии в

повествовании. Более подробно способы разметки нарративов описаны в главе 7.

3.7. Выводы

Исследование вербальной иронии на базе корпуса текстов отличается и от традиции использования в качестве источников данных художественных текстов, и от имеющегося в современной лингвистике опыта использования языковых корпусов. Основное отличие состоит в том, что, как правило, корпуса привлекаются в качестве источников информации для исследований лексики и грамматики, т.е. явлений, имеющих постоянные способы языкового выражения. Даже изучение структуры нарративов на базе корпуса опирается на некоторые постоянные формальные показатели [Semino 2004]. Исследование иронии в этом смысле радикально отличается от лексических, грамматических и стилистических работ, поскольку, как мы уже упоминали ранее, она не имеет постоянной формы языкового выражения.

Разработка схемы аннотации способов выражения иронии в текстах различных типов и жанров носила итеративный характер. Многократная переработка способов классификации стратегий и тактик создания иронии позволила получить более четкое представление о том, как функционирует ирония в устном, письменном и компьютерно-опосредованном дискурсе и какие языковые особенности высказываний и текстов позволяют интерпретировать их как иронические.

Выделение вербальной, риторической и когнитивной стратегий и дальнейшая разработка классификации тактик внутри названных стратегий – это необходимый этап в поисках ответа на вопрос, почему столь разрозненные способы выражения мысли приводят к сходному прагматическому результату – иронии? Выделение стратегий и тактик позволяет обнаружить общие свойства иронических высказываний: с точки зрения языкового оформления высказывания выделенные способы создания

иронии объединяет намеренное отступление говорящим от конвенций узуса либо языковых норм. В результате смысловая целостность высказывания оказывается нарушенной, но это нарушение является значимым: оно одновременно указывает на игровое поведение говорящего и имплицитно критикует ситуацию. Все эти свойства определяют возможность иронической интерпретации высказывания / текста.

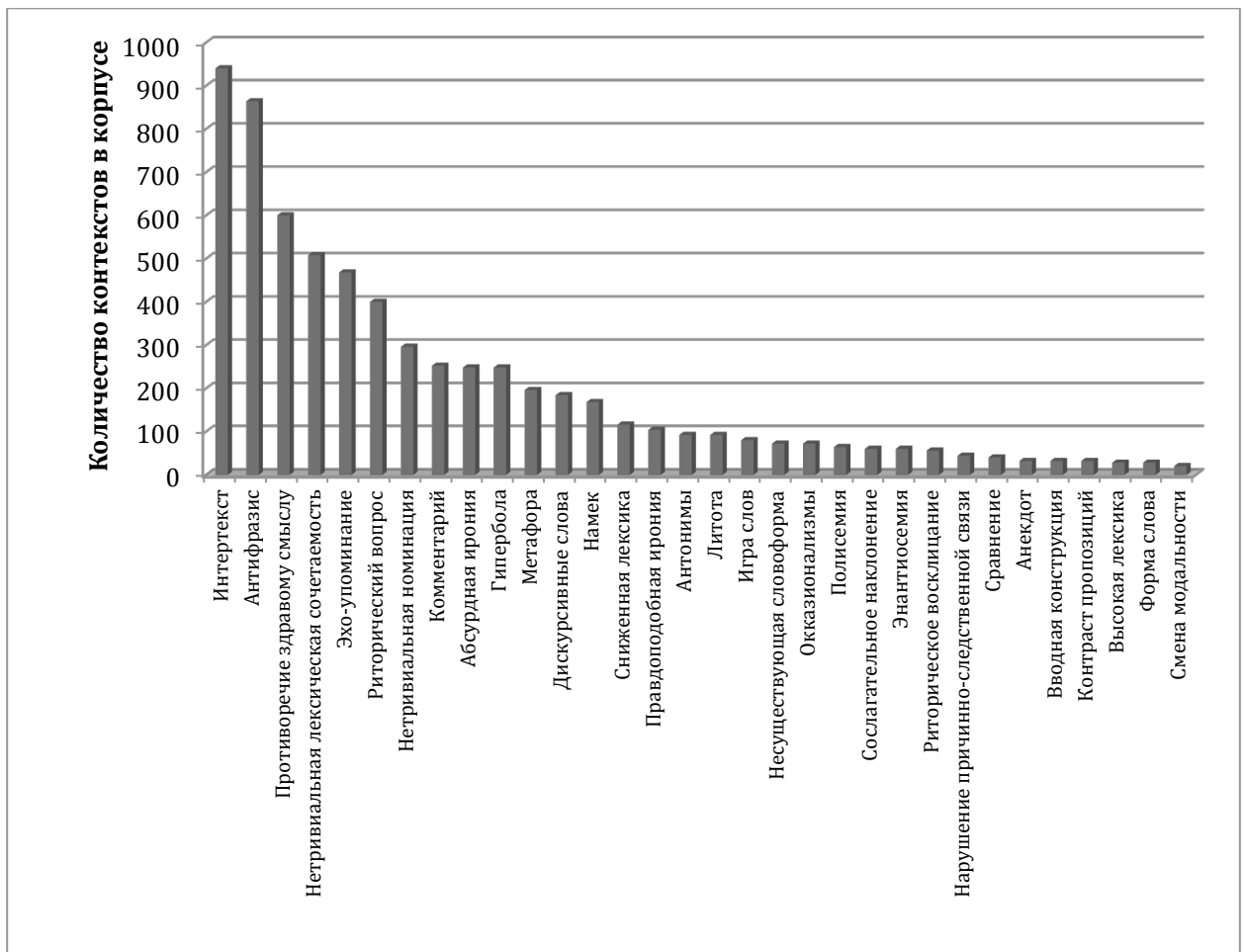
Корпус позволяет получить не только качественную информацию, но и данные о частотности использования различных способов создания иронии. Среди выделенных стратегий наиболее «востребованной» является языковая стратегия, и этот факт объясняет, почему сложилась традиция причисления иронии к явлениям языковой системы, а не речи. Данные корпусного исследования также показывают, что определение иронии как способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное, объясняется частотностью использования антифразиса как языковой тактики создания иронии.

Обобщенные данные о частотности выделенных тактик создания иронии приведены на рис. 12.

Не менее важным являются и данные о частоте использования других тактик. Корпусный анализ позволяет видеть, что высокочастотными являются тактики использования интертекста и эхо-упоминаний. Это объясняет, почему теория иронии-как-эха стала одной из наиболее популярных в конце XX – начале XXI вв.

Рис. 12. Частотность различных тактик создания иронии в дискурсе

Важно отметить, что количественный анализ – это важный этап исследования, за которым обязательно идет анализ качественный: необходимо ответить на вопрос, какими семантическими и прагматическими свойствами обладают наиболее частотные стратегии и тактики.

Привлечение корпусных данных не означает полного отказа от опоры на исследовательскую интуицию. Напротив, представляется, что сочетание интуитивного и корпусного подхода позволяет получить наилучшие результаты в описании функционального потенциала вербальной иронии.

Задачей дальнейшего исследования является поиск общих семантических и когнитивных механизмов, объединяющих различные способы создания иронии в дискурсе.

ГЛАВА 4. МОДУСЫ КОММУНИКАЦИИ *BONA FIDE* И *NON BONA FIDE*

4.1. Два модуса коммуникации

Для того чтобы понять, какое место занимает ирония в структуре дискурса, как она соотносится с юмором, сарказмом и различными способами не прямой коммуникации (в частности, с косвенными речевыми актами), необходимо принимать во внимание различия, существующие между двумя модусами¹⁸ использования языка: серьезным (*bona fide*) и несерьезным (*non bona fide*). Для моделирования структуры дискурса противопоставление двух модусов имеет принципиальное значение: поскольку дискурсы *bona fide* и *non bona fide* различаются правилами интерпретации высказываний и текстов, вне зависимости от сферы

---

¹⁸ Термин *модус* отличается неоднозначностью интерпретации. Например, А.А. Кибрик выделяет устный, письменный, жестовый и мысленный модусы дискурса на основе используемого канала коммуникации [Кибрик 2009]. К. Смит использует термин *модус* для описания дискурсивной структуры нарративов, сообщений, описаний, информационных сообщений и объяснений. Такое употребление термина *модус* частично совпадает с предлагаемой В.А. Плунгяном классификацией *пассажей* в структуре нарратива [Плунгян 2008а]. В данной работе мы придерживаемся другой трактовки: *модусом* называется такой режим коммуникации, который основан на определенных взаимоотношениях между участниками дискурса, высказыванием и положением дел в действительности. Взаимодействие между говорящим и адресатом может быть серьезным или игровым, замысел говорящего может совпадать с лингвистическим значением высказывания, а может и отличаться от него; наконец, само высказывание может соответствовать или не соответствовать положению дел в окружающем мире. Эти взаимоотношения между говорящим, адресатом, высказыванием и окружающим миром и определяют существование двух основных модусов дискурса – *bona fide* и *non bona fide* [Шилихина 2012]. Ср. также противопоставление модуса и диктума, предложенное Ш. Балли [Балли 2001] и понятие модальности, с помощью которого описывается соотношение высказывания с действительностью.

коммуникации и других компонентов коммуникативной ситуации, смена модуса может значительно повлиять на ход общения и его конечный результат.

Доминирование информационно-кодовой модели коммуникации привело к тому, что непрямая коммуникация стала считаться отступлением как от норм языковой системы, так и от прагматических канонов, заданных Стандартной прагматической моделью коммуникации [Austin 1975, Grice 1989]. Однако в действительности непрямая коммуникация – это еще один способ вербального взаимодействия, доля которого в повседневном общении достаточно велика: «Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники общения всегда что-то домысливают» [Карасик 2002: 120]. Поэтому модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide* являются культурно значимыми способами взаимодействия: с одной стороны, дискурс *bona fide* является единственно допустимым во многих сферах деятельности (например, в юриспруденции). С другой стороны, умение общаться в модусе *non bona fide* также высоко ценится во многих культурах [Карасик 2004, Годдард 2007, Marrelli 1994, Li 2008]. Исследователи сходятся во мнении, что возможность коммуникации *non bona fide* – одно из наиболее значимых отличий человека от прочего животного мира [Арутюнова 2007, Palmer 1994]. Ср. также мнение о том, какое место юмор и ирония занимают в современной британской культуре: «Самое заметное и важное правило, касающееся юмора в английском общении, заключается в его всепоглощающем доминировании. Юмор управляет общением. Юмор правит. Юмор присутствует повсеместно и он всемогущ» [Fox 2004: 61]¹⁹. И далее: «Как и юмор, ирония является

---

¹⁹ “The most noticeable and important ‘rule’ about humour in English conversation is its dominance and pervasiveness. Humour rules. Humour governs. Humour is omnipresent and omnipotent [Fox 2004: 61].

постоянной данностью, нормальным элементом обычного повседневного разговора» [Fox 2004: 66]²⁰.

Несмотря на интуитивную очевидность противопоставления двух модусов, в повседневной коммуникации однозначная интерпретация высказывания как серьезного или несерьезного возможна далеко не всегда. Трудность определения модуса заключается в том, что с точки зрения языкового оформления различия между речевыми действиями *bona fide* и *non bona fide* не всегда очевидны. Для понимания прагматически неоднозначных высказываний может потребоваться эксплицитное обсуждение модуса коммуникации, ср. диалоги [4.1]-[4.3]:

[4.1]

- *Раньше я вроде тебя здесь ни разу не видел.*
- *Нужда заставила. Необходимость увидеть тебя.*
- ***Ты это серьезно?***
- *Разве я похож на Жванецкого?* [НКРЯ]

[4.2]

– ***Ty chyba żartujesz? Przecież taka różnica wieku, to prawie kazirodztwo, to chore!*** – *z oburzeniem przerwała Ala.*

– *A w ogóle, to jak on wyobrażał sobie przekroczenie granicy z cudzym paszportem? Tam jest przecież fotografia!* [NKJP]

[4.3]

Pres. RICHARD M. NIXON: Why don't we get serious?

BARBARA WALTERS: Well, because I think people are still – I am serious. People are interested in you.

Pres. RICHARD M. NIXON: I know you're –

BARBARA WALTERS: People are still trying –

Pres. RICHARD M. NIXON: – serious.

---

²⁰ “Like humour in general, irony is a constant, a given, a normal element of ordinary, everyday conversation” [2004: 66].

BARBARA WALTERS: – to understand you.

Pres. RICHARD M. NIXON: Don't overblow it.

*BARBARA WALTERS: I'm sorry you find it- that you find these questions unserious. **We have a different idea, perhaps, of what serious is.** But let me go on.*

[COCA]

Во всех приведенных диалогах говорящие пользуются одним из наиболее надежных способов снятия прагматической неоднозначности высказываний: они прибегают к метакоммуникации и эксплицируют собственные интенции с помощью дискурсивных маркеров модуса коммуникации. Введение маркеров, явным образом указывающих на модус *bona fide* либо *non bona fide*, является сигналом того, что по каким-то причинам говорящий опасается неверной интерпретации сказанного или написанного и поэтому эксплицитно устанавливает границы возможных действий адресата по интерпретации услышанного или прочитанного:

[4.4] *Крестовский же обратил внимание на один очевидный факт: женщины мыслят не так, как мужчины, не всегда логично, но успеха добиваются совсем не реже, чем мужчины. Хотя совершенно иным образом. Так нельзя ли использовать женскую логику (**это я сейчас говорю без всякой иронии**) там, где пасует мужская? И это замечательная по новизне идея, между прочим, новое слово после Конан-Дойля в детективном жанре!*
[<http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/86907/forum/f3/>]

[4.5] *Ну, не везде же публика такая умная (**я без иронии**). [НКРЯ]*

[4.6] *Ну, люди-то многие смеются, а я совершенно серьезно так считаю и говорю **это искренне, без какой-то иронии**, без ужимок, без всякой ерунды. Я считаю, что Ксения Собчак – это не просто умная девушка, не вот там какая-то «Да, там какая-то дура набитая из Дом-2!» Нет. Ксения Собчак – это не просто умная девушка, а воспитанная, образованная и очень хорошо понимающая, что вокруг нее происходит, и*

вокруг нее в широком смысле [<http://echo.msk.ru/programs/razvorot-evening/812070-echo/>].

[4.7] *Doing most of my communication through the written word, I often face the problem of people not realizing that **dude, I'm being sarcastic*** [COCA].

[4.8] *My favorite Eastwood film -- and **I'm not joking** -- is the orangutan movie from 1978; it was demolished by critics but remains one of his highest-grossing movies ever.* [COCA]

[4.9] *Proszę wprowadzić jakieś ograniczenie wiekowo / intelektualne dla użytkowników internetu. **Mówię to bez żadnej ironii.*** [NKJP]

[4.10] *VICKI-MABREY-1-AB# (Voiceover) Next up is Ira. Ira's 59, recently engaged and wants to know if he should give into his fiance's request to a \$50,000 dream wedding.*

*SUZE-ORMAN-1FINAN# Did you get her pregnant? **Just joking.*** [COCA]

Основная функция комментариев, указывающих на модус *bona fide* или *non bona fide*, может быть метафорически описана как «инструкция по применению сказанного»: маркеры информируют, каким способом новая информация должна быть интегрирована в уже имеющуюся у адресата систему знаний. Кроме того, наличие в текстах комментариев, эксплицирующих модус коммуникации, можно интерпретировать и как стремление к определенному коммуникативному идеалу: говорящий стремится сделать так, чтобы интерпретация высказывания (текста) адресатом совпала бы с замыслом.

Какие характеристики определяют модус *bona fide* в обыденной картине мира? С точки зрения носителей языка, коммуникация в модусе *bona fide* – это общение искреннее и правдивое. Высказывания *bona fide* являются истинными, т.е. в реальном мире им соответствует некоторая ситуация. В металингвистических комментариях эти качества модуса коммуникации *bona fide* описываются не только эпитетом *серьезное*, но и с помощью прилагательных и наречий *искреннее*, *otwarcie (открыто)*, *ernst (честно)*.

Носители русского, английского, немецкого и польского языков описывают общение в bona fide модусе сходным образом:

[4.11] *Привет всем. Общаюсь с девушкой 4 месяца. Банальное знакомство в интернете выливается в **серьезное общение** между нами двумя людьми из разных городов на расстоянии 2000 км. **Общение самое серьезное.*** [интернет-коммуникация]

[4.12] *Как организму нужен чистый воздух, так душе необходимо **искреннее общение.** Без того и другого мы задыхаемся.* [www.inpearls.ru/comments/200869]

[4.13] *Я знаю, среди нас есть присутствующие, которые нынче же ночью разнесут по городу мои слова. Я **говорю открыто:** город охвачен анархией.* [НКРЯ]

[4.14] – *Mam nadzieję, że w przyszłości będę grał więcej – powiedział Kuszczak MUTV. – **Mówię to otwarcie,** ponieważ przyszedłem do Manchesteru dwa lata temu i trenowałem bardzo ciężko.* [http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/]

[4.15] – *A ty byś wytrzymał bez jedzenia cały dzień albo dwa? – oburzył się Julek. – Od obiadu do kolacji nie możesz wytrzymać! – Nie wyglupiaj się, dobrze! – zaproponował mi ostro Marian. – Ja **mówię poważnie.** – Ja też poważnie.* [NKJP]

[4.16] *And now my frustration is over because now the world knows who Al Gore is. He is what the country needs, a guy with vision and knowledge to deal with so many overwhelming changes we're faced with right now. Not an airhead like W. who can't even name a favorite book when asked. **I mean seriously** guys, there's just no point of comparison even. I'm glad the world finally got a chance to realize this.* [СОСА]

[4.17] *Komisch aber **ich meine es ernst** und bitte beantworten brauche echt hilfe...* [интернет-коммуникация]

Что касается модуса *non bona fide*, то, как правило, в повседневном общении он противопоставляется серьезной коммуникации и ассоциируется с игрой, притворством, неискренностью, отсутствием ответственности говорящего за сказанное. Как и в случае с серьезной коммуникацией, об особенностях «несерьезного» использования языка можно судить, обращая внимание на металингвистические комментарии носителей языка:

[4.18] *Просто хотелось какой-то противовес серьезной работе – несерьезное общение. Интернет, конечно, тут оказался кстати.* [интернет-коммуникация]

[4.19] *Потому что я не аноним, и что думаю, то и говорю. А анонимность нужна тем, кто живет под страхом или играет. Значит, это несерьезное общение и не стоит обращать внимание на высказывания таких личностей* [интернет-коммуникация].

[4.20] *и ни с кем не могу познакомиться, хотя я стройная и довольно симпатична. уже сижу на сайтах знакомств и в чатах, но там совсем несерьезное общение. и многие говорят «выйди на улицу, так много мест» что же мне, во всех этих местах с парнями самой знакомиться?* [интернет-коммуникация]

[4.21] – *Więc maluj sam – odpalił malarz.*

– *Przecież wiesz, że nie mówię poważnie. Po prostu musimy to zrobić szybko, to bardzo ważne.* [NKJP]

[4.22] *Z apetytem zjadły kanapki, prowadząc żartobliwą rozmowę na tematy ostatnich wydarzeń na tzw. arenie politycznej. **Tematy te trzeba traktować z humorem**, w sytuacji braku wpływu na jakikolwiek ich bieg.* [NKJP]

[4.23] *I was stunned, however, by what my students said next: "Mrs. McCarty, we have to do more with this book." I replied in a laughing tone, "Like what?" I thought the students were going to give me **some flippant response** that we all might enjoy. "We have to create our own book, just like this author did," Chris said in a very serious tone.* [COCA]

Приведенные комментарии демонстрируют двойственный статус модуса коммуникации *non bona fide*: с одной стороны, несерьезное общение может доставлять удовольствие (как в примерах 4.18 и 4.23). С другой стороны, поскольку в модусе *non bona fide* высказывание и реальная ситуация оказываются не связанными друг с другом напрямую, такое общение воспринимается носителями языка как «ненастоящее» (примеры 4.19 – 4.21). Именно отсутствие связи между высказыванием и действительностью не позволяет интерпретировать слова собеседника буквально, и это «коммуникативное неудобство» может вызывать негативную реакцию.

Если для рядовых носителей языка противопоставление серьезного и несерьезного общения является естественным и очевидным, то в лингвистических исследованиях коммуникации идея разграничения модусов *bona fide* и *non bona fide* обсуждается редко (исключением можно считать работу [Карасик 2004], в которой анализируются лингвокультурологические особенности юмора и юмористический дискурс как особая тональность общения). Как правило, внимание к различиям между речевыми действиями *bona fide* и *non bona fide* характерно для работ, посвященных вербальному юмору.

Одним из первых на дихотомию модусов коммуникации *bona fide* / *non bona fide* обратил внимание В. Раскин в связи с анализом семантической структуры шуток [Raskin 1985]. Что касается более общих исследований по теории дискурса, то существование двух модусов, как правило, практически не принимается во внимание. В основе большинства существующих моделей коммуникации по умолчанию лежит модус *bona fide* (см., например, [Halliday 1994; Макаров 2003; Коваль 2006; Narula 2006, Кашкин 2007, Кашкин 2009]).

Есть еще одна особенность, связанная с изучением «несерьезной коммуникации»: даже в тех случаях, когда использование языка в модусе *non bona fide* включается в рассмотрение (например, в исследованиях, посвященных различным жанрам вербального юмора), оно часто

описывается как отступление от основных принципов рационального, кооперативного общения *bona fide*. Такое положение дел объясняется тем, что по традиции основной функцией языка считается функция передачи информации. Наиболее рациональным способом эта функция может быть реализована в модусе *bona fide*. Для коммуникации в модусе *non bona fide* информативная функция языка не является ни единственной, ни основной. Именно это обстоятельство в наибольшей степени влияет на восприятие общения *non bona fide* как неинформативного и нерационального способа использования языка не только «наивными пользователями», но и профессиональными исследователями. Несмотря на это, моделирование процесса коммуникации без учета различий между модусами *bona fide* и *non bona fide* представляется нам заведомо неполным, поскольку выбор модуса радикально влияет на результат интерпретации одного и того же высказывания, особенно в тех случаях, когда понимание высказывания как *bona fide* или *non bona fide* оказывается равновероятным. Контексты [4.24] и [4.25] иллюстрируют ситуацию прагматической неоднозначности высказывания:

[4.24] *Housing Minister Yvette Cooper says: "It was a **great speech**. It was a **serious speech** for serious times but also a very personal speech very much about the things Gordon Brown cares about."*
[http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/7630989.stm]

[4.25] *Another **Great Speech (I'm Being Ironic)*** [интернет-коммуникация].

Именная группа *great speech* может быть интерпретирована как серьезная (т.е. описывающая реальное положение дел) или как ироническая оценка речевых действий (т.е. указывающая на то, что высказывание не соотносится с реальностью) только благодаря наличию метапрагматического комментария. В случае отсутствия такого комментария неопределенность способа интерпретации слов собеседника может сохраняться. Подробный

анализ роли металингвистических маркеров модуса коммуникации представлен в главе 5. Пока же необходимо посмотреть, какими правилами определяется интерпретация высказывания *bona fide* или *non bona fide*, и по каким параметрам могут быть дифференцированы не только два модуса коммуникации, но и различные режимы серьезного и несерьезного дискурса.

4.2. Свойства модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide*

Основной критерий, на основе которого носители языка интерпретируют высказывание как *bona fide* или *non bona fide*, можно сформулировать следующим образом:

1. Высказывание в модусе bona fide коррелирует с некоторой ситуацией в реальном мире и, с точки зрения говорящего, является истинным. Высказывание в модусе non bona fide такого коррелята не имеет: оно отсылает адресата к несуществующей ситуации либо представляет реальную ситуацию странным, необычным образом.

Поскольку речь идет о соответствии высказывания некоторой ситуации, само понятие ситуации требует пояснения²¹. Ситуация – это «экстралингвистический референт предложения, отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании» [Арутюнова 2009: 7].

В качестве примера, иллюстрирующего намеренное отсутствие корреляции высказывания *non bona fide* с действительностью, приведем следующее металингвистическое по своей сути наблюдение:

[4.26] *If I'm asked "Did you get a hair cut?" and I answer "No, they grew backwards over night", then I am being ironic.* [GloWbE]

---

²¹ Подробный анализ вариантов трактовки понятия ситуация см. в работе [Арутюнова 2009].

Металингвистический комментарий *I am being ironic* показывает, что ироническая (т.е. non bona fide) интерпретация высказывания может служить рациональным объяснением его очевидной абсурдности.

Критерий соотнесения высказывания с реальной ситуацией показывает, насколько важны знания о нормальном ходе событий для понимания дискурса non bona fide: отсутствие необходимой информации может стать помехой для правильной интерпретации сказанного. Кроме того, этот критерий объясняет, почему дети до определенного возраста затрудняются с пониманием юмора, иронии и сарказма: у них недостаточно коммуникативного опыта и знаний о мире для обнаружения расхождений между ситуацией и высказыванием и для рациональной интерпретации этих расхождений.

Итак, возможность соотнесения высказывания с реальной ситуацией – это основное различие между модусами bona fide и non bona fide, которое определяет их остальные свойства и наиболее существенным образом влияет на интерпретацию сказанного. Этот критерий, однако, не является универсальным, ср. ситуацию с упоминавшейся в главе 1 *правдоподобной (verisimilar) иронией* [Partington 2006, 2007], когда говорящий эксплицирует собственные ожидания или некоторую социальную норму в ситуации, которая противоречит этим ожиданиям или нормам. Так, в примере [4.27] комментарии читателей отражают реальное положение дел, т.е. являются истинными, однако в контексте обсуждаемой новости они интерпретируются иронически:

[4.27] *"Argo" actor Victor Garber has confirmed that he is gay, and has been living with his longtime partner, artist Rainer Andreesen, in New York.*

- *I am confirming that I am heterosexual.*
- *Since we are all "coming out " these days, let me just add that I am a heterosexual male* [интернет-коммуникация].

Как правило, мишенью иронии оказываются отклонения от нормы, но не сама норма (именно поэтому исходное новостное сообщение привлекает внимание и вызывает ответную реакцию читателей). В комментариях норма и «анти-норма» меняются местами. Ирония – это результат пародийной экспликации нормы, некоторого социального «значения по умолчанию».

Еще один пример правдоподобной иронии – высказывание *«граждане желают ездить по безопасным дорогам»*, которым сопровождается описание конфликта, вызванного выездом высокопоставленного чиновника на полосу встречного движения:

[4.28] *Кроме того, ряд решений Европейского суда по правам человека и Совета Европы (они действуют и в России) позволяет нарушать неприкосновенность частной жизни общественных деятелей, если того опять же требуют интересы общества. В ситуации с общественным деятелем Шевченко они заключаются хотя бы в том, что граждане желают ездить по безопасным дорогам* [А. Куколевский «Встречка с народом». Коммерсантъ-Власть. 12.04.2010].

Утверждение о том, что *«граждане желают ездить по безопасным дорогам»* отражает существующее в обществе представление о том, «как должно быть». Ироническая трактовка становится возможной в контексте описываемой ситуации, поскольку ожидания противоречат реальной ситуации.

Очевидно, в случаях, подобных [4.27] и [4.28], критерий связи высказывания с реальностью не является основным. Следовательно, можно говорить о том, что критерия соотношения высказывания с действительностью достаточно только для противопоставления юмористической и серьезной коммуникации в самом общем виде. Для описания различных режимов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* необходимо последовательно учесть по меньшей мере еще три параметра.

2. В отличие от модуса *bona fide*, необходимым элементом общения *non bona fide* является игровое поведение и / или притворство говорящего. Игра как тип поведения – один из важнейших способов освоения окружающего мира: с одной стороны, через игру человек познает свойства и функции объектов, с другой стороны, в игре он ищет новые пути использования уже известных вещей и знаков. Ср. мнение Н.Д. Арутюновой: «Создается впечатление, что почти все формы жизни, кроме работы (но для артиста также и работа), либо входят в поле игры, либо с ним соприкасаются» [Арутюнова 2006: 9].

Игра с лингвистическими знаками оказывается удобным способом проверить, какие еще действия помимо передачи информации можно совершать с языком. С точки зрения прагматики коммуникации игровое речевое поведение может быть причиной несовпадения значения высказывания и значения говорящего. В модусе *non bona fide* сказанное соотносится с реальностью в режиме «как будто»; говорящий получает возможность не только притворяться несведущим, но и создавать «виртуального» речевого персонажа²², от имени которого высказываются абсурдные идеи или выражается критическая оценка ситуации:

[4.29] *Похоже еще чуть-чуть золотого нефте-газового времени и мы выполним главный наказ Хрущева - догнать и перегнать Америку. Не по уровню жизни конечно, но по количеству миллиардеров. Это для Запада кризис беда, а для нас мать родная... Невзирая на эти самые кризисы число счастливых обладателей этой цифры выросло еще на 30 человек. Темпы просто удивительные! Видимо непосильным трудом, из поколения в поколение, копейку к копейке, зарабатывались эти состояния. [интернет-коммуникация]*

---

²² Ср. анализ нетривиальных употреблений глагола «желать», приводящих к возникновению иронии, предложенный в работе [Воркачев 2006].

[4.30] *Как пояснила в интервью «Известиям» член комитета Госдумы по образованию Алена Аршинова, причиной появления этого законопроекта стал дефицит призывников в армию. Собственно, кто бы сомневался, но вот ее взгляд на Природу Вещей: «Сейчас многие молодые люди, чтобы не служить в армии, идут в аспирантуру, – сказала Аршинова. – Наличие такого закона позволило простимулировало бы их пойти служить в армию, чтобы в дальнейшем получить второе высшее бесплатное образование». То есть а) в аспирантуру, оказывается, идут, чтобы не идти в армию и б) вместо аспирантуры гораздо приятнее бесплатно получить еще одно высшее. [О. Епиходов. «5 раз внезапно, в понедельник». <http://polit.ru/article/2013/06/17/oe170613/>]*

Игра и притворство служат объяснением того, как высказывание, не связанное с реальным миром, все же может быть рационально интерпретировано и интегрировано в дискурс и, шире, в имеющуюся у участников общения систему знаний.

В модусе *non bona fide* игра и притворство могут проявляться по-разному: от намеренного совмещения некогерентных понятийных областей в высказывании (пример 4.31) до использования риторических вопросов (пример 4.32) или заведомо абсурдных утверждений (пример 4.33) в качестве сигналов иронии:

[4.31] *Давайте теперь представим себе, хотя бы на минуточку, украдкой, ночью под одеялом с фонариком, что РПЦ и правда станет "стержнем, столпом" модернизации на государственном уровне. Эти ребята, как мы знаем, вообще не очень хорошо относятся к критике в свой адрес. Не понравились школьникам поставленные по госзаказу какие-нибудь богоугодные ОС? А как вам умные холодильники, соблюдающие пост? Тут у вас один выход - открыть окно православного браузера и пожаловаться разве что в уютный дневничок. И то, если вам к нему доступ за богохульственные материалы и ересь не закроют.* [<http://lenta.ru/columns/2010/07/31/kvas/>]

[4.32] *Летом 2011 года вы запретили ввоз овощей из Египта, но разрешили ввоз овощей из Италии и Венгрии. То есть, овощи из Египта надо сначала везти в Венгрию, так получается?* [Вопросы к главному санитарному врачу России Г. Онищенко. <http://www.redburda.ru>]

[4.33] *Так он и не ехал, на месте стоял, это Земля быстро крутилась на встречу ему, вернее его гелендвагену. И ему, лишь для того, чтобы оставаться на одном месте, приходилось усиленно жать на газ. Просто все относительно...* [http://www.gazeta.ru/auto/news/2013/04/04/n_2834285.shtml]

И риторический вопрос, и абсурдное представление ситуации – это сигналы роли «несведущего простака», маски, которую надевает на себя говорящий (именно так поступал Сократ в диалогах Платона). В обоих случаях говорящий делает попытку «отменить» имеющееся у участников коммуникации знание о мире и существующие в нем правила взаимодействия между объектами и заменить их на новые, игровые конвенции.

3. *С прагматической точки зрения два модуса коммуникации различаются степенью кооперативности говорящего: если общение bona fide изначально предполагает рациональное и кооперативное поведение всех участников дискурса, то дискурс поp bona fide является примером взаимодействия, в котором кооперативность и рациональность говорящего «замаскированы» под внешне нерациональные, а иногда и абсурдные высказывания.*

Следует отметить, что кооперативность – понятие сколь полезное для моделирования вербального взаимодействия, столь и расплывчатое. В то время как в классической трактовке Г.П. Грайса кооперативность описывает рациональное и целенаправленное речевое поведение, в обыденном употреблении кооперативность традиционно противопоставляется конфронтации. Смешение обыденной и прагматической трактовок приводит

к идеализации кооперативного общения: зачастую в лингвистических исследованиях Принцип Кооперации описывает исключительно гармоничную и эффективную коммуникацию. Для прочих случаев, не соответствующих идеалу, предлагаются различные модели. Так, если речь идет о конфликте целей участников дискурса, речевые действия предлагается описывать в терминах принципа Некооперации [Иссерс 2002]. Если же речь идет о юморе, то в качестве рационального объяснения формулируется отдельная версия Принципа кооперации для модуса дискурса *non bona fide* [Raskin 1985].

Еще одним ограничением, уменьшающим объяснительную силу интересующего нас понятия, является бинарная трактовка кооперативности: принято считать, что поведение говорящего может быть либо кооперативным, либо некооперативным. На самом же деле кооперативность – понятие градуальное; рациональность и целенаправленность может проявляться в речевых действиях говорящего в различной степени. С учетом второго критерия – игры и притворства – именно это свойство оказывается принципиально важным для описания различных режимов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*: за внешне нерациональным высказыванием может стоять абсолютно рациональное коммуникативное намерение говорящего (ср. понятие *applied humour*, предложенное в работе [Mulkaу 1988]). Здесь, на наш взгляд, следует говорить о степени кооперативности: несмотря на то, что говорящий намеренно нарушает одну из Максимум, его действия по-прежнему остаются рациональными и целенаправленными. Поэтому юмор, ирония и сарказм – это кооперативное речевое поведение, однако степень кооперативности в данном случае значительно ниже по сравнению с дискурсом *bona fide*, в котором действия говорящего в максимальной степени соответствуют ожиданиям адресата и нет дополнительных препятствий для интерпретации сказанного или написанного.

4. Модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide* позволяют различную степень свободы в использовании металингвистических

комментариев. Более того, комментарии могут отличаться степенью «детализованности»: в разных режимах дискурса *bona fide* и *non bona fide* они могут либо указывать на модус коммуникации, либо эксплицировать конкретный речевой акт, либо называть определенный режим общения *non bona fide*, каждый раз задавая различный объем правил интерпретации. В любом случае, металингвистические маркеры модуса коммуникации позволяют говорящему / пишущему расширить контекст и облегчит задачу интерпретации сказанного / написанного.

Посмотрим, как данные критерии могут быть использованы для дифференциации различных режимов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*.

В общем виде модус *bona fide* включает два режима общения: эксплицитный (прямой) и имплицитный (косвенный). Имплицитная коммуникация основана на использовании косвенных речевых актов, позволяющих говорящему выражать смыслы, наличие которых не вытекает непосредственно из языковой формы высказывания²³. Основные свойства эксплицитной и имплицитной коммуникации в модусе *bona fide* представлены в Таблице 4.

---

²³ Разумеется, возможно дальнейшее выделение типов как эксплицитной, так и имплицитной коммуникации в модусе *bona fide*, например, в зависимости от того, какая импликатура заложена в высказывании. Однако создание такой детальной модели не входит в задачи данного исследования, поэтому модус *bona fide* и его режимы представлены в нашей модели в наиболее общем виде.

Таблица 4. Режимы модуса коммуникации *bona fide*

Режим коммуникации	Соотношение высказывания с реальностью	Степень кооперативности говорящего	Элемент игры / при творство	Металингвистические комментарии
Эксплицитный	И для говорящего, и для адресата высказывание отражает некоторую ситуацию в реальном мире	Максимальная, т.к. основная цель общения – передача информации	Полностью отсутствует	Указывают на модус и определяют режим интерпретации высказывания: <i>Я (говорю / спрашиваю) серьезно; Я говорю искренне</i>
Имплицитный	Соотношение между высказыванием и реальностью восстанавливается путем инференции.	Высокая: говорящий использует конвенциональные способы оформления косвенных речевых актов, что облегчает задачу распознавания стоящего за высказыванием намерения	Присутствует в минимальной степени: интенция не выражена прямо	Эксплицируют тип речевого акта, например, <i>«Я не прошу, а требую!»</i>

Основное различие между эксплицитной и имплицитной коммуникацией *bona fide* состоит в необходимости привлечения инференции, как формально-логической, так и вероятностной, основанной на интуиции носителей языка²⁴, для соотнесения сказанного с реальностью.

²⁴ О различиях между формально-логической и вероятностной инференцией см. [Макаров 2003]

Отметим также, что уже в имплицитной коммуникации в модусе *bona fide* мы наблюдаем элемент игры / притворства: не прямое выражение интенции – это первый шаг к игровому действию со знаком.

Эксплицитный и имплицитный режимы коммуникации *bona fide* различаются также в возможностях металингвистического комментирования собственных речевых действий говорящим: если эксплицитное общение позволяет только указать на модус в самом общем виде (*я говорю серьезно / я не шучу*), то имплицитный дискурс требует названия конкретного речевого акта, адекватная интерпретация которого по какой-либо причине оказалась под угрозой.

Следующий этап исследования – описание режимов дискурса *non bona fide* и выделение тех параметров, которые отличают иронию от других режимов коммуникации в модусе *non bona fide*. В качестве режимов «несерьезного» дискурса наряду с иронией рассмотрим *юмор, сарказм, ложь и абсурдный дискурс*.

Поясним, почему именно эти режимы модуса *non bona fide* были включены в модель: часто ирония сравнивается (а зачастую и отождествляется) с юмором, сарказмом, ложью и абсурдом (на близость абсурда к юмористической коммуникации указывают, например, В.И. Карасик [Карасик 2007] и Д. Вайс [Вайс 2004]; соотношение иронии, шутки и лжи – предмет рассмотрения в статье [Ермакова 2007а]). Еще одна причина включения двух «несмешных» режимов – лжи и абсурдного дискурса – в модус *non bona fide* заключается в том, что в этих режимах коммуникации реализуются два основных свойства дискурса *non bona fide*: и ложь, и абсурд предполагают отсутствие корреляции между высказыванием и ситуацией и являются некооперативными режимами коммуникации.

На трудности, возникающие у исследователей при попытке разграничить различные режимы дискурса *non bona fide*, указывает К. Барб: пытаясь определить границу между иронией, шуткой и ложью, она обнаруживает, что ни функция, ни цель, ни лёгкость распознавания

намерений говорящего не могут служить сколько-нибудь объективными критериями разграничения. По мнению исследовательницы, категоризация высказывания как шутки или иронии осуществляется субъективно [Barbe 1995]. В результате ирония рассматривается как разновидность юмора или же объединяется с сарказмом и противопоставляется юмористической коммуникации.

Проблема разграничения режимов дискурса *non bona fide* объясняется в первую очередь тем, что мы имеем дело не с дискретными множествами, а с континуумом. Поэтому вместо установления единого (и единственного) критерия, на основе которого можно было бы однозначно отделить иронию от юмора и сарказма, опишем интересующие нас типы коммуникации с точки зрения нескольких признаков (атрибутов), а именно – уже упомянутых ранее степени кооперативности говорящего, наличию игры / притворства и возможности метапрагматических комментариев собственных речевых действий. К этим атрибутам добавим ещё два: обязательность и эксплицитность выражения деонтической оценки (т.е. оценки по шкале «должное – данное»), а также апелляцию к разуму или эмоциям адресата. Комбинирование признаков даст нам необходимые «портреты» интересующих нас режимов коммуникации: мы увидим как сходства, так и различия между ними.

Обобщенное описание прототипических вариантов дискурса *non bona fide* представлено в Таблице 5. Поскольку дополнительные атрибуты (апелляция к разуму или к эмоциям и выражение деонтической оценки) нерелевантны для лжи и абсурдного дискурса, они рассматриваются только применительно к юмору, иронии и сарказму ниже, в Таблице 6.

Таблица 5. Режимы модуса коммуникации non bona fide

Режим дискурса <i>non bona fide</i>	Соотношение с реальностью	Кооперативность / рациональность собеседника	Элемент игры / притворства	Метапрагматические комментарии
-------------------------------------	---------------------------	--	----------------------------	--------------------------------

Юмор	Высказывание / текст соответствует реальной ситуации до так называемого кульминационного момента (punch line)	Высокая: юмор способствует укреплению внутригрупповых связей	Обязателен	<i>Я шучу / пошумил / пошумила, I'm just joking / kidding, ja żartuję / żartowałam / żartowałem, ich hab doch nur gescherzt.</i>
Ирония	Ироническое высказывание не соответствует ситуации или ожиданиям говорящего.	Не очевидна, степень имплицитности может варьировать (явная ирония – тонкая/скрытая ирония)	Обязателен	<i>Я иронизирую I'm being ironic Ich ironisiere jetzt / Ich bin ironisch / das war ironisch gemeint Jestem ironiczny / ironiczna</i>
Сарказм	Высказывание не соответствует ситуации, часто представляя ее как абсурдную	Внешне речевые действия противоречат Принципу Кооперации	Обязателен	<i>Это был сарказм I'm being sarcastic Das war sarkastisch gemeint</i>
Ложь	Не соответствует в максимальной степени	Речевые действия говорящего рациональны, но полностью некооперативны	Притворство говорящего является условием успешности лжи	Не употребляются, т.к. разоблачают интенцию говорящего, тем самым приводя к «иллокутивному само-

				убийству»
Абсурдный дискурс	Не имеет коррелята в окружающем мире	Речевое поведение абсолютно нерационально. Критерий кооперативности неприменим к абсурдной коммуникации	Данный критерий нерелевантен	Не употребляются

В модусе *non bona fide* возможные режимы дискурса распадаются на две группы: в первую входят юмор, ирония и сарказм, во вторую – ложь и абсурд. Основное различие между этими группами связано с некооперативностью лжи и нерациональностью абсурдного дискурса. Кроме того, ложь и абсурдный дискурс не позволяют говорящему комментировать собственные речевые действия. Фразы **Я лгу / говорю неправду* или **Я несу чушь* невозможны в качестве металингвистических комментариев собственных высказываний в момент речи.

Второй критерий также требует пояснений. По мере ослабления связи высказывания с действительностью уменьшается и очевидность кооперативности речевых действий говорящего. Однако юмор, ирония и сарказм, внешне некооперативные способы коммуникации, в своей основе имеют рациональное коммуникативное намерение. В пользу этого говорят, например, такие интерпретации:

[4.34] *И хотя в его словах звучала ирония, смысл их был далеко не ироничный* [НКРЯ].

[4.35] *После сноса Никитского монастыря, на месте, где стояли его храмы и колокольня, в 1935 году появилось здание электростанции строившегося тогда в Москве метро. Серое, невыразительное строение попытались хоть как-то оживить по фасаду "революционными" барельефами. Это было так убого, что писатель-сатирик Илья Ильф в*

своей записной книжке с убийственным **сарказмом** назвал это творение "вдохновенным созданием архитектора Фридмана" [НКРЯ].

Приведенные контексты иллюстрируют важную особенность «несерьезного» общения. Несмотря на внешнее несоответствие высказывания реальному положению дел, речевое поведение говорящего по-прежнему кооперативно и рационально, с той только разницей, что эти два свойства оказываются завуалированы. В зависимости от того, насколько легко ирония распознаётся адресатом, очевидность рациональности речевых действий говорящего также может варьировать. Эта вариативность проявляется в ряде определений, которые используются для металингвистического описания иронии: с одной стороны, существует *явная ирония*; с другой стороны, ирония может быть *тонкой, едва уловимой, неявной, скрытой* [Кашкин 2010б].

На следующем этапе необходимо с помощью введения дополнительных признаков определить различия между юмором, иронией и сарказмом. Такими признаками являются выражение деонтической оценки и апелляция к эмоциям / разуму собеседника.

Таблица 6. Юмор, ирония, сарказм: выражение оценки и апелляция к эмоциям или разуму

Режим дискурса non bona fide	Выражение деонтической оценки	Апелляция к эмоциям / к разуму
Юмор	Не обязательно	Эмоциональная составляющая доминирует, цель говорящего – вызвать смех адресата / аудитории
Ирония	Негативная деонтическая оценка выражена в имплицитном виде	В равной мере обращена к эмоциям и разуму (интерпретация иронии требует инференции)
Сарказм	Негативная деонтическая оценка выражена в явном виде	Эмоциональная составляющая доминирует, цель говорящего – выразить негативную оценку ситуации

Деонтическая оценка – это оценка по шкале «данное - должное» [Герасимова 2000, Карасик 2012]. Для общества деонтическая оценка важна не менее оценки аксиологической: именно на основе знания о должном формируются коллективные системы ценностей. Именно поэтому наиболее важные аспекты деятельности человека становятся объектами постоянного «ценностного мониторинга» со стороны общества [Шилихина 2013]. Отступления от социально закрепленных норм в дискурсе может подвергаться эксплицитной критике либо, если по каким-либо причинам прямое выражение критической оценки оказывается нежелательным, говорящий может маркировать это отступление от нормы имплицитно, через несоответствие высказывания ситуации. Обязательное имплицитное выражение деонтической оценки – это тот критерий, который отличает иронию и сарказм от юмора.

Второй предлагаемый критерий – апелляция к разуму / эмоциям – позволяет, во-первых, выделить еще один обязательный компонент коммуникации *non bona fide* – его эмоциональную составляющую (о роли эмоций в эволюции нашей способности создавать и понимать юмор см., например, [Hurley 2011]). Во-вторых, именно этот критерий позволяет показать разницу между юмором, иронией и сарказмом: если в юмористическом дискурсе доминирует желание вызвать положительные эмоции, то в случае с иронией и сарказмом отрицательная деонтическая оценка связана с негативными эмоциями. Кроме того, можно утверждать, что ирония в равной степени обращена и к эмоциям, и к разуму адресата, поскольку понимание иронического высказывания требует привлечения вероятностной инференции. Заметим, что важность и рациональной, и эмоциональной составляющей иронической коммуникации подтверждается анализом сочетаемостных свойств лексемы *ирония*: прилагательные, которые описывают иронию как режим коммуникации, можно условно разделить на две тематических группы. К первой группе относятся прилагательные с ярко выраженным коннотативным значением, позволяющим говорящему

выразить эмоциональную оценку иронии (*горькая ирония, злая ирония, добродушная ирония*). Во вторую группу попадают прилагательные, указывающие на легкость / трудность распознавания иронии в дискурса (*явная ирония, тонкая ирония, скрытая ирония*). Более подробный анализ сочетаемостных особенностей лексемы *ирония* представлен в главе 5.

Пользуясь мультипараметрическим описанием, мы можем смоделировать различия между различными режимами модуса коммуникации *non bona fide* в виде матрицы. На примере иронии и юмора продемонстрируем, как данная модель помогает провести условные границы между двумя режимами *non bona fide* коммуникации:

Параметр	Юмор: значение	Ирония: значение
<Соответствие высказывания реальной ситуации>	[нет]	[нет]
<Необходимость привлечения инференции>	[да]	[да]
<Игра / притворство говорящего>	[специально маркируется]	[специально маркируется]
<Рациональность и кооперативность действий говорящего>	[да]	[да]
<Выражение оценки>	[факультативно, оценка положительная]	[обязательно, оценка отрицательная]
<Апелляция к эмоциям / разуму>	[эмоции]	[эмоции и разум]
<Металингвистическое комментирование>	[возможно]	[возможно]

Описание иронии, равно как и других режимов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*, на основе набора параметров оказывается удобным по нескольким причинам. Во-первых, оно показывает место иронии в структуре дискурса и позволяет проводить условные границы между различными

режимами коммуникации *bona fide* и *non bona fide*. Во-вторых, такой подход позволяет видеть, какие условия влияют на интерпретацию высказывания как иронии или юмора: в первую очередь это обязательное выражение оценки по шкале «должное – данное». Кроме того, в отличие от юмора, обязательным компонентом иронического дискурса является не только эмоциональная, но и рациональная интерпретация сказанного. Наконец, предложенная модель показывает не только различия, но и сходства между двумя режимами модуса *non bona fide*. Теперь становится ясно, почему иронию часто рассматривают как разновидность комического: этому способствует наличие целого ряда общих свойств.

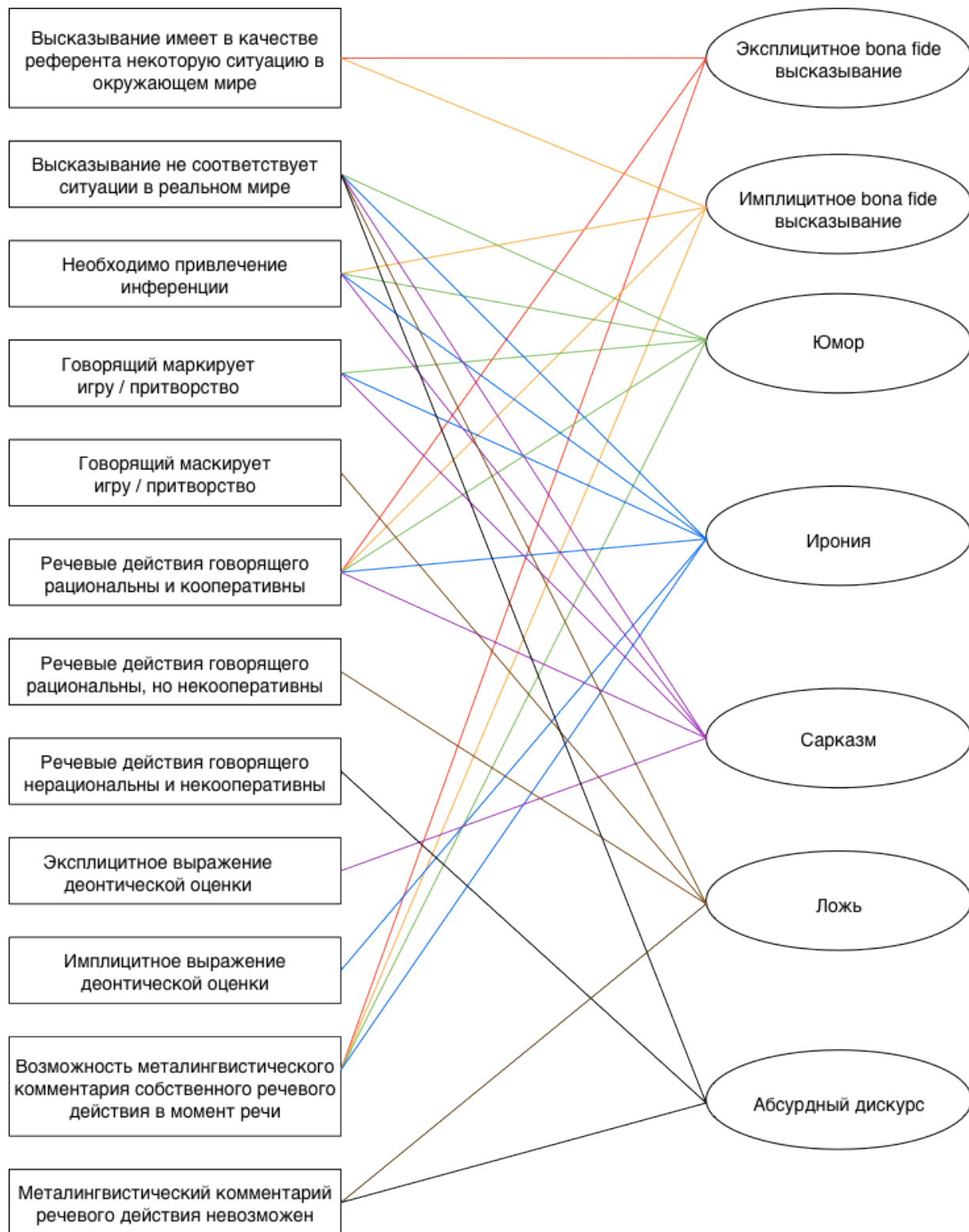
4.3. Выводы

Опыт описания модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* позволяет сделать несколько выводов.

1. Выделение и описание различных режимов общения *bona fide* и *non bona fide* нельзя провести по единому основанию. Сложность и динамичность дискурса требует введения целого ряда параметров (атрибутов), которые определяют основные свойства коммуникации *bona fide* и *non bona fide*. Различные режимы характеризуются конкретными значениями параметров. Соотношение параметров (точнее, их возможных значений, релевантных для выбора правил интерпретации высказывания) и различных режимов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* можно формализовать в виде схемы, где значения параметров и интересующие нас режимы коммуникации находятся в отношении «многие ко многим» (Рис. 8). Это означает, что, во-первых, описание разных режимов коммуникации требует разного количества параметров. Более сложные с точки зрения семантики и прагматики дискурсивные практики (ирония, юмор, сарказм) требуют учета большего количества параметров (например, для иронии необходимо учесть семь параметров). Во-вторых, для описания конкретного режима коммуникации релевантными могут оказаться не все задаваемые параметры. Наконец, для принятия решения о том, как следует

интерпретировать сказанное, некоторые параметры оказываются более важными по сравнению с другими.

Рис. 13. Полипараметрическое моделирование режимов модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide*

В данной модели большинство параметров представлено только в двух значениях: [+] и [-], что является упрощением ситуации. Исключение составил только параметр *«кооперативность и рациональность речевых действий говорящего»*, который в представленной модели реализуется в трех значениях: высказывание может быть кооперативным и рациональным (это большинство случаев коммуникации), некооперативным, но при этом рациональным (это отличительное свойство лжи), либо некооперативным и нерациональным (в случае абсурдного дискурса). Потенциально список значений атрибутов может быть расширен, и тогда модель модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* будет более детальной.

Данная схема подтверждает идею о недискретности дискурса [Kibrik 2012]. Наличие общих свойств у различных режимов модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* – одна из причин того, что далеко не всегда возможно однозначно определить, в каком режиме происходит общение. Однако это не означает, что недискретность дискурса делает невозможным моделирование процессов понимания сказанного / написанного в различных режимах коммуникации.

2. Процесс принятия решения о том, какой «набор» правил интерпретации следует применять к конкретному высказыванию / тексту, может быть описан в вероятностных терминах. Можно говорить о том, что в процессе интерпретации услышанного или прочитанного участники дискурса оценивают степень вероятности того или иного способа понимания. Заметим, что металингвистические комментарии-вопросы являются сигналами того, что несколько вариантов интерпретации оказываются равновероятными.

Важно также, что предложенные параметры могут иметь разный вес, разную степень значимости. Очевидно, что для принятия решения о том, является ли высказывание юмористическим или ироническим, наиболее существенными оказываются параметры <выражение оценки> и <апелляция к эмоциям / разуму>: в зависимости от того, какое значение «присвоит» им

адресат в конкретной ситуации общения, высказывание будет интерпретировано либо как юмор, либо как ирония.

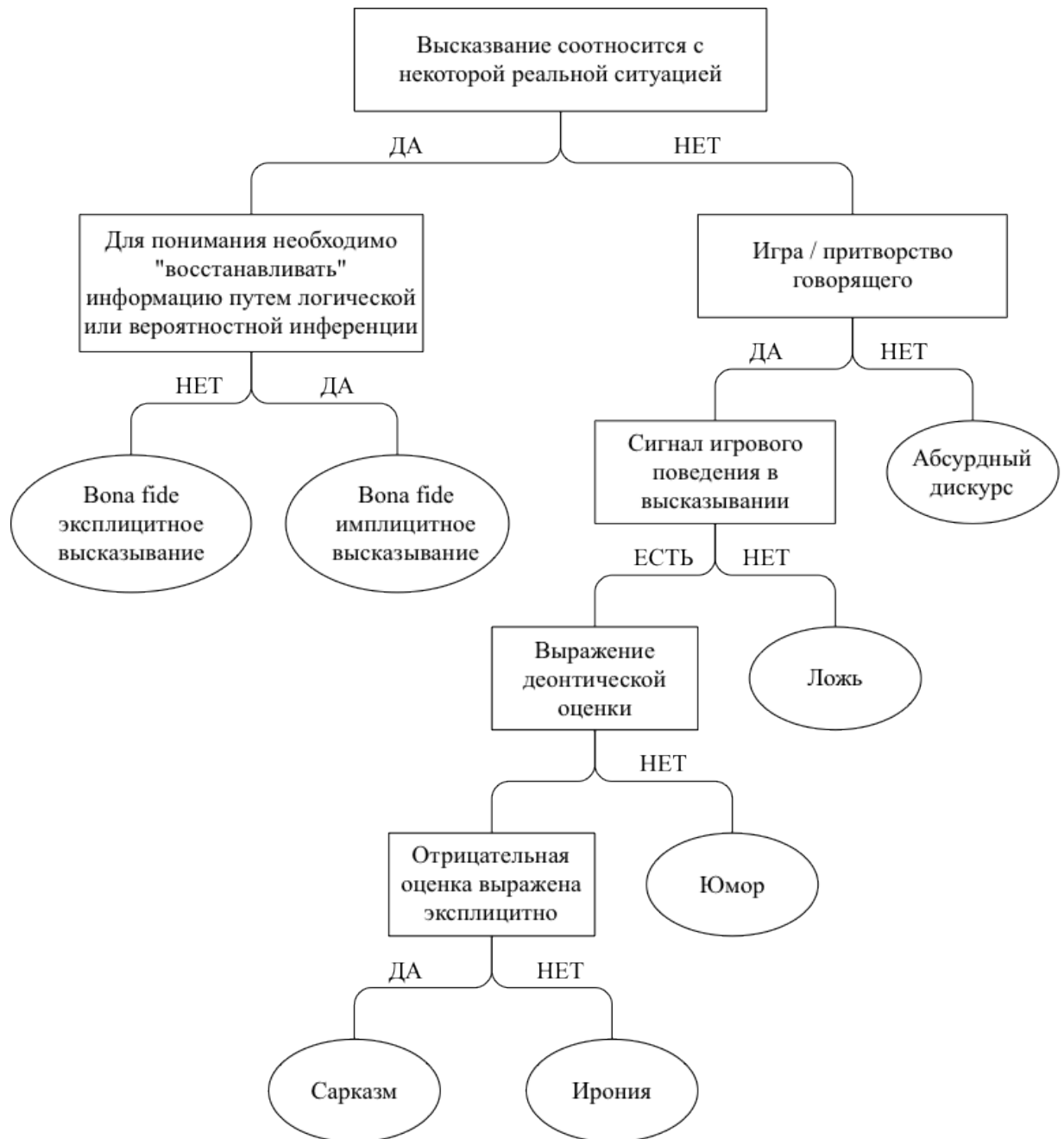
3. Не существует единого алгоритма описания различных режимов модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*. Для некоторых режимов (например, для абсурдного дискурса), достаточно двух параметров. Ирония, юмор и сарказм в этом отношении оказываются более сложными способами коммуникации: для их распознавания требуется большее количество параметров.

4. Поскольку параметры, на основе которых можно устанавливать сходства и различия между различными типами серьезного и несерьезного общения, имеют разную степень значимости, они могут быть упорядочены в виде иерархии. Последовательно применяя их, можно выделять и описывать различные типы коммуникации *bona fide* и *non bona fide*.

Иерархия параметров отражает степень их важности при принятии адресатом решения о способе интерпретации сказанного. Наиболее важным является критерий соотношения высказывания с реальностью – именно на его основе выделяются два модуса коммуникации. Основанием для дальнейшего выделения эксплицитного и имплицитного режимов дискурса *bona fide* является параметр «необходимость привлечения логической / вероятностной инференции»: если в эксплицитных высказываниях адресат может получить всю информацию, опираясь только на форму высказывания, то в случае имплицитной коммуникации адресату приходится «восстанавливать» некоторую информацию либо путем формально-логического вывода, либо опираясь на собственную интуицию и знания о мире.

Схематически процесс выбора режима интерпретации можно представить следующим образом (рис. 14):

Рис. 14. Модель алгоритма интерпретации высказываний *bona fide* и *non bona fide*

Что касается модуса *non bona fide*, то сигналом рациональности речевых действий может считаться игра/притворство говорящего. Отсутствие игры в действиях говорящего позволяет отделить абсурдный дискурс уже на втором шаге. В качестве иллюстрации приведем контекст, в котором слова собеседника [А] классифицируются как *чушь*. Основная причина такой категоризации – несоответствие сказанного ранее реальной

ситуации в совокупности с отсутствием сигнала игрового поведения / притворства.

[4.36]

[А] *так наши полицейские пока еще за свой счет оборудование в основном покупают и на ремонты скидываются... и как вы думаете за чей счет все это???*

[В] *Ляля, Вас послушать, так и полиция у нас за свой счет машины, оборудование покупает... еще не вооружается за свой счет, нет? И ваша любимая администрация за свой счет город в порядок приводит... все-то они, бедные, за свой счет, а мы-то, гады такие, не ценим их. **Может хватит чушь нести?** [НКРЯ]*

Далее на основании того, насколько очевиден сигнал притворства / игры, ложь оказывается противопоставленной другим режимам дискурса *non bona fide*: юмору, иронии и сарказму. Таким образом, два «несмешных» режима коммуникации оказываются противопоставлены трем другим режимам «несерьезного» использования языка.

Дальнейшее различение юмора, иронии и сарказма основано на наличии в высказывании / тексте оценки по шкале «данное – должное» и по степени эксплицитности этой оценки. Для юмористической коммуникации деонтическая оценка не является обязательной, и это отличает юмор от иронии и сарказма. Назвать сказанное иронией или сарказмом носитель языка может в зависимости от того, насколько явно говорящий выражает отрицательное отношение к обсуждаемой ситуации.

В модели выбора режима интерпретации не упомянут еще один важный компонент коммуникации – возможность металингвистических комментариев. Это не означает, что метакоммуникация не играет роли в процессе выбора способа понимания высказывания; наоборот, эксплицитное указание на модус *bona fide* либо *non bona fide* – это способ снятия прагматической неоднозначности в тех ситуациях, когда оба варианта интерпретации сказанного / написанного являются равновероятными.

Глава 5 посвящена возможности металингвистического (точнее, метапрагматического) комментирования иронии в дискурсе. Обращение к уровню метакоммуникации представляет для нас интерес, поскольку эксплицитная интерпретация высказывания как иронического или, напротив, неиронического, позволяет понять, как происходит переключение между модусами *bona fide* и *non bona fide*, а также какие речевые действия рядовые носители языка относят к иронии.

Глава 5. Ирония в «наивной» картине мира

5.1. Метакоммуникация как инструмент организации дискурса

Язык и речь играют особую роль в организации и оптимизации человеческой деятельности, поэтому не только лингвисты, но и рядовые носители языка размышляют о языке и речи, о формальных и содержательных компонентах общения. Эти размышления принято относить к метакоммуникации – именно на этом уровне осуществляются действия, основная цель которых – оценка и регуляция дискурса.

В 1972 г. антрополог Г. Бейтсон высказал идею о том, что любой акт коммуникации несет в себе два параллельных сообщения: основное (к нему относится та информация, которую говорящий желает передать адресату) и мета-сообщение, в котором содержится указание, каким способом следует интерпретировать сказанное [Bateson 1972]. Таким образом, сообщение информации – не единственная цель коммуникации. Не менее важной задачей является организация взаимодействия участников общения: «при построении речи мы делаем – и далеко не в последний момент – усилия для облегчения интерпретации нашей же речи» [Демьянков 2001: 314]. Метакоммуникация позволяет участникам общения регулировать взаимоотношения, выражать собственную оценку ситуации, о которой идет речь, направлять процесс понимания сказанного.

В исследованиях по металингвистике и метакоммуникации обязательно упоминается уникальное свойство естественного языка как знаковой системы: это свойство заключается в возможности говорить об «устройстве» языка на этом же самом языке [Jaworsky 2004]. Это важное свойство позволяет лингвистам говорить о метаязыковой функции, о которой Р. Якобсон писал: «В современной логике проводится различие между двумя

уровнями языка: «объектным языком», на котором говорят о внешнем мире, и «метаязыком», на котором говорят о языке. Однако метаязык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая мета-языкового характера наших операций» [Якобсон 1975: 203].

Метаязыковая функция реализуется двояко: с одной стороны, через всю совокупность метакоммуникативных речевых действий носителей языка, с другой стороны – по сути, метаязыковой является профессиональная коммуникация тех, кто изучает язык. С точки зрения лингвистов, профессиональная метакоммуникация имеет более высокий статус, поскольку она отличается от обыденной метакоммуникативной деятельности осознанностью; кроме того, цель профессиональной метакоммуникации лингвистов состоит не в регулировании вербального взаимодействия, а в научном описании языка и речи, а также в объяснении языковой способности человека. Рефлексия же обычных носителей языка часто оценивается как «обыденная» или «наивная». Однако, если более внимательно отнестись к противопоставлению метаязыковой деятельности лингвиста-эксперта и «наивного пользователя», можно заметить, что оно хорошо иллюстрирует функциональную двойственность метакоммуникации: для лингвиста метаязык может быть как инструментом теоретического описания, так и самостоятельным объектом изучения. Необходимо также помнить и о том, что по своей природе научная метакоммуникация вторична, так или иначе она осуществляется с опорой на «наивные», «бытовые» представления (эта особенность наглядно проявляется и в исследованиях вербальной иронии). Можно сказать, что и профессиональный лингвистический метадискурс, и обыденная метаязыковая коммуникация – это две стороны одной медали, два варианта реализации упомянутой выше метаязыковой функции. Несмотря на существенные различия между профессиональным общением лингвистов и

обыденной метакоммуникацией, именно последняя является источником наших *имплицитных* знаний о структуре дискурса.

При обращении к проблеме «наивной» метакоммуникации в центре внимания лингвистов оказывается не столько язык как система, сколько сам носитель языка и его речевые действия: «... наивный пользователь всегда выступает как действующий субъект, исследующий (и творящий) язык. В этом плане имеет смысл говорить не столько о метаязыковой функции языка, сколько о метаязыковой деятельности, *meta-languaging* – если перефразировать известный термин *languaging* У. Матураны [Maturana 1995] – того субъекта, который и осуществляет эту функцию» [Кашкин 2010а: 247].

Имплицитные представления «первого порядка» представляют исследовательский интерес, поскольку именно они лежат в основе любой научной теории дискурса или модели коммуникации. Взаимоотношения между обыденными представлениями и теоретическими размышлениями о коммуникативных процессах иногда становятся предметом обсуждения в научных публикациях (см., *inter alia*, работы, посвященные «наивному» и «научному» осмыслению вежливости: [Eelen 1999, Watts 2003, Jaworski 2004, Ратмайр 2009]).

Обращение к обыденному метаязыковому сознанию породило значительное терминологическое разнообразие в лингвистических исследованиях. В зависимости от того, какой аспект метаязыковой рефлексии оказывается в центре внимания, речь может идти о металингвистической, метадискурсивной или метапрагматической деятельности носителей языка.

В наших последующих рассуждениях о том, как носители говорят об иронии, мы будем говорить о *метадискурсе*. В качестве синонима *метадискурса* используется также термин *метакоммуникация*.²⁵

---

²⁵ Термины *коммуникация* и *дискурс* часто используются как синонимы. Однако их появление и сосуществование в лингвистике маркируют существование различных подходов к описанию того, как язык используется в общении. В центре внимания

5.2. Терминологическое отступление. Металингвистика – метадискурс – метапрагматика

В параллельном существовании терминов *металингвистика*, *метадискурс* и *метапрагматика* проявляется характерная для современной лингвистики черта – смещение с «системного» аспекта существования языка на «пользовательский». Говоря о *металингвистической деятельности*, мы анализируем «разговор о языке» с системоцентрической позиции: в фокусе внимания оказываются рассуждения «наивных пользователей» о том, как устроена языковая система. Металингвистическая рефлексия выражается в суждениях о «правильном» и «неправильном» использовании языка, в эксплицитных описаниях возможностей того или иного конкретного языка выражать мысли и эмоции [Кашкин 2010а].

Если речь идет о *метадискурсе*, *метадискурсивной* или *метакоммуникативной деятельности*, в фокусе внимания оказываются уже не постоянные свойства языка-как-системы, а динамичный процесс коммуникации, в котором регулированию и оценке подлежит не только правильность использования языковых структур, но и взаимодействие между участниками общения.

В самом общем виде метадискурс определяется как «дискурс о дискурсе». Однако, как справедливо указывает К. Хайленд, такая трактовка

коммуникативных исследований оказывается homo loquense (точнее, те его социальные и культурные черты, которые потенциально могут оказать влияние на процесс результат коммуникации), в то время как для анализа дискурса исходной точкой является текст, т.е. итог использования языка в определенной ситуации. Понимая все различия между двумя терминами и стоящими за ними научными традициями, мы все же используем термины *метакоммуникация* и *метадискурс* как синонимичные, поскольку, как нам кажется, именно уровень мета-сообщений является точкой пересечения интересов коммуникативистики и дискурс-анализа. Метакоммуникативное использование языка указывает, каким образом взаимосвязаны участники общения, текст и контекст.

отличается расплывчатостью и ничего не сообщает нам о том, как именно организован метадискурс [Hyland 2005]. Более детально метадискурсивную деятельность можно определить как такое использование языковых средств, которое направлено на регуляцию различных аспектов сложного процесса коммуникации. При таком понимании очевидно, что метадискурс оказывается необходимой составляющей любого акта общения: «Мы прибегаем к метадискурсу в нарративах, обсуждениях, воспоминаниях – в любом дискурсе, где нам необходимо пропустить собственные идеи сквозь фильтр наших ожиданий относительно того, как текст будет воспринят читателем»²⁶ [Williams 1990: 125]. Метадискурс всегда существует там, где есть необходимость сообщить адресату некоторую информацию о свойствах высказывания или текста и, соответственно, о правильном способе его интерпретации: «Метадискурс не просто поддерживает пропозициональное содержание: это средство, с помощью которого пропозициональное содержание становится когерентным, понятным и убедительным для определенной аудитории»²⁷ [Hyland 2005: 39]. К сказанному добавим еще одну важную функцию метадискурса: он необходим не только для организации и структурирования процесса общения, но и для оценки качественной стороны коммуникации.

Метадискурс отличается от «информационного» использования языка по ряду критериев. Для значительной части метадискурсивных языковых средств эти критерии могут быть сведены к следующим двум:

- *логико-семантический критерий*: языковые средства, функционирующие на метауровне, часто не входят в пропозицию

---

²⁶ We use metadiscourse in personal narratives, arguments, memoirs – in any discourse in which we filter our ideas through a concern with how our reader will take them [Williams 1990: 125].

²⁷ Metadiscourse does not simply support propositional content: it is the means by which propositional content is made coherent, intelligible and persuasive to a particular audience [Hyland 2005: 39].

высказывания и не влияют на объем передаваемой информации [Fraser 1999, Schiffrin 1988], но показывают, каким образом это высказывание должно быть понято;

- *синтаксический критерий*: метаязыковые средства, например, дискурсивные слова, часто грамматически не связаны с остальными членами предложения и могут относительно свободно перемещаться внутри высказывания.

Метакоммуникативную функцию выполняют, как правило, вводные слова и конструкции, например, *честно говоря, если можно так сказать* и др. Информацию о способе интерпретации сказанного могут передавать и более сложные конструкции, которые функционируют как комментарии к собственным речевым действиям говорящего. Примерами таких комментариев являются фразы *я говорю это серьезно, я иронизирую, это была шутка* и др. Такие фразы относительно независимы от основной смысловой структуры текста / высказывания. Их основная функция – регуляция процесса понимания сказанного.

Наконец, необходимо дать определение еще одному термину: *метапрагматической деятельности* носителей языка. Метапрагматическая деятельность – это составляющая метадискурса, включающая не только размышления носителей языка о прагматических свойствах коммуникации, но и интуитивное использование языковых средств (дискурсивных слов и метапрагматических маркеров) с целью регуляции взаимоотношений между участниками общения²⁸.

Для нашего исследования именно этот аспект метаязыковой рефлексии представляет наибольший интерес. Мы будем говорить о проявлении метапрагматической рефлексии в речи носителей языка – таких речевых действиях, с помощью которых участники общения определяют правила

---

²⁸ Термин *метапрагматика* может также пониматься расширенно: например, Ж. Фершуерен предлагает относить к сфере метапрагматики любые проявления металингвистической рефлексии носителей языка [Verschueren 2000].

понимания (интерпретации) сказанного или написанного или оценивают качество коммуникации. Эта рефлексия оказывается значимой, если в ходе общения происходит смена правил интерпретации высказывания / текста, например, при переключении из модуса общения *bona fide* в модус *non bona fide*. Поэтому далее высказывания, эксплицирующие модус общения, мы будем называть *метапрагматическими маркерами / комментариями*.

5.3. Маркеры модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*

Среди исследователей метакоммуникации нет единого мнения относительно того, какие языковые единицы составляют класс метадискурсивных средств. Нет единства и в плане терминологии: для обозначения интересующих нас элементов используются самые разные термины: *дискурсивные слова* [Дискурсивные слова русского языка, 1998], *дискурсивные частицы* [Stede 1997, Ajmer 2002], *дискурсивные маркеры* [Schiffrin 1988], *прагматические маркеры* [Fraser 1996, Ajmer 2006] и т. д. (обзор зарубежных исследований, посвященных метадискурсивным единицам языка, см. в [Ajmer 2011]). Иногда терминологическое разнообразие встречается в работах одного исследователя, что дополнительно усложняет ситуацию (см., например, публикации К. Аймер).

Метадискурсивные средства неоднородны как по форме, так и по функциям, поэтому в лингвистической литературе существует несколько вариантов их классификаций [Fraser 1999, Schiffrin 1988, Hyland 2005]. Различаются и подходы к выделению типов и классов метадискурсивных языковых средств. Различия отражают многообразие свойств интересующих нас единиц. Так, М. Штеде и В. Шмитц классифицируют не столько сами дискурсивные частицы (*discourse particles*), сколько возможные функции этих элементов высказывания [Stede 1997]. Смену точки отсчета можно объяснить тем, что одна и та же дискурсивная частица может выполнять разные

функции: структурирование дискурса (structuring function), маркирование когерентности (coherence-marking), функцию выражения мнения (attitudinal function) и функцию смягчения (smoothing). Дальнейшее дробление функций на подклассы (например, функции структурирования и выражения мнения включают по пять подклассов каждая) связано с необходимостью решать разнообразные коммуникативные задачи в повседневном общении. Авторы классификации отмечают, что наиболее изученными являются функции структурирования дискурса, в то время как остальные функции требуют внимания исследователей.

Еще одна классификация метаязыковых средств была описана в работах американского исследователя Б. Фрейзера [Fraser 1996, 1999, 2009], который предложил называть языковые элементы, регулирующие ход коммуникации, *прагматическими маркерами*. На основании выполняемой функции Б. Фрейзер выделяет четыре их группы:

- 1) *основные маркеры* (basic markers) – в эту группу входят перформативные глаголы, наименования речевых действий, единицы речевого этикета;
- 2) *комментирующие маркеры* (commentary markers) – они выражают оценку речевого действия, его эвиденциальность и т.д.);
- 3) *параллельные маркеры* (parallel markers) – это обращения к собеседнику, а также маркеры, регулирующие ход коммуникации;
- 4) *дискурсивные маркеры* (discourse markers), – это языковые единицы, которые регулируют логическую структуру дискурса [Fraser 1999, Fraser 2006].

Такая классификация при анализе текстов не всегда удобна: во-первых, метадискурсивным маркерам, как и другим языковым средствам, свойственна полисемия [Stede 1997]. Во-вторых, маркеры могут выполнять сразу несколько функций, что затрудняет их отнесение к той или иной группе, особенно в ситуациях не прямой коммуникации. Вариант решения этой проблемы был предложен в таксономии К. Фишер. Ее классификация

дискурсивных маркеров основана на классической семиотической модели взаимосвязи знака с пользователем и другими знаками. По мнению К. Фишер, существует три группы метадискурсивных маркеров по их направленности на различные составляющие коммуникации:

а) маркеры, обозначающие логико-семантические связи между элементами высказываний;

б) маркеры, указывающие на взаимоотношения между говорящим и текстом;

в) маркеры, обозначающие отношения между говорящим и адресатом [Fischer 2006].

Удобство этой классификации заключается в том, что она показывает, каким образом через язык осуществляется связь между основными компонентами процесса вербального взаимодействия: говорящим, адресатом и высказываниями. Функциональное описание маркеров метакоммуникации позволяет объяснить, как регулируется сложный процесс общения, каким образом с помощью языка обеспечивается общая когерентность дискурса. Однако в данной классификации неучтенной остается еще одна важная составляющая – ситуация, о которой идет речь, точнее, соотношение сказанного с положением дел в действительности. В случае переключения между модусами *bona fide* и *non bona fide* учет этой связи имеет принципиальное значение, поскольку именно несоответствие пропозиции высказывания реальной ситуации является источником иронической / юмористической / саркастической интерпретации.

К маркерам модуса коммуникации относятся многочисленные способы указания на серьезность / несерьезность коммуникативных намерений говорящего (*я говорю серьезно, я не шучу, я иронизирую* и т.д.). Интересно, что с точки зрения прагматического идеала, предложенного в Стандартной прагматической модели, такие маркеры должны быть избыточными (по крайней мере, для модуса *bona fide*, поскольку для него серьезность говорящего является «значением по умолчанию»). Однако наблюдения и

анализ корпусных данных показывают, что носители различных языков употребляют такие конструкции достаточно часто, причем и в устном, и в письменном дискурсе. Как можно объяснить регулярное использование метапрагматических маркеров коммуникации *bona fide* и *non bona fide* носителями разных языков?

Возможность двойственной интерпретации высказывания (как *bona fide*, так и *non bona fide*) является главной причиной использования метакомментариев к собственным высказываниям (например, *я говорю серьезно, это шутка, я иронизирую, I'm just kidding, I'm being sarcastic, ja żartuję, ja ironizuju, ich scherze* и т.д.). Примеры [4.1] – [4.5] иллюстрируют, как, комментируя собственные речевые действия, говорящий может корректировать понимание или предупреждать неверную интерпретацию сказанного:

[5.1] *Нравится мне наша группа – прекрасный пример взаимовыручки и поддержки. (это я иронизирую, если кто не понял).* [интернет-коммуникация]

[5.2] *Mr-FLORENCE: Take a little chicken broth, all right? ROKER: Right. Mr-FLORENCE: A little chicken broth, pour it on top of the turkey, wrap it up in a little bit of aluminum foil, and bake it in the oven for about 15 to 20 minutes until the pink is gone and you can salvage it. If it's -- if it's a little undercooked, you know, best case scenario is just open up another bottle of wine and just relax. You know, I mean seriously, relax, everybody, the turkey's going to be 20 more minutes. You know, you've just got to let it go.* [COCA]

[5.3] *Herr Präsident, ich möchte zu diesem Punkt nur unterstreichen – und ich meine das ganz ernst –, dass die sozialistische Fraktion dem Bericht eines ihrer namhaften Mitglieder, nämlich Herrn Corbett, selbst den Garaus gemacht hat, ähnlich den Flotten der besiegten Länder, die sich selbst versenken.* [<http://www.europarl.europa.eu/sides/>]

[5.4] *Regierungssprecher sind natürlich gewöhnt, dass sie was rausjagen und keiner kann antworten. Heutzutage jagen sie aber was raus, und wenns neben der Spur ist, bricht eine Welle über sie los. Ich find, das war spannend mitanzusehen. Für mich. Für den Kapp natürlich weniger ;-)* *Der hat sich gestern den ganzen Tag mit mir beschäftigt. Hat offenbar nicht viel zu tun in seiner sozialen Hängematte (nur zur Sicherheit: War jetzt wieder Ironie!)* [интернет-коммуникация]

[5.5] *AGNIESZKA Dona. Jest mi po prostu... zwyczajnie głupio. Kasia jest jak mała księżniczka, której nigdy niczego nie brakuje...*

DONA Uśmiecha się czarująco. No to chyba dobrze.

AGNIESZKA Nie śmieję się ze mnie. Potraktuj to co mówię poważnie. Dajesz nam wszystko, a ty co? [NKJP]

С помощью фраз *я иронизирую, I mean seriously, ich sage dies ohne jede Ironie, mówię poważnie* говорящие устанавливают границы возможных действий адресата по интерпретации услышанного или прочитанного.

Модус общения *bona fide* может быть эксплицитно обозначен путем указания на отсутствие иронической / шуточной интенции: такие маркеры (*я не иронизирую / не шучу*) близки, но не тождественны по своим прагматическим характеристикам маркеру *я говорю серьезно / I'm serious / mówię poważnie / ich meine das ernst*. С помощью фраз *я не иронизирую / не шучу* говорящий в первую очередь указывает на то, что высказывание истинно, что ему соответствует некоторая ситуация в реальном мире. Опираясь на эту информацию, адресат должен понять, каким образом следует интерпретировать сказанное:

[5.6] *Счастливые вы парни. Есть время посмотреть шоу, говорю искренне, без иронии и хвастовства. Я так и застрял на 7 серии, несмотря на то, что шоу кончилось давно.* [интернет-коммуникация]

[5.7] *Und wie verhält es sich mit meinem Glauben? Ehrlich gesagt, ich verspüre nicht immer gerade Lust, katholisch zu sein. Denn auf den ersten Blick*

bringt das Bemühen um ein katholisches Leben doch so manches Unangenehme, Lästige mit sich. Vorausgesetzt, man nimmt es ernst. Es mag Menschen geben - und ich sage dies ohne jede Ironie -, denen es Vergnügen, ja Lust bereitet, sich tagein, tagaus um die Beachtung des Dekalogs und der christlichen Tugenden zu bemühen. Bei mir ist das anders [интернет-коммуникация].

Сходным образом функционирует английский маркер “*I’m not being ironic*” в примере [5.8], где говорящий утверждает, что его точка зрения совпадает с реальным положением дел:

[5.8] *Well, a young person should be encouraged to go to the family dictionary. There are few experiences in life ultimately more rewarding than learning how to work with a dictionary. I’m not being ironic. I think that sometimes, when I’m very tired, I just read dictionaries and I’m perpetually delighted. [COCA]*

С другой стороны, возможна и обратная ситуация, когда говорящий делает акцент на иронической интенции, с помощью метапрагматических маркеров указывая на модус общения *non bona fide*. Комментарии, маркирующие иронию говорящего, могут встретиться как в письменной, так и в устной коммуникации. Пример [5.9] – это фрагмент Интернет-блога, в котором обсуждаются проблемы, возникающие в общении мужчин и женщин, пример [5.10] – фрагмент интервью с актером В. Сухоруковым на радио «Эхо Москвы». В обоих случаях, характеризуя собственные высказывания как иронию, говорящие корректируют восприятие сказанного ранее:

[5.9] *Наверное, мужики будут от меня бежать еще дальше и быстрее, ибо очки добавили к и без того отягощенной разнообразными знаниями голове особый признак «+100 возможного интеллекта». Это я иронизирую. [интернет-коммуникация]*

[5.10] *К.ЛАРИНА: А вот скажи мне: ты мог бы работать в репертуарном театре вот так, постоянно?*

В.СУХОПУКОВ: Нет. Сегодня уже, наверное, нет. Если бы я был бы пьющим, наверное, я бы пошёл бы в репертуарный театр.

К.ЛАРИНА: А почему? Так странно? Почему, если был бы пьющим?

В.СУХОПУКОВ: Ну, понимаете, знаете, я иронизирую.

Комментарий *я иронизирую* в диалоге является реакцией на интерпретацию предыдущей реплики собеседницей как сказанную в модусе *bona fide*: очевидно, журналистка затрудняется рационально интерпретировать высказывание «*Если бы я был бы пьющим, наверное, я бы пошёл бы в репертуарный театр*»: на невозможность интегрировать сказанное в диалог указывает вопрос «*Так странно?*». Метапрагматический комментарий дает возможность найти рациональное объяснение «странности» высказывания.

Еще один пример употребления маркеров связан с необходимостью «сохранения лица» при смене модуса коммуникации. В примере [5.11] читатели немецкоязычного медицинского интернет-сайта комментируют статью, посвященную дифтерии. В ситуации, когда обсуждаемая тема относится к разряду серьезных, переход в модус *non bona fide* может быть воспринят собеседниками как неуместный. Поскольку, с точки зрения автора высказывания, существует риск некорректной интерпретации комментария *non bona fide*, автор указывает на необходимость временной смены правил интерпретации с помощью маркеров (**Ironie on**) и (**Ironie off**):

[5.11]

(*Ironie on*)

Diese Krankheit wurde von der heimtueckischen, boshafte und geldgierigen "Pharmamafia" in verschworerischen Machenschaften zusammen mit dem Gesundheitswesen der ganzen Welt, zu einer in Vergessenheit geratenen Krankheit gemacht.

(*Ironie off*) [интернет-коммуникация]

Модус коммуникации может стать предметом специального обсуждения [Ghita 2001]. Пример [5.12] – фрагмент диалога пользователей

Интернет-форума, участники которого обговаривают правила взаимодействия, в частности, правила интерпретации сказанного ранее. Предметом обсуждения становится утверждение одного из пользователей (*engineers should be shot in the head*). Интерпретированное по правилам bona fide дискурса, такое высказывание оказывается оскорбительным и неуместным. Однако его автор настаивает на том, что это утверждение не следует понимать буквально; ироническая интерпретация позволяет увязать высказывание с остальным дискурсом и рационально объяснить внешне некооперативное (агрессивное) поведение говорящего:

[5.12]

Kampanita,

*I've stated in another thread that our engineers are currently addressing the issues that have been reported. **Suggesting that our engineers should be shot in the head is really unnecessary and quite frankly, unwelcome. We've politely asked in the past that you tone down your rhetoric and that we maintain a friendly atmosphere on the forum. If you are incapable of doing so, your posts will be removed and your posting privileges may be revoked.***

Hi Max

I'm just being ironic with the term "shot". Do not think you must take it literally. Take it as that they would be hired of my company [интернет-коммуникация].

Конфликт между участниками диалога – это результат применения двух разных наборов правил интерпретации к высказыванию “*engineers should be shot in the head*”. Правила модуса bona fide не позволяют «вписать» его в диалог, поскольку содержание высказывания некогерентно сказанному ранее. Метапрагматический комментарий “*I'm just being ironic with the term "shot". Do not think you must take it literally*” указывает на необходимость смены правил интерпретации на non bona fide. Это позволяет рационально объяснить внешнюю агрессивность высказывания. Заметим, что несмотря на угрозу прекращения коммуникации, *Kampanita* не отказывается от иронии в

адрес собеседника, на что указывает последняя фраза, где предложение об отстреле инженеров предлагается относить только к компании, в которой работает сам автор высказывания.

Необходимо отметить, что с точки зрения языкового оформления высказываний у высказываний *bona fide* и *non bona fide* много общего. Например, почти во всех приведенных контекстах содержится лексика с положительной коннотацией (*прекрасный пример взаимовыручки и поддержки, уникальный шанс, ultimately more rewarding*), которая может быть интерпретирована как буквально, так и иронически, путем «замены знака». Желание говорящего сделать так, чтобы высказывание было понято и соотнесено с ситуацией в соответствии с коммуникативным замыслом, и является причиной появления маркеров коммуникации *bona fide* / *non bona fide* в речи. Появление в высказывании маркера модуса общения – это сигнал изменения правил интерпретации сказанного: в первую очередь адресат должен пересмотреть соотношение высказывания и обсуждаемой ситуации и воспринимать слова собеседника как не соответствующие положению дел в действительности.

Есть еще один тип коммуникативной ситуации, в которой говорящий может употребить маркер модуса общения *non bona fide*: речь идет о случаях, которые можно условно назвать мета-метакоммуникацией. Говорящий переключается между двумя ролями, одновременно выступая в роли автора и в роли интерпретатора высказывания:

[5.13] *“Ich finde den Streik der Lokführer vollkommen in Ordnung, immerhin habe ich so mehr Zeit zum Umsteigen und kann mir den Bahnhof länger anschauen.” Ist das ernst gemeint, möchte man fragen. Aber man tut es nicht, denn der Satz steht einfach irgendwo und schreit auch nicht: **Hey, Achtung, ich bin ironisch gemeint** [интернет-коммуникация].*

Еще один пример мета-метакоммуникации – пример [5.14], в котором обсуждается сама возможность использования метапрагматических маркеров для комментирования собственных речевых действий:

[5.14]

Chuma

*I was talking with some friends about how to write good English, for things like essays. One of them claimed that you should never say "I was being ironic", as we would say in Swedish, that it has to be "I was being sarcastic". However, Google turns up almost as many hits for the former. What do you think? **Is "I was being ironic" proper (formal) English? Do the two mean different things?***

Soap

*This strikes me as one of those things that native speakers mix up all the time, but that linguistic pedants will roast you if you get it wrong. Best to be on the safe side and use only "sarcastic" for that particular sense. **"I was being ironic" is something you'd almost never have a reason to say** [интернет-коммуникация].*

Не только инициатор смены модуса, но и другие участники коммуникации – адресат и наблюдатель – могут использовать маркеры модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide* для комментирования речевых действий, но уже не собственных, а собеседника или тех, чья речь является объектом наблюдения. В таких ситуациях метапрагматические комментарии по-прежнему служат инструментом структурирования дискурса, однако основная функция маркеров меняется: теперь они не определяют правила интерпретации, но помогают уточнять правильность понимания сказанного и продемонстрировать желание или нежелание принимать смену модуса дискурса. Иными словами, речь идет об интерпретирующих комментариях, таких, которые предполагают «...извлечение из сообщения скрытой информации, эксплицирующейся лишь при наложении языковой информации на другие информационные структуры – психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т.п.» [Кобозева 1994: 63-64]. Приведем и прокомментируем несколько примеров использования метапрагматических маркеров модуса коммуникации адресатом и наблюдателем.

Адресат может уточнять не столько степень серьезности собеседника, сколько то, истинно или ложно сказанное ранее (пример [5.15], который в НКРЯ обозначен как «Письмо девушки», и пример [5.16] – фрагмент телевизионного шоу канала CNN):

[5.15] *Ты это серьезно насчет того, чтоб сконектится? А то уж почти 2 месяца прошло, я и забыла, как выглядит ваш величество майонез. Мой телефон навроде у тебя имеется. Может, в обозримом будущем встретимся* [НКРЯ].

[5.16] *BEHAR: Guess what? We have from Australia, Eric Stonestreet on the phone. FERGUSON: Are you serious? BEHAR: He's calling you. FERGUSON: Oh, my God.* [COCA]

Соотношение высказывания с реальным положением дел – очень важный аспект общения. Собеседник поверит сказанному только в том случае, если оценит информацию как истинную. В этом отношении характерным является диалог [5.17], в котором один из его участников трактует иронию как способ сообщить неистинную информацию:

[5.17] *Milena mówi do mnie:*

– *I wiesz, ja już jestem grzeczna, naprawdę jestem grzeczna, najgrzeczniejsza. I wszystko robię, o co mnie proszą i nawet dyżury robię za inne dziewczyny i 8 godzin wczoraj sprzątałam.*

– *Czy ty jesteś ironiczna?*

– *Co to znaczy ironiczna?*

– *No... że nie mówisz prawdy.*

– *Nie, nie jestem ironiczna!* [<http://kulturasieliczy.pl/nieprawda/>]

Несоответствие высказывания действительности не является единственным свойством иронической коммуникации, однако для участников приведенного выше диалога именно истинность / ложность высказывания является основным критерием, который определяет весь набор правил интерпретации сказанного.

Уточнение того, какие правила интерпретации – *bona fide* или *non bona fide* – следует применять к сказанному, это еще одна функция метапрагматических комментариев модуса общения. Контексты [5.18] и [5.19] иллюстрируют такое употребление в компьютерно-опосредованном общении, пример [5.20] – в устном диалоге.

В примере [5.18] участники форума обсуждают фильм. Один из комментариев может быть интерпретирован и как утверждение *bona fide*, и как *non bona fide*, поэтому собеседник уточняет, какой набор правил должен быть применен:

[5.18] *“film zawodzi tym, ze mógłby być dużo lepszy” to jest najlepsze uzasadnienie krytyki filmu, jakie udało mi się przeczytać.*

– *nie wiem, ironizujesz czy nie?* [интернет-коммуникация]

В диалоге [5.19] утверждение *Нексию после рестайла я бы скорее назвал идущей в ногу со временем* противоречит общему знанию, имеющемуся у других участников форума. Вопрос о модусе возникает как результат поиска способа рациональной интерпретации сказанного:

[5.19] *[alexman](#) (автор темы) 18 ноября 2011 в 18:38*

Не хочу обидеть, но Нексия – древний автомобиль Опель и после всех имевшихся у меня до этого машин, её я не рассматриваю.

[нормпацан](#) 21 ноября 2011 в 17:52

Рассматривать или нет – дело ваше и только ваше. Лично мне бы хотелось, чтоб и вы, и все остальные ищущие купили себе автомобиль по душе. Это ведь все очень индивидуально, что нравится одному - может не очень нравится другому человеку. Нексию после рестайла я бы скорее назвал идущей в ногу со временем. Да, не писк моды и не супер-мега-новье, но все-таки авто хорошее. Лучшие китайцев и лучшие некоторых нашемарок.

[ravel_013](#) 21 ноября 2011 в 18:14

Ты это серьезно говоришь? Или стеб??? [интернет-коммуникация]

Поскольку комментарий пользователя *нормпацан* противоречит точке зрения других участников диалога, интерпретация реплики как высказывания в модусе *bona fide* кажется спрашивающему маловероятной. Поэтому в качестве альтернативы предлагается интерпретация *non bona fide* как возможный способ увязывания высказывания с реальной ситуацией.

В диалоге [5.20] вопрос «*Это вы сейчас иронизируете что ли?*» вызван появлением лексики с ярко выраженной коннотацией в реплике слушателя. Поскольку «замена знака» в коннотативном компоненте значения – это наиболее простой способ создания иронии, интерпретации сказанного *bona fide* и *non bona fide* становятся равновероятными. Чтобы убедиться в правильности понимания, ведущая задает уточняющий вопрос:

[5.20] *К. ЛАРИНА – Давайте еще звонок. Алло. Здравствуйте.*

СЛУШАТЕЛЬ – Доброе утро.

К. ЛАРИНА – Это Санкт-Петербург.

СЛУШАТЕЛЬ – Совершенно верно. Я хотел бы попросить вас прекратить нападки на товарища Илюмжинова. Потому что товарищ Илюмжинов последний у нас из больших губернаторов избран демократическим путем. И хороший продолжатель великого демократического начинания. В Санкт-Петербурге великий демократ Собчак построил высокоскоростные магистрали, тоже видимо, благодаря астральным каким-то влияниям.

К. ЛАРИНА – Это вы сейчас иронизируете что ли?

СЛУШАТЕЛЬ – Конечно. Ельцин даже орден ему дал за это дело. Построили первый самый большой на планете небоскреб. Это же большое дело. И этот продолжает, большой молодец.

[<http://echo.msk.ru/programs/personstv/675991-echo/>]

Уточнение модуса может быть важным не только для правильного понимания сказанного. Вопрос *шутить? / are you kidding (joking)? / chyba żartujesz?* указывает на то, что собеседник по какой-то причине затрудняется интегрировать новую информацию в имеющуюся у него систему знаний:

[5.21] – Кажется, нашелся твой отец. – Ты шутишь? – Нисколько.
[НКРЯ]

[5.22] *dziś byłam z Leną w Ptaku. no i wsiadłyśmy w autobus. i tak jedziemy jedziemy jedziemy i byłyśmy już w połowie drogi i pękła opona w tym autobusie żartujesz ?*
nie na serio [NKJP]

[5.23] *Hansen: Do you let them in your studio as a rule?*

Carlos: Do I let them in the studio.

Hansen: I mean...

Carlos: Are you joking? Have you ever had a Siamese cat? Even regular kitty cats – they have their own way, their own mind and they come in and they're on top of you and on top of the equipment.

Hansen: Mm-hmm. Well, we had a very technical question from some of the people on our staff about how do you keep the cat hair off of the equipment?

Carlos: We don't.

Hansen: Synthesizer virtuoso, composer and cat lover, Wendy Carlos
[COCA].

Экспликация интенции собеседника может иметь целью отказ от модуса общения *non bona fide*. Так происходит в тех случаях, когда один из участников дискурса считает «несерьезный тон» неуместным (примеры [5.24] и [5.25]):

[5.25] *Вера Власовна, нравственность, мораль во многом определяются традициями общества. Ваша комиссия реально собирается влиять на нравы и обычаи жителей нашего города?*

– *Я понимаю вашу иронию, но дело, конечно же, не только в названии.* [<http://www.kotelniki.info/?p=487>]

Комментарий *Я понимаю вашу иронию* необходим не столько для того, чтобы показать, каким образом интерпретированы слова собеседника, сколько для того, чтобы вернуть диалог в модус *bona fide*. Похожим образом

действует пользователь *totemgam* в диалоге [5.25]. В ответной реплике он не только эксплицирует ироническое намерение собеседника, но и объясняет, почему высказывание, задуманное как ироническое, не может считаться таковым. По мнению *totemgam*, ирония неуместна, поскольку мнение пользователя *lothos* соответствует положению дел в действительности:

[5.25] *lothos*

Nice to mention the lack of 64 bit support. I presume lack of Win7 64bit also means a lack of Vista 64 bit.

totemgam

I understand your irony. Unfortunately you are right. I dare say that many large developers and more budget games do not support the 64bit operating system [интернет-коммуникация].

Адресат может отказаться от поддержания юмористической или иронической тональности в более резкой форме упрека, указывающего на неуместность перехода в модус *non bona fide*:

[5.26] – *Что случилось? – Ровным счётом ничего. Запишите, пожалуйста, благодарность водителю Евгению Евстигнееву. – Что за дурацкие шутки? Вы бы ещё в пять утра позвонили. – Какие шутки? Меня прекрасно обслужили, вот и всё.* [НКРЯ]

[5.27] *А.ПОЗНЯКОВ: Фактически вы предлагаете волшебную модель: чтобы по 50 тысяч выплачивали зарплаты дворникам, - хотя непонятно, откуда эти деньги брать, и при этом тех мигрантов, которые есть, все-таки выгонять не надо. Правильно я понимаю?*

*К.ПОЛТОРАНИН: Выгонять их бесполезно сейчас. Мы можем заставить всю милицию и армию этим заниматься, а успеха никакого не будет - уже пройдены все рубежи. А что касается зарплаты – **напрасно иронизируете.*** [<http://echo.msk.ru/programs/opponent/826133-echo/>]

Наконец, метапрагматические маркеры модуса *bona fide* могут быть использованы иронически. Вопрос «*ты это серьезно?*» – это не уточнение

модуса общения, а ироничное выражение сомнения по поводу самой возможности серьезного обсуждения предложенной собеседником темы. Так происходит в примере [5.28], в котором читатель комментирует рецензию к фильму, и диалоге [5.29], в котором его участники обсуждают возможность покупки нового отечественного автомобиля:

[5.28] *Ты это серьёзно? Рассчитываешь, что в таком «кине» могут быть какие-то неожиданные сюжетные повороты?* [интернет-коммуникация]

[5.29]

Сообщение: Melifaro

Новая 2109 – Где можно купить в Волгограде?

Сообщение: Islander555

Melifaro, ты это серьёзно?

Не думал, что это дефицит... [интернет-коммуникация]

На то, что метапрагматический комментарий использован иронически, в ответе пользователя *Islander555* указывает комментарий «*Не думал, что это дефицит*», который ставит под сомнение уместность вопроса о возможности покупки новой машины отечественного производства.

Отказ от перехода в модус *non bona fide* может выражаться через речевой акт упрека:

[5.30] – *Ага, до сих пор не можешь забыть, как тебя сунули в сугроб! – засмеялась она. – Я серьёзно, а ты все хиханьки да хаханьки! – возмутился он, вставая.* [НКРЯ]

В приведенных диалогах метапрагматический комментарий в ответной реплике функционирует как сигнал противопоставления двух модусов коммуникации. Как правило, такое противопоставление означает, что адресат не принимает модус *non bona fide* и предпочитает оставаться в рамках серьезного дискурса.

Таким образом, использование метапрагматических маркеров функционально различается. Инициатор перехода в модус *non bona fide*, как правило, сообщает адресату, как сказанное соотносится с реальной ситуацией. Если же маркеры используются для комментирования речевых действий собеседника, то их функции более разнообразны: с их помощью говорящий уточняет правильность понимания сказанного, принимает или отвергает модус коммуникации *non bona fide*, отказывает собеседнику в праве на иронию или, напротив, сам инициирует иронический дискурс.

Помимо диалогической коммуникации метапрагматические маркеры модуса могут использоваться и в нарративах, в комментариях наблюдателя, который оценивает речевые действия коммуникантов, при этом не являясь непосредственным участником общения. Как правило, таким наблюдателем является повествователь в нарративном тексте. Позиция наблюдателя не менее интересна и значима для восприятия текста, чем позиции непосредственных участников общения, поскольку именно наблюдатель (т.е. повествователь) оценивает речевые действия коммуникантов и задает способ интерпретации нарративного текста. Приведем несколько примеров:

[5.31] *«План Путина — это как Библия, в нем можно найти цитату, обосновывающую любые экономические шаги», — иронизирует ведущий специалист компании «Ренессанс Капитал» Елена Шарипова. [Год Медведева // РБК Daily, 2007.12.29]*

[5.32] *“The computer guru,” Zamora said, irony in his voice. “Richest man in the world” [COCA].*

[5.33] *Ludzie mówią, że mamy takie ładne przystanki, a autobusy się na nich nie zatrzymują – mówi ironicznie pani Zofia. [http://czas.tygodnik.pl/a/przystanki-mamy-ladne-ale-autobusy-je-omijaja]*

[5.34] *When asked for comment about Bones Gate’s new status, Sally Peppercorn ’15 replied, “What’s Bones Gate? Oh BG? I thought that was Beta Gamma, you know the other Beta, that frat we go to when Theta Delt isn’t having a*

party.” It is unclear whether or not she was being ironic.

[<http://www.thedunyun.com/2012/04/bones-gate-ironically-becoming.html>]

Метакоммуникация наблюдателя отличается от метакоммуникации непосредственных участников диалога опосредованностью. В приведенных выше примерах перед нами интерпретация, близкая исследовательской, хотя и сделана она «наивным пользователем». Благодаря комментариям в тексте мы можем искать сигналы иронии в речи персонажей и делать выводы о том, какие свойства высказывания или текста позволяют интерпретировать его как иронический. Заметим также, что именно эта позиция в наибольшей степени приближает нас к другому способу метаязыковой характеристики иронии – ее имплицитной оценке носителями разных языков.

Следующий шаг в исследовании металингвистической рефлексии носителей языка – анализ метапрагматических маркеров иронии. Цель такого анализа – выяснить, какие речевые действия носители языка классифицируют как иронические. Кроме того, такой анализ необходим для описания семантики глаголов коммуникации *non bona fide*.

5.4. Метапрагматические маркеры иронии

Метапрагматическая рефлексия носителей языка представляется интересным источником информации о том, как осмысляется ирония в повседневном общении. Можно выделить несколько причин, которые определяют интерес к «наивному» взгляду на иронию. Во-первых, на протяжении многих столетий ученые пытаются осмыслить то, что носителям языка кажется интуитивно простым и понятным. Неудивительно, что не только философские рассуждения, но и «обыденные» представления об иронии лежат в основе многих научных теорий и моделей иронической коммуникации.

Вторая причина обращения к метаязыковому сознанию заключается в том, что последние три десятилетия развития лингвистики прошли под знаком «антропоцентричности», которая по ряду принципиальных моментов противопоставляется системному подходу к языку [Gumperz 1982, Bloor 2007]. Так, важным является признание динамичности значения, его зависимости от узуса и языкового опыта, его тесной связи с тем, что принято называть энциклопедическим знанием [Geeraerts 2006]. В иронии все эти свойства проявляются в полной мере. Поэтому исследование иронии в рамках антропоцентрической парадигмы было бы неполным без обращения к рефлексии носителей языка, тем более что метаязыковая деятельность является неотъемлемой частью любого акта коммуникации.

В любой коммуникативной ситуации говорящий имеет определенные ожидания относительно того, как собеседник будет интерпретировать сказанное. Поскольку ирония всегда связана с риском недопонимания, существуют ситуации, в которых говорящий / пишущий вынужден маркировать собственную ироническую интенцию, чтобы направить интерпретативную деятельность адресата в нужное русло. Для реализации этой метакоммуникативной функции должен существовать определенный набор языковых средств, своеобразных речевых формул, с помощью которых любой из участников коммуникации мог бы решить эту коммуникативную задачу. Примерами экспликации иронической интенции могут служить следующие контексты:

[5.35] *Вчера в детском саду было родительское собрание. Ходили вместе с Андреем. Собирали только "привелегированных" родителей, т.к. в детском садике все равно нет мест для детей "с улицы". Это я иронизирую, так, что девочки не обижайтесь. В нашем городе, да и думаю, что в других городах эта наболевшая проблема. [интернет-коммуникация]*

[5.36] *Entschließung zu diesem Thema an, der Europarat verabschiedete ebenfalls einen in allen Einzelheiten klaren und expliziten Text zu dieser Frage, doch wer von uns juristische Kenntnisse besitzt, weiß, und das kommt für uns nicht*

überraschend – das sage ich mit einer gewissen Ironie, – dass es Rechtsvorschriften gibt, insbesondere im Strafrecht, wonach niemand gezwungen wird, Aussagen zu machen, die ihn selbst belasten [europarl.europa.eu].

Фразы «это я иронизирую», «*das sage ich mit einer gewissen Ironie*» – примеры тех самых речевых формул, с помощью которых говорящий эксплицирует собственную интенцию.

Для экспликации иронической интенции носители русского языка могут использовать не только комментарий *я говорю с иронией*, но и глагол *иронизировать*. Наличие такого глагола в русском языке свидетельствует о том, что носители языка выделяют иронию как особый тип речевого поведения, как например, в следующем контексте:

[5.37] *Я тысячекратно согласен / что самые трудные требования / по литературе / и можно обвинять и сколько угодно иронизировать по поводу этих требований / думаю / что эта сводная группа добьется здесь успехов и сделает что-то более вменяемое. [НКРЯ]*

Для характеристики аналогичных речевых действий носители английского языка используют аналитические конструкции: словосочетания *to say/ask/answer with irony, to speak ironically, to be ironic*. Анализ корпусов показывает, что английский глагол *to ironize* употребляется исключительно редко: в корпусе GloWbE зафиксировано 7 вхождений, в COCA содержатся 4 вхождения этого глагола, в COHA этой лексемы нет вообще:

[5.38] *Irony is not just an abstract concept. When it becomes the dominant cultural tone, it affects the way we relate to each other in very real and concrete ways because we live in a culture of correction -- where we constantly see only what we believe needs 'fixing' -- rather than in a culture of forgiveness and acceptance. God knows how corny that sounds; how easy to send up, to parody, to ironize. [GloWbE]*

[5.39] *As argued above, the question that opens the final chapter -- "Who can be in doubt of what followed?" -- disrupts narrative teleology for the reader, functioning to **ironize** both stable ends and natural sequels.* [COCA]

Выражения *to say/ask/answer with irony, to speak ironically* употребляются преимущественно в художественных текстах и выполняют функцию комментариев повествователя:

[5.40] *"Say, sir, do you know if I took this class before?" "No, sir, I don't," Professor Traynor **answered** with an **irony** that was both amused and barbed.* [COCA]

Что касается диалогического общения, единственным исключением стал контекст, в котором один из участников коммуникации уточнял правильность понимания намерений собеседника:

[5.41] *"Did you **speak ironically**?"*

"My heavens, no." [COCA]

Немецкий глагол *ironisieren* также употребляется только в авторских комментариях относительно речевых действий других лиц:

[5.42] *Eric Warburg, der große Hamburger Bankier, hat das Wesen des Menschen wie des Wohlfahrtsstaates so **ironisiert**: "Wenn man gibt, nimm; wenn man nimmt, schrei. Was das mit Opel zu tun hat?"* [DWDS]

Чаще ироническая интенция эксплицируется при помощи аналитических конструкций *sagen mit Ironie, ironisch gemeint sein*:

[5.43] ***Das War Ironisch Gemeint!*** [интернет-коммуникация]

[5.44] *Darauf ich: "**Das war Ironie**. Ich weiß natürlich, wo Marokko liegt."* [интернет-коммуникация]

В польском языке, как и в русском, существует глагол *ironizować*, который активно используется носителями языка в качестве металингвистического комментария собственных высказываний или высказываний собеседника неповредственно в момент коммуникации:

[5.45] *dlaczego głupio ironizujesz?* [интернет-коммуникация]

[5.46] *Geniusze (mocno ironizuję)*

Przebili wszystko od Mozarta do Jacksona... już muzyka nigdy nie będzie taka jak wcześniej Oni i Bieber to Himalaje muzyki... Wybitni twórcy, wybitne osobowości... bez nich muzyka nie byłaby taka jaka jest. [интернет-коммуникация]

[5.47] *Co do epizodu japońskiego...*

Ja nie tragizuję, ja ironizuję na temat rzekomego nie dostosowania W2 dla Japonii. Na tle innych produkcji zachodnich [интернет-коммуникация].

Посмотрим, как функционирует глагол *иронизировать* в русскоязычном метадискурсе. В качестве отправной точки для дальнейших рассуждений воспользуемся словарными дефинициями. Толковый словарь Д.Н. Ушакова предлагает следующее толкование:

ИРОНИЗИ'РОВАТЬ, *рую, руешь, несов., над кем-чем (книжн).*
Относится с иронией к кому-чему-н., вышучивать, насмехаться свысока.

Первую часть дефиниции нельзя признать в достаточной степени информативной, поскольку действие объясняется через однокоренное существительное, семантика которого также весьма расплывчата. Вторая часть толкования сосредоточена на описании типа взаимоотношений между участниками ситуации: акцент делается на асимметрии коммуникативных позиций собеседников, при этом синонимы указывают на модус общения *pop bona fide*.

Дефиниция глагола *иронизировать* в толковом словаре С.И. Ожегова делает акцент не на отношении между участниками коммуникации, а на самом речевом действии, также объясняя значение глагола через существительное *ирония*:

ИРОНИЗ'ИРОВАТЬ, *-рую, -руешь; несов. Говорить о ком-чём-н. с иронией, насмешливо. И. над собеседником.*

Словарная статья для интересующего нас глагола в Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова выглядит следующим образом:

ИРОНИЗИРОВАТЬ, -рую, -руешь; нсв. *Говорить о ком-, чём-л. с иронией, насмешливо. И. над собеседником. Перестань и., говори серьёзно.* < *Иронизирование, -я; ср. Меня раздражает ваше постоянное и.*

Таким образом, словарные дефиниции предлагают две различные перспективы на семантику глагола *иронизировать*: с одной стороны, иронизировать – значит создавать определенные взаимоотношения между участниками ситуации, с другой стороны, этим глаголом обозначаются некоторые речевые действия, позволяющие говорить о чем-либо в насмешливом тоне.

Ни один из вариантов лексикографического описания глагола *иронизировать* не дает информации о том, какие именно речевые действия описываются этим словом, какие свойства позволяют отличать «иронизирование» от других речевых действий в модусе *non bona fide*. Анализ употреблений глагола *иронизировать* может помочь в решении проблемы.

Семантика глагола *иронизировать* позволяет отнести его к классу предикатов интерпретации и оценки. По мнению Г.И. Кустовой, такие предикаты не идентифицируют конкретное действие, а выражают его оценку, поэтому они приложимы к разным ситуациям [Кустова 2000]. Как и в случае с другими маркерами иронической коммуникации, интерпретация речевых действий возможна с позиции инициатора иронии, адресата иронического высказывания или наблюдателя-повествователя. В соответствии с этими позициями для глагола *иронизировать* можно выделить три типа контекстов употребления.

Первую (наиболее многочисленную) группу контекстов составляют нарративы, где характеристика речи как иронической принадлежит

повествователю, который комментирует речевые действия других участников коммуникации:

[5.48] *Ведущий аналитик Mobile Research Group Эльдар Муртазин считает, что новый телефон от АФК «Система» не будет успешен на рынке. «ОЕМ-производитель данного устройства — компания ZTE не имеет на данный момент современных технологий, которые используются в таких коммуникаторах, как iPhone, HTC или Samsung. А потому никакая маркетинговая стратегия вывода телефона на рынок не поможет его продажам. Разве что бесплатно будут раздавать», – иронизирует г-н Муртазин.* [<http://www.rbcdaily.ru/2010/12/29/media/562949979484136.shtml>]

В приведенном контексте повествователь структурирует текст таким образом, чтобы подготовить читателя к последующей иронической интерпретации: утверждение о том, что эксперт не верит в успех нового продукта, подтверждается цитатой. Далее прямая речь оценивается автором как ирония, и эта оценка основана не столько на языковой форме высказывания, сколько на несоответствии ожиданий знанию о том, как функционирует рынок мобильных устройств. Поскольку предложенный экспертом маркетинговый ход не согласуется с этим знанием, его абсурдность интерпретируется как ирония.

Можно найти аналогичные случаи употребления маркеров иронии и в других языках. Примеры [5.49] и [5.50] иллюстрируют, как носители польского и английского языка в аналогичных случаях комментируют речевые действия. Контекст [4.49] – фрагмент публикации в польской газете. Текст посвящен бедственному положению художественной галереи, предлагаемый выход из которого также расценивается как ирония ввиду его очевидной абсурдности:

[5.49] *O niezabieranie pieniędzy na remont apelował radny Jerzy Jędrzyiak. – Skoro nie ma pieniędzy, to może zamknijmy w ogóle galerię, po co*

nam wystawy, dajmy pieniądze na coś innego – mówił ironicznie radny Jędrysiak.
[<http://www.tygodnikpodhalanski.pl/>]

Пример [5.50] – вступление к статье, посвященной проблеме границ между государствами Юго-Восточной Азии. Комментарий автора отражает его отношение к позиции, которую занимает Китай:

[5.50] *Mentioning China's casuistry "anything that is related to my name, it's mine", a reader of the Economist commented ironically: "The sea is called South China Sea, so it belongs to China? Similarly, the Indian Ocean will belong to India? If it is true, perhaps other countries should change their name... For China, perhaps it wants to change its name into Pacific".*
[<http://en.baomoi.com/Info/Nostalgia-and-Chinas-casuistry-for-Ushapeline/2/161921.epi>]

В приведенных выше примерах ирония – единственно возможное объяснение противоречия высказываний знаниям о мире и здравому смыслу. Авторские комментарии служат «инструкциями по интерпретации», гарантируя правильное понимание текста.

Вторая группа контекстов, в которых встречается глагол *иронизировать* – это нарративы, а также примеры устной и компьютерно-опосредованной диалогической коммуникации, в которых говорящие характеризуют собственные речевые действия:

[5.51] *Наше "заботливое" государство уже давно отняло у военных льготы за оплату коммунальных услуг и прочие, теперь вот и форму заставит покупать. Одна рука дает, а другая тут же отбирает.*

Следующим шагом наверное будет покупка офицерами «качественных танков и самолетов», за свой счет разумеется. Я конечно иронизирую, с покупкой танков и самолетов за свой счет, но от Сердюкова можно ожидать чего угодно. [интернет-коммуникация]

Основная причина появления метапрагматического комментария «я иронизирую» – та же, что и для других маркеров модуса коммуникации по

bona fide: эта фраза появляется после того, как адресат по каким-либо причинам не сумел понять иронию:

[5.52] *Автор не умеет говорить «нет», как Вы деликатно (на Вас не похоже) выразились, она ищет повод остаться хорошей и при этом соблюсти шкурный интерес. Это и называется двойной моралью. Я это так называю: -). И именно над этим я иронизирую. Теперь понятно? Для «особо одаренных» комментирую: про мебель из Лувра, «Три медведя», «Ералаш» и «ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ любви и счастья» – это была ирония. Да, недобрая. [НКРЯ]*

[5.53] *Викуся, **эт я иронизирую**, что «элементарно было отгадать». У меня такой юмор тонкий. Я бы сама ни в жисть не догадалась про Пасифик этот. [интернет-коммуникация]*

Отдельно можно выделить случаи металингвистической рефлексии, когда говорящий размышляет о соотношении формы и содержания планируемого иронического высказывания. В примере [5.54] говорящий подбирает «правильную» с его точки зрения тактику для оформления иронической интенции, чтобы быть уверенным в правильном понимании написанного. Сомнения автора вызваны омонимией кавычек: с одной стороны, так оформляется прямая речь. С другой, часто кавычки служат графическим сигналом иронии в тексте:

[5.54] ***Нужно ли ставить кавычки в случае, если я иронизирую над присланным мне текстом, и «цитата» на самом деле вовсе не является таковой? Дословно цитирую своё письмо другу.***

...просто пересылаю те документы, что мне прислала координатор. Почитай забавное расписание учёбы и письмо, где, в общем-то, прямым текстом говорится о том, что «ивриту мы вас нихрена не научим, вот пара сайтов – учите сами!!»

Нужны ли кавычки в этой якобы «цитате»? [интернет-коммуникация]

Наконец, третий вариант употребления глагола *иронизировать* – его метапрагматическое использование адресатом, как правило, для того, чтобы вернуть разговор в модус *bona fide*:

[5.55] А. ГРЕБНЕВА: Да. Мы-то предполагаем, что есть возможности у всех в этой стране прийти к власти и занять какие-то руководящие посты. Что думаете Вы по этому поводу...

И. ЯШИН: Возмутительные вещи Вы говорите. У кого это есть еще шансы прийти к власти, кроме передового отряда...

И. ВОРОБЬЕВА: Илья, вы для себя такого шанса. Вы же сам молодой, Вы политик...

А. ГРЕБНЕВА: **Вы иронизируете.** Вы нас не пугайте. [http://echo.msk.ru/programs/figure/621792-echo/]

[5.56] **Ты иронизируешь или всерьёз не понимаешь?** Да ладно. С тобой спорить смысла не вижу, а топикстартеру всё разжёвано. [интернет-коммуникация]

[5.57] Ты сейчас пытаешься выдать это за шутку, **иронизируешь все!** Но тут достаточно твоих фото VK и по ним можно очень много понять про человека... [интернет-коммуникация]

Адресат может не только отказываться от переключения в модус *bona fide*, но и отвергать право собеседника на иронию. В таких случаях сама возможность выражения иронического отношения может стать объектом дискуссии:

[5.58] лена: Здравствуйте Александр Николаевич, **напрасно вы иронизируете** по поводу компетентности массажистки, люди просто так ходить не будут, а к ней ездят со всей области. А по поводу хлыстообразной травмы вы мне не ответили, диагностируют у вас ее или нет?

Отвечает: Александр Николаевич Челноков

Настаиваю, что иронизировать - мое неотъемлемое право. Насчет «люди просто так ходить не будут» - это что, критерий компетентности?

В МММ или «Властилину» народ шел по этому же соображению, а сколько продолжает ходить к шарлатанам снимать сглаз и наводить порчу?
[интернет-коммуникация]

Интересно, что разрешение на иронию (*ты можешь иронизировать / вы можете иронизировать*) на самом деле также является маркером отказа от коммуникации в модусе *non bona fide*:

[5.59] *О. ЖУРАВЛЕВА – То есть мы все-таки идем к какому-то счастью и всеобщему благоденствию?*

М. БАРИЦЕВСКИЙ – Вы можете, Оля, иронизировать сколько угодно.

О. ЖУРАВЛЕВА – Я не иронизирую. Слушатели спрашивают: доколе.
[<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/>]

[5.60] *Ну давай / давай / ухмыляйся! Ну давай / иронизируй / издевайся / ну! Ну давай / давай / давай / давай!* [НКРЯ]

У адресата, столкнувшегося с иронией собеседника, есть выбор: либо принять смену модуса общения, либо отказаться от иронической коммуникации. Появление в диалоге метапрагматического маркера иронии – это сигнал того, что адресат выбрал второй путь. Комментарий *Я понимаю вашу иронию* обычно сопровождается союзом *но*: тем самым адресат иронии отказывается перейти в модус общения *non bona fide* и настаивает на продолжении серьезного диалога, как это происходит в примере [5.61]:

[5.61] *Medichi*

Бесплатная изостудия во дворце пионеров, бесплатные фехтование и стрельба (сейчас выстрел от полутора до пяти долларов), бесплатная верховая езда в секции при ипподроме... Музыкальная школа практически даром...

VariaG

Что вы все про халяву да про халяву?! А гордость за великую державу? Чувствовать себя маленьким, но нужным винтиком огромной машины?

Уверенность не только в завтрашнем дне, но и в следующем веке? Читайте, завидуйте, я гражданин? Эх, мы!!

Medichi

Понимаю вашу иронию. Но одной из составляющих гордости и было бесплатное образование.

Итак, *иронизировать* – это в первую очередь совершать речевое действие в рамках модуса коммуникации *non bona fide*. Это означает, что пропозиция высказывания, по мнению говорящего, не соответствует реальному положению дел. Цель искусственно создаваемого несоответствия – выражение негативной оценки. Заметим, что этот компонент значения – переход в модус *non bona fide* с целью выражения отрицательной оценки – не эксплицируется в словарных дефинициях. Вместо этого глагол *иронизировать* часто толкуется через глагол *насмехаться* и его производные. *Иронизировать* – значить *говорить насмешливо, насмехаться свысока*. Однако известно, что далеко не все случаи иронии связаны с насмешкой. Кроме того, в ряде случаев эти глаголы употребляются как однородные сказуемые, что указывает на существование отличий в их семантике:

[5.62] **Вы можете иронизировать и смеяться надо мной / сколько вам будет угодно.** [НКРЯ]

Возникает вопрос, в чем именно заключаются семантические различия этих глаголов и с какой степенью полноты глагол *насмехаться* может описывать иронию в толковании глагола *иронизировать*?

Для экспликации прагматических особенностей глагола *иронизировать* обратимся к синонимическим средствам русского языка. Словарь синонимов Н. Абрамова предлагает нам следующий ряд:

иронизировать см. *насмехаться*.

Следуя рекомендациям автора словаря, сделаем следующий шаг и обратимся к синонимическому ряду глагола *насмехаться*:

«Насмехаться, глумиться, забавляться, издеваться, измываться, надругаться, острить, потешаться, трунить, подтрунивать, шутить, подшучивать, смеяться, посмеиваться над кем; вышучивать кого, высмеивать, подымать на смех (на зубок, на зубки), осмеивать, выставлять на смех, представлять в смешном виде, прохаживаться на чей счет; кошунствовать, иронизировать; пересмеивать кого, передразнивать, пародировать. *Он мне в глаза насмеялся. Он посмеивается городскому многолюдству. Иов 39, 7. Отпустил бонмо, сострил*» [Абрамов 1999].

Глаголы, включенные в синонимический ряд, обладают общим прагматическим компонентом: они выражают ту или иную интерпретацию речевых действий²⁹. Однако подстановка глаголов из этого синонимического ряда в приведенные выше контексты не дает удовлетворительных результатов:

[5.63] *«План Путина — это как Библия, в нем можно найти цитату, обосновывающую любые экономические шаги», — **вышучивает / насмехается свысока / говорит насмешливо** ведущий специалист компании «Ренессанс Капитал» Елена Шарипова.

***Я не то что борюсь, я просто вышучиваю / насмехаюсь свысока / говорю насмешливо.**

***Здравствуйте Александр Николаевич, напрасно вы вышучиваете / насмехаетесь свысока / говорите насмешливо по поводу компетентности массажистки, люди просто так ходить не будут, а к ней ездят со всей области.**

Предложенные варианты подстановки нельзя считать приемлемыми. Одна из причин невозможности замены — семантические особенности глаголов *вышучивать* и *насмехаться*: хотя их тоже можно отнести к группе предикатов интерпретации и оценки, они не используются для

---

²⁹ На обязательность интерпретативной компоненты в значении глаголов, толкующих речевые акты, указывают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [Булыгина 1997].

комментирования собственных речевых действий говорящего, т.е. не употребляются в металингвистической функции. Так происходит потому, что в их семантике уже заложена позиция наблюдателя, чего нет в значении глагола *иронизировать*. С другой стороны, неудачный опыт подстановки близких по значению глаголов показывает, что в и семантике глагола *иронизировать* есть свои особенности. Какими свойствами характеризуются речевые действия, которые называют этим глаголом?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к нарративным контекстам, где глагол *иронизировать* встречается в ряду однородных сказуемых. Однородные сказуемые детализируют отношение автора текста к наблюдаемой им иронии. Кроме того, в таких контекстах эксплицируется цель, с которой говорящий использует иронию:

[5.64] *Так, касаясь известной речи Вождя «Самое дорогое на свете — человек», он оскорбительно смеялся, и иронизировал, и говорил: «Все это ерунда!»* [НКРЯ]

[5.65] *Я счастлив, что мне довелось участвовать в таком фильме, и никогда не изменю своего мнения о нем, как бы ни иронизировал и ни осуждал меня за это мой бывший товарищ по партии, а теперь — господин А.М. Смелянский...* [НКРЯ]

[5.66] *Они предпочитали иронизировать, нежели преувеличивать значение своих работ.* [НКРЯ]

Однородные сказуемые делают акцент на отношениях, которые складываются в результате иронической коммуникации. Из приведенных фрагментов видно, что глагол *иронизировать* связан с намерением говорящего оскорбить того, на кого направлена ирония, выразить свое критическое отношение к ситуации. Кроме того, противопоставление глаголов *иронизировать* и *преувеличивать* в примере [5.66] раскрывает еще один семантический компонент первого: иронизируя, говорящий преуменьшает значимость объекта иронии, его действий.

Таким образом, чтобы описать значение глагола *иронизировать*, необходимо учесть прагматический эффект от перехода в модус *non bona fide*, который интегрируется в структуру глагола. Значение глагола *иронизировать* можно описать следующим образом: *X говорит нечто, и, поскольку X играет / притворяется, сказанное не следует воспринимать как соответствующее реальному положению дел. X притворяется, чтобы выразить свое критическое отношение к ситуации или адресату.*

5.5. ИмPLICITная метапрагматическая оценка вербальной иронии

О распространенности иронии во всех ее проявлениях в XX веке писали многие: А.А. Блок назвал иронию душевной болезнью [Блок 1962]; позже, в записях 1970-1971 гг. М.М. Бахтин писал: «Ирония вошла во все языки нового времени (особенно французский), вошла во все слова и формы (особенно синтаксические, ирония, например, разрушила громоздкую «выспреннюю» периодичность речи). Ирония есть повсюду – от минимальной, неоощуаемой, до громкой, граничащей со смехом. Человек нового времени не вещает, а говорит, то есть говорит оговорочно. Все вещающие жанры сохраняются главным образом как пародийные или полупародийные конструктивные части романа. Язык Пушкина – это именно такой, пронизанный иронией (в разной степени), оговорочный язык нового времени» [Бахтин 1979: 366].

Несомненно, оценка, данная философами и мастерами слова, является важным источником информации об отношении носителей языка к иронии, однако эти суждения касаются преимущественно художественных текстов. Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, какое место ирония занимает в структуре повседневной коммуникации в самых разных сферах человеческой деятельности.

Соотнесение представлений «первого порядка» с научными теориями до недавнего времени было затруднительно, поскольку метапрагматическая рефлексия не всегда имеет явное выражение и не может быть адекватно описана с опорой только на исследовательскую интуицию или единичные контексты. Сегодня такое сравнение становится возможным благодаря языковым корпусам. Основной вопрос теперь заключается не в поиске текстового материала, а в способе его извлечения и обработки.

Для изучения имплицитной оценки иронии в дискурсе мы обратились к коллокациям – относительно устойчивым словосочетаниям, знание которых составляет важную часть языковой компетенции носителя языка [Biber 1991, Sinclair 1991, Stubbs 1995, McEnery 2006, Evert 2008]. В качестве источника информации об отношении к речевым действиям, которые участники дискурса классифицируют как иронию, использовались данные об адъективной сочетаемости русской лексемы *ирония* и английской *irony*. В основе проведенного исследования лежит гипотеза о том, что коннотации прилагательных, с которыми регулярно встречаются интересующие нас существительные, выражают метапрагматическую оценку вербальной иронии, поэтому адъективная сочетаемость существительных *ирония* и *irony* может рассматриваться в качестве имплицитного сигнала метапрагматической рефлексии носителей двух языков.

Для исследования ближайшего окружения лексемы *ирония* был сформирован конкорданс, содержащий эту лексему в сочетании с прилагательными³⁰. Обязательным условием включения контекста в конкорданс было указание на то, что ирония реализуется средствами естественного языка, а не других знаковых систем (жестов, мимики или изображений):

---

³⁰ Подробный квантитативный и квалитативный анализ сочетаемости русского существительного *ирония* дан в работе [Кашкин 2010б].

[5.67] *А он говорил все время хотя и с легкой, но агрессивной иронией, причем ирония была одинаково направлена на всех участников тусовки – слово бешено вошло в моду – на него самого и даже на нее!*
[НКРЯ]

Большую часть контекстов составили отрывки из нарративных текстов – художественных и публицистических произведений XX – начала XXI вв. Такая жанровая специфика материала неудивительна, поскольку метапрагматические ремарки, с помощью которых идентифицируются и одновременно оцениваются речевые действия, как правило, содержатся в авторских комментариях. Сами участники коммуникации не могут занимать позицию наблюдателя и оценивать собственные речевые действия, т.е. нельзя сказать **я говорю это с горькой иронией* или спросить **ты говоришь серьезно или с благодушной иронией?* Позиция повествователя позволяет комментировать речевые действия непосредственных участников диалога; автор как бы «редактирует» дискурс, вписывает высказывания в конкретную коммуникативную ситуацию и одновременно дает читателю ориентир для понимания авторской интенции и интерпретации текста:

[5.68] – *Может быть, гроза и очень хороша в начале мая, – с благодушной иронией проговорил Канищев, – но в конце сентября – это мерзость...* [НКРЯ]

[5.69] *В словах Василия была глубокая ирония, просвечивающая в огромную массу настоящего трудового народа, где все делают молча, где разговор – серебро, молчание – золото.* [НКРЯ]

Метапрагматические комментарии показывают, что носители современного русского языка воспринимают иронию как эмоционально окрашенное коммуникативное действие. В отобранных контекстах лексема *ирония* употребляется с 141 прилагательным, значительная часть которых имеет яркую отрицательную коннотацию. Прилагательные с семантикой положительной оценки также используются для описания иронии, но

происходит это гораздо реже. Чтобы показать, насколько широк спектр оценок, приведем несколько контекстов:

[5.70] *Томас всегда **рассказывает** о своём заболевании абсолютно без горечи, с лёгкой **иронией** и в то же самое время с невероятным чувством грусти и нежности по отношению к своей маме, пожилой скромной немке, у которой в глазах можно прочесть всю ее жизнь: что она чувствовала, ожидая ребёнка, какое смятение ощутила, поняв, что ее вина в том, что сын родился таким.* [НКРЯ]

[5.71] *Когда на доме, где в последние годы (с 1964 по 1969) жил академик В. В. Виноградов (это в Калашном переулке), была установлена мемориальная доска, его "добропорядочная жена" **заметила с горькой иронией**: "Не похож".* [НКРЯ]

[5.72] *Кейт совсем не похожа была на Варю, в ее голосе **чувствовалась живая ирония**, да и говорила она не больше, чем говорили сегодня все, кого они встречали; пожалуй, даже меньше – из-за языкового барьера.* [НКРЯ]

[5.73] *Скажем так: если и те, и другие отзываются друг о друге с **нескрываемой едкой иронией**, то это еще не самый тяжелый случай.* [НКРЯ]

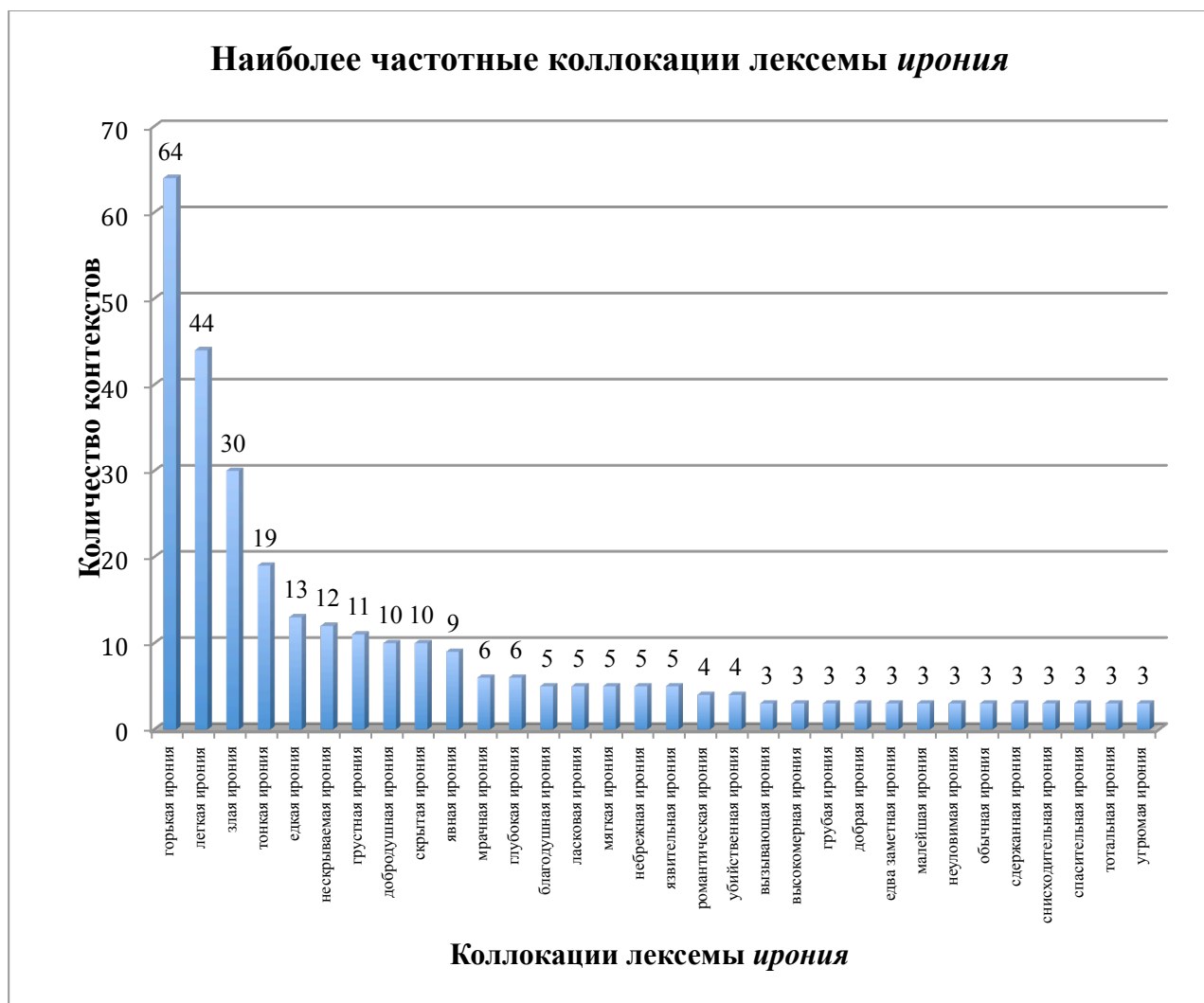
[5.74] – *Вы думаете?* – *со **злой иронией** спросил Наумов.* [НКРЯ]

Помимо разнообразия оценок, приведенные примеры показывают, насколько значима эмоциональная составляющая для иронического дискурса. Эпитет описывает не только и не столько качество речи, сколько эмоциональное состояние говорящего.

Данные о сочетаемости существительного *ирония* с прилагательными в русском языке приведены в таблице 7 и на рис. 15. В таблицу вошли коллокации с частотой встречаемости не ниже 3.

Таблица 7. Адъективная сочетаемость существительного ирония по данным НКРЯ

Коллокация	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
<i>горькая ирония</i>	64	14,8
<i>легкая ирония</i>	44	10,2
<i>злая ирония</i>	30	6,9
<i>тонкая ирония</i>	19	4,4
<i>едкая ирония</i>	13	3,0
<i>нескрываемая ирония</i>	12	2,8
<i>грустная ирония</i>	11	2,5
<i>добродушная ирония</i>	10	2,3
<i>скрытая ирония</i>	10	2,3
<i>явная ирония</i>	9	2,1
<i>мрачная ирония</i>	6	1,4
<i>глубокая ирония</i>	6	1,4
<i>благодущная ирония</i>	5	1,2
<i>ласковая ирония</i>	5	1,2
<i>мягкая ирония</i>	5	1,2
<i>небрежная ирония</i>	5	1,2
<i>язвительная ирония</i>	5	1,2
<i>романтическая ирония</i>	4	0,9
<i>убийственная ирония</i>	4	0,9
<i>вызывающая ирония</i>	3	0,7
<i>высокомерная ирония</i>	3	0,7
<i>грубая ирония</i>	3	0,7
<i>добрая ирония</i>	3	0,7
<i>едва заметная ирония</i>	3	0,7
<i>малейшая ирония</i>	3	0,7
<i>неуловимая ирония</i>	3	0,7
<i>обычная ирония</i>	3	0,7
<i>сдержанная ирония</i>	3	0,7
<i>снисходительная ирония</i>	3	0,7
<i>спасительная ирония</i>	3	0,7
<i>тотальная ирония</i>	3	0,7
<i>угрюмая ирония</i>	3	0,7

В собранном русскоязычном конкордансе явным «лидером» по частотности употребления стало прилагательное *горькая* – на него приходится около 15% от общего количества контекстов. Далее в списке десяти наиболее частотных определений вербальной иронии входят прилагательные *легкая*, *злая*, *тонкая*, *едкая*, *нескрываемая*, *грустная*, *добродушная*, *скрытая*, *явная*. Уже этот небольшой список показывает, что носители русского языка склонны давать иронии прямо противоположные оценки (*злая vs. добродушная*, *скрытая vs. явная*), однако общий объем негативных оценок выше. В таблице 8 представлены данные о сочетаемости лекси́мы *ирония* с прилагательными, в семантике которых есть положительный или отрицательный компонент.

Таблица 8. Эмоциональная оценка иронии носителями русского языка по данным НКРЯ

Оценка	Коллокации
Положительная	<i>легкая ирония, невинная ирония, безобидная ирония, благодушная ирония, ласковая ирония, мягкая ирония, добродушная ирония, спокойная ирония, теплая ирония, доброжелательная ирония, веселая ирония</i>
Отрицательная	<i>горькая ирония, едкая ирония, въедливая ирония, ядовитая ирония, жгучая ирония, язвительная ирония, колкая ирония, злая ирония, агрессивная ирония, убийственная ирония, злобная ирония, беспощадная ирония, жестокая ирония, яростная ирония, губительная ирония, презрительная ирония, высокомерная ирония, снисходительная ирония, надменная ирония, безнадежная ирония, грустная ирония, мрачная ирония, вызывающая ирония, грубая ирония, резкая ирония, обидная ирония, оскорбительная ирония, насмешливая ирония, холодная ирония, сухая ирония, желчная ирония, неуместная ирония, пошлая ирония, резкая ирония, унылая ирония</i>

Анализ коннотаций прилагательных дает возможность сделать вывод о семантической просодии слова *ирония* в русском языке. Термином *семантическая (дискурсивная) просодия* в корпусных исследованиях, посвященных проблеме лексической сочетаемости, принято обозначать сочетаемостные предпочтения слова, в частности, тенденцию слова встречаться в окружении слов с определенной коннотацией [Stubbs 2007; Stewart 2010]. Понятие семантической просодии помогает объяснять, каким образом коннотативные свойства окружения, в котором встречается слово, распространяются и на само слово. Исходя из данных, представленных в

таблице 8, можно говорить о том, что у слова *ирония* в русском языке есть тенденция к отрицательной дискурсивной просодии.

Качественная характеристика иронии является источником информации о взаимоотношениях между участниками дискурса: если ирония оценивается как *благодарная, злая, едкая, высокомерная, уничтожающая, агрессивная, беспощадная, строгая*, то речь идет об отношениях, которые инициирует своими речевыми действиями говорящий.

Кроме того, семантика прилагательных указывает на представления носителей русского языка об эффекте, который производит ирония в общении. *Оскорбительная, ласковая, холодная*, или, напротив, *вежливая, легкая* ирония – эти характеристики указывают не только на взаимоотношения между участниками коммуникации, но и на качество общения. Иными словами, речь идет о том, является ли ирония коммуникативным неудобством, или, напротив, создает позитивный эффект: *злая, едкая, высокомерная* ирония – это сигнал агрессии, попытка установить четкую границу между «своими» и «чужими» через насмешку, оскорбление. Если же ирония описывается как *легкая, живая*, это означает, что в данной ситуации ирония не является коммуникативным неудобством и не влияет на взаимоотношения между участниками общения. В таких случаях ирония используется для снятия напряжения или развлечения.

Можно говорить о том, что ирония – это режим коммуникации, в котором эмоции оказываются не менее важны, чем логика: ирония характеризуется либо как способ общения, вызывающий дискомфорт или – реже – приносящий удовольствие. Прилагательные с «нейтральной» коннотацией характеризуют иронию с точки зрения легкости ее распознавания адресатом. Списки прилагательных, указывающих на степень легкости / трудности восприятия иронии, представлены в таблице 9.

Таблица 9. Оценка степени легкости / трудности восприятия иронии носителями русского языка по данным НКРЯ

Степень легкости восприятия иронии	Коллокации
Адресат легко понимает иронию	<i>явная ирония, нескрываемая ирония, подчеркнутая ирония, плохо скрытая ирония, преднамеренная ирония, постоянная ирония, подчеркнутая ирония, чрезмерная ирония</i>
Понимание иронии адресатом затруднено	<i>скрытая ирония, чуть / едва заметная ирония, неуловимая ирония, тайная ирония, затаенная ирония, туманная ирония</i>

Таким образом, сочетаемость существительного *ирония* с прилагательными может служить источником информации о функциональном потенциале этого режима коммуникации.

Восприятие вербальной иронии также исследовалось на материале двух корпусов американского варианта английского языка – Corpus of Contemporary American English и Corpus of Historical American English. Здесь также отбирались контексты, в которых лексема *irony* употреблялась с каким-либо глаголом речевой деятельности (*say / speak / ask / answer / reply / exclaim* и др.). В конкорданс вошло 296 контекстов, в которых лексема *irony* употребляется со 147 различными прилагательными, например:

[5.75] *"I think Ryan's being paranoid again. He's been cut out of this end of the treaty works, and he's trying to remind us how important he is. Marcus agrees with my assessment, but forwarded the report out of a fit of objectivity," Liz concluded with heavy irony.* [COCA]

[5.76] *"I don't see your name on any of next Tuesday's ballots... does that mean you've given up on politics?" I said, with what I thought was obvious irony.* [COCA]

Среди прилагательных наиболее частотными оказались *heavy* и *bitter* (26 и 24 контекста соответственно). Далее среди 10 наиболее частотных

оказались прилагательные³¹ *fine* (10), *quiet* (10), *grim* (9), *certain* (6), *characteristic* (6), *mock* (6), *gentle* (5), *playful* (5), *unconscious* (5).

В сочетаемости существительного *irony* прослеживаются сходные тенденции: эффект может быть как положительным (*fine, gentle, playful irony*), так и отрицательным (*heavy, bitter, grim, mock irony*). Кроме того, значимой является легкость распознавания и ожидаемость иронии в дискурсе (*certain, characteristic irony*).

Значительная часть прилагательных, с помощью которых носители русского языка характеризуют иронию, по сути, являются метафорическим способом описания этой дискурсивной практики. В следующем разделе будут рассмотрены наиболее распространенные модели метафорической категоризации иронии носителями русского, английского, немецкого и польского языков.

5.5.1. Синестетические метафоры

Одной из наиболее распространенных моделей метафорического описания вербальной иронии является синестетическая метафора: значительная часть коллокатов существительного *ирония* – это прилагательные с семантикой тактильных и вкусовых ощущений.

Синестезия – явление, в котором сплетаются физиологический опыт и возможности образного мышления человека. Это «... сюрреалистическое переплетение ощущений, восприятия и эмоций» [Ramachandran 2011: 75]³². Синестетический перенос позволяет метафорически описывать речевые действия через различные виды ощущений: тактильные, вкусовые, зрительные. Языковая система закрепляет эти метафоры, и для носителя русского языка вполне привычным являются сочетания *сладкий голос, острое слово, горькое признание, яркая речь*. Словари фиксируют такие

³¹ В скобках указано количество вхождений каждого прилагательного в конкорданс.

³² “... a surreal blending of sensation, perception, and emotion” [Ramachandran 2011: 75].

употребления как примеры переносных значений. Синестетическая метафора оказывается универсальным способом описания речевых действий, как с формальной, так и с содержательной стороны. По мнению С. Ульманна, «она представляет собой древнюю, широко распространенную, а возможно, даже универсальную форму метафоры» [Ульманн 1970: 277]. Поэтому в английском языке мы встречаем *sweet talk*, *bitter irony*, *black humor*, в польском – *kłująca ironia*, в немецком – *süß-saur Ironie* и т.д.

Выделяя синестетическую метафору в особый класс, Г.Н. Складаревская пишет: «... в скрещивании ощущений можно видеть интуитивное стремление разума воспринять мир не дискретно, как это делает наука, а синтетически, в его единстве, с учетом бесчисленных аналогий и тождеств, причем это свойство чувственного отражения едва ли можно считать только пережитком архаического мышления» [Складаревская 2004: 57]. Лингвисты и нейрофизиологи сходятся во мнении, что синестезия вообще может считаться одним из когнитивных механизмов, задействованных в порождении метафор и объяснении человеческой способности к абстрактному мышлению: «Оказывается, это неприметное причудливое явление проливает свет не только на обычное чувственное восприятие, но ведет нас по извилистому пути к встрече с самыми интригующими загадками нашего разума, таким как абстрактное мышление и метафора»³³ [Ramachandran 2011: 76; см. также Synesthesia. Perspectives from Cognitive Neuroscience 2005].

В работе [Werning 2006] предлагается различие между сильными и слабыми синестетическими метафорами. Суть различия заключается в следующем: в сильных метафорах и источник, и цель переноса – это явления, которые мы воспринимаем с помощью органов чувств (например, когда речь идет о *кричащем желтом цвете*), в то время как в слабых метафорах только

---

³³ “It turns out this little quirky phenomenon not only sheds light on normal sensory processing, but it takes us on a meandering path to confront some of the most intriguing aspects of our minds – such as abstract thinking and metaphor” [Ramachandran 2011: 76].

источник синестетического переноса воспринимается с помощью органов чувств. В описании речи используются как сильные, так и слабые метафоры: с одной стороны, целью синестетического переноса является звук и письменный текст (в этом случае задействован зрительный канал восприятия). Такие случаи попадают в группу сильных синестетических метафор. С другой стороны, в центре внимания говорящего может оказаться содержание коммуникации, и такие случаи попадают в разряд слабых метафор. В тех случаях, когда мы не можем однозначно сказать, на каком аспекте фокусирует внимание говорящий, граница между этими метафорическими типами оказывается прозрачной.

Какие типы синестетических переносов используются при описании иронии? В первую очередь это вкусовое ощущение горечи (желчи), тактильное ощущение едкости / колкости, а также зрительное ощущение видимости / невидимости. С точки зрения нашего физиологического опыта близкой к синестезии оказывается категоризация иронии как физического объекта, который может ощущаться как легкий или тяжелый.

Синестетический перенос «Вкус – ирония»

Вкус наряду с осязанием относится к низшим модальностям, поскольку вовлечены в семиотические процессы меньше, чем зрение и слух. Тем не менее, для описания коммуникативных процессов синестетический перенос «вкус – речь» – это очень распространенная метафора. Прилагательное *горькая* является самым частотным эпитетом для существительного *ирония* в речи носителей русского языка, а для носителей американского варианта английского языка прилагательное *bitter* занимает второе место после еще одной метафоры, описывающей иронию как физический объект, обладающий весом – *heavy irony*.

[5.77] *Аналогию с взрывами домов, предшествовавшими первой президентской кампании Владимира Путина, усмотрел в ЖЖ и блоггер nauturs, заметивший с горькой иронией: «Ну что ж, теперь, по крайней*

мере, в отличие от осени 99-го, выбран вариант без крови и человеческих жертв. Можем констатировать, таким образом, что политика даже у нас становится нравственной» [интернет-коммуникация].

[5.78] *"What happened afterward," says Amado with **bitter irony**, "progress, emancipation... the church, the bungalows, the villas, the vicar, the prosecutor, and the judge... isn't worth mentioning, holds no interest."* [Time Magazine: 1988/02/15]

Аналогичные употребления находим и в немецком и польском языках:

[5.79] *Mit **bitterer Ironie** spricht eine englischsprachige Zeitung davon, dass die USA 2002 die größte, zweitgrößte und viertgrößte Insolvenz in ihrer Geschichte vorzuweisen hatten.* [http://www.creditreform.de/Deutsch/Creditreform/Presse/Archiv/Insolvenzen_Europa/Ausgabe_2002-03/insolvenzen_europa_2002_de.pdf]

[5.80] *Habe das gleiche Problem meine Schlange will keinen Spagat machen, könnt ihr mir weiter helfen? :D*

Erstell bitte deine eigene Frage :(

*das war keine Frage das war eine gute Antwort **mit bittere Ironie!** Aber Du raffst hier offenbar garnichts!!!!* [интернет-коммуникация].

[5.81] – *Zareklamowali mi syna, teraz ja ich mocno reklamuję – **mówi z gorzką ironią** pan Zbigniew.* [NKJP]

[5.82] *Zdesperowani mieszkańcy boją się wychodzić z domów, bo droga jest nieoświetlona i brakuje chodnika, a ruch duży. Mieszkańcy z **gorzką ironią nazywają** główną ulicę „cementarną”, choć naprawdę nazywa się Wrocławska.* [интернет-коммуникация].

[5.83] – *Ten mecz trudno było przegrać, jednak nam się to udało – z **gorzką ironią komentował** występ podopiecznych trener gospodarzy Józef Gawenda.* [интернет-коммуникация]

Горькая ирония имеет и «социальный» смысл: сожаление, невозможность вмешаться в отрицательное течение событий.

Кроме горечи для описания иронии используются и другие вкусы:

Желчная ирония

[5.84] *Что бы ни стояло за содержанием этих и других публикаций, их объединяет очень многое. Первое – суть вещей, поставленная с ног на голову. Автор с **желчной иронией** украшает истину небылицами, словно фантазер рассказывает о своих похождениях.*
[<http://lesnoy.info/home/stat/663-deputatobv.html>]

[5.85] *Неделю все российские газеты и электронные СМИ с **желчной иронией** склоняли имя звезды СТС и радиостанции «Эхо Москвы» Тины КАНДЕЛАКИ.* [eg.ru/daily/cadr/8517/]

Кислая ирония

«Кислый вкус», как и горечь – это указание на то, что ирония вызывает негативные эмоции. Интересно, что в отличие от *горькой иронии* прилагательное *кислая* часто встречается в сочетании с другими синестетическими метафорами:

[5.86] *Ein Kommentar ganz besonderer Art. Eine gute Satire ist wie eine saftige Zitrone: Wenn man 'reinbeißt, muss sie vor **bitterer und saurer Ironie spritzen**.* [www.wissen.de/journalistische-stilformen]

Еще один пример двойной синестезии (вкусовой и тактильной) представлен в следующем контексте:

[5.87] *Когда надо, Москва принимает западных гостей на верхнем этаже, в суперсовременном интерьере, свободно болтая по-английски, убедительно требуя отмены виз в Европу. Приглашает западных инвесторов, выступает за “партнерство ради модернизации”, ездит с официальными визитами по приглашению баварского парламента, включая, конечно, посещение Октоберфеста... А когда надо, например перед выборами, та же Москва спускается обратно в старый совдеповский*

подвал, откуда на Запад можно смотреть только из бойниц. Там слова «наши партнеры» окрашиваются кислой иронией, вспоминается о западной корыстности, о западном предвзятом футбольном судействе и о том, что эти сволочи во время Великой Отечественной никак не хотели открывать второй фронт. [<http://www.europarussia.com/page/11>]

Благодаря метафорическому переносу слова категоризируются как реально существующие физические объекты. В данном случае перед нами двойной синестетический перенос: ирония имеет не только вкус, но и цвет. Поскольку кислый вкус обычно вызывает отрицательные эмоции, негативная оценка переносится на речевые действия.

Аналогично характеризует иронию авторы двух следующих фрагментов: кислая ирония (*kwaśna ironia* и *sour irony*) – это способ выразить недовольство и сожаление. Кислая ирония – несмешная, она не доставляет удовольствия ни собеседнику – адресату иронического высказывания, ни наблюдающему и оценивающему общению со стороны повествователю:

[5.88] *Jeśli to miała być ironia to była kwaśna i mało śmieszna.* [интернет-коммуникация]

[5.89] *I am sorry for starting this post with some kind of sour irony (“world-famous in Urbino”), but when I think of how many important bodies are involved (the Regione Marche, the Ministry for Cultural Works and Activities, the Province of Pesaro and Urbino, the Municipality of Urbino, just to quote a few of them), I would have expected to hear about the exhibition in advance on medias (TVs, newspapers, web). Instead, the event was managed – up till now – in such a discreet way, that while planning to go and visit the exhibition, I could not but help thinking: “will I be intruding?”* [COCA]

Один из вариантов синестетической характеристики – *кисло-сладкая ирония*. Кисло-сладкий «вкус» иронии – указание на то, что такие речевые действия вызывают противоречивые ощущения: это и коммуникативное неудобство, и способ развлечь собеседника одновременно:

[5.90] *Was dann passiert, ist offen – allerdings bekennt Veh: „Wenn er wirklich gesagt hat, er MUSS spielen, ist das nicht sehr glücklich. Dann hilft es uns überhaupt nicht.“ Und mit süß-saurer Ironie: „Dann haben wir eine weitere Baustelle – nicht mehr 20, sondern 21...”* [интернет-коммуникация]

Обратим внимание на то, что для описания иронии в основном используются прилагательные, обозначающие неприятный вкус. Крайним проявлением негативной оценки можно считать появление прилагательного *ядовитый*:

[5.91] *Я много раз отмечал это внешнее бурление, эти сердитые слова, эти стрелы ядовитой иронии, и рядом был тот же смешок в глазах и способность в одну минуту покончить всю эту сцену гнева, которая как будто сама разыгрывается Лениным, потому что так нужно.* [НКРЯ]

[5.92] *A jeśli ci inwestorzy omijali Opole, to być może dlatego, że daniny, jakie kazano im tu płacić, były za wysokie – mówi ze zjadliwą ironią prezydent elekt.* [интернет-коммуникация]

[5.93] *A poisonous irony*

"Five million people quit smoking every year, painlessly, permanently and posthumously." [интернет-коммуникация]

В примере [5.93] синтестетический перенос приводит к игре слов: с одной стороны, прилагательное *poisonous* описывает качество иронии, с другой – характеризует результат, к которому приводит курение.

Пикантная ирония

В ряду «вкусовых» прилагательных, которые используются для синестетической характеристики иронии, прилагательное *пикантный* по признаку «приятный / неприятный» составляет исключение: его семантика предполагает преобладание положительной коннотации. Приведем несколько примеров:

[5.94] *Utarte schematy fabularne bajek zostały przyrządzone w zawieszonym sosie koszmaru i makabry, z tłustą dawką czarnego humoru, mocno przyprawione pikantną ironią.* [НКJP]

[5.95] *Популярность Анны Левиной у русского читателя растет с каждой новой книжкой, с каждой журнальной и газетной публикацией. Ее любимый герой – русский эмигрант в Америке, любимая тема – отношения между мужчиной и женщиной, любимое место действия – Бруклин и Брайтон Бич. И все это она умеет воссоздать с такой пикантной иронией и – одновременно – человеческой теплотой, что начинает казаться, будто это каждому по силам: встречать свои и чужие ошибки – улыбкой, не впадать в отчаяние по пустякам, сохранять живой интерес к жизни и людям.* [НКРЯ]

[5.96] *The central question of the work is “Why does Hairy go for a walk?” and the answer lies in what he leaves behind – Donaldson’s Dairy. How many dairies, even in 1983 New Zealand, were still owned by someone called Donaldson? While **the piquant irony of the name** anchors the story in nostalgia, it also depicts Maclary’s walk as a deconstructive process – bridging the gap between the two opposing forces of the story – the dying past and the nascent future.* [интернет-коммуникация]

Помимо синестетического переноса «вкус – речь» для описания иронии используется синестетический метафорический перенос «тактильное ощущение – смысл», при этом ощущение, с которым ассоциируется ирония, также нельзя назвать приятным. Оно описывается через следующий ряд прилагательных с «тактильным» компонентом значения: *едкая - въедливая – язвительная – жгучая – колючая – колкая:*

[5.97] *Едкая мамина ирония бессильно пыталась выдать себя за юмор.* [НКРЯ]

[5.98] *Варюша, покачивая половинку белой двери, сказала с самой вьедливой тихонькой иронией: — Он говорил: кто первый заболевает, — пустяковый человек! А теперь взял и заболел... [НКРЯ]*

[5.99] *Не обнаружив соперника, он разразился зажигательной речью, в которой было все: и гражданский пафос, и язвительная, беспощадная ирония в отношении оппонента, и гроздь гнева, и мед обещаний. [НКРЯ]*

[5.100] *Ваша жгучая ирония с каким-то рассеянным прицелом непонятно на кого направлена. [интернет-коммуникация]*

[5.101] *Уважаемый автор! С интересом прочитала Ваши рассуждения о родном городе. Правда, названия улиц перепутаны: то, что Вы называете улицей Революции на самом деле является улицей Карла Маркса, а "здание не выясненного происхождения" - центральный Дом культуры - реконструировано из торговых рядов. Не совсем приятна колкая ирония по поводу местонахождения и облика нашего города: не такая уж мы и глухомань - достижения культуры и образования имеем на Международном и Российском уровне! [интернет-коммуникация]*

Интересно, что субъективные по своей природе ощущения оказываются регулярными: как и в случае со вкусовыми ощущениями описания иронии через неприятные тактильные ощущения не уникальны для русскоязычного дискурса. Этот тип метафорического переноса встречается и в других языках:

Едкая ирония

[5.102] *Ähnlich empfindet ihre Mitstreiterin Daniela Staude. "Noch besser als vorher verstehe ich jetzt Menschen, die sich von der Politik abwenden, Politikern kein Vertrauen mehr schenken." Bei ihr verstärkt sich immer mehr der Eindruck, "dass wir von vornherein keine Chance hatten. Herzlichen Glückwunsch an alle, die diese Schule verschachern werden", sagt sie mit beißender Ironie. [http://www.rp-online.de/niederrhein-nord/wesel/nachrichten/die-politik-hat-sich-blamiert-1.2208944]*

[5.103] *Ohne ätzende Ironie gesagt,.. habe ich und viele sicher hier auch, am Beispiel Frankreichs, das wir viel bereisten, selbst miterlebt und gesehen - von Jahr zu Jahr, wie - wenn man will - zielstrebiger und einer weitsichtigen Planungssicht, das Autobahnnetz damals entstand.* [интернет-коммуникация]

[5.104] *And of course, the other thing that Shakespeare does—this has often been pointed out—in a sense, which no doubt made More spin in his grave for a few seconds (he probably still is), he fused the narrator of More’s book with the protagonist Richard. And both these works are full of caustic and often enormously funny irony, sarcasm, and so on, but in More’s book, it’s the narrator who says all those caustic, ironic, brilliant, witty things, huh?* [интернет-коммуникация]

Колючая (жалящая) ирония

[5.105] *Do you realise the **stinging irony** of your comment?* [интернет-коммуникация]

Ср. также аналогичную метафорическую характеристику в польском языке:

[5.106] *Do tego przewrotny dowcip, **kłująca ironia**. Po prostu Szekspir jest nadal współczesny.* [NKJP]

С точки зрения выражаемой оценки интересно ведет себя английское прилагательное *sharp*. В сочетании с существительным *irony* оно может выражать как положительную, так и отрицательную оценку, т. е. перед нами – наглядный пример энантиосемии³⁴: с одной стороны, ирония может

---

³⁴ Некоторые исследователи противопоставляют системную и контекстную энантиосемию, при этом критерием противопоставления является лексикографическая фиксация двух противоположных значений. Принимая во внимание субъективность лексикографического описания слова, мы считаем это противопоставление искусственным: любая энантиосемия – пример зависимости коннотации от контекста, и отсутствие противоположных значений в толковых словарях не может считаться достаточно веским основанием считать «перемену знака» случайным явлением.

представлять опасность для участников общения, с другой – как и любой риск, она может вызывать повышенный интерес. Пример первого случая – заголовок статьи, посвященной иронии в текстах СМИ:

[5.107] ***Irony is Sharp: Be Careful Not to Cut Yourself*** [интернет-коммуникация]

Положительная коннотация прилагательного *sharp* содержится в анонсе книги “*The 77 Habits of Highly Ineffective Christians*”, цель которого – привлечь внимание потенциального читателя. Здесь ирония – тот самый «крючок», который должен «зацепить» читателя:

[5.108] *Undertaking virtually no research and possessing limited personal experience, Chris Fabry has discovered what is at the root of ineffectiveness. With humor and **razor-sharp irony**, he identifies and elaborates on 77 key principles guaranteed to make you into the highly ineffective Christian that you never wanted to be.* [<http://chrisfabry.com/the-77-habits-of-highly-ineffective-christians>]

Энантисемиа – нечастое явление в описании иронии. Гораздо чаще вкусовая и тактильная синестетические метафоры ассоциируют иронию с неприятными ощущениями, которые вызывают негативные эмоции. Таким образом, часто ирония – это коммуникативное неудобство с точки зрения как адресата, так и наблюдателя.

Другие синестетические метафоры связаны либо со зрительными, либо со слуховыми ощущениями:

[5.109] *He spoke in a soft voice edged with **faint irony**, as if nothing he said should be taken very seriously* [Saturday Evening Post: 2/13/1965, Vol. 238 Issue 3, p74-81].

[5.110] *"They call this whisky nowadays!" he observed absently, with **quiet irony*** [P. Green “The Chamber of Life”].

Как можно объяснить регулярность синестетических переносов в описаниях иронии? Известно, что синестетическая метафора позволяет

интегрировать наш телесный, эмоциональный и интеллектуальный опыт наиболее экономным способом. В случае с иронией эмоциональный опыт, связанный в нашем сознании со вкусовыми и тактильными ощущениями, не стирается и не переносится с известного на новое, а объединяется с коммуникативным (семиотическим) опытом.

Как объединяющую структуру моделируют метафору Ж. Фоконье и М. Тернер в рамках теории концептуальной интеграции [Fauconnier 1997, Fauconnier 2008]. Эта модель позволяет объяснить, как создаются новые образы при восприятии языковых знаков. Концептуальная интеграция, по мнению Фоконье и Тернера – это одна из основных когнитивных способностей человека, наряду с категоризацией, аналогией, и т.д. Суть концептуальной интеграции заключается в том, что структуры исходных понятийных областей отображаются на новое ментальное пространство – так называемый бленд. Подобно тому, как в идиомах значение не является простой суммой значений входящих в них единиц, бленд не является суммой элементов исходных понятийных пространств. Ясно, что бленд наследует некоторые свойства исходных областей, но при этом развивает и свои собственные свойства.

Применяя идеи теории концептуальной интеграции к синестетической метафоре, мы можем сказать, что «информационная» новизна полученного образа заключается в том, что результат метафорического объединения, закрепленный языковой практикой носителей языка, может рассматриваться как мета-сообщение, в котором говорящий выражает собственное отношение к речевой деятельности.

В синестетических метафорах прилагательные с семантикой вкусовых ощущений указывают на высокую степень интенсивности оценки: горькая ирония – это не просто очевидное выражение критического отношения, поскольку мы имеем дело с синестезией, в образ добавляется информация о высокой степени интенсивности эмоции.

5.5.2. Другие типы метафор в описаниях иронии

Метафорическое описание иронии не ограничивается синестетическими метафорами. В адъективной сочетаемости проявляются и другие способы языковой категоризации иронии «наивными пользователями». Так, наш физиологический опыт отражается в восприятии иронии как объекта, обладающего весом:

[4.111] *О себе Дина Рубина говорит не иначе как с легкой иронией, обличая забавные недостатки и женские слабости:*

– *У меня есть один недостаток: плохая память на лица. Один раз в Иерусалиме я встретила на улице своего мужа и подумала: "Где-то я уже видела этого человека..."* [<http://1001goroskop.ru/imena/?znachenie-imeni/dina/history/>]

[4.112] *Главный исполнительный директор компании Jones Lang LaSalle Hotels Артур де Хааст – оптимист. Он давно и безнадежно влюблен в рынок гостиничной недвижимости и верит в его процветание. О таких серьезных вещах, как многомиллионные инвестиции, он говорит с легкой иронией, подчеркивая, что миром правит не голый расчет, а нечто большее.* [<http://www.cluboyem.com/page95.php>]

[4.113] *"Why, you're a true pillar of virtue, aren't you, Bastian?" Stafford said with heavy irony* [COCA].

[4.114] *She described her vacation with heavy irony as "an educational experience."* [<http://www.merriam-webster.com/dictionary/irony>]

[4.115] *Znaczyś, że oni mają, JEŻELI mogą śpiewać. Thea rozmawiał z ciężką ironią, tak ciężki, naprawdę, że to było grube.* [<http://www.kaplica.kapliczka.konskowola.pl/>]

Метафорическое описание иронии через физические свойства объектов показывают, какую важную роль играет телесный опыт в осмыслении абстрактных сущностей. Фактически, описание иронии с точки зрения ее

«веса» – это оценка по шкале «хорошо – плохо»: телесный опыт обращения с объектами подсказывает, что легкие объекты проще перемещать в пространстве по сравнению с тяжелыми. Поэтому *легкая ирония* приятна, ее цель – не столько критиковать, сколько развлечь собеседника, в то время как *тяжелая ирония* – это, как правило, агрессивная критика, которую «трудно переносить» как в прямом, так и в переносном смысле.

5.6. Выводы

Итак, существование и активное функционирование маркеров модуса коммуникации показывает, насколько важной является организация структуры дискурса для его участников и каким значительным запасом средств регулирования коммуникативных процессов обладает язык. Фактически дискурсивные маркеры моделируют эту структуру, облегчая взаимодействие коммуникантов. Ср. мнение Ю.М. Лотмана: «всякая коммуникативная система может выполнять моделирующую функцию и, наоборот, всякая моделирующая система может играть коммуникативную роль. Конечно, та или иная функция может быть выражена более сильно или почти совсем не ощущаться в том или ином конкретном социальном употреблении. Но потенциально присутствуют обе функции» [Лотман 1970: 27].

Упорядоченность дискурса обеспечивается не только благодаря соблюдению языковых и социальных конвенций (например, правил грамматики или социально закрепленных требований этикета), но и за счет наличия метаязыковых средств, с помощью которых участники общения регулируют как собственные речевые действия, так и действия собеседников.

Метакоммуникация является необходимым элементом вербального взаимодействия. В самом общем виде цель метакоммуникативного использования языка в повседневном общении заключается в обеспечении когерентности дискурса. Мета-сообщения являются сигналами, с помощью

которых участники дискурса обозначают собственные коммуникативные позиции и регулируют процесс интерпретации сказанного. Поскольку между *bona fide* и *non bona fide* высказывания может не быть заметных лингвистических различий, метапрагматические комментарии используются носителями языка для снятия прагматической неоднозначности.

С семиотической точки зрения эксплицитные маркеры модуса коммуникации (*я говорю серьезно, я иронизирую* и т.д.) – это индексы, с помощью которых участники дискурса «увязывают» ситуацию и высказывание. Их появление в речи объясняется потребностью в обеспечении когерентности дискурса в тех случаях, когда возможна двойственная интерпретация текста / высказывания.

Мета-комментарии позволяют решать и более узкие коммуникативные задачи. В частности, они необходимы для организации взаимоотношений между говорящим, адресатом и высказыванием: с помощью метапрагматических маркеров говорящий регулирует процесс понимания сказанного. Помимо этой глобальной функции у метапрагматических маркеров модусов общения *bona fide* и *non bona fide* есть и другая функциональная нагрузка – то, какую конкретно функцию выполняет маркер, зависит в первую очередь от текущей роли участника дискурса.

Причин для снятия иллюкутивной неоднозначности может быть несколько:

1) Говорящий опасается неверной интерпретации его намерений адресатом. Чтобы избежать непонимания, он эксплицитно обозначает свои коммуникативные намерения.

2) Говорящий хочет, чтобы адресат правильно понял, как соотносятся высказывание и реальность: в случае коммуникации *bona fide* высказывание соответствует реальности, в случае общения в модусе *non bona fide* соответствие нарушается. Именно об этом сообщают маркеры.

3) Адресат хочет проверить, правильно ли он/она понимает интенции собеседника.

4) Адресат отказывается принять предлагаемый модус *non bona fide* общения и возвращает диалог в исходный модус.

5) Адресат иронизирует по поводу того, что сказал собеседник, подвергая сомнению правильность выбранного модуса общения.

6) Адресат может отказывать собеседнику в праве на коммуникацию в модусе *non bona fide*.

7) Наблюдатель (повествователь) оценивает высказывание как *non bona fide* (это может быть шутка, ирония или сарказм), при этом не являясь участником диалога. Внешняя оценка задает способ интерпретации текста читателем.

Выводы, относящиеся к маркированию модуса *non bona fide* в целом, могут быть распространены и на иронию как на частный случай «несерьезной» коммуникации: эксплицитное указание на иронию – это либо «инструкция» по пониманию сказанного, либо сигнал начала «переговорного процесса», вызванного сменой модуса коммуникации.

Имплицитная оценка иронии может быть выявлена через анализ сочетаемости существительного *ирония* с прилагательными. Устойчивость метафорического осмысления иронии носителями разных языков можно интерпретировать как факт в пользу того, что с когнитивной точки зрения создание и понимание иронии – это в значительной мере универсальный процесс, не зависящий от конкретного языка. Обилие синестетических метафор, а также метафор, связанных с телесным опытом человека (например, категоризация иронии как физического объекта, с которым можно совершать определенные действия), говорит о том, что ирония тесно связана с нашим эмоциональным опытом, причем гораздо чаще ирония ассоциируется с негативными ощущениями и эмоциями.

В ряде случаев ирония получает полярно противоположные характеристики (*легкая ирония – тяжелая ирония*), и этот факт также требует объяснения. По нашему мнению, эти метафоры отражают многообразие прагматических эффектов, которые могут возникать в дискурсе.

Поскольку синестетические метафоры позволяют нам связывать чувственный, эмоциональный и коммуникативный опыт, любой метафорический перенос (вкус, тактильные ощущения, вес и т.д.) – это, по сути, способ аксиологической оценки иронии. Носители разных языков демонстрируют удивительное постоянство в оценках иронии: поскольку ироническая коммуникация предполагает критическую оценку ситуации, она чаще ассоциируется с негативными эмоциями. Это объясняет, почему среди адъективных коллокатов существительного *ирония* преобладают прилагательные с отрицательными коннотациями.

Глава 6. Ирония как дискурсивная практика

6.1. Ирония в различных сферах коммуникации

Вне зависимости от сферы общения в норме речевая деятельность – это рациональное поведение, которое может быть описано как система действий, направленных на достижение определенных целей. Сошлемся на мнение С. Эрвин-Трипп: «Словесное поведение является во всех отношениях удобной исходной точкой анализа, так как во всех пунктах своего функционирования оно существует как в высшей степени связанная система» [Эрвин-Трипп 1975: 336].

Рациональна и ирония, хотя, как и любой другой режим коммуникации *non bona fide*, она является намеренным отступлением от постулатов кооперативного общения [Grice 1975]. Тем не менее, ее рациональность объясняется целенаправленным поведением участников коммуникации: любая ирония создается для достижения определенного прагматического эффекта.

Насколько распространена ирония в различных сферах коммуникации? Как влияют формальные характеристики сферы дискурса на создание и функционирование иронии? Чтобы ответить на эти вопросы, в данной главе мы обратимся к примерам иронической коммуникации в сферах дискурса, которые отличаются друг от друга по ряду важных параметров, например, по степени официальности общения, форме коммуникации (устной, письменной или электронной), возможности непосредственного или опосредованного взаимодействия участников дискурса и т.д. Кроме того, мы стремились выбрать сферы, где появление иронии наиболее или, напротив, наименее вероятно (например, тексты СМИ и научная коммуникация). Поэтому далее речь пойдет об иронии в академическом и политическом дискурсе, повседневном устном общении и Интернет-коммуникации. Основное

внимание будет уделяться переключениям между двумя модусами общения – *bona fide* и *non bona fide*.

Функционирование иронии в различных сферах коммуникации будет рассматриваться в тесной связи с социальными ролями участников общения. Внимание к социальным ролям объясняется тем, что именно роль определяет возможность тех или иных коммуникативных действий, а также выбор языковых средств для выражения иронической интенции.

6.1.1. Ирония в академическом дискурсе

Академический дискурс – особая сфера коммуникации³⁵. Ее существование объясняется не только целями и задачами учебного и научного общения, но и спецификой социальных ролей его участников. В современной лингвистике существует устойчивый интерес к академическому дискурсу, его изучение ведется на материале специальных корпусов (например, *The Michigan Corpus of Academic Spoken English* – <http://quod.lib.umich.edu/m/micase/>). Записи устной академической речи, представленные в этом корпусе, свидетельствуют о том, что современная академическая коммуникация включает широкий набор жанров и ситуаций: от лекций и обсуждений на семинарах и лабораторных занятиях до консультаций научного руководителя и защит диссертаций. Проблемам использования языка в этой сфере посвящены сборники статей [Hyland 2002, *Strategies in Academic Discourse* 2005] и монографии [Bourdieu 1996, Flowerdew 2002, Hyland 2009, Livnat 2012]. Авторы демонстрируют разнообразные подходы к описанию дискурса в сфере науки и образования:

---

³⁵ В данной работе академический дискурс понимается максимально широко – как совокупность различных жанров устной и письменной научной и образовательной коммуникации, включая научно-популярный дискурс.

от социолингвистического анализа до обсуждения специфических коммуникативных стратегий и корпусных исследований [Lee 2006].

Внимание к академическому дискурсу объясняется не только его социальной значимостью, но и практической потребностью обучения мастерству написания научных текстов. Результатом таких исследований можно считать многочисленные пособия по письменной академической коммуникации [Bailey 2003, Murray 2006].

Несмотря на различия в подходах и методах исследований, лингвисты сходятся во мнении, что структура общения в этой сфере определяется целью (получение нового научного знания), имеющимися каналами распространения информации, а также набором ролей, которые могут комбинироваться по-разному в зависимости от конкретной ситуации. При этом общими свойствами всех ситуаций академической коммуникации являются, во-первых, ориентация на модус общения *bona fide* и максимально эксплицитное выражение идей, и, во-вторых, стремление участников дискурса к утверждению определенной точки зрения, повышению собственной авторитетности, будь то непосредственный процесс обучения или изложение результатов исследования, как в устной, так и в письменной форме.

Академический дискурс давно является объектом внимания стилистики, поскольку его обслуживает особая подсистема литературного языка – научный стиль. Традиционное выделение этого функционального стиля объясняется не только его тесной связью с социально важной сферой коммуникации, но и особыми логико-лингвистическими свойствами научных текстов. К этим свойствам принято относить прежде всего объективность и обобщенность, логическую доказательность, терминологичность, точность изложения фактов [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003]. Такой набор свойств объясняется тем, что основными целями научной и образовательной коммуникации традиционно считаются описание и объяснение фактов окружающего мира.

Стилистические описания академического дискурса фокусируют свое внимание преимущественно на том, как должен строиться научный текст. Его интерактивные свойства редко становятся предметом обсуждения, хотя очевидно, что любое научное произведение, как письменное, так и устное, имеет четкую риторическую направленность: не только сообщить некоторую информацию, но и убедить адресата в истинности точки зрения автора [Hyland 2002, Hyland 2004].

Перечисленные выше свойства научного стиля проецируются на академический дискурс в целом. Результатом такой проекции можно считать существующий в научном сообществе набор стереотипных представлений о свойствах академической коммуникации. Самым распространенным из них является представление об авторской беспристрастности и объективности. Любое проявление индивидуальности автора рассматривается как нежелательное проявление субъективности, и это противоречит объективности научного знания. На популярность этого представления в англоязычном научном дискурсе указывает, например, К. Хайленд [Hyland 2002].

Существование подобных стереотипов означает, что ирония, как и другие режимы модуса *non bona fide*, оказывается неуместной в академической коммуникации. Поэтому исследователи языка науки практически не уделяют ей внимания – из существующих на сегодняшний день работ, посвященных функционированию иронии в научном тексте, можно упомянуть несколько публикаций: статью Д. Майерса [Myers 1990], в которой с позиции теории иронии-как-эха исследуется ироническое цитирование в научных статьях. Ирония как один из способов повышения авторитетности в научном тексте упоминается также в статье [Болдырева 2001]. В работе [Giannoni 2006] обсуждается проблема самоиронии в предисловиях к монографиям. Исследуя риторическую структуру предисловий в англоязычных монографиях, Д. Джаннони делает вывод о том, что самоирония в этих фрагментах текста, как правило, служит способом

извиниться перед близкими людьми за неудобства, вызванные длительным и трудоемким процессом написания книги.

Проблема с существующими стереотипами заключается в том, что реальная практика академической коммуникации не соответствует широко распространенным представлениям о ней: научный текст не может быть абсолютно объективным и беспристрастным. Этот факт признается исследователями, однако часто при этом указывается на то, что проявление эмоций, открытое выражение оценки снижает общую авторитетность и научную достоверность текста: «Хотя *pathos* и присутствует в научных текстах, любое его открытое использование приводит к ослаблению *ethos* автора как авторитета, которому можно доверять за его безупречную объективность³⁶» [Vallis, 2010: 173].

Академический дискурс характеризуется жанровой неоднородностью, и это означает, что вероятность проявления авторского начала и открытое выражение эмоций в различных жанрах будет разной: устная коммуникация (т.е. непосредственный контакт с аудиторией, научным оппонентом) дает в этом смысле бóльшую свободу, чем письменный текст. В свою очередь разнообразные текстовые жанры (обзорная статья, полемическая статья, учебник и др.) также различаются по данному критерию: ясно, что полемическая статья не просто предполагает, но и требует обязательного выражения собственной позиции автора. Однако практика показывает, что не только научные статьи, но тексты учебников не лишены эмоциональной составляющей полностью. Это связано с таким обязательным элементом научной коммуникации, как конкуренция точек зрения. Автор текста должен не только обозначать свою позицию, критически анализируя альтернативные теории, но и стремиться убедить читателя в своей правоте. Эта цель достижима, если позиция автора представлена как более авторитетная по

---

³⁶ While *pathos* is not absent within academic writing, any overt usage will tend to diminish the *ethos* of the writer as an authority who can be trusted to be scrupulously objective [Vallis, 2010: 173].

сравнению с позициями оппонентов. Выше мы уже говорили о том, что создание отношений авторитетности является ведущей функцией иронии в дискурсе. Именно это обстоятельство объясняет проникновение иронии в академический дискурс.

Анализ того, как функционирует ирония в научной и образовательной коммуникации, мы начнем с письменных жанров. Письменные тексты считаются своеобразным эталоном реализации научного дискурса – именно в них в «дистиллированном» виде безотносительно конкретных научных направлений, школ, теорий должны реализовываться названные выше особенности научного стиля. Но, как и в большинстве ситуаций, связанных с речевой деятельностью, существуют некоторые противоречия, препятствующие достижению этого идеала. Противоречие между требованиями объективности и беспристрастности и необходимостью выражения собственной позиции Р. Мюррей и С. Мур назвали «логико-эмоциональным парадоксом»: «Логико-эмоциональный парадокс заключается в том, что пишущие обязаны беспристрастно оценивать характер и значимость собственных текстов. В то же время невозможно (да и нежелательно) игнорировать важную эмоциональную составляющую, которая может направлять процесс письма, служить мотивацией для автора и влиять на текст как положительно, так и отрицательно»³⁷ [Murray 2006: 10].

Риторические традиции академической коммуникации в качестве идеала постулируют объективность и беспристрастность. В то же время обоснование собственной точки зрения требует от пишущего / говорящего критического осмысления альтернативных подходов и теорий. Таким образом, каждый раз участникам академического дискурса приходится искать баланс между стремлением к объективности и беспристрастности

---

³⁷ The logic versus emotion paradox is contained in the reality that academic writers are required to cast a cold and objective eye on the nature and contribution of their writing, and yet it is impossible (and also undesirable) to ignore the important emotional dimension that can drive, motivate and influence written work in both positive and negative ways [Murray 2006: 10].

изложения и необходимостью выражения собственной позиции. Состязательный характер научного дискурса позволяет его участникам обозначать собственную точку зрения через критику альтернативных теорий. И здесь перед авторами стоит необходимость выбора между прямыми и имплицитными способами выражения критики.

Эксплицитная критика конкурирующей точки зрения позволяет авторам прямо указывать на слабые места в теории оппонента и убедить читателя в собственной правоте. Недостатком такого способа является нарушение Принципа Вежливости, хотя в некоторых случаях исследователи считают необходимым пожертвовать вежливостью в споре. Насколько далеко критика оппонентов и изложение собственной позиции могут отойти от идеала беспристрастности научного текста, демонстрирует следующий пример:

[6.1] *Linguists like Steven Pinker and Noam Chomsky have been giving us spurious, pseudo-intellectual reasons to believe that human monoculture really is inevitable.*

And although, scientifically speaking, their arguments are junk, our modern external circumstances have caused them to receive far more credence than they deserve.

*For a full justification of my statement that **the generative linguistic theory of human nature is junk**, I must refer readers to my book “The Language Instinct Debate”. Pinker and other generative linguists deploy a wide range of arguments to make their point of view seem convincing; in “The Language Instinct Debate” I go through these arguments systematically and analyse the logical fallacies and false premises which in each case destroy their force – but I have no space to recapitulate all that here...” [Sampson 2007: 6].*

Фрагмент статьи Дж. Сэмсона – пример намеренного отступления от беспристрастности и объективности в сторону эксплицитного выражения эмоционального отношения к конкурирующей теории. Автор обозначает собственную исследовательскую позицию через резко отрицательную оценку

конкурирующей точки зрения. Лексические маркеры авторской позиции включают не только постоянную референцию к работам самого автора (*I must refer readers to my book, I go through these arguments*), но и лексику с ярко выраженной негативной коннотацией (*spurious, pseudo-intellectual reasons, their arguments are junk, logical fallacies and false premises*). Это позволяет автору дистанцироваться от оппонентов – С. Пинкера, Н. Хомского и их сторонников.

Любой научный текст – это не просто изложение информации, но и инструмент убеждения с четко организованной риторической структурой, оптимизированной для воздействия на читателей. Воздействие предполагает *взаимо-*действие, следовательно, автор и читатели любого научного текста оказываются включенными в сложную систему отношений. Как и в любом другом типе дискурса, автор научной статьи, монографии, учебника выстраивает отношения как со своими коллегами и оппонентами, так и с читателями. По мнению К. Хайленда, умение выстраивать отношения с читателем, оценить альтернативные точки зрения и адекватно подать собственный исследовательский материал – это свидетельство владения научным стилем и основа успешной коммуникации с читателями и коллегами [Hyland 2004]. Таким образом, в научном тексте проявляются две разнонаправленные силы: одна – «автороцентричная», к которой относится все, что связано с научными убеждениями автора (включая отношение к альтернативным теориям), и другая, ориентированная на читателя, на вовлечение его в ход рассуждений или дискуссию. И «автороцентричность», и ориентация на читателя позволяют проявлять пишущему личностное начало в тексте, в том числе и через иронию.

Можно говорить о двух вариантах иронической коммуникации в письменном академическом дискурсе: первый вариант можно условно назвать «автороцентричной» иронией, второй – иронией, ориентированной на читательскую аудиторию. И в том, и в другом случае появление иронии в тексте научной публикации связано с установлением отношений

авторитетности, поэтому предложенное разделение, разумеется, условно. Тем не менее, оно показывает, что через иронию автор научного текста может решать различные коммуникативные задачи.

«Автороцентричная» ирония

Основная функция «автороцентричной» иронии – это обозначение собственной позиции, как коммуникативной, так и научной, т.е. речь идет о конкуренции между точкой зрения автора и мнениями его оппонентов. Конкуренция точек зрения может выражаться в критике оппонента через указание на несостоятельность, наивность его научных идей. В качестве иллюстрации приведем фрагмент лингвистической интернет-дискуссии, инициированной публикацией научно-популярной статьи о проекте «Один речевой день». Комментарий к статье – пример ироничной критики коллег:

[6.2]

Любопытная научно-популярная статья о питерском проекте «Один речевой день»:

Один день из жизни русской речи

*Лингвисты из Санкт-Петербурга изучают неизвестный язык – русский
устный*

Наша устная речь имеет мало общего с классической русской грамматикой – К такому выводу пришли питерские ученые. Вот уже три года они вешают на шею добровольцам диктофоны и записывают их речь так, как она звучит на самом деле. Проект «Один речевой день» – первая попытка серьезного изучения реального русского языка, на котором не написано ни одной книжки, но на котором мы все говорим.

Комментарий

Да, статья действительно любопытная – но лишь тем, что кто-то в отечественных «лингвистических» кругах, наконец, начинает понимать, что «Земля не только круглая, она еще и вертится!» Те, кто серьезно занимаются наукой о языке (не путать с языкознанием, лингвистикой или,

упаси боже, филологией), это знают давно. Но, как говорится, «лучше поздно, чем никогда». Пожелаем питерскому профессору удачи в его открытии Америки [интернет-коммуникация].

«Серьезное изучение» звучащей речи в комментарии участника дискуссии многократно подвергается сомнению – языковыми сигналами критического отношения являются взятое в кавычки слово «лингвистические», интертекстуальные отсылки на общеизвестные факты, противопоставление традиционных наук (лингвистики и филологии) науке о языке. Однако критическое отношение и негативная оценка работы коллег сами по себе иронии не создают. Иронический эффект возникает в результате переключения из модуса *bona fide* в модус *non bona fide*: очевидно, что пожелание успеха в открытии Америки не соответствует реальному положению дел и не может быть интерпретировано как сказанное серьезно.

Еще один пример иронической критики – фрагмент статьи П. де Мана “Dialogue and Dialogism”:

[6.3] *Literary theory, and especially theory of narrative, a rather barren area of endeavor constantly threatened by the tedium of its techniques as well as by the magnitude of the issues, offers poor soil for the heroes and the hero-worship that it rather desperately needs. So when a possible candidate for such a status comes along, he is likely to be very well received, especially if **he is safely and posthumously out of reach*** [De Man 1983: 99].

В приведенном фрагменте автор занимает критическую позицию по отношению к конкретному направлению исследований – теории нарратива. Автор эксплицитно выражает негативное отношение к коллегам, нарушая каноны научного стиля. Лексика с отрицательной коннотацией (*a rather barren area of endeavor, the tedium of its techniques,*), метафорическое описание состояния дел в теории нарратива (*offers poor soil for the heroes*) в одном абзаце уже готовят читателя к критическому восприятию информации.

В цепочке средств, которыми пользуется автор, правдоподобная ирония становится логическим продолжением критики. Ирония построена не на отношениях противопоставления (вряд ли автор имел в виду, что возможный претендент на научное лидерство может стать объектом беспощадной критики коллег, несмотря на собственную смерть) и направлена не на ученых, чьи заслуги остались в прошлом, а на современных исследователей, которые оказались неспособны развивать данное научное направление.

Конкуренция научных теорий и отстаивание собственной точки зрения – причина появления иронической оценки в работе Ю.Д. Апресяна:

[6.4] *Покоряющие своей пронизательностью и красотой и исключительно подробные толкования предметной лексики, предложенные Анной Вежбицкой (от полутора до двух страниц текста для таких существительных, как кошки, мыши, собаки), все-таки не являются исчерпывающими* [Апресян 2009: 28].

Данный фрагмент – классический пример иронии, интерпретируемой «от противного»: вряд ли сложные двухстраничные описания кошек и собак можно считать пронизательными и красивыми. Цель такой иронии – противопоставить собственную точку зрения обсуждаемой теории, указать на слабые места теории оппонента (в данном случае очевидная громоздкость метаязыка семантического описания, которым пользуется А. Вежбицкая, приводит к результату, прямо противоположному желаемому. Вместо упрощения толкования слова, понимание которого не вызывает затруднений, семантические примитивы только усложняют его).

Еще одним примером того, как ирония может последовательно использоваться в тексте для критики оппонента, является работа С. Харнада “To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization” [Harnad 2005]. В статье обсуждается способность человека осуществлять категоризацию объектов на основе чувственного восприятия. Поскольку работа ориентирована на читателей, которые только начинают знакомиться с этой

областью исследований, С. Харнад представляет обзор существующих теорий категоризации. Одной из таких теорий является теория Дж. Фодора о врожденной способности к категоризации. Первое упоминание имени Дж. Фодора вполне нейтрально:

[6.5] *Now it might have turned out that we were all born with the capacity to respond differentially to all the kinds of things that we do respond to differentially, without ever having to learn to do so, and there are some, like Jerry Fodor (1975, 1981, 1998), who sometimes write as if they believe this is actually the case* [Harnad 2005: 22].

Однако далее С. Харнад начинает выдвигать контраргументы и сравнивает логику рассуждения Фодора с теорией большого взрыва. С этого сравнения начинается постепенное выражение иронического отношения автора к оппоненту:

[6.6] *That is, the capacity to categorize comes somehow prestructured in our brains in the same way that the structure of the carbon atom came prestructured from the Big Bang, without needing anything like “learning” to shape it. (Fodor’s views might well be dubbed a “Big Bang” theory of the origin of our categorization capacity)* [Harnad 2005: 24].

Непосредственный контекст является значимым для интерпретации интенции автора. Сравнение концепции Фодора с теорией большого взрыва – это ироничный намек на ее неverifiedируемость.

Далее ирония становится еще более открытой: имя Дж. Фодора упоминается в одном ряду с бумерангами, причем, если в первом контексте имя ученого стоит на первом месте в ряду перечисляемых объектов, то в последующих случаях он последовательно отодвигается на вторую и, далее, третью позицию:

[6.7] *Whether it is Jerry Fodor or a boomerang, my visual system still has to be able to sort out which of its shadows are **shadows of Jerry Fodor** and which are **shadows of a boomerang**.*

*By way of an exaggerated example, if the world of shapes consisted of nothing but **boomerangs and Jerry-Fodor shapes** an unsupervised learning mechanism could easily sort out their retinal shadows on the basis of their intrinsic structures alone (including their projective geometric invariants).*

*What do all **the shadows of boomerangs or tables – let alone Jerry Fodors or chicken-bottoms** – have in common (even allowing dynamic sensorimotor interactions with them)? [Harnad 2005: 26]*

В последнем абзаце имя Дж. Фодора приобретает характеристику имени нарицательного – оно употреблено в форме множественного числа, что окончательно должно убедить читателя в несостоятельности исследовательской позиции, которую занимает Дж. Фодор. Многократное упоминание имени оппонента в тексте статьи в сочетании с бумерангами, столами, цыплятами и теорией большого взрыва – это пример того, как ирония создается путем намеренных нарушений категориальной принадлежности объекта (в данном случае таким объектом является исследователь, чья точка зрения подвергается критике). Такая тактика построения текста последовательно формирует у читателя ироническое отношение к концепции Дж. Фодора и снижает авторитетность обсуждаемого подхода. Через иронию реализуется авторская позиция: за категоризацией объекта в модусе *non bona fide* стоит рациональная интенция выражения критического отношения к теории оппонента.

Ирония, ориентированная на читателей

Выше мы уже говорили о том, что ирония в научном тексте может вносить элемент межличностных отношений в текст и тем самым использоваться для организации диалога между автором и читателями. В приводимом ниже фрагменте текста (дискуссии о выступлении Н. Хомского в одном из британских университетов) сигналом взаимодействия автора с читателями является риторический вопрос:

[6.8] *So he portrays current skepticism among cognitive scientists about linguistic nativism as not just obtuse, but actively harmful, a threat to our whole discipline.*

*This is an interesting (if rather risky) new way of stoking enthusiasm for linguistic nativism: appeal to linguists' self-interest and desire for security (**you don't want to be shut down, do you?**). But it's hard to take seriously. Linguistics is not going to die just because a fair number of its practitioners now have at least some interest in machine learning, evolutionary considerations, computational models of acquisition, and properties of the child's input, and are becoming acquainted with probability theory, corpus use, computer simulation, and psychological experimentation --- as opposed to waving all such techniques contemptuously aside. [LINGUIST List: Vol-22-4631. Sat Nov 19 2011. ISSN: 1069 – 4875]*

В противовес требованию как можно меньше демонстрировать авторскую индивидуальность в научном тексте, ирония становится заметным сигналом авторского присутствия. Такая ирония развлекает читателя, создает ощущение легкости понимания текста и делает читателя «соучастником» текста.

Часто иронические ремарки не связаны напрямую с основной темой. В таких случаях авторские комментарии заключаются в скобки, которые служат сигналом временного отступления от общего рассуждения:

[6.9] *The conventional stereotype of the academic has her or him standing in front of an audience reading out a paper (**unless he or she is a mathematician, in which case they have just written a set of incomprehensible symbols on a blackboard**) [Myers 2003: 4].*

Обратим внимание на то, что большинство приведенных выше фрагментов иронии в научных текстах – это фрагменты англоязычного академического дискурса. Возникает вопрос, является ли ирония культурно-

специфическим свойством англоязычной (преимущественно американской) письменной научной коммуникации?

В лингвистике текста существуют две точки зрения относительно того, как проявляются свойства научного стиля в различных культурах. Согласно первой, научный дискурс стилистически универсален. Это связано с тем, что научная коммуникация надкультурна, методы научного познания и понятия, формируемые в ходе исследований, также универсальны, а сам научный дискурс представляет собой специфическую форму коммуникации, имеющую статус метадискурса. Эта точка зрения выражена Г. Виддоусоном, который считает, что риторическая организация научного текста одинакова и не зависит от конкретного языка, на котором написан текст [Widdowson 1979].

Универсалистскому подходу противостоит точка зрения, согласно которой в различных культурах складываются свои нормы научного стиля. В соответствии с этими нормами отдельные его элементы могут признаваться неуместными в одной культуре и совершенно спокойно функционировать в другой. Такой подход стал возможен благодаря возрождению идеи о том, что язык – это инструмент формирования сознания. С. Чмейркова, обосновывая возможность кросс-культурных сопоставлений научного стиля, указывает, что каждая культура развивает свой научный стиль в соответствии с историей и потребностями общества. Научный стиль складывается из ряда культурных «переменных» и специфических для данной культуры способов организации дискурса [Šmejrková 2007], в том числе культурно специфическими являются и возможности проявления авторского начала в письменном тексте.

Действительно, различные культуры позволяют автору «демонстрировать» свое присутствие в тексте в разной степени: например, в англоязычных работах употребление местоимения 1-го лица ед.ч. считается приемлемым, в то время как в русскоязычных текстах авторы стараются максимально избегать этой формы.

Возможность использования иронии в научном тексте определяется культурной ценностью этого способа выражения отношения. Так, англосаксонские культуры отводят иронии важную роль в структуре коммуникации в целом [Fox 2004]. Научный дискурс, как устный, так и письменный, в этом смысле не исключение.

В русскоязычных научных текстах ирония встречается гораздо реже – требования научного стиля в нашей культуре не позволяют использовать иронию для выражения отношения ни к оппонентам, ни к объекту исследования, ни к читателю.

В устной академической коммуникации ирония вполне допустима, что иллюстрирует диалог [6.10], участниками которого являются профессиональные лингвисты, обсуждающие доклад коллеги на конференции:

[6.10]

[Докладчик] – Вот сейчас мне кажется, что школьники не знают не только, что такое актуальное членение предложения, они не знают, что такое предложение вообще!

[Модератор] – Прогресс!

ПАУЗА. Докладчик возвращается к основной теме доклада [устная речь].

Ироническая ремарка модератора снижает эмоциональный накал выступления, заставляет докладчика от эмоциональных комментариев вернуться к основной теме сообщения.

В плане использования иронии как способа привлечения читательского внимания особое место занимают научно-популярные тексты. Для англоязычных изданий ирония стала практически обязательной характеристикой.

[6.11] *Why is the top quark so heavy? Yeah, that's the question--why? says Franklin. We don't know. It's weird. You've got six quarks; five of them are really*

light, and the sixth is unbelievably heavy. It's as if you had Sleepy, Dopey, Grumpy, Bashful, Happy, and Kierkegaard [Discover Magazine <http://discovermagazine.com/1995/feb/overthetop469>].

Переход в модус коммуникации *non bona fide* делает изложение сложного материала более доступным. В объяснении, которое предлагает исследователь в тексте научно-популярного журнала, рядом с именами гномов из мультфильма «Белоснежка и семь гномов» появляется имя датского философа С. Кьеркегора, чьи работы отличаются сложностью восприятия. Совмещение двух непересекающихся понятийных областей – сказки и философии – оказывается неожиданным для читателей, а имплицитное выражение отрицательной эмоции, вызванной тем, что свойства одного из кварков до сих пор остаются непонятными, позволяет интерпретировать упоминание фамилии философа в ряду имен сказочных персонажей как иронию.

Устный научно-популярный дискурс (как правило, в форме публичных лекций для тех, кто не является специалистом в определенной области знания, но хотел бы расширить свой кругозор) – специфический подвид академической коммуникации, в котором исследователь имеет возможность непосредственного контакта с аудиторией. В такой ситуации переключение из модуса *bona fide* в модус *non bona fide* – это в первую очередь сигнал смены целей общения. Передача информации временно отходит на второй план, на первом плане оказывается установление межличностных отношений с аудиторией.

Как осуществляется переход из модус коммуникации *bona fide* в *non bona fide* в устном научно-популярном дискурсе и какие прагматические результаты дает этот переход? Чтобы ответить на эти вопросы, посмотрим на несколько примеров таких смен модуса общения. Здесь возможно несколько вариантов.

1. Говорящий отступает от основной линии изложения научных фактов и апеллирует не к рациональной, а к эмоциональной их оценке, более

свойственной неспециалистам. Такая апелляция – это смена роли: на некоторое время говорящий перестает быть ученым и становится обывателем, выразителем «обыденной картины мира». Смена ролей – это своеобразная игра, позволяющая говорящему переключиться с серьезного общения в модус *non bona fide*. Фрагмент лекции А. Оганова, посвященной теоретическим разработкам в области новых материалов, хорошо иллюстрирует такой способ перехода от изложения фактов к ироническому комментарию:

[6.12] *И вот перед нами, наверное, самый экзотический способ производства теплоты, наверное, во всей Вселенной - это не распад радиоактивных элементов, это не сожжение какого-то топлива, это даже не сожжение алмаза, это падение миллионов тонн алмазов. Когда я об этом рассказываю, глаза моих студентов загораются алчным огнем, все-таки это капиталистическое общество, и всегда я слышу одно и то же предложение: давайте соорудим экспедицию за алмазами. Но, увы, это невозможно ввиду крайне высоких давлений и температур, да и вообще Нептун состоит из воды, аммиака и метана. Представляете себе, как эта смесь невообразимо воняет? Так что в экспедицию без меня...*
[<http://polit.ru/article/2011/08/18/ogonov2011txt/>]

Переходы от серьезного к несерьезному модусу дискурса маркированы стилистически: в первом случае это использование лексики с ярко выраженной коннотацией (*загораются алчным огнем*), во втором – использование лексики, принадлежащей к разным стилям, в одной коллокации (*невообразимо воняет*). Иными словами, говорящий намеренно нарушает каноны научного стиля, чтобы обозначить элемент игры, свойственный иронии. Ироническое отступление от основной линии повествования и смена роли позволяет говорящему показать наивность «наивной картины мира» и повысить авторитетность излагаемого научного подхода.

2. Говорящий упоминает отдельные факты, которые в совокупности показывают, насколько незначительны или неубедительны результаты научных исследований конкурентов. Именно так в самом начале своей лекции “On Language and Thought” Стивен Пинкер иронически представляет классический подход к описанию языка:

[6.13] *This is a picture of Maurice Druon, the Honorary Perpetual Secretary of L'Academie francaise -- the French Academy. He is splendidly attired in his 68,000-dollar uniform, befitting the role of the French Academy as legislating the correct usage in French and perpetuating the language. The French Academy has two main tasks: it compiles a dictionary of official French -- **they're now working on their ninth edition, which they began in 1930, and they've reached the letter P.** They also legislate on correct usage, such as the proper term for what the French call "email," which ought to be "courriel." The World Wide Web, the French are told, ought to be referred to as "la toile d'araignee mondiale" -- the Global Spider Web -- **recommendations that the French gaily ignore.***

Now, this is one model of how language comes to be: namely, that it's legislated by an academy. But anyone who looks at language realizes that this is a rather silly conceit that language, rather, emerges from human minds interacting from one another. And this is visible in the unstoppable change in language -- in the fact that by the time the Academy finishes their dictionary, it will already be well out of date. [http://www.ted.com/talks/steven_pinker_on_language_and_thought.html]

Ирония С. Пинкера основана на противопоставлении академического и «пользовательского» отношения к языку. Начало лекции – ироническое описание первого подхода: выясняется, что то, что принято считать настоящей наукой, по мнению Пинкера, таковой не является. Результаты многолетней работы Академии иронически представлены как незначительные как по объему, так и по отношению к ним общества. Сигналом перехода от *non bona fide* к *bona fide* модусу является фраза “*Now, this is one model of how language comes to be: namely, that it's legislated by an*

academy”. Далее говорящий предпочитает прямую критику (*by the time the Academy finishes their dictionary, it will already be well out of date*).

3. Говорящий отступает от изложения основной мысли и критически оценивает собственную работу, исследовательские методы и полученные результаты, преувеличивая их значимость. Гиперболическое представление фактов усиливает эмоциональность текста и одновременно ослабляет связь высказывания с реальностью [Гловинская 2004]. Гипербола – это сигнал притворства говорящего и одновременно имплицитное выражение негативной деонтической оценки. Такое сочетание коннотаций позволяет интерпретировать текст как иронию. Иллюстрацией такого случая является фрагмент лекции А. Савватеева «Куда ведет нас экономическая наука?»:

[6.14] *Экономическая наука действует совершенно иначе: никаких нет универсальных законов природы, как в физике. Таких законов нет в экономике, а есть какие-то попытки что-то увидеть, блуждая в этой вот какой-то туманной долине, вот так вот прожектором вот эту область осветил, вот эту осветил, модель написал здесь. И постепенно у человека, который все эти модели знает, рождается понимание, он идёт и работает в правительстве, допустим, какие-то принимает решения, но это в идеале. Значит, так в принципе было и раньше, однако, я уже сказал, что за редким исключением западные учёные никуда не заглядывают, не пытаются, они сидят на своей ветке. Вот западный учёный, он сидит на веточке, качается на ней, ну, и иногда беседует с соседними птичками на соседних ветках. Он это дерево единым взором даже не пытается охватить. Философствование - это чисто русская черта; она очень слабо развита за рубежом. То есть всё же хорошо вокруг, у тебя есть работа, у тебя есть зарплата, у тебя есть интересная деятельность в принципе, почему нет. Сиди занимайся. Ну, нам-то надо знать всё, понимать всё, мы же третий Рим, понятно, что как бы на нас огромная ответственность лежит* [<http://polit.ru/article/2011/09/02/savvateev/>].

4. На уровне метадискурса модус *non bona fide* может стать основным способом общения, и тогда мы имеем дело с пародией на научный стиль. Критическое отношение к работе ученых в целом либо к форме и содержанию научных текстов переводит такие тексты из юмористических в иронические. В качестве примеров приведем два текста: [6.15] – отрывок из статьи Н. Сумбатовой «К типологии лингвистической халтуры», и [6.16] – отрывок из выступления С. Вернике “Lies, Damned Lies and Statistics (about TEDTalks)”. В обоих случаях объектом иронии является достоверность результатов научной работы, однако в [6.15] акцент делается на содержательной, а в [6.16] – на формальной стороне организации научного дискурса.

[6.15] *«Настоящая работа посвящена широко распространенному среди лингвистов разных школ и направлений явлению халтуры. Сразу оговоримся, что к определению данного понятия существуют различные подходы. Наше рабочее определение относит к халтуре только такие виды научных и псевдонаучных работ, которые заведомо могли быть выполнены автором (авторами) на более высоком уровне, но были выполнены некачественно или не были выполнены вовсе. Для понимания сущности халтуры важно то обстоятельство, что автор халтурной работы пытается представить её как менее или вовсе не халтурную. Таким образом, работы, которые оказались плохими в связи с идиотизмом или случайной неудачей/ошибкой автора, халтурой в нашем понимании не являются»* [Н. Сумбатова. К типологии лингвистической халтуры. <http://www.polit.ru/article/2007/01/16/sumbat/>].

Можно говорить о нескольких источниках иронии в приведенном тексте. Во-первых, сама тема, которой посвящена статья, противоречит существующему в обществе стереотипному представлению об академическом дискурсе как способе получения и передачи объективного и истинного знания. Во-вторых, на протяжении всего текста автор соблюдает формальные каноны научного стиля, однако вкрапления разговорной

лексики нарушают баланс между беспристрастностью и эмоциональностью, превращая текст в пародию на научную статью.

В лекции “Lies, Damned Lies and Statistics (about TEDTalks)” С. Вернике анализирует тексты аналогичных выступлений других ученых. Апелляция к статистическим методам традиционно повышает научную достоверность сообщаемых сведений, однако выводы, которые предлагает слушателям Вернике, вряд ли можно интерпретировать как серьезные: либо они противоречат требованию объективности научного знания (*it's okay for the speaker – that's the good news – to fake intellectual capacity*), либо они никак не связаны с научными исследованиями (*it's imperative that you do not cite The New York Times*).

[6.16] *Now, while... while you're pushing the clock, there's a few rules to obey. I found these rules out by comparing the statistics of four-word phrases that appear more often in the most favorite TEDTalks as opposed to the least favorite TEDTalks. I'll give you three examples. First of all, I must, as a speaker, provide a service to the audience and talk about what I will give you, instead of saying what I can't have. Secondly, it's imperative that you do not cite The New York Times (laughter). And finally, it's okay for the speaker – that's the good news – to fake intellectual capacity. If I don't understand something, I can just say, "etc., etc." You'll all stay with me. It's perfectly fine.* [http://www.ted.com/talks/lang/en/lies_damned_lies_and_statistics_about_tedtalks.html]

Приведенные фрагменты письменных текстов и устных выступлений показывают, что реальная коммуникативная практика участников академического дискурса не соответствует стереотипному представлению о том, как протекает общение в этой сфере коммуникации. Академический дискурс отличается от других сфер коммуникации высокой степенью состязательности [Tannen 2002]. Разрешая противоречие между необходимостью объективной и беспристрастной передачи информации и потребностью в оценке работ коллег (в том числе критической), исследователи используют модус коммуникации *non bona fide*, в том числе

иронию. Помимо выражения негативной оценки, ирония позволяет говорящему / пишущему решать несколько прагматических задач: устанавливать и поддерживать контакт с аудиторией, убеждать слушателей / читателей в превосходстве собственных идей. Иными словами, иронию в академической коммуникации можно считать сигналом научной конкуренции.

6.1.2. Ирония в политическом дискурсе

Языку политической коммуникации посвящено немало работ [Шейгал 2004, Лассвелл 2006, Чудинов 2006, Маслова 2008, Chilton 2004, Wilson 2005, Fetzer 2007], однако немногие исследователи обращают внимание на использование *non bona fide* модуса в этой сфере. Исключением можно считать обращения лингвистов и этнографов к политическим анекдотам (см., например, [Сперанская 2004, Шмелева 2007, Архипова 2009, Shilikhina 2013]), а также работы [Веселова 2003, Кашкин 2009, Шилихина 2013], в которых анализируются возможности переключения в модус *non bona fide* в различных жанрах политического дискурса.

По ряду свойств политическая коммуникация значительно отличается от академического дискурса. Во-первых, в повседневной жизни большинство людей в той или иной степени оказывается вовлечено в политическую коммуникацию. Во-вторых, если основной целью академической коммуникации является передача информации, то целью политического дискурса является воздействие на аудиторию. Ср. мнение Г. Лассвелла: «Язык политики, главным образом, нацелен на осуществление действия или оценки (внимание или понимание обычно не являются конечными политическими целями сами по себе)» [Лассвелл 2007:167]. Поэтому в политической коммуникации эмоциональная составляющая может доминировать над рациональной. Кроме того, политический дискурс – это та сфера, где наиболее ярко проявляется социальная функция языка.

Политический дискурс, как на макро-, так и на микроуровне направлен в первую очередь на конструирование иерархических социальных отношений. Можно утверждать, что создание таких отношений – обязательный атрибут политического дискурса и одновременно – одна из важнейших целей политической коммуникации.

Основной целью любой политической деятельности является борьба за власть. Постоянная конкуренция различных политических сил приводит к тому, что использование языка в этой сфере неизбежно связано с выражением отношений авторитетности.

Возможность использования иронии для воздействия на оппонентов и аудиторию определяется в первую очередь *сопоставительностью* (агональностью) политического дискурса. Это именно то свойство, которое в значительной степени определяет выбор языковых средств для наиболее эффективного воздействия на аудиторию. Агональность – это свойство политической коммуникации, позволяющее исследователям утверждать, что «...политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий» [Демьянков 2002, с. 41]. Сходное мнение высказывает и Г. Лассвелл: «Наиболее заметный инструмент власти – специализированный орган насилия – оружие или обученный боец. Оружие, функциональность которого роднит его с языком – это ракета, поскольку ракета, как и слово, способна нанести ущерб на расстоянии» [Лассвелл 2007: 167]. Военная метафора оказывается удобным способом лингвистического описания политического дискурса: коммуникативные действия описываются в терминах стратегий и тактик, а язык приобретает статус достаточно специфического инструмента – оружия.

Политический дискурс динамичен в том смысле, что соотношение статусов его участников постоянно меняется: суть политической борьбы заключается в постоянном стремлении каждой из конкурирующих сторон улучшить свои коммуникативные позиции, повысить авторитетность своей

системы ценностей в глазах аудитории: «авторитетность... может быть завоевана, подтверждена или усилена в процессе социальных действий (физических либо часто дискурсивных)» [Кашкин 2008: 16]. Функция создания отношений авторитетности реализуется в политической коммуникации в наиболее явном виде. Повышение собственного коммуникативного авторитета часто осуществляется за счет разрушения авторитета конкурента, а в качестве инструмента разрушения авторитета противника часто используется ирония. Такую ситуацию хорошо иллюстрирует следующий фрагмент:

[6.17] *A career faux-Democrat, and former member of **the Scared Like a Bunny wing** of the Democratic senatorial caucus, reappears from the netherworld of Loserdom to chew on his leg about his campaign to over-regulate small businesses...* [<http://www.esquire.com/blogs/politics/obama-mic-check-video-6595080>]

Коммуникативные преимущества иронии в политическом дискурсе очевидны – она позволяет говорящему апеллировать одновременно и к разуму, и к эмоциям аудитории. Неудивительно, что в современной политической коммуникации ирония используется всеми ее участниками: и теми, кто находится у власти или борется за нее, и теми, кому адресованы речи политиков.

Переключение между модусами *bona fide* и *non bona fide* в политическом дискурсе осуществляется с помощью различных техник. Ирония часто создается за счет интертекстуальных связей, которые позволяют совмещать две ситуации: ту, о которой идет речь, и ту, к которой отсылает текст. В результате адресат высказывания может не только устанавливать ассоциативные связи между ситуациями целиком, но и проводить параллели между участниками этих ситуаций. Знание о предыдущей ситуации (часто в виде стереотипов) распространяется и на объект иронии. В качестве примера приведем текст одного из предвыборных рекламных роликов партии «Яблоко»:

[6.18] *Скоро выборы. В политическом меню России, как всегда, четыре блюда. Есть традиционная красная похлебка с привкусом советской столовой. Имеется ядовитая смесь с душком национализма. Ну, и, конечно, в обилии представлены самодовольные распаренные овощи с подмоченными номенклатурными корочками, фаршированные синими мигалками. Все, кому надоели овощи, выбирайте честное, демократическое ЯБЛОКО! Приходите на выборы! Требуйте перемен!*

Характерно, что косвенная отсылка на исходные тексты может быть легко восстановлена даже не слишком искушенными в политике читателями, и это обеспечивает легкость распознавания иронии.

Смена стиля, как и в устном научном дискурсе, активно используется в политической коммуникации; основное отличие между академическим дискурсом и политикой заключается в возможности использовать эту технику и в письменных текстах:

[6.19] *The war powers of the Congress had been deeded wholesale to the executive long before Dick Cheney and Paul Wolfowitz and a **passel of think-tank cowboys** wound within them the right of a fecklessly incompetent president to make war unilaterally on anyone, anywhere, forever.*

С точки зрения языковой «техники» в приведенном выше фрагменте ирония возникает благодаря снижающей авторитет разговорной номинации *a passel of think-tank cowboys* – «ватага ковбоев-аналитиков». Слово *passel* часто употребляется иронически, в некоторых словарях оно помечено как устаревшее. Его можно сравнить с ироничным употреблением слова *когорта* в русском языке:

[6.20] *Но главным итогом пленума было, пожалуй, возвышение Фрола Романовича Козлова — он стал вторым секретарем ЦК, а значит, уже официально первым после Хрущева человеком в стране. Конечно, интеллектуалом его назвать было бы грешно, но дело свое он знал и сразу же стал подминать под себя отделы ЦК и обкомы партии. Принадлежал он*

к той славной когорте администраторов-управленцев, которые умело приспособивались к переменчивой обстановке и крутым хрущевским поворотам [НКРЯ].

В обоих случаях слова *passel* и *когорта* приобретают негативную коннотацию благодаря своему окружению (этот эффект принято называть семантической просодией, см., например, [Sinclair 1991, Stubbs 1995]). Отрицательная оценочность английской номинации *think-tank cowboys* и негативные ассоциации именной группы *администраторы-управленцы* влияют на коннотативную окраску слов, связанных с ними семантически и синтаксически, меняя оценку на противоположную.

Переход от модуса *bona fide* к модусу *non bona fide* может быть маркирован эксплицитно, например, ссылкой на анекдот:

[6.21]

– (Татьяна Лазарева) Сначала послушаем специалиста, Станислава Белковского. Может, он нам что-то еще разъяснит, может, мы чего-то не поняли.

– (Белковский) Сегодняшние дебаты еще раз показывают, что вся современная российская политика исчерпывающе описывается двумя известными старыми анекдотами. Первый анекдот более старый, о том, как Рабинович раздавал листовки у Мавзолея. Листовки были без текста, и когда удивленные сотрудники КГБ СССР подошли к Рабиновичу и спросили, почему он раздает пустые листовки, Рабинович ответил – а что писать, и так все понятно. А анекдот номер два, более современный, таков: у России четыре беды, две из них все знают, а еще две – это дураки и дороги. [http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/debates/mironov_vs_udaltsov.shtml]

Использование анекдотов в публичном политическом дискурсе – это, с одной стороны, инструмент создания имиджа политика, с другой – способ иронически оценить текущую ситуацию (в этом смысле анекдоты сродни

басням). Именно эти функции реализуют анекдоты в современном российском политическом дискурсе:

[6.22] *Что же до реальной политической роли Сергея Миронова, то о нем лучше всего сказано в классическом российском политическом анекдоте о походе Путина в ресторан в сопровождении спикеров Миронова и Грызлова. Официант: – Владимир Владимирович, что желаете? – Мясо! – А овощи? – Овощи тоже будут мясо!* [«Спикер и держава». Московский Комсомолец № 25635 от 6 мая 2011 г.]

Популярность иронии в политической коммуникации неудивительна, если учесть тот прагматический потенциал, которым она обладает. Ирония может считаться экономным способом «упаковки» интенции: говорящий одновременно устанавливает необходимые асимметричные отношения авторитетности между собой и объектом иронии, обозначает «своих» и «чужих», привлекает внимание аудитории и в определенной мере развлекает ее. Ирония – инструмент конкурентной борьбы, которая лежит в основе политической коммуникации.

6.1.3. Ирония в повседневной устной коммуникации

Описание иронии было бы неполным без обращения к еще одной сфере общения – повседневной коммуникации. По мнению Х. Коттхофф, такой анализ необходим, поскольку непринужденное общение опирается на нормы, которые значительно отличаются от норм письменной коммуникации [Kothoff 2003]. Анализ разговорной речи позволяет увидеть создание иронии «здесь и сейчас», поскольку, в отличие от письменного текста, разговорная речь обладает важным свойством спонтанности [Борисова 2005]. Есть и еще одно важное отличие непринужденного диалога от заранее подготовленного выступления или письменного текста: неподготовленный дискурс характеризуется тем, что осознанность цели находится на подсознательном

уровне [Борисова 1996]. Следовательно, у говорящего нет возможности заранее «подготовиться» к ироническому диалогу, тщательно спланировать собственные речевые действия и отобрать необходимые языковые средства. Тем не менее, ирония – неизменный атрибут повседневного непринужденного общения [Ермакова 1996]. Этот факт можно считать еще одним доказательством в пользу мысли о том, что участники дискурса создают и понимают иронию на основе некоторых правил, интуитивно понятных носителям языка.

Исследователи разговорной речи отмечают творческий характер иронического дискурса, важность эстетического эффекта, который производят юмор и ирония в непринужденной коммуникации: «Обыкновенный человек нередко испытывает сознательную или бессознательную потребность не только сообщить что-то, не только использовать язык в утилитарных целях, но и испытать самому и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи. Чаще всего это чувство реализуется в виде установки на комический эффект. *Шутить, иронизировать, стремиться вызвать улыбку или смех собеседника* принято в непринужденной речи» [Русская разговорная речь 1983: 173, курсив мой – К.Ш.]. Заметим, однако, что эстетический эффект – это, скорее, «побочный эффект» иронии в спонтанной коммуникации. Иронический дискурс, как правило, преследует более прагматические цели. Можно говорить о том, что ирония в спонтанной коммуникации выполняет те же функции, что и в других сферах общения: она позволяет устанавливать отношения авторитетности, выражать негативную оценку ситуации и только в ряде случаев – развлекать собеседника.

Приведем несколько примеров «разговорной» иронии. Поскольку ирония – контекстно-зависимое речевое действие, приведенные ниже фрагменты непринужденных диалогов сопровождаются описанием ситуативных контекстов.

Участники диалога [6.23] с документами на подпись стоят в очереди перед кабинетом начальника. Одна из женщин обращается к стоящему рядом мужчине:

[6.23]

– *Вы тоже туда / да ?*

– *Да нет! (смех) Ну как вы думаете / если я вот тут стою // (смех)*

Ответ напрашивается сам собой // (смех)

– *Ну я на всякий случай //*

С точки зрения информативности своим ответом коммуникант нарушает максимум Качества, с точки зрения экономии речевых усилий – отступает от требований максимы Количества. Несоответствие объема запрашиваемой и предоставленной информации и невербальное поведение коммуниканта (смех) указывают на наличие имплицитных смыслов и позволяют интерпретировать ответ как иронический. Иронизируя, говорящий показывает неуместность предыдущего вопроса.

Диалог в примере [6.24] иллюстрирует случай, когда на первый план выходит функция выражения деонтической оценки (т.е. оценки по шкале «данное – должное»: перед нами каноническая ирония-антифразис.

[6.24]

[Л, жен, 40] Л. Такое сочетание у него там/ зелёное с синим / пол оранжевый... [S] С. с иронией Дааа/ красота... [Л, жен, 40] Л. Или пол коричнево-оранжевый? [НКРЯ]

Еще один пример – фрагмент ток-шоу «Легкий завтрак» на радиостанции «Радио 7». Ведущие программы Р. Акопян и Д. Лизин обсуждают новости:

[6.25]

– *Возбудили уголовное дело / за вымогательство денег у автоинспектора // Денис, вдумайся //*

– *Да / эт как ребенка обижать // (смех)*

Очевидное несоответствие ситуации социальным нормам становится поводом для иронии. От предыдущих примеров приведенный диалог отличается тем, что предполагает наличие третьего участника – слушательской аудитории, которой и адресована ирония.

Динамизм устной коммуникации позволяет ее участникам менять роли и тем самым переключаться из модуса *bona fide* в модус *non bona fide*. В примере [6.26] родители обсуждают заданное детям-третьеклассникам домашнее задание:

[6.26]

S1 Бли-ин / два упражнения по русскому / и двенадцать номеров по математике / умереть что ль / че-то сегодня Светлана перебрала //

S2 Что ж она наизусть ничего не задала // Ведь чтение завтра //

S1 И в прозе // в прозе //

(общий смех)

В приведенном диалоге смена модуса общения происходит благодаря притворному выражению недоумения: несмотря на то, что у участников коммуникации есть вся необходимая информация, оба собеседника притворяются «несведущими» с единственной целью – критически оценить эту информацию.

Еще один пример – фрагмент диалога между коллегами, опубликованный в [Шалина 2011], – хорошо иллюстрирует, как смена ролей становится сигналом смены модуса общения:

[6.27]

М. Вот / Федорыч / читал газету? Оказывается / Ленин умер от сифилиса / а вот Иваныч этого не знает / наверное//

В. А мы-то / дураки / думали /

М. (подхватывает) А мы-то / дураки / думали / его Каплан убила // На / почитай / «Болел ли Ильич дурной болезнью?» // И это «Аргументы и факты» / понимаешь? [Шалина 2011: 225]

Смена ролей (сведущий – глупый) и притворство участников диалога позволяют интерпретировать его как иронический. Прямая отсылка к роли (дураки) является сигналом для интерпретации сказанного «от противного»: информативность публикации в газете становится объектом иронии. По мнению говорящих, тема публикации не может быть предметом серьезного обсуждения; ирония позволяет участникам дискурса выразить негативную оценку статьи.

Вряд ли иронию в приведенных диалогах можно считать примером творческого использования языка. Скорее, наоборот, в спонтанных диалогах говорящие склонны использовать клишированные способы создания иронии, которые без труда распознаются собеседниками. Например, фраза «а мы-то дураки», служащая сигналом притворства говорящего, используется в качестве сигнала иронии и в художественных текстах, ср. фрагмент из рассказа Ю. Нагибина «Бунташный остров» (пример [6.28]), и в компьютерно-опосредованной коммуникации (пример [6.29]):

[6.28] *Пока я отсутствовал, произошли важные дела. Главврач сообщил, что заперли нас не по его инициативе, а по указанию сверху. Медицина установила, что каждый наш поход на пристань приводит к стрессу, разрушающему нервную систему. Вот как, а мы-то, дураки, не поняли, что все делается для нашей же пользы. Впрочем, чему тут удивляться: руководство всегда заботится о благе народа, а мы — самая драгоценная его частица, нас надо оберегать, холить и лелеять. [НКРЯ]*

[6.29] *Вот и Обама, оказывается, не хочет бомбить Сирию именно благодаря Ротшильдам, упирается рогами проклятым Рокфеллерам. А мы-то, дураки незнающие, думали, что это Путин, российская дипломатия и русское оружие в Сирии вынудили его не совершать агрессию [интернет-коммуникация].*

Приведенные фрагменты показывают, что ирония в непринужденной коммуникации, как правило, интерпретируется путем «замены знака», а ее

основным сигналом является очевидное притворство коммуникантов. Именно смена ролей (знающий vs. несведущий, умный vs. глупый) позволяет выражать негативную оценку обсуждаемых фактов или событий.

6.1.4. Ирония в компьютерно-опосредованной коммуникации

Компьютерно-опосредованная коммуникация – важная сфера повседневного взаимодействия людей со своими особенностями общения, во многом обусловленными технологической составляющей [Щипицина 2009, Мустайоки 2013]. Основные свойства компьютерно-опосредованного общения могут быть сведены к следующим:

- гибкий, динамичный характер взаимодействия участников компьютерно-опосредованной коммуникации;
- возможность «сконструировать» виртуальную личность коммуниканта;
- отсутствие непосредственного контакта между участниками общения (именно это свойство отражено в названии *компьютерно-опосредованная коммуникация*);
- возможность подключения неограниченного количества участников к диалогу;
- речевые произведения автоматически становятся частью гипертекста и могут воспроизводиться неограниченное количество раз в других текстах.

От других сфер общения компьютерно-опосредованная коммуникация отличается тем, что технологическая составляющая одновременно определяет возможность одних речевых действий и накладывает ограничения на другие. Применительно к иронии ограничения связаны в первую очередь с тем, что распознавание иронии усложняется, поскольку отсутствует невербальная составляющая. Расширение возможностей иронической коммуникации связано с возможностью скрыть истинное лицо

и создать «виртуальную» личность, не связанную необходимостью соблюдения правил рационального и кооперативного общения.

Существует еще одно отличие компьютерно-опосредованной коммуникации от других сфер дискурса: виртуальная среда предоставляет пользователям идеальные условия для игровой коммуникации. Возможность игры и притворства повышают вероятность речевых действий в модусе *pop bona fide*, с помощью которых пользователи могут «зарабатывать символический капитал».

Функционирование иронии в компьютерно-опосредованной коммуникации похоже на «разговорную» иронию в том смысле, что она возникает не в монологическом тексте (в отличие, например, от академического или политического дискурса), а в диалоге.

Поводом для возникновения иронии в компьютерно-опосредованной коммуникации, как правило, являются социально значимые события. В качестве примера приведем диалог пользователей семейного форума, в котором пользователи обсуждают внезапное объявление о проведении контрольной в школах Москвы в воскресный день (в тот же день в центре города должна была состояться массовая демонстрация):

[6.30]

Завтра в нашей школе ребенка заставили сидеть до 18-00, мотивируя контрольной работой городской. Что это?

- *Это возможность родителям пристроить ребенка под присмотр в опасный момент. Это помощь. Et Cetera*

- *Ага, а после школы всем топать домой, многим ехать далеко. Вместо того, чтобы спокойно сидеть дома. Гэллор*

- *Это, видимо, какая-то Вселенская контрольная. К остальным-то не так трепетно Деп. образования подходил... Надо было вообще ее для всех россиян объявить, а не только для старших школьников... Например, всероссийский экзамен на знание русского языка для*

подтверждения гражданства, ну а чё? :)))) SillyBilly [интернет-коммуникация].

Ответные реплики различаются модусом – пользователь *Et Cetera* предлагает рациональное объяснение ситуации, пользователь *Гэллор* эксплицитно критикует инициативу властей. Комментарий пользователя *SillyBilly*, напротив, представляет ситуацию гиперболически и доводит ее до абсурда. Смена модуса общения маркируется также и графическими средствами.

Отсутствие непосредственного контакта между пользователями меняет речевое поведение коммуникантов: критика становится более явной, а ирония приближается к сарказму. Ирония становится тем более очевидной на фоне *bona fide* реплик других участников дискурса:

[6.31]

Иришка неизвестно

Кто дублирует Барбару Брыльска из к/ф "Ирония судьбы". Кроме песни...

Лучший ответ

Лина

Валентина Талызина (кстати она там играет подругу Нади), а песни исполняет Пугачёва.

Другие ответы

NIKKI DIAVOL

Эх, ты!! Стыдно не знать, что Брыльскую сдублировала Шарон Стоун!!!! [интернет-коммуникация].

Заведомо абсурдная информация нарушает максимум Качества и служит сигналом смены модуса общения. Характерно, что иронический комментарий появился после *bona fide* ответа другого пользователя – с точки зрения передачи информации эта реплика избыточна. Чтобы интегрировать такой речевое действие в диалог, необходимо интерпретировать его как

иронию. Прагматическое назначение абсурдного комментария – выражение негативной оценки узкого кругозора собеседника.

Коллективная ирония – вариант речевого поведения, характерный для компьютерно опосредованного общения. Обычно коллективная ирония является реакцией на общественно значимые события. Пример – реакция в блогах на следующее информационное сообщение:

[6.32]

В ходе психиатрической экспертизы, проведённой в рамках подготовки процесса над участницами панк-группы Pussy Riot, судмедэксперты указали, что у Надежды Толоконниковой есть «смешанное расстройство личности в виде активной жизненной позиции, стремления к самореализации».

Как вы думаете, воздушно-капельно передаётся или лучше Пуську поцеловать для гарантии?

Пишет Saifa Shettl:

О как!

Пишет Бернар Кусака

И вообще, где препарат "Пусин Форте"? Для активизации жизненной позиции? [интернет-коммуникация]

В приведенном диалоге большинство комментаторов реагирует на исходное сообщение в модусе *pop bona fide*, чтобы выразить критическое отношение к обсуждаемому событию. Поскольку официальная точка зрения принадлежит экспертам, т.е. людям, имеющим авторитет в области психиатрии и уполномоченным на проведение соответствующих экспертиз, основная цель иронических комментариев – продемонстрировать недоверие и поставить под сомнение авторитетность высказанного мнения. Притворно соглашаясь с официальной точкой зрения, коммуниканты демонстрируют ее абсурдность и, тем самым, снижают авторитет экспертов.

Таким образом, ирония как режим модуса дискурса *non bona fide* не является исключительным атрибутом художественной речи. Напротив, ее появление возможно в самых разных сферах коммуникации, даже в тех, которые традиционно ассоциируются с модусом *bona fide*. С точки зрения прагматики коммуникации основным эффектом иронических высказываний являются асимметричные отношения авторитетности, и эти отношения также можно считать универсальными, а все множество функций, которые, по мнению исследователей, выполняет ирония, могут быть сведены к двум основным: создание отношений авторитетности и развлечение адресата / аудитории. Становится очевидно, что ирония не может быть сведена к риторическому тропу. Возникает вопрос, как можно определить статус иронии.

Статус иронии в дискурсе – еще один дискуссионный вопрос, на который исследователи дают разнообразные ответы. Прежде чем мы обоснуем собственную точку зрения, кратко проанализируем существующие мнения и, идя путем «доказательства от противного», покажем, чем ирония *не является*. Для этого мы рассмотрим наиболее популярные в лингвистической прагматике и анализе дискурса понятия, чтобы убедиться в невозможности отнесения иронии к обозначаемым этими понятиями категориям.

6.2. Дискурсивный статус иронии

Пытаясь определить статус иронии, исследователи причисляют ее к *речевым актам* [Падучева 1996, Haverkate 1990], *коммуникативным стратегиям, речевым жанрам*, предлагают считать иронию разновидностью субъективной модальности, метатекстовым феноменом [Самыгина 2013], «содержательной концептуальной категорией текста» [Яковенко 2011]. Заметим, что последний из перечисленных вариантов категоризации иронии, на наш взгляд, не только не проясняет ситуации, но делает ее еще более

туманной: в первую очередь неясно, как соотносится ирония с другими структурными и содержательными текстовыми категориями (см., например, таксономию категорий текста, предложенных в [Тураева 1986]). Во-вторых, возникает вопрос, в чем именно заключается концептуальность иронии как текстовой категории.

Одной из самых распространенных точек зрения является отнесение иронии к речевым актам. Вообще, понятие речевого акта можно считать удобным инструментом для описания и объяснения *типизированных* коммуникативных действий [Austin 1975]. С его появлением философы и лингвисты получили возможность давать обобщенные характеристики речевых действий и описывать факты использования языка как действия, направленные на достижение некоторой цели.

В то же время «мода на речевые акты» привела к размыванию границ классификации; к речевым актам стали причислять практически любые речевые действия (включая молчание). При этом, объявляя то или иное речевое действие речевым актом, далеко не всегда исследователи задумывались о том, в какой степени описываемые явления дискурса обладают свойствами речевых актов.

Проверим, в какой мере понятие речевого акта применимо к описанию вербальной иронии. Интуитивно понятно, что ирония – это речевое действие, однако какое именно? Просьба – это выражение желания, извинение – это выражение сожаления, а что выражает ирония?

Соотношение характеристик иронии и речевых актов, точнее, различия между ними представлены в Таблице 10.

Таблица 10. Различия между речевым актом
и вербальной иронией

Речевой акт	Вербальная ирония
Характеризует типизированное коммуникативное поведение	Вряд ли можно говорить о типизированности поведения говорящего
Имеет ограниченный набор конвенциональных способов реализации (напр., просьба в форме вопроса, повелит. накл. глагола в речевом акте совета)	Есть множество способов языкового оформления иронии, из них лишь некоторые можно считать конвенциональными
Глаголы, обозначающие речевые акты, являются перформативами	Глагол <i>иронизировать</i> не может выполнять функции перформатива
Является самостоятельным речевым действием, которое в большинстве случаев легко идентифицируется участниками дискурса (например, просьба, приказ и т.д.)	Ирония может реализовываться в различных речевых актах (просьба, намек, совет, декларатив и т.д. – <i>Спасибо, что помогла убрать! / Кто это у нас тут такой умный?</i>)
Часто реализуется в одном коммуникативном шаге (« <i>Прекрати разговаривать!</i> », « <i>Часы есть?</i> »)	Может возникать как на лексическом уровне, так и на уровне текста, и в таком случае принципиально не сводима к одному высказыванию.
Описываются в терминах условий успешности	Ирония не может быть описана через условия успешности, т.к. может выражаться в различных речевых актах (см. выше).
Наличие определенных отношений между участниками коммуникации является одним из условий успешности (напр., для приказа).	Создание определенных отношений между говорящим, адресатом и объектом иронии – конечная прагматическая цель иронии

Очевидно, такое количество различий не позволяет относить иронию к классу явлений, называемых термином *речевой акт*.

Еще одно популярное понятие, которое встречается в работах, посвященных иронии – понятие *речевой стратегии*. В самом общем виде им обозначают «... планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретнх условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2002: 54]. Более формализованное и лингвистически полное определение коммуникативной стратегии включает в себя шесть компонентов:

- выбор основного речевого намерения;
- отбор семантических и экстралингвистических компонентов, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям;
- определение объема информации для каждой темы и ремы;
- соотнесение квантов информации с объемом знаний, имеющихся у собеседника;
- определение порядка следования тем и рем;
- настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (например, нарратив или диалог), стиль и речевой жанр [Янко 2001].

Понятие речевой стратегии является удобным инструментом для описания психологических основ коммуникации, для объяснения выбора тех или иных речевых средств в связи с мотивами и целями, к которым стремится коммуникант в определенной ситуации общения.

Можно ли считать иронию коммуникативной стратегией? По нашему мнению, нет: приведенные выше примеры показывают, что ирония не привязана к конкретным языковым уровням или языковым структурам; соответственно, распределение объема информации внутри высказывания / текста оказывается каждый раз разным.

Наконец, можно ли отнести иронию к категории речевых жанров? И на этот вопрос можно дать отрицательный ответ. Характеризуя жанры речи,

Е.А. Земская писала: «жанры речи – более крупные единицы, чем речевые акты. Они характеризуются более сложным строением, могут включать несколько иллокутивных сил. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение» [Земская 1988: 42]. Еще одним определяющим свойством речевых жанров является целостность [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003]. Следуя этому описанию, мы можем утверждать, что ирония не является самостоятельным жанром дискурса, поскольку не обладает специфическими жанровыми характеристиками. При этом использование иронии в дискурсе влияет на жанры, в определенном смысле модифицируя их (к вариантам жанровой модификации через иронию можно отнести пародийные тексты: при сохранении формальных жанровых черт такие тексты меняют правила интерпретации *bona fide* на *non bona fide*).

Таким образом, ни один из рассмотренных вариантов не решает проблему статуса иронии в дискурсе. Для адекватного описания иронии необходимо понятие, которое учитывает вариативность речевого поведения и при этом помогает «ухватить» то общее, что позволяет носителям языка относить разнообразные проявления иронии к одной категории. Таким понятием, по нашему мнению, является понятие *дискурсивной практики*. В самом общем виде дискурсивную практику можно определить как распространенный в данном языковом сообществе способ говорить о чем-либо. Понятие дискурсивной практики позволяет объяснить распространенность иронии в различных сферах коммуникации. Кроме того, называя иронию дискурсивной практикой, мы можем описать ее как разновидность речевой деятельности, которая осуществляется на основе некоторых имплицитных правил, которыми пользуются участники дискурса для создания и понимания иронии.

Понятие *дискурсивной практики* является не таким популярным, как, например, понятие *социальная практика* (характерным показателем относительной невостребованности понятия *дискурсивная практика* является

тот факт, что в фундаментальной по объему и по авторскому составу *The Handbook of Discourse Analysis* [2008] это понятие используется лишь дважды), однако можно привести несколько примеров попыток его определения и использования.

Часто понятие дискурсивной практики используется без попытки его определения, однако контекст, в котором это понятие используется, позволяет выделить некоторые важные свойства явлений, которые могут быть названы дискурсивными практиками. В качестве примера приведем фрагмент статьи А.Н. Баранова, посвященной описанию метафорических моделей (М-моделей) политического дискурса. Статус дискурсивных практик получают наиболее типичные метафорические модели: «Совокупность М-моделей, использующихся в данном дискурсе, образуют **«метафорику»** данного дискурса. Часть из этих М-моделей типичны для данного дискурса, формируют его как таковой, как специфический и отличающийся от других типов дискурсов. Такие М-модели относятся к **«дискурсивным практикам»**. Таким образом, говоря об исследовании метафорики некоторого дискурса, мы должны выявить, во-первых, использующиеся там метафорические модели и, во-вторых, установить, какие из них являются дискурсивными практиками» [Баранов 2004: 33-34]. Очевидно, именно признаки типичности, ожидаемости, частотности являются определяющими при принятии решения о том, можно ли считать некоторое речевое действие (в данном случае – создание и использование метафор) дискурсивной практикой.

Параллельно с термином *дискурсивная практика* функционирует термин *коммуникативная практика*, которым обозначаются речевые действия в ситуации, предполагающей определенный состав участников с заданными социально-коммуникативными ролями (например, общение врача с пациентом или научная конференция). Поскольку термин *коммуникативная практика* закреплен преимущественно за институциональным дискурсом, где роли участников четко определены

структурой ситуации, а общение протекает на основе некоторого сценария, для целей нашего исследования он не подходит – ирония не связана напрямую с определенной социальной сферой или коммуникативной ролью – иронизировать может и врач, и ученый, и политик. В этом смысле термин *дискурсивная практика* более удобен, поскольку он позволяет акцентировать внимание на речевых действиях, которые направлены на обозначение соотношения коммуникативных позиций независимо от конкретной ситуации.

При всей неопределенности и терминологической размытости понятия *дискурсивная практика* все же можно указать на работы, в которых исследователи делают попытки определить объем этого понятия [Parker 2004]. Так, К. Трейси дает очень простое и одновременно максимально обобщенное определение дискурсивной практики: “Discursive practice is talk activities that people do” [Tracy 2002]. Такой подход к понятию дискурсивной практики, с одной стороны, дает возможность максимально широко использовать его в описании дискурса. С другой стороны, данное определение ничего не сообщает о том, что именно отличает дискурсивную практику от других явлений дискурса, например, уже упоминавшихся выше речевых актов или коммуникативных стратегий.

Социологическая и социолингвистическая трактовка понятия дискурсивная (дискурсная) практика представлена в работе [Маркович 2010]: «Данная категория подразумевает наличие в повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурса (а точнее, дискурсов), функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков ... Анализ в таком случае направлен на реконструкцию структур и правил, делающих возможной реализацию того или иного типа дискурса, и реконструкцию этого дискурса как абстракции. Лингвистическая традиция, принимая такое определение, изучает реализацию дискурса через анализ дискурсивных практик, фокусируясь на

специфике функционирования и закономерностях реализации этих практик в различных видах контекста» [Маркович 2010: 17].

Еще одно определение дискурсивной практики принадлежит М. Фуко: дискурсивная практика – это «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания»³⁸ [Фуко 2004: 118]. В смысле, предложенном М. Фуко, термин *дискурсивная практика* для описания сатиры использует П. Симпсон [Simpson 2003].

Из существующих определений можно выделить по крайней мере две важных характеристики дискурсивной практики:

1) существует определенный набор правил, по которым эта практика реализуется (условно назовем этот набор *правилами говорящего*);

2) дискурсивная практика (в отличие от речевого жанра) не зависит от сферы общения. Ее основным свойством является повторяемость и регулярность. Представленный выше анализ функционирования иронии в академическом дискурсе, политической коммуникации, устном и компьютерно-опосредованном общении подтверждает независимость иронии от сферы дискурса.

Помимо названных свойств можно выделить еще несколько важных характеристик, которое отличает понятие дискурсивной практики от понятий речевого акта, речевого жанра и коммуникативной стратегии:

3) возможность назвать некоторое явление дискурсивной практикой определяется общей прагматической функцией или набором функций, которое это явление реализует в коммуникации. В случае с иронией такими

---

³⁸ “a body of anonymous, historical rules, always determined by the time and space that have defined a given period, and for a given social, economic, geographical, or linguistic area, the conditions of operation of the enunciative function” [Foucault 1974, 117].

функциями являются создание социальных отношений авторитетности и развлечение адресата / аудитории, обсуждавшиеся в главе 2;

4) помимо правил говорящего, существует набор правил интерпретации языковых выражений, в которых реализуется данная дискурсивная практика (ср. мнение В.З. Демьянкова: «...широта интерпретации высказываний не произвольна, а членов социума объединяет, кроме прочего, и знание конвенций (или правил), регулирующих интерпретацию». [Демьянков 1989а: 85]). Назовем эту группу правил *правилами адресата*;

5) существует набор ролей для участников дискурса, участвующих в реализации определенной дискурсивной практики. Применительно к иронии в первую очередь это инициатор иронии, во вторую – объект иронии, и, наконец, адресат иронического высказывания или текста (иногда роли объекта иронии и ее адресата могут совпадать, а в ситуации *самоиронии* один и тот же участник дискурса выполняет роли инициатора и объекта иронии);

Как именно реализуются перечисленные свойства в дискурсивной практике иронии? В следующем разделе основное внимание будет уделено обсуждению «правил говорящего» и «правил адресата». Эти правила могут быть описаны на основе модели модуса дискурса *non bona fide*, предложенной в главе 4.

6.2.1. Правила говорящего и правила адресата в дискурсивной практике иронии

Позиция говорящего принимается в качестве исходной в подавляющем большинстве исследований дискурса. Такое положение дел вполне объяснимо: согласно информационно-кодовой модели коммуникации, именно действия говорящего в значительной степени определяют весь ход общения. В качестве иллюстрации такой исследовательской позиции приведем две цитаты: «Естественный язык принципиально рассматривается с

точки зрения говорения (= производства текста, или синтеза), а не с точки зрения понимания (= интерпретации текста, или анализа). Деятельность говорящего, который знает (в идеале, конечно), что именно он хочет сказать, значительно более лингвистична, чем деятельность слушающего, которому приходится применять логику, энциклопедические знания, понимание намерений говорящего и способности угадывания в гораздо большей степени, чем использовать собственно язык» [Иорданская 2007: 223]. Сходного мнения придерживается А.А. Кибрик: «В основе дискурсивного процесса лежит план говорящего – внутреннее ментальное задание, которое говорящий имеет до формирования внешней языковой формы... В процессе реализации этого плана говорящий совершает многочисленные выборы, и языковая форма является уже результатом этих выборов» [Рассказы о сновидениях 2009: 31].

Очевидно, описание иронии с точки зрения адресата неизбежно будет сложным, поскольку интерпретация иронического высказывания – многофакторный процесс. Именно эта многофакторность усложняет описание правил иронии как дискурсивной практики. Но и исключение адресата из рассуждений приводит к обеднению любой теории иронии. Подобно тому, как речь о порядке или беспорядке может идти только тогда, когда кто-то восстанавливает отношения между объектами, ирония «срабатывает» лишь в том случае, если адресат интерпретирует высказывание или текст как содержащий ироническую интенцию.

Описание речевой деятельности с позиции говорящего, как правило, ведется в терминах пресуппозиций, интенций, имплицатур: «пресуппозиционный анализ позволяет построить на основе высказывания говорящего гипотезу о его знаниях; учение об условиях успешности речевых актов позволяет извлечь из факта речевого действия гипотезы о разных сторонах психики говорящего – мнениях, эмоциях, воле и др. Учение о структуре диалога позволяет делать предположения о внутреннем мире коммуникантов, когда наблюдаются нарушения норм развертывания диалога.

Средством проникновения во внутренний мир говорящего являются и импликатуры дискурса – выводы, которые делаются из слов говорящего в предположении о соблюдении им принципов коммуникативного сотрудничества» [Кобозева 1990б].

Поскольку ирония – явление, не имеющее «стандартных» способов выражения и плохо поддающееся формализации, необходимо помнить о том, что и «правила говорящего», и «правила адресата» в ироническом дискурсе – это модель, которой в реальном мире могут соответствовать с разной степенью точности конкретные эпизоды иронической коммуникации.

1. Важной частью «правил говорящего» для обсуждаемой дискурсивной практики является коммуникативное намерение (интенция). Обсуждая понятие намерения в лингвистических исследованиях коммуникации, В.З. Демьянков пишет: «*Ирония* – случай преднамеренного отказа от конвенции. Когда же этот отказ сопряжен с эшелонированием намерений (скажем, когда некто упивается иронией в присутствии адресата-простака), можно говорить о *коварной иронии*. Ироническое коварство – явное нарушение конвенции, со скрытым намерением достичь неожиданного для собеседника результата, когда речевой этикет нарушается демонстративно с целью отвлечь внимание от планируемых поступков нарушителя» [Демьянков 1989б: 44].

Ироническая интенция инициатора иронии проявляется в намеренном отступлении от канонов рационального и кооперативного общения. Чтобы обозначить ироническую интенцию, говорящий должен отступить от привычных способов использования языка, отказаться от стандартного общения. Ср. точку зрения В.И. Карасика: «Стандартное общение – это оперирование языковыми знаками в автоматическом режиме, годится любой знак, понятный адресату, здесь важна не точность, а скорость передачи смыслов. Именно поэтому первым признаком переключения общения на нестандартный режим является создание препятствий для естественного высокоскоростного обмена переживаемой информацией» [Карасик 2010: 8].

Несмотря на дискуссионность идеи о том, что в стандартной коммуникации скорость превалирует над точностью, нельзя не согласиться с тем, что нестандартное общение (примером которого является ирония) предполагает более сложный способ сообщения информации. В результате некоторые высказывания (или их отдельные элементы) не могут быть легко интегрированы в общую канву дискурса и воспринимаются как странные, неуместные, неожиданные. Если задачей говорящего является намеренное создание «препятствий», то адресату необходимо эти «препятствия» преодолеть.

Не только деятельность говорящего интенциональна; определенными намерениями должен руководствоваться и адресат – интерпретатор иронического высказывания или текста: «... установление явных и скрытых намерений отличает интерпретацию от остальных видов обращения со знаками. В этом смысле всякая интерпретация – интенциональный процесс» [Демьянков 1989а, с.114]. Именно интенция говорящего позволяет адресату интерпретировать высказывания в модусе *non bona fide* не как бессмыслицу, не имеющую отношения к реальности, а как сообщения, содержащие дополнительную информацию.

Семантическая двойственность вербальной иронии предполагает одновременную актуализацию знаний о ситуациях, которые сопоставляются в ироническом высказывании. Активная роль адресата заключается в сравнении этих ситуаций и обнаружении несовместимых друг с другом элементов. Иными словами, ситуация должна содержать такие условия, в которых интерпретация высказывания как иронического становится высоковероятной [Utsumi 2007].

2. Еще одно правило создания иронии – это игровое поведение и / или притворство говорящего. Игра позволяет временно заменять правила дискурса *bona fide* на правила модуса *non bona fide*. Именно поэтому задача говорящего – сделать так, чтобы адресат / аудитория распознала в его действиях элементы игры и притворства. Сигналом коммуникации *non bona*

fide может служить любое необычное, неожиданное использование языка, интонации и невербальных средств. Для адресата игра сохраняет возможность рациональной интерпретации высказывания в тех случаях, когда оно не соотносится с реальным положением дел.

3. Выражение деонтической оценки можно считать третьим правилом иронического дискурса. Говорящий должен найти способ имплицитного выражения оценки ситуации по шкале «данное – должное», чтобы высказывание воспринималось не как шуточное, а как ироничное.

4. Наконец, важным правилом дискурсивной практики иронии является возможность ее «отмены» говорящим: при необходимости можно сделать «шаг назад», отказаться от иронической интенции, как это происходит в примере [6.33]. В диалоге участники интернет-форума, посвященного футболу, обсуждают предстоящий матч между командами «Рубин» и «Динамо»:

[6.33]

renat8

Так и вижу картину "Совет в Филях". Как Динамовцы обсуждают варианты.

silva-de-souza

А что у Динамо нет шансов? Я бы так не иронизировал, всё же Рубин не та команда, у которой нельзя выигрывать в Казани. Думаю, что Динамо не проиграет.

renat8

Я не иронизирую. Может быть тут и мистика задействована. Просто интересная картина получается. Надеюсь, наши в очередной раз выиграют [интернет-коммуникация].

Реакция собеседника может служить важным источником информации об успешности речевых действий говорящего. В приведенном выше диалоге один из участников диалога вынужден отказаться от иронической интенции,

поскольку собеседник не принимает переключения диалога в модус *non bona fide*.

6.3. Выводы

Анализ функционирования иронии в различных сферах дискурса – академической и политической коммуникации, устном и компьютерно-опосредованном общении – дает возможность говорить о том, что в структуре современных коммуникативных процессов ирония является регулярным речевым действием, позволяющим создавать определенные социальные отношения между говорящим / пишущим, адресатом и объектом иронии. Независимо от сферы коммуникации эти отношения можно считать проявлением основной функции иронии – функции авторитетности.

В данной главе мы постарались показать, что ирония не является речевым актом, стратегией или речевым жанром. Для определения ее статуса в дискурсе удобным является понятие *дискурсивной практики* – оно позволяет объединить разнообразные проявления иронии и объяснить языковую вариативность данного явления.

Как дискурсивная практика ирония характеризуется определенными правилами создания и интерпретации высказываний и текстов. К основным правилам дискурсивной практики иронии относится в первую очередь наличие взаимосвязанных правил говорящего и правил адресата, которые позволяют участникам дискурса создавать и понимать иронию. Кроме того, признаком того, что ирония является дискурсивной практикой, является уже упомянутая независимость иронии от сферы коммуникации. Двумя другими свойствами иронии, позволяющими считать ее дискурсивной практикой, являются трансляция асимметричных отношений авторитетности и постоянный набор ролей участников коммуникации.

В главе 7 основные компоненты иронического дискурса будут рассмотрены с когнитивных позиций: в частности, речь будет идти о том, как

осуществляется когнитивная операция соотнесения высказывания с реальностью, какие именно элементы высказывания функционируют как сигналы модуса *non bona fide*. Основное внимание будет уделено понятию *некогерентности*, а также языковым сигналам некогерентности, игры и деонтической оценки в ироническом дискурсе.

Глава 7. Модель понимания иронии в дискурсе

Как имеющее смысл мы чаще всего воспринимаем то, что обладает повторяемостью или же резкой неповторимостью. Событие регулярное и событие уникальное могут восприниматься как имеющие значение, однако природа их значимости различна.

Ю.М. Лотман. «Диалог на разных языках».

В данной главе предлагается когнитивно-ориентированная модель понимания иронии в дискурсе. Такая модель должна объяснять, какие семантические свойства высказывания / текста и какие прагматические условия делают возможными обнаружение несоответствия между высказыванием и ситуацией и дальнейшую ироническую интерпретацию сказанного. Необходимо помнить о том, что «языковая упаковка» иронического высказывания – это лишь «вершина айсберга»: для успешного моделирования процессов порождения и понимания иронии необходимо предложить объяснение того, какие когнитивные операции позволяют носителям языка распознавать ее в дискурсе. Поэтому в данной главе отдельные языковые способы маркирования иронии обсуждаются в связи с основными семантическими и прагматическими свойствами иронии. Основным семантическим свойством иронического дискурса является намеренное нарушение смысловой целостности (некогерентность) высказывания. К прагматическим условиям относятся в первую очередь негативная оценка ситуации по шкале «данное – должное», а также игровое поведение говорящего.

7.1. Компоненты иронического дискурса

Процессы порождения и понимания иронии (как, впрочем, и других речевых действий) недоступны прямому наблюдению, поэтому основным методом изучения процесса понимания иронии является моделирование. По сути, все существующие теории вербальной иронии, пытающиеся объяснить, каким образом она распознается и интерпретируется участниками дискурса, – это лингвистические или лингво-когнитивные модели, обладающие различной объяснительной силой.

В идеале теория вербальной иронии должна объяснять следующее:

- а) какие прагматические условия необходимы для возникновения иронии в дискурсе;
- б) какие свойства семантической структуры высказывания делают возможной его ироническую интерпретацию;
- в) какие когнитивные механизмы задействованы в создании и понимании иронии.

Один из основных принципов моделирования заключается в том, что в сферу внимания исследователей попадают только наиболее существенные свойства моделируемого объекта, а это неизбежно приводит к упрощению реальной ситуации. Применительно к иронии это означает, что любая модель будет объяснять не все, но наиболее важные свойства иронической коммуникации. Предлагаемая в данной главе модель базируется на описанных ранее ключевых свойствах иронии как режима модуса коммуникации *non bona fide*. Задача данной главы – показать, как эти свойства соотносятся с языковой формой высказывания, и на конкретных примерах продемонстрировать, какие именно элементы высказывания и ситуации общения позволяют коммуникантам распознавать иронию.

Обсуждение компонентов иронического дискурса мы начнем с семантической составляющей, поскольку именно семантика высказывания

служит своего рода «спусковым механизмом», благодаря которому становится возможной ироническая интерпретация.

Известно, что в основе иронии, как и многих других разновидностей коммуникации *non bona fide*, лежат разного рода смысловые несоответствия. Эти несоответствия могут проявляться на уровне семантики высказывания или в том, как пропозиция высказывания соотносится с описываемой ситуацией. Потребность в рациональной интерпретации заставляет адресата искать объяснение нарушениям смысловой целостности дискурса. Одним из наиболее вероятных вариантов объяснения в такой ситуации становится наличие в высказывании / тексте имплицитных смыслов. Значительно обобщая, можно сказать, что понимание юмора, иронии, сарказма и других форм «несерьезного» общения основывается в первую очередь на умении адресата обнаруживать нарушения в семантической и прагматической структуре текста и интерпретировать эти нарушения как значимые в общей структуре дискурса.

Для обозначения и объяснения нарушений в смысловой структуре высказывания *non bona fide* лингвисты предлагают различные термины: *оппозиция сценариев (script opposition)* [Raskin 1985], *переключение между фреймами* [Ritchie 2005], *релевантная неуместность (relevant inappropriateness)*, [Attardo 2007], *несовместимость (incongruity)* [Forabosco 1992, Attardo 1994, Berger 1995, Veale 2004, Forabosco 2008, Venour 2011], *противоречивость фрейма* [Котюрова 2009], *неантагонистическое противоречие* [Кошелев 2007]. С помощью этих понятий лингвисты моделируют когнитивные процессы, которые задействованы при интерпретации высказываний как *bona fide* или *non bona fide*. В данной работе для обозначения нарушений семантической целостности текста используется термин *некогерентность*. Такой терминологический выбор объясняется в первую очередь тем, что вместе с понятием *когерентность* данный термин описывает и когнитивную деятельность, направленную на

понимание сказанного, и свойства высказывания / текста, т.е. результат определенной когнитивной и речевой деятельности говорящего.

Намеренное нарушение семантической или прагматической целостности дискурса – это обязательный компонент модуса коммуникации *non bona fide*, в том числе и иронии. Обязательное присутствие некогерентных элементов в дискурсе в модусе *non bona fide* отмечается многими исследователями. Так, М.В. Ляпон пишет о логических манипуляциях и парадоксе, которые являются необходимыми элементами любой шутки [Ляпон 2007]; в числе компонентов, которые определяют сущность комического, называются абсурд, нелогичность, нелепость явлений, несоответствие нормам [Сахарова 2007], «...сознательное нарушение норм вероятностного прогноза, вызывающее эффект «обманутого ожидания», когда изначально маловероятные ассоциации при переходе от одного плана текста к другому оказываются доминирующими» [Воркачев 2003: 70]. Все эти способы описания коммуникации *non bona fide* отражают факт нарушения целостности наших представлений об окружающем мире.

В предлагаемой модели намеренное нарушение смысловой целостности – это самый важный компонент иронии. Обнаружение адресатом некогерентности – это своеобразный «спусковой крючок», который инициирует поиск импликаций и повышает вероятность иронической интерпретации высказывания.

Следует заметить, что намеренное нарушение семантической целостности высказывания говорящим – важное, но единственное условие для интерпретации высказывания в модусе *non bona fide*. Сходный механизм задействован в понимании поэтических метафор, отгадывании загадок. Именно поэтому модель понимания иронии должна быть дополнена и другими компонентами.

В главе 4 было показано, что от простого «лингвистического эксперимента», языковой игры и многочисленных жанров юмористической

коммуникации иронию отличает обязательное выражение деонтической оценки, т.е. оценки по шкале «данное – должное».

Наконец, третьим необходимым компонентом иронии является игровое поведение говорящего. С лингвистической точки зрения игра и притворство отличают иронию от многочисленных примеров творческого использования языка в эстетических целях. С точки зрения прагматики коммуникации именно игровая составляющая во многих ситуациях позволяет адресату распознавать несоответствие между высказыванием и положением дел в действительности.

Среди трех названных компонентов наибольшую трудность для моделирования иронии представляет объяснение механизмов намеренного нарушения смысловой целостности высказывания (некогерентности). Во-первых, само понятие *некогерентности* требует отдельного обсуждения и определения. Во-вторых, некогерентность может возникать на различных уровнях текста (семантическом, грамматическом, риторическом, прагматическом). Соответственно, можно говорить о различных видах некогерентности и о том, что обнаружение нарушений в семантической, грамматической, риторической или прагматической структуре текста требуют от адресата не только знания значений слов, составляющих высказывание, и конвенций узуса, но и знания о том, как должен быть организован связный текст или диалог, а также знания ситуации, которая описывается текстом или отдельным высказыванием. Наконец, само высказывание должно содержать некоторый сигнал нарушения смысловой целостности; основная функция этого сигнала заключается в том, чтобы побудить адресата к поиску скрытого смысла. Можно предположить, что намеренная некогерентность, т.е. отступление от некоторой нормы, должна быть маркирована языковыми средствами. Ср. мнение Н.Д. Арутюновой: «Ненормативные признаки требуют специального обозначения. Они должны быть выделены и названы» [Арутюнова 1987а: 10]. Таким образом, наиболее простой способ нарушения когерентности высказывания / текста заключается

в необычном использовании языковых единиц, т.е. таком, которое, с одной стороны, является отступлением от некоторой нормы, но с другой стороны, может быть интерпретировано как рациональное и осмысленное.

Прежде чем мы продемонстрируем различные варианты необычного использования языка, допускающие интерпретацию по правилам модуса *pop bona fide*, сделаем еще одно терминологическое отступление, касающееся соотношения иронии и языковой нормы.

7.2. Ирония: аномальное или нетривиальное использование языка?

В отечественной лингвистике проблему нетривиального использования языка принято обсуждать в терминах *языковой нормы* и *языковой аномалии* [Апресян 1990, Апресян 1995, Арутюнова 1987, Арутюнова 1999, Булыгина 1997, Кобозева 1990а, Радбиль 2006]. Представление о норме – некотором наборе правил, эксплицитно регламентирующих использование языка – лежит в основе не только системных лингвистических описаний, но и речевой деятельности обычных носителей языка.

Можно назвать два источника наших знаний о норме: во-первых, норма усваивается ребенком по мере накопления коммуникативного опыта в процессе усвоения языка. Во-вторых, знания о правильном использовании языка (т.е. таком, которое соответствует норме) человек приобретает в процессе сознательного обучения языку. Эта двойственность нормы (ее одновременная «интуитивность» и осознанность) отражена в определении аномального, предложенного Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым: «Аномальными называют явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [Булыгина 1997: 437].

Исследователи сходятся в том, что языковая система не только позволяет нарушать нормы и правила, но и «побуждает» носителей языка к разного рода нарушениям, ненамеренным или хорошо осознаваемым [Булыгина 1997, Радбиль 2006]. Эти нарушения принято описывать в терминах аномалий.

Норма и аномалия – понятия, удобные для описания языка как знаковой системы с эксплицитно сформулированными правилами. Однако необходимо помнить и о том, что часть наших знаний о «правильном» и «неправильном» использовании языка имплицитна, она формируется по мере накопления языкового опыта. Имплицитные знания соотносятся не столько с системными свойствами языка, сколько с узусом, который, в свою очередь, может быть описан в вероятностных терминах. Анализируя различия между отношением к норме и к узусу в современной лингвистике, В.А. Плунгян отмечает: «Подход, ориентированный на узус, противопоставляется подходу, ориентированному на изучение некоторой идеальной структуры языка, по отношению к которой наблюдаемые факты являются лишь более или менее адекватными реализациями...» [Плунгян 2008: 11]. Таким образом, норма как некоторый абсолютный идеал противопоставляется узусу, который имеет вероятностный и несистемный характер.

Именно в силу вероятностной природы узуса достаточно жесткие понятия нормы и аномалии оказываются не вполне удобными для объяснения целого ряда случаев. Например, понятие нормы неприменимо к ситуациям, когда непривычное, нетривиальное использование языковых средств расценивается носителями языка как неприемлемое:

[7.1] *А я еще ненавижу, когда говорят: «Какой вкусный момент в этом фильме!» Момент – он интересный, забавный, смешной, трогательный, но не вкусный. А вкусный пирог.*
[http://mn.ru/society_edu/20130301/338774192.html]

Данный комментарий интересен в двух отношениях: во-первых, он показывает, что носители языка обращают внимание на форму высказывания

в том случае, если их ожидания оказываются нарушенными. Во-вторых, нетривиальное употребление языковых единиц может быть подвергнуто критике, например, если метафорический перенос или коллокация воспринимаются носителями языка как неудачные. Обратим внимание и на то, что ненормальность коллокации говорящий объясняет ее семантической нестыковкой (т.е. некогерентностью), но не нарушением языковой нормы.

Итак, для носителей языка важна не только оппозиция нормы и аномалии; речевая деятельность во многом основана на имплицитном знании об ожидаемом, привычном использовании языка. Ему противопоставляются необычные, неожиданные употребления, такие, которые лежат в основе языкового творчества и языковой игры. При этом узус, в отличие от нормы, не отменяет возможности неожиданного языкового употребления; напротив, узус «устроен» таким образом, что отступление от общепринятого способа использования языковой единицы может быть использовано говорящим для достижения различных коммуникативных целей. На информационную значимость необычного использования языка (хотя и в терминах норм, правил и аномалий) указывает Т.Б. Радбиль: «В любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала. В этом смысле можно говорить о *конструктивности* аномалий» [Радбиль 2006: 3].

Анализ иронических высказываний и текстов позволяет говорить о том, что для выявления сигналов иронии более функциональной оказывается не противопоставление *нормы и аномалии*, но оппозиция *узуальное vs. нетривиальное использование языка*. Имеющийся в нашем распоряжении текстовый материал показывает, что намеренное отступление от узуального употребления, ведущее к нарушению семантической целостности высказывания или его части, может быть сигналом иронической интенции

говорящего. Нарушения смыслового единства далее мы будем описывать, пользуясь терминологическим противопоставлением *когерентность vs. некогерентность текста*. Для того, чтобы разобраться в природе некогерентности, обратимся к более разработанному в рамках теории текста и анализа дискурса понятию *когерентности*.

7.3. Намеренная некогерентность как когнитивное основание иронии

Термин *когерентность* (от лат. *cohaerentio* – связь, сцепление) востребован не только в лингвистике, но и в математике, финансовом анализе, философии, информатике, теории музыки, когнитивных исследованиях [Sanders 1997, Thagard 2002]. С его помощью исследовали объясняют, каким образом человек, получая информацию из различных источников, создает в своем сознании целостную картину окружающего мира.

Можно выделить два варианта употребления термина *когерентность*: он может характеризовать как саму информацию (например, текст), так и направленные на установление смысловых связей действия того, кто эту информацию создает или воспринимает. Поэтому изучение когерентности ведется в двух направлениях: «от текста (информации) к пользователю» (здесь можно говорить о доминировании традиции лингвистического анализа текста) и «от пользователя к тексту (информации)» (это направление представлено преимущественно психологическими и когнитивными моделями когерентности). Эти подходы объединяет желание ответить на вопрос, каким образом происходит «увязывание» информации в процессе восприятия высказывания / текста. Однако отправные пункты в рассуждениях у сторонников этих подходов разные; различаются и способы моделирования когерентности.

7.3.1. От текста к пользователю: когерентность как свойство текста

В рамках подхода «от текста к пользователю» когерентность считается свойством, которое «делает текст текстом». Когерентным принято считать текст со связной логико-семантической, грамматической и стилистической структурой. В работах, посвященных проблеме понимания текста, можно встретить утверждения типа «данный текст X имеет смысл, следовательно, он когерентен. В отличие от него текст Y смысла не имеет, поэтому он не является когерентным» [Wolf 2006]. Такие представления о смысловой целостности текста вполне объяснимы: при переходе от общетеоретических рассуждений к выявлению языковых сигналов когерентности оказывается, что интуитивное представление о семантической целостности текста с трудом поддается формализации: даже при наличии связей на локальном уровне (когезии) в целом текст / высказывание может восприниматься как некогерентный. Также известно, что иногда смежные фрагменты текста с точки зрения лексико-грамматической структуры могут не быть связными, но при этом на глобальном уровне (в более широком контексте) когерентность текста не нарушается [Bublitz 2011].

Можно говорить о существовании по меньшей мере двух проблем в описании когерентности как свойства текста: во-первых, лингвисты сталкиваются с трудностью выделения критериев смысловой целостности. Во-вторых, проблематичным является определение формальных показателей когерентности – тех элементов текста, благодаря которым обеспечивается его общая смысловая целостность [Redeker 2000].

Подход «от текста к пользователю» не объясняет, каким образом адресат восстанавливает смысловую целостность высказывания / текста на глобальном уровне. Очевидно, проблема кроется в некорректности отправной точки рассуждений сторонников данного подхода: вряд ли можно считать когерентность свойством, присущим тексту «по умолчанию»,

поскольку текст может быть охарактеризован как целостный только с точки зрения того, кто его воспринимает и интерпретирует.

7.3.2. От пользователя к тексту: когерентность как когнитивная способность

Подход «от пользователя к тексту» предполагает другую трактовку понятия когерентности: им обозначается не свойство, объективно присущее тексту, а когнитивная способность человека [Thagard 2002, Givón 1995]. Благодаря этой способности воспринимающий субъект может устанавливать смысловые связи между различными объектами и событиями и создавать целостную ментальную репрезентацию окружающего мира: отношение когерентности между объектами, событиями, высказываниями, текстами – это результат мыслительных процессов, которые направлены на увязывание новых идей с уже имеющейся системой знаний об окружающем мире [Trabasso 1995].

При такой трактовке понятия *когерентность* текст, как и любой другой объект окружающего мира, может быть охарактеризован как когерентный / некогерентный только с точки зрения пользователя [Mann 1988, Sanders 1997, Knott 1998]. Когерентность может быть смоделирована как набор когнитивных механизмов, которые носитель языка задействует в процессе восприятия текста и установления смысловых связей между его элементами. В такой модели смысловая целостность не является объективным свойством текста; наоборот, отношения когерентности создаются читателем с опорой на языковую форму текста или высказывания [Knott 1998, Taboada 2004].

Когерентность информационного потока можно считать нормой, на которую мы опираемся в процессе восприятия событий, высказываний или текстов. По мнению исследователей, наша предрасположенность к установлению связей между объектами и явлениями окружающего мира

может быть обнаружена на всех уровнях обработки информации [Hellman 1995]. Поэтому в повседневной жизни когерентность воспринимается как данность (именно это обстоятельство и позволило считать когерентность объективно существующим свойством текста, а не результатом мыслительной деятельности).

Размышления над тем, как фрагменты окружающего мира связаны между собой, характерны только для ситуаций, когда эти связи неочевидны или по каким-то причинам оказываются нарушенными, намеренно или произвольно. Такие случаи требуют специального маркирования, поэтому неудивительно, что «способов описания отклонений от нормы значительно больше, чем указаний на нее, что естественно, так как нормальное положение вещей часто не требует специальных обозначений, в то время как отклонение от нормы отмечается всегда» [Вольф 1987: 180]. Иногда воспринимающему субъекту не удается установить связи между фрагментами окружающего мира или элементами текста, и такие случаи – это показатель того, что не все кванты информации могут быть успешно совмещены в сознании воспринимающего субъекта. Кроме того, в повседневном общении нередки случаи намеренного нарушения смысловой целостности дискурса. Важно, что эти нарушения не приводят к полному разрушению смысла. Напротив, как правило, они оказываются информационно значимыми: нарушая привычный ход коммуникации, говорящий получает возможность имплицировать дополнительные смыслы.

7.4. Языковые сигналы намеренной некогерентности

Некогерентность можно определить как свойство, которое дискурс приобретает в тех случаях, когда адресат затрудняется установить смысловые связи между отдельными элементами высказывания / текста или между сказанным и ситуацией.

Чтобы понять, каковы языковые механизмы намеренного нарушения смысловой целостности высказывания, необходимо обратиться не только к случаям отступлений от языковой нормы, но и к ситуациям, в которых говорящий намеренно отступает от конвенций узуса. В частности, полезно обратить внимание на нарушения привычной для носителей языка лексической сочетаемости, на необычную (творческую) вторичную номинацию, нетривиальное использование метафор и другие варианты отступления от узуального употребления языковых единиц на уровне высказывания. На уровне текста источником некогерентности может быть отступление от канонической риторической организации текста. Этот вариант некогерентности рассматривается в разделе 7.4.3.

7.4.1. Некогерентность как результат нетривиальной лексической сочетаемости

Анализ корпуса текстов позволяет утверждать, что нарушение канонов лексической сочетаемости – один из наиболее распространенных приемов намеренного нарушения смысловой целостности высказывания. Поэтому наше дальнейшее описание способов намеренного создания некогерентности мы начнем с обсуждения проблемы синтагматических отношений в лексике и критериев нетривиальности лексической сочетаемости.

Как тенденции слов встречаться в текстах в определенном окружении осмысляются в лингвистических исследованиях? Теории, основанные на интуитивном знании носителей языка о совместной встречаемости слов в тексте, разрабатываются с конца XIX века. Например, Н. Крушевский характеризовал это знание как психический закон ассоциации по смежности и писал о том, что этот закон приучает носителей языка употреблять данное слово в определенном окружении [Крушевский 1998].

Попыткой формализации законов лексической сочетаемости можно считать работы Б. Поттье, в которых для описания синтагматических свойств

лексем предлагаются такие понятия, как *fonctèmes* – компоненты значения, определяющие грамматические свойства лексемы, *classèmes* – семы, позволяющие лексеме сочетаться со словами определенных семантических классов, *virtuèmes* – вероятностные семы, задающие комбинаторный потенциал лексемы; в *virtuèmes* отражается знание носителя языка об окружающем мире [Pottier 1964].

Еще одним вариантом объяснения закономерностей лексической сочетаемости можно считать социальный принцип (С-принцип) организации языка, сформулированный А.А. Кретовым. Этот принцип объясняет, каким образом языковая система позволяет говорящему связывать смыслы и облегчает процесс понимания: «В языке С-принцип распространяется на сочетаемость смыслов, содержаний. Закон семантического согласования, управляющий сочетаемостью морфем и слов, звучит так: «члены одной синтагмы не должны содержать взаимоисключающих компонентов значения». Более сильная версия закона семантического согласования: «члены одной синтагмы обязательно содержат общие компоненты значения» [Кретов 2010: 24]. Таким образом, в тексте возникает некоторая семантическая избыточность, которая гарантирует достижение результата – понимание текста – в любых условиях.

С-принцип можно считать возможным объяснением того, каким образом обеспечивается семантическая когерентность не только письменного текста, но и устного дискурса. Фактически, показателем смыслового единства становится лексическая сочетаемость, точнее, наличие некоторых общих семантических компонентов у словоформ, входящих в синтагму или, шире, клаузу. Следует отметить, что С-принцип определяет не столько возможные, сколько «нормальные», естественные варианты лексической сочетаемости и показывает, как, благодаря повтору семантических компонентов, поддерживается смысловая целостность на протяжении всего текста. Поскольку речь идет о естественной сочетаемости, следствием закона семантического согласования является, например, недопустимость

словосочетаний **потерпеть победу, *одержать поражение, *заклятый друг, *закадычный враг* [Кретов 2010] – компоненты таких синтагм не только не содержат общих смысловых компонентов, но и по ряду сем противоречат друг другу.

В рамках Московской семантической школы аналогичная проблематика обсуждается в терминах прототипического употребления лексем. Прототипичность определяется не только на основе критерия семантической совместимости лексем, но также с учетом их грамматических свойств и общего прагматически нейтрального контекста. По мнению Ю.Д. Апресяна, прототипическим можно считать употребление лексемы «...в немаркированной грамматической форме, в основном варианте модели управления, в нейтральном синтаксическом контексте и в самых характерных для нее сочетаемостных условиях» [Апресян 2009: 21].

Знание «типичной» сочетаемости составляет важную часть лингвистической компетенции носителя языка [Ноеу 2005]. Важность синтагматического окружения для понимания значения слова в наиболее компактной форме была выражена в знаменитой фразе Дж. Фёрса: «You shall know a word by the company it keeps» [Firth 1957: 11].

Целый ряд теорий считает лексическую сочетаемость тем языковым механизмом, который обеспечивает когерентность высказывания или текста [Арутюнова 2009, Косериу 1969, Крушевский 1998, Кретов 2010, Sinclair 1998, Sinclair 2004, Stubbs 1995, Ноеу 2005, Louw 1993, Stewart 2010].

В зависимости от использованного языкового материала и методов его обработки работы по лексической сочетаемости можно условно разделить на две группы. Исследования, проводившиеся на материале отдельных текстов с обращением к собственной интуиции исследователей, сосредоточены преимущественно на явлениях идиоматичности и устойчивой лексической сочетаемости. Несколько другая направленность у работ, сделанных на материале корпусов: в них в сферу внимания лингвистов попадают не только словосочетания, имеющие статус устойчивых, но и те, которые такого

статуса не имеют, но тем не менее ощущаются носителями языка как привычные и ожидаемые. У корпусно-ориентированных исследований есть еще одна особенность: большие объемы текстовых данных позволяют лингвистам говорить о лексической сочетаемости в вероятностных терминах.

Если целью большинства исследований лексической сочетаемости является установление закономерностей встречаемости словоформ в текстах конкретного языка и описание типичных коллокаций, то нас интересует прямо противоположные случаи, т.е. коллокации, которые представляют собой творческие модификации относительно устойчивых семантических связей. В силу своей нетривиальности они функционируют как маркеры дополнительных смыслов, в том числе и иронии.

Возможность появления в речи «нетипичного», неожиданного словосочетания определяется двумя свойствами коллокаций: вариативностью и неединственностью. Вариативность предполагает возможность выбора из ряда вариантов, неединственность позволяет создавать разнообразные варианты интерпретации значения коллокации [Автоматическая обработка 2011].

Почему нарушения семантической целостности в тексте или высказывании привлекают к себе внимание? Дело в том, что обнаружение некогерентности, как правило, сопровождается специфической эмоцией – недоумением и удивлением. По мнению М. Хёрли, Д. Деннетта и Р. Адамса, недоумение – это одна из основных эмоций, сопровождающих познавательные процессы: недоумение позволяет обнаруживать конфликты в оперативной памяти и подвергать сомнению противоречащие убеждения. Для разрешения противоречия каждое из конфликтующих убеждений должно быть сразу же пересмотрено, а самому противоречию должно быть найдено рациональное объяснение [Hurley 2011]. Сошлемся также на мнение Н.Д. Арутюновой: «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» [Арутюнова 1987а: 10]. Таким

образом, эмоция служит своего рода стимулом для поиска дополнительных смыслов через попытку «соединения несоединимого».

При том, что в повседневной жизни мы достаточно часто сталкиваемся с идеями, высказываниями, ситуациями, которые «не стыкуются» друг с другом, некогерентности в когнитивных и лингвистических исследованиях почти не уделяют внимания. Заметим, что объяснение того, каким образом читатель обнаруживает «нестыковки» в семантической структуре текста – проблема не менее интересная и по своей сложности сопоставима с описанием показателей семантической целостности. Несовместимость элементов текста не всегда препятствует его целостному восприятию; напротив, появление некогерентных элементов в непосредственной близости друг от друга может быть интерпретировано как сигнал наличия скрытых смыслов.

Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы ответить на вопрос, какие элементы текста могут считаться сигналами некогерентности в тексте, и показать, каким образом намеренное нарушение семантической целостности может способствовать иронической интерпретации текста / высказывания.

Отступления от конвенций узуса на уровне лексической сочетаемости можно считать наиболее простым способом намеренного нарушения семантической целостности на уровне высказывания. Нетривиальные словосочетания воспринимаются как аномалия, и именно это позволяет носителям языка интерпретировать их как сигнал наличия дополнительных смыслов в высказывании.

Необычная лексическая сочетаемость является продуктивным способом создания метафор. Например, в именных группах переносные значения возникают в результате употребления зависимого слова, относящегося к другому семантическому классу: *капля воды – капля жалости* [Кнорина 1990]. Нетривиальная сочетаемость – не только механизм

создания образности, но и потенциальный источник иронии [Louw 1993, Partington 2011].

Говоря о нетривиальных коллокациях, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью обсуждения критериев нетривиальности: каким образом носитель языка отличает привычное, ожидаемое сочетание слов от необычного? В корпусных исследованиях по лексической сочетаемости имплицитное знание о тенденции слова употребляться в определенном окружении принято описывать в терминах *прайминга* (от англ. *to prime* – *инструктировать заранее, давать установку, натаскивать*) [Ноеу 2005]. Этот термин заимствован лингвистами из психологии и когнитивной науки, где с его помощью описывается свойство памяти, благодаря которому меняется скорость или точность выполнения задачи после предъявления информации, в каком-либо отношении релевантной для этой задачи. Важным эффектом имплицитного запоминания является повышенная вероятность «спонтанного воспроизведения этой информации в подходящих условиях» [Фаликман 2005: 87]. Применительно к языковому опыту прайминг реализуется в нашей предрасположенности употреблять слова в определенном лексическом и синтаксическом окружении³⁹. Усвоение слова предполагает также усвоение наиболее типичных контекстов его употребления.

По мнению М. Хоуи, эффект прайминга заключается в том, что слова языка связаны друг с другом не только системными парадигматическими отношениями (эти отношения традиционно описываются в словарях различных типов и тезаурусах), но и отношениями синтагматическими. Несмотря на то, что синтагматические связи носят вероятностный характер и труднее поддаются систематизации, с точки зрения носителей языка они

---

³⁹ Сила системно-структурной традиции заставляет лингвистов говорить о предрасположенности слова к существованию в определенном окружении, хотя ясно, что имеется в виду именно имплицитное знание носителя языка о том, в какие синтагматические отношения могут вступать слова.

вполне предсказуемы, поскольку регулярно реализуются в речи (т.е. именно прайминг лежит в основе узуса).

Нетривиальность коллокации – следствие нарушения прайминга. Обратимся к примерам нетривиальной лексической сочетаемости и попробуем объяснить, каким образом изменение привычного окружения ведет к иронической интерпретации высказывания.

[7.2] *Всем доброго дня, в студии "Вести ФМ" Анатолий Кузичев. Тема нашей беседы – это выступление олимпийской сборной команды России на Играх в Ванкувере. Ужасающее выступление. Чудовищный результат, чуть ли не самый плохой за десятилетия. У нас есть **целая бронзовая медаль!***
[<http://www.vesti.ru/fm/doc.html?id=342568>]

[7.3] *Впрочем, за Митрофанова обидно. **Целый депутат**, глава комитета авторитетный человек. А погореть может из-за цены вопроса меньше сотни тысяч долларов [интернет-коммуникация].*

Словосочетания *целая бронзовая медаль* и *целый депутат* привлекают к себе внимание, поскольку именно внутри них возникает семантическое рассогласование. Чтобы объяснить, в чем именно оно заключается, обратимся к другим случаям использования словосочетания *целый + N*, представленным в Национальном корпусе русского языка:

[7.4] *На мой взгляд, лучше бы этот налог пока сохранить. Но у правительства есть **целый набор** соображений, которые вызывают желание его убрать. [НКРЯ]*

[7.5] *Но там, безусловно, есть **целый ряд** содержательных разногласий, которые выявились еще на стадии разработки концепции. [НКРЯ]*

[7.6] *Кстати, есть **целый трактат** на английском языке (а сейчас его кажется даже перевели), где указаны все негласные нормы поведения в обществе. [НКРЯ]*

[7.7] Однако помимо них есть **целый класс** устройств-охладителей, которые практически не используются в быту, зато заметно облегчают жизнь любого ресторатора. [НКРЯ]

[7.8] Среди них есть **целая эскадрилья** летающих бумажных самолётиков. [НКРЯ]

Существительные *набор, ряд, трактат, класс, эскадрилья* называют совокупности некоторых однородных объектов (*трактат* в этом смысле не исключение, т.к. в данном контексте референтом этого слова выступает некоторый объемный текст как совокупность идей). Интересующие нас коллокации указывают на целостность множеств, и такие употребления прилагательного *целый* можно считать ожидаемыми, привычными для носителя русского языка. Данные Национального корпуса русского языка подтверждают наше предположение: например, словосочетание *целый ряд* встречается 5049 раз.

Есть еще одно соображение, которое свидетельствует в пользу нетривиальности коллокаций *целая бронзовая медаль* и *целый депутат*. В предложенном Ю.Д. Апресяном анализе семантики прилагательного *целый* выделяется прагматический компонент значения, который выражает отношение говорящего к сообщаемой информации: «*целый X = 'X, и говорящий считает, что это много'*» [Апресян 1974: 324]. Данный компонент противоречит семантике словосочетания «бронзовая медаль» – очевидно, что одна медаль – это мало, а не много. В случае с коллокацией *целый депутат* семантическое противоречие возникает уже не в результате количественной оценки явления (ясно, что к понятию *депутат* такая оценка просто неприменима). Дело здесь в том, что в норме прилагательное *целый* сочетается с именами, обозначающими некоторые множества; *депутат* не является множеством, и именно это семантическое противоречие приводит к некогерентности коллокации *целый депутат*.

Нетривиальным и некогерентным можно считать словосочетание *все две единицы снегоуборочной техники*, которое является сигналом иронии в следующем диалоге:

[7.9]

– Ну вот, блин, опять снег напал и никто улицы не чистит!

– Ага, как всегда, у них **все две единицы** снегоуборочной техники сломались! [устная речь]

Семантическое противоречие между местоимением *все* и числительным *два* заключается в том, что местоимение *все* употребляется в тех случаях, когда речь идет об объектах в количестве, большем, чем два:

[7.10] *Мы надеемся на то, что **все государства** – члены ЧЭС завершат выполнение своих ратификационных процедур и назначат своих офицеров связи для незамедлительного выполнения вышеупомянутого Протокола.* [НКРЯ]

[7.11] ***Всех находок** не перечислить, расскажу лишь о некоторых.* [НКРЯ]

[7.12] *Для **всех участников** и для зрителей фестиваля радость встреч с русскими театрами отделённых от нас стран подтвердила, что мы все живём в пространстве единой культуры.* [НКРЯ]

В тех случаях, когда говорящий точно определяет количество объектов с помощью числительного, это числительное никогда не бывает меньше 3:

[7.13] *Текстовое описание предусматривает содержание элементов **всех трех** перечисленных выше параметров диаграммы.* [НКРЯ]

[7.14] ***Все пять шумных дебютов-2003** ("Возвращение"" Коктебель"" Бумер"" Старухи"" Последний поезд") вошли в премиальные номинации.* [НКРЯ]

Выявленные семантические и прагматические противоречия между компонентами словосочетаний – это результат лингвистического анализа,

который вряд ли осуществляют носители языка в процессе коммуникации. Тем не менее, нетипичность словосочетаний ощущается ими на интуитивном уровне. Как можно объяснить нетривиальность обсуждаемых коллокаций с точки зрения носителей языка?

Когерентность текста во многом зависит от лексического наполнения: возможность легко установить связи между объектами, их свойствами и действиями определяется тем, насколько семантически близки слова, относятся ли они к так называемому «текущему словарю» [Венцов 2003]. Исследователи высказывают предположение о том, что «Формирование «текущего» словаря осуществляется на этапе восприятия первых композиционных фрагментов текста. В дальнейшем «текущий» словарь, будучи уже сформированным, претерпевает изменения по мере узнавания структуры текста, таким образом, активированная сеть отвечает на каждый новый квант информации» [Автоматическая обработка 2011: 19]. В процессе коммуникации под влиянием контекста и непосредственного лексического окружения в первую очередь активируются наиболее вероятные коллокаты. Следовательно, если встретившееся слово не включено в активированный «текущий» словарь, коллокация воспринимается как нетривиальная.

Не только семантические противоречия между словами, входящими в словосочетание, приводят к некогерентности коллокации. Нарушения смысловой целостности могут возникать в результате сочетания слов, принадлежащих к различным стилям. Отметим, что исследователи уже обращали внимание на этот прием как на распространенный способ создания иронии, однако не объясняли, что именно делает ироничной коллокацию, элементы которой принадлежат к разным стилям. Примеры [7.15] – [7.17] иллюстрируют случаи, когда нетривиальность коллокации определяется не противоречащими семами в значениях слов, а несовместимостью их стилистических свойств:

[7.15] *Даже «форбс» Владимир Потанин – махровый завсегдатей, ах, какие вечеринки, какие салюты он давал в честь своего дня рождения! — и*

он словил высшие эманации и засобирался провести отдых и справить день рождения в Красной Поляне [www.gazeta.ru/column/rynska/3489550.shtml].

[7.16] *У нас очень смешной президент – Медведев. Свою работу он видит в том, чтобы **тыркать пальцем** во все, что не работает, и требовать, чтобы это заработало. [Ф. Бахтин. Письмо редактора. http://esquire.ru/ed_letter-53]*

[7.17] *Константину Эрнсту, у которого в анамнезе шоу «Голос», Гай Германика, два «Дозора», «Высоцкий. Спасибо, что живой», фильмы Парфенова и Бог знает что еще вплоть до лично спродюсированного фильма «Чужая» по знаменитому Адольфычу – вот ему, Эрнсту, приходит из Государственной Думы протокольное поручение: предоставить информацию о доходах Владимира Познера и, если эти доходы выше, чем у остальных журналистов Первого канала, ответить, связано ли это с тем, что у Познера кроме российского есть французское и американское гражданство. И вот Константин Эрнст должен на официальном бланке, аккуратно, **чтобы его не заблевать**, ответить депутатам Государственной Думы на их вопросы. Потом прогонят Познера, а потом и Эрнста. Поставят на его место кого-нибудь с уважаемого нижнетагильского предприятия. [интернет-коммуникация]*

Наложение стилей, как и совмещение семантически несовместимых слов внутри словосочетания, создают эффект неожиданности и вызывают эмоциональную реакцию адресата. Потребность в рациональной интерпретации заставляет искать имплицитный смысл, который стоит за видимыми отступлениями от узувального употребления языковых единиц.

7.4.2. Некогерентность как результат нетривиальной категоризации объекта

Сигналом намеренной некогерентности может быть не только нетипичная лексическая сочетаемость. С лексическим уровнем связан еще один способ создания некогерентности – необычная категоризация или рекатегоризация объекта. Языковым сигналом некогерентности в этом случае является специфический способ номинации.

Номинация как процесс и результат использования языковых средств для именованя объектов окружающего мира тесно связана с проблемой взаимодействия действительности и человеческого мышления [Языковая номинация: виды наименований 1977]. Номинация – это внешнее проявление одного из важнейших когнитивных процессов – процесса категоризации. Создание имени нарицательного – способ «упаковки» результатов категоризации в языковую форму. Давая объекту имя, говорящий одновременно выделяет его из ряда других объектов и относит к определенной категории.

Номинация – продукт не только рационально-логической когнитивной деятельности человека. Создание имен тесно связано с вербализацией эмоций, оценочным отношением к объекту номинации: «...процессы имяназвания и процессы функционирования всех имен в различных коммуникативных фокусах являются эмоционально мотивированными» [Шаховский 2008: 29].

Поскольку категоризация объектов окружающего мира считается основной функцией номинации, внимание лингвистов, как правило, сосредоточено на таких способах именованя объектов, которые используются в прагматически неосложненной (прямой) коммуникации. По умолчанию считается, что действия говорящего соответствуют постулатам кооперативного общения, а выбираемые говорящим способы номинации являются оптимальными и с точки зрения адресата: имя позволяет

однозначно относить объект к определенной категории даже в тех случаях, когда номинация осуществляется на основе метафорического или метонимического переноса. При этом считается, что «объектом номинации любого типа выступает не столько конкретный единичный объект внеязыковой действительности (вещь, явление, событие, ситуация и т.п.), сколько повторяющееся надындивидуальное типизированное представление об этой вещи, явлении...» [Языковая номинация: общие вопросы, 1977: 29-30]. Однако речевая практика показывает, что выбор способа именованного объекта может не подчиняться коллективным представлениям о типичных свойствах объекта. К тому же, дискурс далеко не всегда осуществляется прямолинейно, что приводит к появлению прагматически более сложных способов номинации. Так, в примере [7.18] новогодние праздники говорящий метафорически называет «временем салатно-алкогольного заплыва»:

[7.18] *При этом любые попытки сократить это время салатно-алкогольного заплыва воспринимаются обществом в штыки.*
[<http://lenta.ru/columns/2013/01/10/vegetable/>]

Предложенная автором метафорическая номинация не только активизирует значение протяженности действия во времени. Однако сама по себе метафорическая номинация не создает иронии. Эпитет *салатно-алкогольный* модифицирует категориальную принадлежность ситуации праздника, делая метафорический перенос некогерентным. Очевидная нерациональность категоризации и критическая оценка ситуации позволяют интерпретировать высказывание как ироническое.

Метафора и ирония традиционно противопоставляются, поскольку принято считать, что метафора создается на основе общих свойств двух объектов [Glucksberg 1997], в то время как ирония – это следствие диссонанса между содержанием высказывания и реальным положением дел. Но всегда ли метафорическая номинация осуществляется на основе общих свойств источника и мишени метафорического переноса? Элемент игры – обязательный компонент дискурсивной практики иронии – позволяет

говорящему создавать метафорические номинации для объектов, не имеющие общих свойств, приписывая «мишени» метафоры такие свойства, которыми она обладать не может в принципе. Так, в примере [7.19] организации приписываются антропоморфные свойства, а в контексте [7.20] автор последовательно использует биологическую метафору для описания экономических и политических процессов:

[7.19] *Gazprom went on a shopping spree, investing around \$100 million in mostly foreign players (13 of the team's 25 players hold non-Russian passports)...*

[7.20] *Вот, оказывается, в чем была проблема с коррупцией: мы сортов взяток не различали. Многие думали, что эта беда вырастает на плохих законах и удобряется неработающими государственными институтами, а оно вон как!*

Аналогичный механизм некогерентного совмещения свойств двух объектов, относящихся к разным понятийным областям, – денег и театральной постановки – используется в примере [7.21], только в данном случае перед нами не метафорический, а метонимический перенос:

[7.21] *Я поняла, что меня беспокоило все два отделения. На сцене огромное количество денег, деньги расклеены по залу, деньги висят на люстре, они разложены на полу, зарыты под землю, вплетены в занавес, деньгами обиты ложи, стулья, бортики, банкетки. А чуда не случается [интернет-коммуникация].*

Метонимический перенос, в результате которого возникает относительно некогерентная понятийная структура, плохо совместимая с имеющимся у адресата знанием о мире – один из наиболее распространенных способов нарушения смысловой целостности высказывания.

Окказионализмы – один из способов нетривиальной номинации – благодаря своей необычной форме позволяют не только осуществить рекатегоризацию объекта, но и выразить оценку этого объекта. Так, в

примере [7.22] автор интернет-блога через нетривиальную номинацию выражает критическую оценку фильма М. Задорнова «Рюрик. Потерянная быль». В результате номинации создаются новые категории, которые не согласуются с имеющимся у читателя знанием о мире:

[7.22] *Полтора часа своей прекрасной жизни я отдала этому **фимозу головного мозга**. Этому **буратиноверию и долбославию*** [интернет-коммуникация].

В данном контексте сигналами иронии служат нетривиальная коллокация (*фимоз головного мозга*) и окказиональное словообразование (*буратиноверие и долбославие*): и в том, и в другом случае автор текста намеренно отступает от норм узуса (не нарушая при этом языковых норм) с целью маркировать ироническую интенцию.

Способ номинации может становиться объектом металингвистического обсуждения и одновременно выражать иронию говорящего по отношению к ситуации. В примере [7.23] участники интернет-блога обсуждают невозможность использования привычной номинации *Рождество (Christmas)*, поскольку этот способ названия праздника потенциально может оскорбить представителей других религиозных конфессий:

[7.23] *Gail, shouldn't you be wishing David Happy Holidays referring not to the Christmas season but to the "Non-sectarian celebratory and remembrance times used by Jews (Hanukkah), Christians (Christmas), Muslims (Ashura), Buddhists (Bodhi Day), the Kemetic Orthodox (Day of the Return of the Wandering Goddess) and African Americans and some Africans (Kwanzaa), as well as many other special days synchronized by many peoples roughly with the Winter Solstice"?* [интернет-коммуникация]

Используя сверхполиткорректную номинацию, говорящий выражает ироническое отношение к попыткам избегать названий праздников, связанных с определенными религиозными конфессиями.

Как правило, ироническая номинация окказиональна, но некоторые,

наиболее удачные одноразовые номинации, повторяясь в публичном дискурсе, закрепляются в языковом коллективе. Так произошло с выражением *the thriller from Wasilla* в американском предвыборном дискурсе 2008 г. Сторонники Демократической партии назвали так Сару Пэйлин – кандидата на должность вице-президента от Республиканской партии. Чтобы понять, почему эта номинация создает ироническое отношение к политике, необходимо обладать некоторыми фоновыми знаниями, например, о том, что Василла – это маленький городок в штате Аляска, мэром которого была Сара Пэйлин до того, как стала представлять штат в Конгрессе США. Называя Пэйлин словом *thriller*, политические оппоненты намекают на непредсказуемость действий сенатора.

[7.24] *We may snicker at the thriller from Wasilla, who got her first passport only last year, yet millions of once well-traveled Americans are now forced to ask if they can afford even the simplest overseas trip when their folding money is apparently issued by the Boardwalk press of Atlantic City* [C. Hitchens. *America the Banana Republic*. “Vanity Fair”, 9.10.2008].

Таким образом, нетривиальная номинация позволяет говорящему решать несколько коммуникативных задач: необычное именование объекта меняет его категориальную принадлежность (а окказионализмы позволяют создавать новые категории, такие, которые некогерентны имеющемуся у адресату знанию о мире). Нетривиальная номинация акцентирует внимание адресата на свойствах называемого объекта или ситуации. Следствием нетривиальной категоризации или рекатегоризации является необходимость рациональной интеграции новой информации, и это «запускает» процесс поиска скрытых смыслов. Кроме того, нетривиальная номинация позволяет говорящему имплицитно выражать негативное отношение к объекту иронии.

7.4.3. Некогерентность риторической структуры текста как потенциальный источник иронии

Рассмотренные выше случаи связаны с отступлением от узуального употребления лексических средств языка. Однако проблема определения сигнала иронии в тексте осложняется тем, что далеко не всегда можно локализовать «источник» иронии. Приведем пример такого случая:

[7.25] *Моя знакомая попросила помочь ей в одном деликатном деле. У нее пожелтели бриллианты.*

Горе-то какое. Два небольших, в сущности, бриллианта, вмонтированных в сережки. Она в этих сережках принимала душ (не уверен, что больше на ней ничего не было). Она потом даже нехотя как-то вспомнила, что ее же предупреждали, что не следует этого делать. Прямо в инструкции это было записано. Видимо, это типичная ошибка девушек, которые получают в подарок такие сережки.

Она позвонила в магазин, который был указан в гарантийном талоне. Ей холодно сообщили, что могут, возможно, что-то для нее сделать, и предложили привезти сережки. Хотя и они не понимали, почему она принимала в них душ.

Она расстроилась. Она не хотела ехать в этот магазин. Магазин располагается в Третьяковском проезде, и она предположила, что ее там могут обидеть. Когда она привезла сережки, разговаривали с ней так, что теперь, когда надо было забирать сережки, она умоляла меня составить ей компанию. Я сказал, что пусть с ней едет тот парень, который дарил ей все это так быстро желтеющее добро.

Нет, я не сразу согласился, но все-таки решил помочь девушке. В конце концов мне было ее искренне жаль (а его нет почему-то). В магазине была мягкая полутьма. Обычно в таких магазинах бывает одновременно от силы ну пара посетителей, у которых и в мыслях нет что-то покупать. Здесь девять человек (я посчитал) рассматривали стеллажи, набитые

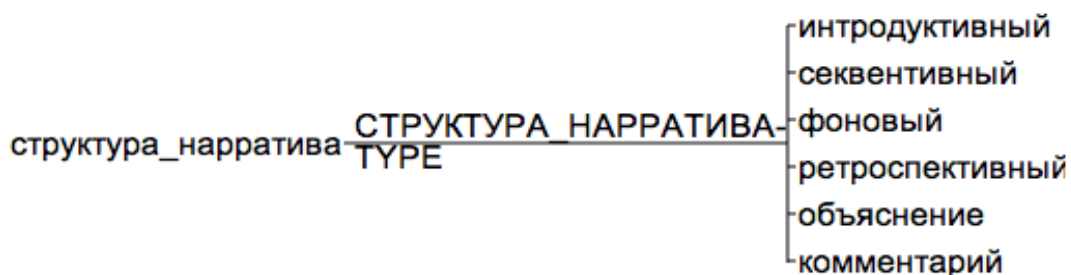
драгоценностями. И они хотели что-то купить. Будний день, подумал я, полдень, люди пришли и покупают бриллианты по каким-то сверхъестественным ценам. А что здесь в субботу бывает? А в воскресенье? [А. Колесников. «Берегите брюлики». «Огонек», 2005, №51]

Приведенный фрагмент является иллюстрацией того, как ирония последовательно создается на протяжении всего текста. Ироническое отношение рассказчика к описываемым событиям очевидно, однако «локализовать» иронию в повествовании, указать ее источники довольно затруднительно. Действительно, в приведенном примере нет антифразиса, нетривиальной лексической сочетаемости, нет отступлений от узуального употребления языковых единиц. Такие случаи, когда исследователи затрудняются в выделении сигнала иронии, являются поводом для дискуссий о том, всегда ли текст / высказывание содержит явный лексический показатель иронии [Barbe 1995, Kreuz 2009]. Анализ имеющегося корпуса текстов показывает, что сигнал иронической интенции говорящего присутствует всегда, однако этот сигнал не обязательно связан со специфическим лексическим выбором говорящего. Помимо лексики, в нарративах есть еще одна возможность создания иронии на текстовом уровне: сигналом иронического смысла может быть намеренное отступление от канонической структуры повествования.

В случае с ироническим нарративом ирония часто возникает на уровне риторической организации текста. Это показывает анализ подкорпуса нарративных текстов, которые были размечены в программе UAM CorpusTool по схеме, представленной на рис. 16. За единицу исследования в данном случае был принят *пассаж* – функциональный фрагмент нарратива. «Пассажи отличаются друг от друга не столько тем, о чём в них сообщается, сколько тем, какую роль они играют в организации нарратива: реализуют ли они хронологически последовательное повествование, отступление от основной линии и т.п.» [Плунгян 2008: 19-20].

В работе [Плунгян 2008] выделяется пять типов пассажей, встречающихся в нарративном тексте: интродуктивный, секвентивный, фоновый, ретроспективный и объяснительный. В процессе создания корпуса нам показалось более удобным вместо одного типа пассажа – объяснительного – ввести два: объяснение и комментарий.

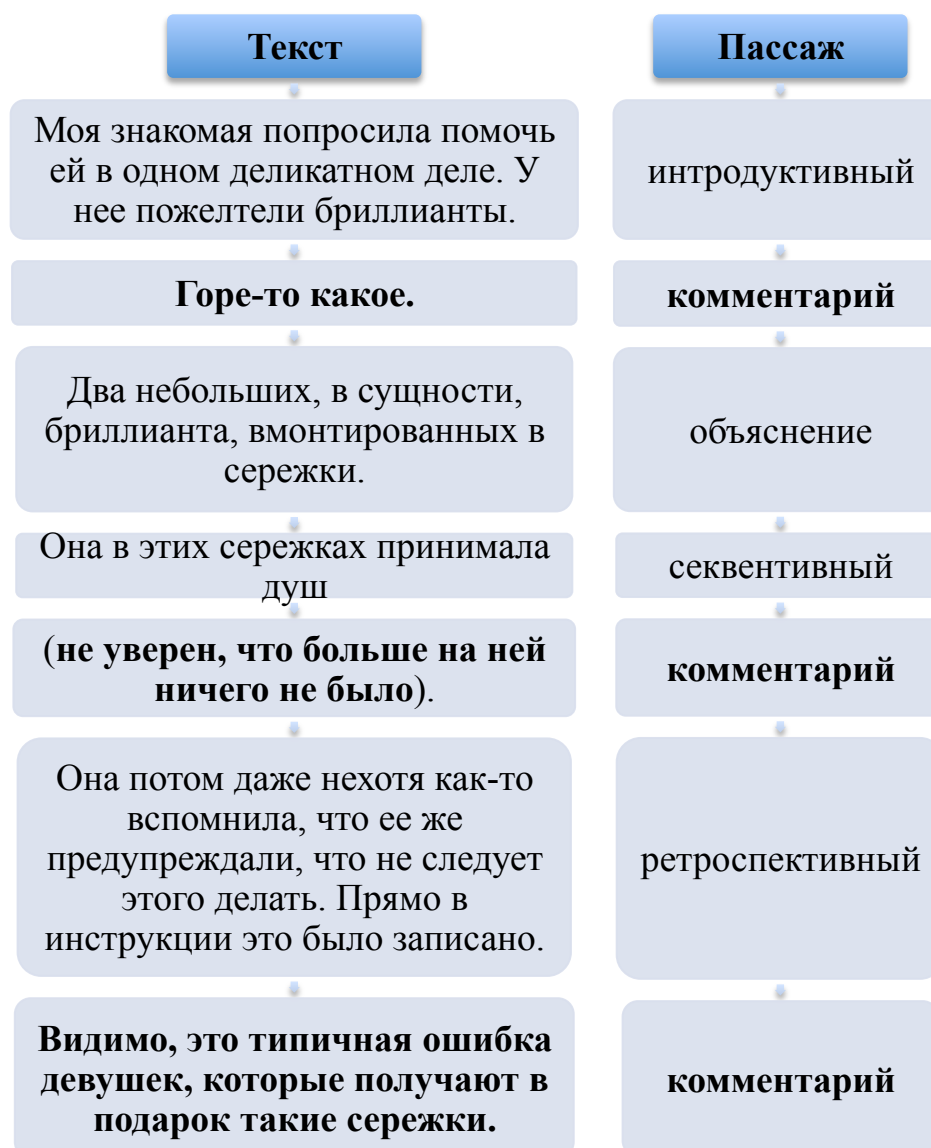
Рис.16. Типы пассажей в структуре нарратива

Разметка, осуществляемая по приведенной выше схеме, позволяет не только проследить развитие повествования, но и выделить отступления от основной линии рассказа о событиях, а также показать, какую роль в структуре нарратива играет тот или иной пассаж.

Рис. 17 – фрагмент примера [7.25], размеченный с точки зрения пассажей – показывает, как сильно повествование может отклониться от канонической структуры нарратива благодаря регулярным комментариям повествователя:

Рис.17. Структура иронического нарратива

Комментарий – наиболее распространенный способ отступления от канонической структуры нарратива. Само по себе появление комментариев в структуре нарративного текста представляется естественным, поскольку именно так автор-повествователь может обозначить собственное присутствие и повысить достоверность изложения. Интересно другое: в ироническом нарративе основная функция комментирующих пассажей – смена модуса коммуникации. Семантической основой высказывания в модусе *non bona fide* является расхождение между сказанным и реальной ситуацией, и это несоответствие позволяет говорящему сравнивать описываемую ситуацию с тем, «как должно быть». Расхождение между данным и должным позволяет повествователю давать описываемым событиям деонтическую оценку.

Именно этот тип оценки является обязательным компонентом иронического дискурса, поэтому комментарий, в котором выражена такая оценка, часто становится источником иронии, как в примере [7.26]:

[7.26]

– Как вас зовут? – спросила Евгения Александровна премьера.

Она была, наверное, в этот момент единственным человеком в стране, которому мог прийти в голову этот вопрос [А. Колесников. «Владимиру Путину дали семейный номер». Газета «Коммерсант» №193, 18.10.2010].

Приведенный фрагмент рассказа об участии В.В. Путина в переписи населения – это сочетание двух пассажей: секвентивного (*Как вас зовут? – спросила Евгения Александровна премьера*) и комментирующего (*Она была, наверное, в этот момент единственным человеком в стране, которому мог прийти в голову этот вопрос*). Очевидна риторическая рассогласованность этих пассажей: неожиданно для читателя автор меняет модус повествования. Секвентивный пассаж – это высказывание в модусе *bona fide*, отражающее положение дел в действительности. В последующем комментирующем пассаже рассказчик «обнаруживает» свое присутствие, оценивая действие с позиции стороннего наблюдателя. Комментарий представляет ситуацию как не соответствующую тому, «как должно быть». Неожиданная для читателя смена модуса в пассаже-комментарии, а следовательно, и смена правил интерпретации текста, делает возможной ироническую интерпретацию всего повествования.

Смена модуса в комментирующих пассажах нарративов важна еще в одном отношении: переход от серьезного изложения событий к несерьезному, игровому комментированию позволяет говорить о том, что происходит смена типа говорящего. В нарративном тексте возможны два типа повествователя: диегетический, т.е. такой, который принадлежит миру текста, и экзегетический, миру текста не принадлежащий [Падучева 1996]. Изложение событий в модусе *bona fide* осуществляет говорящий

диегетический. Комментарии в модусе *non bona fide* принадлежат экзегетическому говорящему, одна из функций которого, по мнению Е.В. Падучевой, заключается в выражении оценки.

Итак, чередование секвентивных и комментирующих пассажей позволяет рассказчику «переключаться» между повествованием и оценкой ситуации. При таком «переключении» фокус внимания смещается именно на комментарий, а непосредственное изложение событий становится поводом для выражения иронической оценки:

[7.27] *Вопросы про Мадонну были запрещены, и журналисты поинтересовались, всех ли девушек он знакомит со своей мамой. Хесус ответил, что у него были только две подружки и их обеих он, да, маме представлял, потому что мама в бразильской семье – это очень важно. Тогда его спросили: «Привезете ли вы маме из Москвы наклейку на холодильник?» «Моя мама любит технические гаджеты», – важно ответил Хесус. Зная, что Хесус вырос в фавеле – беднейшем бразильском квартале, можно полагать, что и тостер для мамы – это вау какой гаджет, а кофеварка – так и просто космический корабль. [Б. Рынска. «Чего можно ждать от человека на «Феррари»?» www.gazeta.ru/column/rynska/3339430.shtml]*

Комментарий повествователя, по сути, является чужеродным элементом в структуре повествования. «Волнообразная» структура иронического нарратива позволяет рассказчику «переключаться» между собственно повествовательным режимом и режимом рефлексии (этот режим как раз проявляется в комментариях и других фрагментах текста, цель которых – выражение иронического отношения). При таком «переключении» смещается фокус внимания именно на комментарий. Можно говорить о различной степени фокусированности ситуации [Toolan 1988]: в ироническом нарративе фон (комментарий) и фигура (событие) меняются местами. Фокус смещается на комментарий, а непосредственное изложение событий становится поводом для выражения оценки.

7.5. Комбинаторная модель понимания некогерентности в дискурсе

Что объединяет приведенные выше случаи возникновения иронии? Общим, на наш взгляд, является когнитивный механизм, которым пользуются участники дискурса для интерпретации случаев отступления от узувального употребления или нарушения языковой нормы. Работа этого механизма включает два этапа: порождение некогерентной когнитивной структуры и последующее разрешение некогерентности. Охарактеризуем эти этапы более подробно.

На первом этапе интерпретации высказывания или текста создается динамическая когнитивная структура ситуации, свойством которой является некогерентность. Некогерентность вновь созданной когнитивной структуры – это результат объединения понятийных областей, которые в норме не имеют общих семантических компонентов. Проиллюстрируем на примерах, как происходит порождение такой структуры.

[7.28] *Каждый раз, когда я вижу милицейский автомобиль, который вместе с другими автомобилями стоит перед красным сигналом светофора, меня не оставляет ощущение, что эта машина украдена. Я не верю, что обычный отечественный милиционер в ясном уме и твердой памяти по доброй воле согласится стоять вместе со всеми в очереди, вместо того чтобы проехать на красный, развернуться через двойную сплошную или припарковаться в третьем от бордюра ряду. Поэтому предлагаю: выявить всех милиционеров, останавливающих на красный сигнал светофора, произвести их в генералы и поручить этим генералам подбор офицеров низшего звена [http://esquire.ru/ed_letter-53].*

Понимание приведенного фрагмента текста требует привлечения знаний из нескольких понятийных областей, которые можно условно назвать «соблюдение закона», «нарушение закона» и «работа российской милиции».

Ожидаемым (в соответствии с имеющимся в обществе представлением о том, «как должно быть») было бы объединение понятийных областей «соблюдение закона» и «работа российской милиции». Однако в результате прочтения текста понятийная область «работа российской милиции» объединяется с «нарушением закона». Таким образом, текст становится источником новой когнитивной структуры, которая содержит противоречие между описываемой ситуацией и ожидаемым положением дел. Интерпретация текста по правилам модуса дискурса *bona fide* не позволяет успешно интегрировать его в имеющуюся систему знаний.

Переключение в модус *non bona fide* – это второй этап интерпретации высказывания. Некогерентность текста разрешается путем «добавления» имплицированного смысла: абсурдное предложение автора показывает расхождение между реальной ситуацией и тем, «как должно быть». Чтобы «добавить» иронический смысл, читателю необходимо привлечь знания о внешнем мире (точнее, знание о социальной норме), а также знание о текущем положении дел (о регулярном нарушении этой нормы). Интерпретируя текст как ироничный, адресат находит рациональное объяснение абсурдному представлению ситуации.

Поскольку в предлагаемой модели речь идет не о противопоставлении уже имеющихся в системе знаний адресата когнитивных структур (фреймов и сценариев), а об объединении смысловых компонентов, необходимо кратко остановиться на двух вариантах моделирования процесса понимания высказывания.

Моделирование способности устанавливать смысловые связи может осуществляться двумя путями: первый можно условно назвать *композициональным*, второй – *комбинаторным*. Их основное различие заключается в следующем: *композициональные модели* представляют понимание как аналитический процесс, направленный на выделение элементов, составляющих высказывание или текст, и приписывание этим элементам некоторых значений. Общее значение высказывания складывается

из значения отдельных компонентов. Контекст и/или фоновые знания привлекаются при необходимости (например, для снятия неоднозначности) [Coulson 2006]. К композициональным можно также отнести большинство моделей понимания юмора, основанных на разрешении несоответствий (*incongruity-resolution models*): понимание шуток и анекдотов представляется как линейный анализ высказывания с последующей заменой интерпретации *bona fide* на юмористическую [Raskin 1985, Attardo 1994, Attardo 2001].

В основе *комбинаторных моделей* лежит другая идея: понимание – это синтез смысла, причем для понимания высказывания или текста оказываются одинаково важными не только вербальная составляющая, но и контекст и имеющиеся у коммуникантов знания о нормальном ходе событий. Результат понимания в комбинаторных моделях представляется в виде порождаемой динамической когнитивной структуры, степень когерентности которой во многом зависит от трех названных составляющих: собственно языковой, контекстуальной и фоновых знаний коммуникантов.

Умение создавать новые понятийные области путем объединения компонентов уже имеющихся ментальных конструкторов описывается в рамках теории концептуальной интеграции, разрабатываемой Ж. Фоконье и М. Тернером [Fauconnier 1997, 2002, 2008]. Эта теория является еще одной попыткой моделирования когнитивных процессов, связанных с порождением и пониманием переносных значений, в частности, метафор. Основное отличие данного подхода от других теорий метафоры заключается в том, что создание метафор, метонимий, новых категорий описывается не в терминах переноса свойств одного объекта на другой, а в терминах интеграции свойств этих объектов.

Теория концептуальной интеграции объясняет творческие процессы, в том числе творческое использование языка (к языковому творчеству можно отнести и иронию). Творчество, в том числе и создание новых текстов, основано на установлении связей между когнитивными областями, которые прежде не были связаны [Fauconnier 2002].

По мнению Ж. Фоконье и М. Тернера, процессы концептуальной интеграции лежат не только в основе творчества, но и в основе человеческого мышления в целом. Эти процессы протекают неосознанно и результатом становится создание в оперативной памяти временных когнитивных структур, которые обладают свойствами динамичности и изменяемости [Fausonnier 2002].

Понятие бленда – одно из ключевых в теории концептуальной интеграции. Нетривиальный блендинг – это механизм создания иронии, «работающий» на коллокациях, метафорических и окказиональных номинациях и на более крупных отрезках текста. Примером некогерентного бленда является контекст [7.29], в котором автор последовательно объединяет две понятийные области: «православная вера» и «компьютеры и информационные технологии»:

[7.29] *Давайте теперь представим себе, хотя бы на минуточку, украдкой, ночью под одеялом с фонариком, что РПЦ и правда станет "стержнем, столпом" модернизации на государственном уровне. Эти ребята, как мы знаем, вообще не очень хорошо относятся к критике в свой адрес. Не понравились школьникам поставленные по госзаказу какие-нибудь богоугодные ОС? А как вам умные холодильники, соблюдающие пост? Тут у вас один выход - открыть окно православного браузера и пожаловаться разве что в уютный дневничок. И то, если вам к нему доступ за богохульственные материалы и ересь не закроют [интернет-коммуникация].*

Несовместимость религиозной картины мира и знания о том, как функционируют технические устройства, вызывает эмоциональную реакцию (недоумение + удивление), и эта реакция требует разрешения. Новая когнитивная структура расходится с нашим знанием о нормальном ходе событий, и это расхождение является поводом для выражения иронического отношения к ситуации.

Разрешение некогерентности – основной, но не единственный компонент иронического дискурса. Ироническая интерпретация

высказывания / текста возможна при соблюдении двух других упомянутых выше условий: имплицитно выраженной деонтической оценке и игровом поведении говорящего.

7.6. Деонтическая оценка в структуре иронического дискурса

Оценка – это один из важнейших результатов мыслительных процессов, задействованных в восприятии и категоризации фрагментов окружающего мира. В лингвистических работах, посвященных оценке в структуре высказывания, основное внимание уделяется оценке аксиологической (по шкале «хорошо – плохо»): изучение языковых способов ее выражения предполагает описание семантических, прагматических и синтаксических свойств оценочных слов [Арутюнова 1999, Вольф 1997, Вольф 2002, Воркачев 2006, Thompson 2001].

Принято считать, что ирония – это один из способов выражения аксиологической оценки. Однако, по нашему мнению, ирония связана с близким, но не тождественным видом оценки – оценкой деонтической. «Деонтическая оценка представляет собой квалификацию чего-либо с позиции противопоставления данного и должного. Этот тип оценки является одним из базовых аксиологических модусов наряду с гедонистической эстетической и утилитарной разновидностями оценки» [Карасик 2012: 139].

Деонтическая оценка – один из видов оценки, обеспечивающих существование человека в социуме, поскольку освоение новой ситуации обязательно предполагает ее оценку с точки зрения соответствия этой ситуации имеющимся у индивида ожиданиям, а также сложившимся в обществе системам норм и ценностей. Для общества деонтическая оценка важна не менее оценки аксиологической: именно на основе знания о должном в социуме формируются системы ценностей.

Хотя деонтическая оценка считается производной от оценки аксиологической, четкую границу между ними провести невозможно – и в

том, и в другом случае мы имеем дело с выражением отношения говорящего к некоторому фрагменту окружающего мира.

Выражение оценки, как положительной, так и отрицательной, можно считать одним из «режимов» взаимодействия человека с окружающим миром. Именно поэтому использование языка не может быть нейтральным. Ср. мнение В.Н. Волошинова: «Всякое слово, реально сказанное, обладает не только темой и значением в предметном, содержательном смысле этих слов, но и *оценкой*, т. е. все предметные содержания даются в живой речи, сказаны или написаны в соединении с определенным *ценностным акцентом*» [Волошинов 1930: 105]. И далее: «Поэтому в живом высказывании каждый элемент не только значит, но и оценивает. Только абстрактный элемент, воспринятый в системе языка, а не в структуре высказывания, представляется лишенным оценки» [Волошинов 1930: 107].

По мнению Дж. Томпсона и С. Ханстон, оценка в дискурсе выполняет три важных прагматических функции: во-первых, через оценку говорящий выражает собственное мнение, а также мнение той социальной группы, к которой он/она принадлежит; во-вторых, оценка – это способ создания и поддержания взаимоотношений между участниками дискурса; наконец, оценка является средством организации дискурса в целом [Thompson 2001].

Ирония – яркий пример того, как эмоции заставляют говорящего выбирать «нетривиальный», не прямой способ выражения оценочного отношения. Для понимания того, почему среди многих способов выражения оценки говорящий выбирает именно иронию, необходимо помнить, что эмоциональная составляющая иронического высказывания связана с игровым началом, присущим коммуникации *non bona fide* в целом: не только говорящий «играет», тем самым выражая свои эмоции, но и адресат, интерпретируя ироническое высказывание, становится участником игры и в контексте общения в модусе *non bona fide* испытывает более сложные эмоции по сравнению с ситуацией прямой коммуникацией.

Имплицитное выражение отрицательной оценки по шкале «данное –

должное» является обязательной функцией иронических высказываний / текстов: «Хорошо известен нормативный уклон в использовании иронии. Чаще всего ирония используется для указания на ситуации, события или действия, которые не соответствуют ожиданиям, основанным на существующих нормах. Основная цель иронии – критиковать или жаловаться» [Wilson 2012: 128].

Наиболее простой случай выражения оценки по шкале «данное – должное» – это ирония «от противного». В таких высказываниях эксплицитно выражена положительная оценка явления, которое не соответствует представлениям говорящего о том, как «должно быть»:

[7.30] *Приехали без четверти два, обнаружили, что детские билеты на каток продаются в одной единственной кассе, у входа именно на детский каток, дошли до кассы, протянули деньги (депозит за прокат одной пары коньков – 1000 рублей наличными, не карточкой. **И это, я считаю, правильно: у многодетной семьи всегда должно быть несколько тысяч наличных в кошельке, на случай, если она – семья – захочет покататься на коньках**)* [интернет-коммуникация].

В примере [7.31] поводом для выражения иронии является несоответствие ситуации ожиданиям говорящего. Отрицательная деонтическая оценка возникает на контрасте гиперболизированной оценки и низкой степени общественной значимости заданных вопросов:

[7.31] *29 мая 2010 года представители творческой интеллигенции встретились в Санкт-Петербурге с Владимиром Путиным. Премьер-министру было задано **немало острейших вопросов**: не передохнут ли в ближайшее время все уссурийские тигры, не слишком ли уязвлены в своих правах домашние животные и можно ли артистке Арбениной кормить своих детей грудью? Премьер-министру были **сообщены ошеломляющие факты**: оказывается (кто бы мог подумать!), проект газпромского*

небоскреба составлен с нарушением законов и не учитывает мнение общественности! [http://esquire.ru/ed_letter-57]

Примеры [7.32] (запись в блоге, посвященная учебнику литературы для средней школы) и [7.33] (фрагмент выступления М. Крокетт, посвященного изучению функций человеческого мозга, представляют более сложные случаи выражения деонтической оценки. В первом случае оценка качества учебника выражается эксплицитно (*идиотские «вопросы для зрителей»*), а оценка авторов учебника и чиновников выражена именной группой «*свинные рыла*», которая употребляется в разных режимах речи: в цитатном (1-й и 3-й абзацы), металингвистическом (2-й абзац) и как метафорическая номинация:

[7.32] *Много раз, г-н президент, читая этот учебник по литературе, думая об его авторах Бунеевых и о тех чиновниках, что рекомендовали к изданию и переизданию (а получают ли они откаты, мы не знаем), натываясь на идиотские «вопросы для зрителей», – хотелось сказать: «Вижу какие-то **свинные рыла** вместо лиц, а больше ничего...».*

*И вот не знаем, стоит ли рисковать. Если прямо названные или косвенно упомянутые в этом тексте лица обидятся на «**свинные рыла**» – это будет полбеда. Сошлёмся, что это наше «оценочное суждение», и авось отобьёмся.*

*Но ведь фраза «Вижу какие-то **свинные рыла** вместо лиц, а больше ничего...» взята из учебника, а там грозное предупреждение об авторских правах. Значит, мы нагло нарушили, наплевали на предупреждение, будем жестоко оштрафованы.*

*Мы, конечно, станем клясться в суде, что взяли эту фразу из бессмертной комедии Гоголя «Ревизор», но **свинные рыла** могут не поверить.* [<http://echo.msk.ru/blog/minkin/1020300-echo/>]

Автор делает акцент на том, что разные способы употребления именной группы *свинные рыла* потенциально влекут за собой различные юридические последствия для говорящего: в случае металингвистического и

цитатного употребления есть возможность отрицать факт оскорбления, поскольку эти режимы меняют объект референции. Переключение между цитатным, металингвистическим и номинативным употреблением именной группы «свиные рыла» служит сигналом негативной оценки по шкале «данное – должное».

В приводимом ниже фрагменте лекции М. Крокетт (пример [7.33]) объектом иронического отношения являются исследования и популяризаторская деятельность П. Зака (Paul Zak), известного также под именем Dr. Love. По мнению М. Крокетт, в своих публикациях и выступлениях П. Зак предоставляет неполную информацию о работе человеческого мозга под влиянием окситоцина. Имплицитно М. Крокетт дает понять, что такой способ представления результатов – это, во-первых, признак недостоверности исследований. Во-вторых, автор обсуждаемой работы акцентировал внимание только на положительном эффекте от влияния гормона на мозг, поэтому его выводы нельзя считать окончательными:

[7.33] *So speaking of love and the brain, there's a researcher, known to some as Dr. Love, who claims that scientists have found the glue that holds society together, the source of love and prosperity. **This time it's not a cheese sandwich.** No, it's a hormone called oxytocin. You've probably heard of it. So, Dr. Love bases his argument on studies showing that when you boost people's oxytocin, this increases their trust, empathy and cooperation. So he's calling oxytocin "the moral molecule."*

*Now these studies are scientifically valid, and they've been replicated, but they're not the whole story. Other studies have shown that boosting oxytocin increases envy. It increases gloating. Oxytocin can bias people to favor their own group at the expense of other groups. And in some cases, oxytocin can even decrease cooperation. **So based on these studies, I could say oxytocin is an immoral molecule, and call myself Dr. Strangelove.** (Laughter)*
[http://www.ted.com/talks/molly_crockett_beware_neuro_bunk.htm]

Комментарий *This time this is not a cheese sandwich* отсылает аудиторию к проведенному самой М. Крокетт исследованию о влиянии серотонина на работу мозга и на упрощенную интерпретацию, которую результаты исследования получили в СМИ. Упомянув экспериментов, в которых были получены сведения о негативном влиянии окситоцина на мозг, и предлагая диаметрально противоположную интерпретацию, М. Крокетт имплицитно выражает негативную оценку работы коллеги. Игра с прозвищем исследователя, которое П. Зак получил в СМИ (*Dr. Love – Dr. Strangelove*) отсылает аудиторию к популярной в 1960-х годах комедии С.Кубрика “*Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb*”, главный герой которой одержим желанием нанести ядерный удар по Советскому Союзу. Ассоциация между действиями П. Зака и действиями одержимого человека вызывает смех аудитории.

В приведенном фрагменте лекции деонтическая оценка строится на аллюзиях и ассоциациях: упоминания упрощенной трактовки результатов научных экспериментов и одержимых персонажей фильма позволяют показать, реальное что положение дел в обсуждаемой научной области не соответствует той информацией, которой обладает говорящий.

7.7. Игра и притворство говорящего

Третий необходимый «ингредиент» для понимания иронического дискурса – игра / притворство говорящего. Анализируя игру как тип человеческого поведения, Й. Хейзинга писал: «Игра – это функция, которая исполнена смысла. В игре вместе с тем играет нечто выходящее за пределы непосредственного стремления к поддержанию жизни, нечто, вносящее смысл в происходящее действие. Всякая игра что-то значит» [Хейзинга 1992: 3].

Отделяя игру от притворства, мы тем самым задаем две возможные стратегии поведения говорящего: в первом случае игра связана с тем, как

говорящий использует язык (т.е. речь идет о языковой игре, которую можно считать сигналом иронической интенции); во втором случае имеется в виду возможность «играть роль», роль простака, несведущего, человека, чье представление о мире наивно или абсурдно. И та, и другая стратегия могут иметь целью создание иронии.

Языковой игре посвящена обширная лингвистическая литература [Гридина 1996, Зализняк 2003, Левицкий 2007, Санников 2002, Санников 2003, Санников 2010, Crystal 2001, Goatly 2012]. Такое внимание к игре с языковыми знаками мотивировано не только желанием объяснить суть творческого использования языка, но и особым статусом языковой игры среди других видов игровой деятельности: «Творческое начало языковой игры заключается... в поиске приемов выведения знака из типового (системно обусловленного) контекста его конструирования, употребления, восприятия. При этом говорящий преследует цель достичь запрограммированного прагматического эффекта, ориентируясь на системные стереотипы, закрепленные в сознании носителя языка как «догматы» узуса и нормы» [Гридина 1996: 4].

Языковая игра позволяет говорящему «эксплуатировать» языковую неоднозначность [Зализняк 2003], экспериментировать и с означающим, и с означаемым, создавать несущие новые смыслы нетривиальные комбинации языковых знаков. Можно говорить о том, что в игре языковая система «проверяется на прочность». Игра со знаками интересна не только с семиотической, но и с психологической точки зрения: игровое использование языка позволяет развлекать аудиторию, как это происходит в приведенном ранее фрагменте лекции М.Крокетт (пример [7.33]) и в примере [7.34], где окказионализм *РПЦстит* – результат языковой игры на фонетическом и морфологическом уровнях – является сигналом иронии говорящего:

[7.34] *Ту же функцию, кстати, выполняет РПЦстит – комментарии представителей РПЦ о чем-нибудь. На днях один упитанный священник предложил брать налог с бездетных* [интернет-коммуникация].

Языковая игра – не только развлечение, вносящее разнообразие в повседневную коммуникативную практику. Это ещё и пример того, как носители языка используют знаки на метауровне. Сознательное изменение соотношения формы и содержания языковых знаков в контексте – это, с одной стороны, показатель значимости этого соотношения для участников общения. С другой стороны, языковая игра – это сигнал усложнения смысловой структуры сказанного.

Притворство говорящего – второй вариант игрового поведения, которое проявляется не в языковой игре, а в использовании определенных сценариев коммуникации (то, что О.П. Ермакова называет «речевой маской» [Ермакова 2010]). Говорящий выступает в определенной роли (например, в роли несведущего), и это отражается в выборе способа создания иронии. Для иллюстрации того, как происходит смена ролей, приведем два примера. В примере [7.35] пользователи социальной сети (преподаватели американских университетов) обсуждают статью, посвященную негативному влиянию классической музыки на вождение автомобиля. Автор статьи подкрепляет свои теоретические выводы данными эксперимента, участниками которого были 8 человек:

[7.35]

- *Another statistically significant result...*
- *Wow! A sample size of 8. Awesome research.*
- *One can hope that it's 8 male and 8 female? Then we can compare their results!* [интернет-коммуникация]

Выражая положительную оценку исследования (*statistically significant result, awesome research*), участники обсуждения притворяются, что считают опубликованные в статье данные достоверными. В третьей реплике говорящий предлагает «перспективу исследования», хотя очевидно, что эксперимент, в котором участвовало только 8 человек, не может считаться достоверным.

В примере [7.36] участники интервью обсуждают комментарии, которыми сопровождалась видеозапись падения метеорита в г. Челябинске. Актеры подвергают сомнению возможность использования литературного языка для выражения эмоций в экстремальной ситуации и иронически представляют себя в роли комментаторов:

[7.36]

– *Обычно мы начинаем разговор с вопроса о ключевых словах. Но, как вы знаете, недавно метеорит упал. Поэтому я решила изменить сценарий и спросить у вас, какие слова вы бы произнесли, увидев падающий метеорит?*

Ростислав Хаит: Мы нормальные люди, поэтому нормальные слова и были бы, те самые неприличные, которые мы слышали.

Леонид Барац: Наверное, не в таком количестве и порядке просто. А как можно иначе сказать? «Ой, смотри, какая интересная картина! Неужели это метеорит?» Наверное, так бы не было.

Ростислав: «Фантастика, падает небесное тело!»
[http://mn.ru/society_edu/20130301/338774192.html].

Притворство позволяет говорящему с одной стороны, надеть «маску», с другой – дистанцироваться от выражаемой точки зрения. Характерным приемом подчеркивания этой дистанции является введение в высказывание дискурсивных слов, которые позволяют менять модальность, указывать на внешний источник информации, выражать удивление и т.д. Например, дискурсивное слово *оказывается* акцентирует внимание адресата на наличии внешнего источника информации и представляет саму информацию как маловероятную. Через притворное недоумение или удивление говорящий негативно оценивает выражаемую этим внешним источником точку зрения:

[7.37] *Режиссер с мировым именем Хотиненко и великий художник Никас Сафронов в сопровождении диктора с интонациями в лучших традициях НТВ объяснили нам, что Пикассо – жулик и бездарность. Нет, конечно, в самом начале что-то у него получалось – «Девочка на шаре»,*

например, а потом ещё случайно – «Герника». А потом – как обычно: погнался за бабками, и надо же – одурачил весь мир! Он, оказывается, был жуткий циник – уродовал в своих изображениях человеческие тела! [А. Макаревич. «Мне не померещилось?» <http://www.snob.ru/profile/5134/blog/55076>]

Дискурсивные слова *оказывается, надо же* маркируют притворную неожиданность информации: говорящий выражает «как бы» удивление, поскольку не считает полученную информацию истинной или достоверной, и она не интегрируется в уже имеющееся знание о художнике. Сообщая то, что не считает истинным, говорящий отступает от требований Максимы Качества, и это отступление является сигналом перехода в модус *non bona fide* и позволяет интерпретировать сказанное как иронию.

7.8. Взаимодействие компонентов иронического дискурса

Компоненты, необходимые для понимания иронии, могут проявляться в тексте или высказывании в различной степени. Для иллюстрации того, как могут взаимодействовать между собой некогерентность, деонтическая оценка и игровое поведение говорящего, приведем несколько примеров:

[7.38] *Очередное достижение Роскосмоса*

Многочисленная глубокоководная группировка искусственных спутников Земли сегодня пополнилась новым аппаратом. 1 февраля в 10.56 по московскому времени ракетой-носителем «Зенит-3SL» в экваториальную зону акватории Тихого океана успешно погружен очередной спутник связи Intelsat-27.

На плавучей пусковой платформе «Одиссей» в честь данного события состоялся впечатляющий фейерверк, а в Центре управления полетами проведён ставший традиционным в таких случаях банкет комиссии по расследованию катастрофы. [интернет-коммуникация]

Запись в блоге имитирует текст новостного сообщения, однако текст носит явно пародийный характер. Пародия – это игра с формой текста: соблюдая необходимые жанровые конвенции, автор меняет содержание таким образом, что оно не соответствует ожиданиям читателей. Таким образом, игра становится наиболее очевидным компонентом, предполагающим переход в модус дискурса *non bona fide*. Игровой компонент дополняется намеренными нарушениями смысловой целостности. В приведенном фрагменте сигналами некогерентности являются отсылки к понятийным областям ЗАПУСК СПУТНИКА и ОКЕАН, которые не имеют общих смысловых компонентов, а также к представлениям об успехе и провале, которые противопоставляются друг другу. Коллокации *глубоководная группировка искусственных спутников Земли* и *успешно погружен очередной спутник* нарушают ожидания читателя (обычно говорят об *орбитальной группировке спутников* и об *успешном запуске спутника*). Сигналами деонтической оценки можно считать словосочетания, в которых рядом оказываются слова с противоположными коннотациями (*банкет комиссии по расследованию катастрофы*). Взятые совместно, эти сигналы делают весь текст ироническим.

Следующий контекст – пример канонической иронии, интерпретируемой «от противного»:

[7.39] *At last, some proof that we are “all in this together”. The Queen has been told to cut spending and raise cash for her £50 million household repair bill by renting out Buckingham Palace for special events. What a brilliant idea* [C. Midgley. “Cut back, your majesty. One’s all in this together”. The Times. January 29th, 2014].

Очевидно, в данном контексте доминирует деонтическая оценка, причем эта оценка одновременно указывает на притворство говорящего. Несоответствие высказывания ситуации остается вербально невыраженным, однако некогерентность «считывается» из неуместности положительной оценки описываемой ситуации.

Еще один пример иллюстрирует случай, когда все три компонента иронического дискурса совмещаются в одной коллокации:

[7.40] *Brussels prefers to keep reality away from the EU project, but this week there was **an outbreak of sanity*** [G. Baker. “Bru-Bru Land: The Ideal Fantasy Destination”. The Times. December 9th, 2005].

Нетривиальная коллокация *an outbreak of sanity* совмещает в себе все три компонента: семантическую некогерентность, языковую игру и деонтическую оценку, что позволяет интерпретировать все высказывание как ироническое.

7.9. Выводы

Умение создать отношения когерентности между воспринимаемыми объектами, в том числе объектами лингвистическими, – это одна из важнейших когнитивных способностей человека. «Оборотной стороной медали» можно считать нашу способность намеренно нарушать смысловую целостность высказывания или текста, т.е. создавать отношения некогерентности.

Намеренная некогерентность обычно интерпретируется как значимая: сознательно нарушая семантические и прагматические связи между элементами дискурса, говорящий обогащает высказывание или текст дополнительной информацией. Восстановление недостающих связей адресатом связано не только с потребностью в рациональном объяснении действий говорящего, но и с поиском имплицированных смыслов. В сочетании с игровым поведением / притворством говорящего и имплицитной негативной деонтической оценкой высоковероятной становится ироническая интерпретация сказанного.

Существует довольно большое разнообразие языковых «техник» создания некогерентности, демонстрации игрового поведения / притворства

и выражения оценки по шкале «данное – должное». На наш взгляд, именно это обстоятельство объясняет многообразие форм, которые принимает ирония в дискурсе. Кроме того, это обстоятельство не позволяет создавать непротиворечивые и универсальные классификации видов иронии.

Моделирование иронии в терминах *некогерентности, игры и деонтической оценки* позволяет увидеть общность когнитивных операций, которые необходимы для создания и понимания иронии в дискурсе. Результатом такого подхода является возможность объяснения того, как возникает ирония в дискурсе, вне зависимости от языковой формы высказывания.

Компоненты иронического дискурса взаимосвязаны между собой сложным образом: ироническое высказывание или текст может содержать языковые сигналы некогерентности, игры и деонтической оценки, но также один из компонентов может оставаться формально невыраженным. В таком случае возможность понимания иронии обеспечивается фоновыми знаниями и знанием ситуации, о которой идет речь.

Заключение

Результаты проведенного исследования могут быть сведены к следующему:

Трудности создания общепринятого определения и непротиворечивой таксономии иронии связаны в первую очередь с «инструментальным» отношением исследователей к иронии, с традицией отнесения ее к явлениям языковой системы, а не дискурса.

Создание корпуса текстов, в который вошли письменные нехудожественные тексты, записи устной речи, фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации, а также разработка схемы аннотации стратегий и тактик создания иронии в текстах различных типов и жанров позволила получить более четкое представление о том, как функционирует ирония в различных сферах дискурса и какие языковые особенности высказываний и текстов позволяют интерпретировать их как иронические.

Опыт разработки схемы аннотации текстов показал, что создание и понимание иронии в дискурсе находится в зависимости от трех групп факторов: языковых, дискурсивных (риторических) и экстралингвистических (когнитивных). В соответствии с этими группами факторов были выделены три стратегии создания иронии в дискурсе: вербальная, риторическая и когнитивная. Далее внутри стратегий выделялись тактики реализации иронической интенции. Наибольшее разнообразие наблюдается среди вербальных тактик, связанных с лексическим уровнем языка. Это разнообразие объясняет, почему на протяжении столетий существует традиция отнесения иронии к риторическим тропам: все остальные тропы также реализуются на лексическом уровне языка.

Корпусный анализ позволяет дать количественную оценку частоте использования различных тактик создания иронии в дискурсе. По данным корпуса, наиболее частотными оказались тактики использования

интертекста, антифразиса, противоречия высказывания здравому смыслу, нетривиальной лексической сочетаемости и эхо-упоминаний

Моделирование коммуникативных процессов и явлений оказывается заведомо неполным без учета двух модусов дискурса: *bona fide* и *non bona fide*.

Модус дискурса bona fide – режим коммуникации, который характеризуется следующими свойствами:

а) пропозиция высказывания может быть сопоставлена некоторая ситуация в реальном мире (таким образом, высказывание может быть оценено как истинное или ложное);

б) речевые действия говорящего рациональны и кооперативны;

в) коммуникативный замысел говорящего совпадает или максимально близок языковому значению сказанного;

г) взаимодействие участников дискурса может быть описано как серьезное и искреннее.

Модус дискурса non bona fide – режим коммуникации, который характеризуется следующими свойствами:

а) пропозиция высказывания не соответствует реальному положению дел;

б) кооперативность и рациональность речевых действий говорящего неочевидны;

в) коммуникативный замысел говорящего отличается от языкового значения высказывания;

г) взаимодействие говорящего и адресата включают элементы игры / притворства.

Еще одно различие между двумя модусами заключается в возможности металингвистического комментирования говорящим собственных речевых действий.

Введение названных выше параметров позволяет описывать различные режимы модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide*, выявлять различия

между юмором, иронией, сарказмом и другими режимами модуса *non bona fide*.

Оппозиция модусов *bona fide* и *non bona fide* в повседневной коммуникации может быть выявлена путем анализа метапрагматических комментариев. Основные функции маркеров модуса дискурса – обсуждение правил соотнесения сказанного с реальностью, предупреждение или коррекция неверного понимания высказывания.

Металингвистическая деятельность носителей языка является важным источником информации о функционировании иронии в дискурсе. Анализ метапрагматических комментариев, эксплицирующих модус коммуникации, позволяет увидеть, как осуществляется переключение между модусами дискурса *bona fide* и *non bona fide*, какие высказывания носители языка считают ироническими.

Источником имплицитной информации о том, как носители языка оценивают иронический дискурс, можно считать сочетаемость лексемы *ирония* с прилагательными. Данные корпусов русского и английского языков показывают, что ирония получает противоположные оценки: от положительной (*тонкая, легкая ирония*) до отрицательной (*горькая, едкая, злая, heavy, bitter irony*). Кроме того, носители языка обращают внимание на степень легкости распознавания иронии: в 10 наиболее частотных русских прилагательных попали *явная, скрытая ирония*. Кроме того, анализ адъективной сочетаемости лексем *ирония* и *irony* позволяет говорить об их негативной семантической (дискурсивной) просодии, поскольку большая часть прилагательных имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. На негативную дискурсивную просодию указывают и синестетические метафоры, с помощью которых носители языка описывают иронию.

Анализ метапрагматических комментариев показывает, что иронический дискурс может иметь различный категориальный статус в разных языках. В тех языках, где есть глагол *иронизировать*, ирония воспринимается как речевое действие (хотя сам глагол не употребляется как

перформатив). Примерами языков, которые позволяют описывать иронию как действие, являются русский, польский, немецкий. Английский язык ведет себя особым образом: в нем глагол *to ironize* практически не употребляется. Его место занимают конструкции с глаголом-связкой *to be*. Это позволяет говорить о том, что английский язык представляет иронию не как действие, а как состояние говорящего.

Существующие в современной лингвистике и когнитивной науке классификации иронии не охватывают всего разнообразия иронической коммуникации, поскольку ориентируются преимущественно на поиск различий в языковой форме высказываний. Кроме того, в основе ряда популярных таксономий лежат неоднородные классификационные критерии. Это делает невозможным однозначную и непротиворечивую классификацию многих случаев иронической коммуникации. Более продуктивным в такой ситуации представляется подход, ориентированный на поиск сходств, на основе которых носители языка объединяют разнообразные высказывания в категорию «ирония».

Для описания коммуникативного статуса иронии удобным оказывается понятие *дискурсивной практики*: оно позволяет учитывать многообразие языковых стратегий и тактик создания иронии, объясняет возможность возникновения иронии в самых разных сферах коммуникации. Ирония как дискурсивная практика создается и интерпретируется на основе определенного набора имплицитных правил. Необходимость привлечения знаний о мире вместе с умением распознавать некогерентность и определять истинное отношение говорящего к объекту иронии объясняет семантическую и прагматическую сложность этой дискурсивной практики.

Существующие теории вербальной иронии моделируют процесс понимания иронического высказывания на основе идеи композициональности: адресат «разбирает» высказывание на составляющие, сумма смыслов которых образует смысл всего высказывания. В данной работе предлагается «комбинаторная» модель, в которой для понимания

иронии одинаково важными оказываются вербальный компонент, непосредственный контекст общения, а также фоновые знания, имеющиеся у участников коммуникации. Понимание иронии становится возможным благодаря интеграции информации из этих источников в новую динамическую когнитивную структуру, основной особенностью которой является некогерентность отдельных ее компонентов. Необходимость рациональной интерпретации такой структуры и ее интеграции в уже имеющуюся у адресата систему знаний является стимулом для смены правил интерпретации с *bona fide* на *non bona fide*.

Необходимыми компонентами иронического дискурса являются намеренная некогерентность, игровое поведение или притворство говорящего, а также имплицитно выраженная деонтическая оценка. Намеренная некогерентность (т.е. нарушение смысловой целостности внутри высказывания или несоответствие высказывания описываемой ситуации) служит сигналом для поиска скрытых смыслов. Если некогерентность сопровождается притворством и / или игровым поведением говорящего и при этом в высказывании содержатся имплицитно выраженная отрицательная оценка по шкале «данное – должное», высокой степенью вероятности можно говорить об иронической интенции говорящего.

Ирония – один из режимов коммуникации в модусе *non bona fide*, который позволяет говорящему имплицитно выразить негативную деонтическую оценку через высказывание, которое либо не соотносится с действительностью, либо представляет ситуацию в странном, необычном виде. Необычность представления ситуации, как правило, отражается в языковой форме высказывания или текста: она тоже в некотором смысле необычна. Поэтому для того, чтобы понимать иронию, мало знать правила языка. Надо также понимать правила исключений: ирония возникает в результате отступлений от конвенций узуса и языковых норм, нарушения риторической структуры текста.

Среди рассмотренных нами способов намеренного нарушения смысловой целостности – нетривиальная лексическая сочетаемость, нетривиальная рекатегоризация объекта номинации, некогерентные метафорические переносы, нарушения риторической структуры нарративного текста. Появление неожиданного, маловероятного элемента в высказывании перенаправляет внимание адресата, заставляя искать новые смысловые связи. Важно, что при взаимодействии с двумя другими прагматическими составляющими – игрой и деонтической оценкой – эти нарушения не разрушают процесс коммуникации (в отличие, например, от абсурдного дискурса), а интерпретируются как прагматически значимые.

Литература

1. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Большакова Е.И., Клышинский Э.С., Ландэ Д.В., Носков А.А., Пескова О.В., Ягунова Е.В. – Москва: МИЭМ, 2011. – 272 с.
2. Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения / Ю.Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXXII. Вып. 4. – Москва, 1974. – С. 320-330.
3. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю.Д. Апресян // Res Philologica. Филологические исследования / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Москва, Ленинград: Наука, 1990. – С. 50-71.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика / Ю.Д. Апресян. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
6. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики: переводы / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
7. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Философы Греции / Пер. Н. Брагинской. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 1997.
8. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира» / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987а. – №3. – С. 3-19.
9. Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык / Н.Д. Арутюнова // Язык и логическая теория: сб. науч. тр. – Москва: Центр. совет филос.(методол.) семинар. при Президиуме АН СССР, 1987б. – С. 140-152.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

11. Арутюнова Н.Д. Виды игровых действий / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – Москва: Индрик, 2006. – С. 5-16.
12. Арутюнова Н.Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007. – С.5-17.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. – 384 с.
14. Архипова А. С. Традиции и новации в анекдотах о Путине. / А.С. Архипова // Антропологический форум. – 2009. – № 10. – С. 181-251.
15. Аттардо С. Миф о непреднамеренном юморе / С. Аттардо // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 4-14.
16. Бабушкин А.П. Гипертрофированные выражения иронии и сарказма в координатах «возможных миров» / А.П. Бабушкин // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб.науч.тр. / [отв. ред. Л.В. Цурикова]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2010. – С. 8-15.
17. Балашов С.Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов): автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / С.Н. Балашов ; Урал. гос. пед. ун-т; науч. рук. Т.А. Знаменская. – Екатеринбург, 2006. – 25 с.
18. Баллаева Е.А. Роль иронии в философской практике Л. Витгенштейна / Е.А. Баллаева // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – Москва : ИФРАН, 1996. – С.109-115.
19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; Пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; Ред., вступ. ст. и прим. Р.А. Будагова. – 2-е изд., стер. – Москва: УРСС, 2001. – 416 с.

20. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики / А.Н. Баранов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. – Том 63. № 1. – С. 33-43.
21. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста / А.Н. Баранов. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
22. Баранов А.Н. Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Материалы международной конференции «Диалог-2010». – URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/5.htm> (дата обращения 12.11.2011).
23. Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс) / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: ФЛИНТА, 2014. – 312 с.
24. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.
25. Бергельсон М.Б. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка / М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. – Москва: Наука, 1987. – С. 52-63.
26. Блок А.А. Ирония / А.А. Блок. – Собр. соч. в 8-ми т. Т. 5. – Москва, Ленинград: Гослитиздат. Ленингр. отд., 1962. – С. 345-349.
27. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе / А.А. Болдырева, В.Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 1. – Воронеж, 2001. – С. 58-70.
28. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 21-48.
29. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – Москва: КомКнига, 2005. – 320 с.
30. Булыгина Т.В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва: Наука, 1994. – С. 49-59.

31. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
32. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 44-89.
33. Вайс Д. Абсурд как преддверие смеха / Д. Вайс // Абсурд и вокруг: сб. статей / Отв. ред. О. Буренина. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 259-272.
34. Венцов А.В. Проблемы восприятия речи // А.В. Венцов, В.Б. Касевич – Москва: УРСС, 2003. – 237 с.
35. Веселова Н.В. Ирония в политическом дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Веселова; Нижегород. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова; науч. рук. М.С. Ретунская. – Н.Новгород, 2003. – 16 с.
36. Вико Дж. Основание новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. – Москва, Киев: REFL-BOOK – НСА, 1994. – 528 с.
37. Вишневский А. Интеллигентская поп-культура 1970-х: случай «иронической прозы» (иллюстративные пролегомены) / А.Вишневский // Неприкосновенный запас. – 2007. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/> (дата обращения 05.07.2009).
38. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов // Ленинград: Прибой, 1930. – 157 с.
39. Вольф Е. М. Оценка и «странность» как виды модальности / Е.М. Вольф // Язык и логическая теория. – Москва: Наука, 1987. – С. 178-186.
40. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 2-е. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
41. Воркачев С.Г. «Шутка юмора» в восприятии культурных концептов: счастье / С.Г. Воркачев // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград: Перемена, 2003. – С.69-79.

42. Воркачев С.Г. Оценка и ценность в языке. *Hispanica selecta* / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2006. – 186 с.
43. Воробьева К.А. Специфика иронии среди других языковых средств комизма / К.А. Воробьева // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007. – С.201-206.
44. Гаспаров М.Л. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / М.Л. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
45. Герасимова И.А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка. Языки этики. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-16.
46. Гловинская М.Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии / М.Я. Гловинская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 69-77.
47. Годдард К. «Играй лучше, Мартина!» (ирония «с каменным лицом» и этнопрагматика австралийского варианта английского языка) / К. Годдард // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов, 2007. – С. 159-183.
48. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1996. – 214 с.
49. Губайловский В. Собеседник / В. Губайловский. – Дружба народов. – 2003. – №6. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/6/gub.html> (дата обращения 05.06.2009).
50. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – Москва: Гнозис, 2006. – 376 с.
51. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1989а. – 172 с.

52. Демьянков В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи / В.З. Демьянков // Текст: Структура и анализ. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1989б. – С.41-46.
53. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. редакторы: Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – С.309-323.
54. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. Вып.3. – Москва: ИНИОН РАН, 2002. – С. 32-43.
55. Демьянков В.З. О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Материалы международной научной конференции 15 – 17 сентября 2005 г., Калининград – Светлогорск. / Под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2006. – С.34–52.
56. Дмитриев А.С. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Собрание текстов, вступ. ст. и общ. ред. А.С. Дмитриева. – Москва: МГУ, 1980. – 638 с.
57. Доронина С.В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С.В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.II: Коллективная монография; отв. ред. Н.Д. Голев. – Томск: Изд-во Томского гос.пед.университета. – С. 202 – 213.
58. Дорошенко А.В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах / А.В. Дорошенко // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – Москва: Наука, 1989. – С. 76-91.

59. Дынник В. Ирония / Дынник В. // Литературная энциклопедия: В 11 т. – [М., 1929—1939]. Т. 4. – Москва: Изд-во Ком. Акад., 1930. – С. 571-580.
60. Ермакова О.П. Вербализованная ирония в естественном диалоге / О.П. Ермакова // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 64-72.
61. Ермакова О.П. Об иронии и метафоре / О.П. Ермакова // Облик слова. Сб. ст. памяти Д.Н. Шмелева. – Москва: ИРЯ РАН, 1997. – С. 48-58.
62. Ермакова О.П. Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка / О.П. Ермакова // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – Москва: Научный мир, 1999. – С. 139-148.
63. Ермакова О.П. Ирония и словообразование / О.П. Ермакова // Slavische Wortbildung: Semantic und Kombinatorik. – Münster-London-Hamburg, 2002. – S. 403-412.
64. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка / О.П. Ермакова. – Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – 204 с.
65. Ермакова О.П. Виды объективации текстовой иронии / О.П. Ермакова // Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С. Улуханова. – Москва: ИЦ Азбуковник, 2006. – С. 284-291.
66. Ермакова О.П. Ирония – ложь – шутка / О.П. Ермакова // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007а. – С.219-229.
67. Ермакова О.П. Ирония среди тропов / О.П. Ермакова // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина / редкол.: Е. А. Земская [и др.].— Москва: Языки славянской культуры, 2007б. – С. 172-181.
68. Ермакова О.П. Ирония в отношении к лексико-семантической норме / О.П. Ермакова // Современный русский язык: Система – норма – узус. – Москва: Языки славянских культур, 2010. – С. 379-409.

69. Ермакова О.П. Является ли ирония речевым жанром? Еще раз о некоторых особенностях иронии / О.П. Ермакова // Жанры речи. – 2013. – №1 (9). – С. 75-81.
70. Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике / Ж. Женетт. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
71. Зализняк Анна А. Неоднозначность, каламбур и некаламбурное совмещение значений: к проблеме представления многозначности / Анна А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2003» (Протвино, 11-16 июня 2003 г.). – Москва: Наука, 2003. – С. 732-738.
72. Зализняк Анна А. Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе / Анна А. Зализняк. Русская семантика в типологической перспективе. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – С. 293-299.
73. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва: Наука, 1988. – С. 5-43.
74. Иорданская Л.Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
75. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 4-е изд. – Москва: КомКнига, 2006. – 284 с.
76. Карасев Л. В. Философия смеха / Л. В. Карасев. – Москва: Изд-во РГГУ, 1996. – 221 с.
77. Карасик В.И. Категориальные признаки в значении слова: учеб. пособие / В.И. Карасик. – Москва: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1988. – 112 с.
78. Карасик В.И. Язык социального статуса : Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект / В.И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2002. – 333 с.
79. Карасик В.И. Типы абсурда / В.И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград: Перемена, 2003. – С.112-126.

80. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 389 с.
81. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
82. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
83. Карасик В.И. Деонтическая оценка в поэтическом тексте / В.И. Карасик // Язык, коммуникация, социальная среда. Вып.10. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – С. 139-161.
84. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Ленинград: Наука, 1972. – 216 с.
85. Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль) / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.
86. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.
87. Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В.Б. Кашкин // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. – Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 7-23.
88. Кашкин В.Б. Зима всегда приходит неожиданно (ирония в политической коммуникации) / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции перспективы. – Волгоград: Перемена, 2009. – С. 291-301.
89. Кашкин В.Б. Коммуникация / В.Б. Кашкин // Большая российская энциклопедия. Т.14. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2009. – С. 658-660.
90. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010а. – 382 с.
91. Кашкин В.Б. Метапрагматическая рефлексия по данным Национального корпуса русского языка: неуместная ирония и холодная вежливость / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Обыденное метаязыковое

- сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.3: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2010б. – С. 19-29.
92. Кашкин В.Б. Существует ли «рецепт» иронии? (на материале русского и итальянского языков) / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (36). – С. 98-106.
93. Квинтилиан М.Ф. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений / Переведены с лат. Рос. академии членом Александром Никольским и оною Академией изданы. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1834. – Ч. 2, кн. 7-12. – 1834. – 522 с.
94. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... д-ра филол.наук. М.: Ин-т языкознания РАН / А.А. Кибрик. – Москва, 2003. – 90 с.
95. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 2-21.
96. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А.Е. Кибрик. – Москва: Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
97. Кнорина Л.В. Нарушения сочетаемости и разновидности тропов в генитивной конструкции / Л.В. Кнорина // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – Москва: Наука, 1990. – С. 115-125.
98. Кобозева И.М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи / И.М. Кобозева // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 95-103.
99. Кобозева И.М. Перформативность глагола и его лексическое значение // *Linguistische Arbeitsberichte*, В. 54/55. – Leipzig, 1986. – S. 29-33.
100. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц / И.М. Кобозева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – Москва: Наука, 1990а. – С. 194-203.

101. Кобозева И.М. Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога / И.М. Кобозева // Исследования по искусственному интеллекту – Тарту: ТГУ, 1990б.
102. Кобозева И.М. Интерпретирующие речевые акты / И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва: Наука, 1994. – С.63-71.
103. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И.М. Кобозева // Язык о языке: Сб. статей. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 303-362.
104. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева; Моск.лг гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
105. Козинцев А.Г. Культура, природа, язык, смех / А.Г.Козинцев // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып.1 / Под ред. В.Д. Соловьева. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 225-238.
106. Козинцев А.Г. Юмор: до и после иронии / А.Г. Козинцев // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007. – С.238-253.
107. Козинцев А.Г. Человек и смех / А.Г. Козинцев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 236 с.
108. Коновалова О. А. Ирония как атрибут культуры эпохи постмодернизма (философский анализ): автореферат дис. канд. филос. наук / О.А. Коновалова. – Кемерово, 2005. – 18 с.
109. Косериу Э. Лингвистические солидарности / Э. Косериу // Вопросы учебной лексикографии. – Москва: Изд-во МГУ, 1969. – С. 93-104.
110. Костюков Л. Из книжных лавок (о книгах Марины Бородинской, Евгения Понтюхова, Санджара Яныщева, Инги Кузнецовой) / Л. Костюков, А. Кузнецова, М. Галина // Арион. – 2003. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/2/kn-pr.html> (дата обращения 05.06.2009).

111. Котов А.А. Имитация иронии в когнитивных и компьютерных архитектурах / А.А. Котов // Конфликт в языке и коммуникации. – Москва: Изд-во РГГУ, 2011. – С. 474-506.
112. Котюрова И.А. Противоречивая характеристика фрейма в тексте как когнитивная модель иронического смысла (на материале немецкой прессы) / И.А. Котюрова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена – 2009. – № 97. – С. 205-208.
113. Кошелев А.Д. О структуре комического / А.Д. Кошелев // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007. – С.263-294.
114. Кретов А.А. Два принципа устройства мироздания и языка / А.А. Кретов // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: материалы Международной конференции. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – Часть 1. – С.17-26.
115. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева ; сост. Г.К. Косиков ; пер. с фр. Г.К. Косиков, Б.П. Нарумов. – Москва: Росспэн, 2004. – 652 с.
116. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / Н.В. Крушевский; Отв. ред. В.Н. Ярцева; Авт. вступ. ст. Ф.М. Березин; РАН.Отд-ние лит. и языка. Комиссия по истории филол. наук. – Москва: Наследие, 1998. – 293 с.
117. Купина Н.А. Массовая литература сегодня / Н.А. Купина, М.А. Литовская, Н.А. Николина. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 424 с.
118. Кьеркегор С. О понятии иронии / С. Кьеркегор // Логос. – 1993. – № 4. – С. 176-198.
119. Лассвелл Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 264-279.

120. Левицкий А.Э. Комическое: играем языком / А.Э. Левицкий // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007. – С. 395-307.
121. Лимарева Т.Ф.7 Функционально-семантическая сущность иронии (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ф. Лимарева. – Краснодар, 1997. – 19 с.
122. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон /А.Ф. Лосев. – Москва: Искусство, 1969 – 715 с.
123. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.
124. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман; Сост. М. Ю. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2000. – 703 с.
125. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры / Ю.М. Лотман. – Таллинн: TLU Press, 2010. – 232 с.
126. Ляпон М.В. О «грамматике» юмора и стратегии остроумия / М.В. Ляпон // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва: Индрик, 2007. – С.308-328.
127. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М. Макаров. – Москва: Гнозис, 2003. – 276 с.
128. Маркасова Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» / Е.В. Маркасова // Материалы международной конференции «Диалог – 2008». – URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/54.htm> (дата обращения 25.07.2012).
129. Маркович А.А. Дискурс – дискурсные практики – текст / А.А. Маркович // Дискурс в академическом пространстве : материалы Междунар. круглого стола, 3–5 апр. 2009 г., Минск, Беларусь / под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 15-17.

130. Мартин Р. Психология юмора / Р. Мартин. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 480 с.
131. Мартянова Е.В. Коммуникативно-прагматическое содержание и средства выражения иронии (на материале немецкого языка) / Е.В. Мартянова // Вестник ТГУ. – 2007. – №7 (51). – С. 71-75.
132. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 43-48.
133. Митрофанова О.А. Измерение семантических расстояний как проблема прикладной лингвистики / О.А. Митрофанова // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 7: Межвуз.сб. / Под ред. А.С. Герда. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – С.92-101.
134. Мусийчук М.В. Коммуникативный механизм юмора через призму иронии как приема остроумия / М.В. Мусийчук // Гуманитарные науки в Сибири – 2009. – № 1. – С. 68-72.
135. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация / А. Мустайоки // Вопросы языкознания. – 2013. – № 5. – С. 3-27.
136. Осиневская И.А. Ирония и эрос. Поэтика образного поля / И. А. Осиневская. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 208 с.
137. Охримович К. В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : автореферат дис. . канд. филол. наук : 10.02.04 / К.В. Охримович ; Башкир. гос. ун-т; науч. рук. Л.А. Азнабаева. – Уфа, 2004. – 24 с.
138. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью/ Е.В. Падучева. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.
139. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
140. Падучева Е.В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность / Е.В. Падучева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной

- Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). – Москва: Изд-во РГГУ, 2008. – С.412-419.
141. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка и режимы интерпретации / Е.В. Падучева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). – Москва: Изд-во РГГУ, 2013. – С. 538-555.
142. Паси И. Ирония как эстетическая категория / И. Паси // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. – Москва: Наука, 1980. – С. 60-83.
143. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры / В.М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.
144. Платон. Диалоги / Сост., ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Топштейн. – Москва : Мысль, 1998. – 605 с.
145. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В.А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008а. – № 2 (16). – С. 7-20.
146. Плунгян В.А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып.4: Грамматические категории в дискурсе. – Москва: Гнозис. 2008б. – С. 7-36.
147. Подлеская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования / В.И. Подлеская, А.А Кибрик // Материалы международной конференции «Диалог 2009». – Москва: Изд-во РГГУ, 2009. – С.390-395.
148. Постмодернизм : Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис: Кн. дом, 2001. – 1037 с.
149. Потebня А.А. Теория словесности: Тропы и фигуры / А.А. Потebня. – Москва: КРАСАНД, 2010. – 200 с.

150. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня – Киев : Наукова думка, 1989. – 126 с.
151. Почепцов Г.Г. Язык и юмор / Г.Г. Почепцов. – 3-е изд. – Киев: Выща школа, 1990. – 327 с.
152. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 282 с.
153. Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Проскурина; Самарский гос. пед. ун-т; науч. рук. М.А. Кулинич. – Самара, 2004. – 18 с.
154. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
155. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие / Т. Б. Радбиль. – Москва: Изд-во МПГУ, 2006. – 320 с.
156. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
157. Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? / Р.Ратмайр // Вопросы языкознания – 2009. – № 1. – С. 63-81.
158. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1998. – № 36. – С. 274-323.
159. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – Москва: Русские словари, 2008. – 416 с.
160. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. – Москва: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.

161. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. – Москва: Наука, 1983. – 238 с.
162. Самыгина Л.В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Самыгина. – Ростов-на-Дону, 2013. – 22 с.
163. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 547 с.
164. Санников В.З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней / В.З. Санников. – Москва : Аграф, 2003. – 556 с.
165. Санников В.З. Языковая игра / В.З. Санников // Современный русский язык: Система – норма – узус. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – С. 410-468.
166. Сахарова О.В. Адресованная ирония (языковые механизмы комического в эпиграммах) / О.В. Сахарова // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва : Индрик, 2007. – С. 329-339.
167. Севильский И. Этимологии, или Начала в XX книгах. – Кн. I-III: Семь свободных искусств / Пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитонова. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – 352 с.
168. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Склярёвская. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 164 с.
169. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – Москва: Academia, 2000. – 125 с.
170. Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики / Г.Г. Слышкин // Социальная власть языка: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 87-90.
171. Слышкин Г.Г. Современный русский анекдот: функции и ценностные доминанты / Г.Г. Слышкин // Аксиологическая лингвистика: игровое и

- комическое в общении: Сб. науч. трудов. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград, 2003. – С. 190-203.
172. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира / Г.Г. Слышкин // Логический анализ языка. Языковые механизмы языка. – Москва: Индрик, 2007. – С. 454-464.
173. Сперанская А.Н. Историческая трансформация жанра политического анекдота / А.Н. Сперанская, С.Ю. Добринская // Лингвистический ежегодник Сибири. – Вып. 6. – Красноярск, 2004. – С. 19–30.
174. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 64 с.
175. Тураева З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – Москва : Просвещение, 1986. – 126 с.
176. Ульманн С. Семантические универсалии / С.Ульманн // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – Москва : Прогресс, 1970. – С. 250-299.
177. Фаликман М.В. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // М.В. Фаликман, А. Я. Койфман // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2005. – № 3. – С.86-97.
178. Фархитдинова О.М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании: автореф. ... дис. канд. филос. наук / О.М. Фархитдинова. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
179. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М.Б. Раковой и А.Ю. Серебрянниковой. – Санкт-Петербург, 2004. – 412 с.
180. Харт К. Постмодернизм / К. Харт. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 272 с.
181. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. – Москва : Прогресс, 1992. – 458 с.
182. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.

183. Шалина И.В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И.В. Шалина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 444 с.
184. Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка // Агрессия в языке и речи: Сборник науч. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. – Москва : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 38-52.
185. Шатуновский И.Б. Ирония и ее виды / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва : Индрик, 2007. – С. 340-372.
186. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
187. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.
188. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. трудов. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24 - 39.
189. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности / К.М. Шилихина // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»; Вып. 4 / под ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008. – С. 184-194.
190. Шилихина К.М. Интертекст как средство создания иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 3. – С.152-157.
191. Шилихина К.М. Два модуса коммуникации: проблема границ интерпретации / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.10. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – С. 290-308.
192. Шилихина К.М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе / К.М. Шилихина // Политическая лингвистика. – 2013а. – № 1(43). – С. 121-127.

193. Шилихина К.М. Дискурсивные слова как маркеры иронии / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 11. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013б. – С. 103-124.
194. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель. – Москва : Искусство, 1983. – Т.1. – 479 с.
195. Шмелева Е.Я. Постсоветские русские анекдоты: новые персонажи / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2007 г.). – Вып. 6 (13). – Москва : Изд-во РГГУ, 2007. – С. 595-599.
196. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа / Л.Ю. Щипицина. – Москва : КРАСАНД, 2010. – 294 с.
197. Эко У. Постмодернизм, ирония, занимательность // Эко У. Имя розы. – Москва, 1997. – С. 635-640.
198. Эрвин-Трипп С. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – Москва : Наука, 1975. – С. 336-362.
199. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
200. Языковая номинация: виды наименований / АН СССР. Ин-т языкознания; А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, В.Н. Телия и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1977. – 358 с.
201. Языковая номинация: (общие вопросы) / АН СССР. Ин-т языкознания; А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1977. – 359 с.
202. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон // Семиотика: Антология. – Москва : Радуга, 1983. – С.102-117.

203. Яковенко Т.И. Ирония как имплицитное содержание онимических единиц / Т.И. Яковенко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 85-91.
204. Янкелевич В. Ирония. Прощение: Пер.с фр./ В. Янкелевич. – Москва : Республика, 2004. – 335 с.
205. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 382 с.
206. Ajmer K. English Discourse Particles. Evidence from a Corpus / K. Ajmer. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 298 p.
207. Ajmer K. Pragmatic Markers in Contrast / K. Ajmer, A.-M. Simon-Vandenberg. – Amsterdam / Boston: Elsevier, 2006. – 257 p.
208. Ajmer K. / Pragmatic Markeres // K. Ajmer, A.-M. Simon-Vandenberg // Discursive Pragmatics / Ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman & J. Verschueren. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 223-247.
209. Anolli L. "You're a Real Genius!": Irony as a Miscommunication Design / L. Anolli, M.G. Infantino, R. Ciceri // Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication. – Amsterdam: IOS Press, 2002. – P.141-164.
210. Attardo S. Linguistic Theories of Humor / S. Attardo. – Hawthorne, New York: Mouton de Gruyter, 1994. – 426 p.
211. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis / S. Attardo. – Berlin: Walter de Gruyter, 2001. – 238 p.
212. Attardo S. Humor and Irony in Interaction: From Mode Adoption to Failure of Detection / S. Attardo // Say not to Say: New Perspectives on Miscommunication. – Ed. by L. Anolli et al. – IOS Press, 2002. – Pp. 166-185.
213. Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness / S. Attardo // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. – New York : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – Pp. 135-172.
214. Attardo S. A Primer for the Linguistics of Humor / S. Attardo // The Primer of Humor Research. – Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2008. – Pp.101-156.

215. Austin J. *How to Do Things with Words* / J. Austin. – Harvard University Press, 1975. – 168 p.
216. Bach K. *Conversational Implicature* / K. Bach // *Mind and Language*. – 1994. – № 9. – Pp. 124-162.
217. Bach K. *You Don't Say?* / K. Bach // *Synthese*. – 2001. – № 128. – Pp. 15-44.
218. Bailey S. *Academic Writing. A Practical Guide for Students* / S. Bailey. – London, NY: Taylor & Francis, 2003. – 200 p.
219. Bara B. *Simple and Complex Speech Acts: What Makes the Difference within a Developmental Perspective* / B. Bara, F. Bosco, M. Bucciarelli // *Proceedings of the Twenty-first Annual Conference of the Cognitive Science Society*. – NY: Routledge, 1999. – Pp. 55-60.
220. Barbe K. *Irony in Context* / K. Barbe. – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – 206 p.
221. Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind* / G. Bateson. – San Francisco: Chandler Publishing Company, 1972. – 565 p.
222. Behler E. *Irony and the Discourse of Modernity* / E. Behler. – Washington: University of Washington Press, 1990. – 154 p.
223. Berger A.A. *Blind Men and Elephants: Perspectives on Humor* / A.A. Berger. – New Brunswick, NJ, Transaction Publishers, 1995. – 192 p.
224. Biber D. *Collocations: A Tool for Corpus-Based Lexical Knowledge Acquisition* / D. Biber // *Computational Linguistics*. – 1991. – Vol.19, № 3. – Pp. 351-358.
225. Biber D. *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use* / D. Biber, S. Conrad, R. Reppen. – Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1988. – 300 p.
226. Biber D. *Corpus-Based and Corpus-Driven Analyses of Language Variation and Use* / Biber D. // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / Ed. by B. Heine and H. Narrog. – Oxford, NY: Oxford University Press, 2010. – Pp.159-192.

227. Binsted K. Computational Humor / K.Binsted, A.Nijholt, O.Stock, C.Strapparava, G.Ritchie, R.Manurung, D.O'Mara // *Intelligent Systems*, IEEE. – 2006. – No. 21(2). – P. 59-69.
228. Bloor M. *The Practice of Critical Discourse Analysis. An Introduction* / M. Bloor, T. Bloor. – London : Hodder Arnold, 2007. – 207 p.
229. Booth W. *A Rhetoric of Irony*. – Chicago : The University of Chicago Press, 1975. – 292 p.
230. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power* / P. Bourdieu. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 302 p.
231. Bourdieu P. *Academic Discourse: Linguistic Misunderstanding and Professorial Power* / P. Bourdieu, Jean-Claude Passeron, Monique de Saint Martin. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. – 136 p.
232. Brooks C. Irony and the “Ironic” Poetry / C. Brooks // *College English*. – 1948. – Vol.9. – P. 231-237.
233. Brooks C. Irony as a Principle of Structure / C. Brooks // *Literary Opinion in America*. – 1951. – No.2. – P. 729-741.
234. Brown P. *Politeness: Some Universals in Language Usage* // P. Brown, S. Levinson. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
235. Bryant G.A. Recognizing Verbal Irony in Spontaneous Speech / G.A. Bryant, J.E. Fox Tree // *Metaphor and Symbol* – 2002. – No. 17 (2). – P. 99-117.
236. Bublitz W. *Coherence and Cohesion* // *Discursive Pragmatics* / Ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman & J. Verschueren. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2011. – P. 37-49.
237. Burke K. Four master tropes / K. Burke // *The Kenyon Review*. – 1941. – No. 3.4. – P. 421-438.
238. Burke K. *Language as Symbolic Action: Essays on Life, Literature, and Method* / K. Burke. – Berkeley: University of California Press, 1966. – 514 p.

239. Butler S. Postmodernism. A Very Short Introduction / S. Butler. – New York : Oxford University Press, 2002. – 152 p.
240. Campbell J. Are There Necessary Conditions for Inducing a Sense of Sarcastic Irony? / J. Campbell, A. Katz // Discourse Processes. – 2012. – No. 49:6. – P. 459-480.
241. Carston R. Thoughts and Utterances / R. Carston. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2002. – 418 p.
242. Chandler D. Semiotics: the Basics / D. Chandler. – 2nd ed. – London, New York: Routledge, 2007. – 307 p.
243. Chilton P. Analyzing Political Discourse / P. Chilton. – New York: Routledge, 2004. – 226 p.
244. Clark H. On the Pretense Theory of Irony / H. Clark, R. Gerrig // Journal of Experimental Psychology. – 1984. - № 113. – Pp. 121-126.
245. Čmejrková S. Intercultural Dialogue and Academic Discourse / S.Čmejrková // Dialogue and Culture / Ed. by M.Grein, E.Weigand. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2007. – Pp. 73-94.
246. Colebrook C. Irony in the Work of Philosophy / C. Colebrook. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2002. – 332 p.
247. Colebrook C. Irony / C. Colebrook. – New York : Routledge, 2004. – 195 p.
248. Colston H.L., Gibbs R.W. A Brief History of Irony // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – P. 3-24.
249. Coulson S. Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction / S. Coulson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 320 p.
250. Crystal D. Language Play / D. Crystal. – Chicago : The University of Chicago Press, 2001. – 248 p.
251. Culler J. The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction / J. Culler. – London : Routledge, 1981. – 272 p.

252. Curcó C. Some Observations on the Pragmatics of Humorous Interpretations: A Relevance Theory Approach / C. Curco. – London : University College London Working Papers in Linguistics 7, 1995. – Pp. 7-27.
253. De Man P. Dialogue and Dialogism / Paul de Man // Poetics Today. – 1983. – Vol. 4. – Pp. 99-107.
254. Duarte E. S. L. Irony Aspects of Contemporary Textile Art. – 2013. – URL: http://www.inter-disciplinary.net/critical-issues/wp-content/uploads/2013/07/EceSLDuarte_wpaper-beau3.pdf (дата обращения 05.03.13).
255. Dubs H. The Socratic Problem / H. Dubs // The Philosophical Review. – 1927, Vol. 36, No. 4. – Pp. 287-306.
256. Duszak A. Between Styles and Values: an Academic Community in transition / A. Duszak // Identity, Community, Discourse: English in Intercultural Steerings / Ed. by A Duszak & G. Cortese. – Bern: Peter Lang, 2005. – P. 69-94.
257. Dynel M. Humorous Garden-Paths. A Pragmatic-Cognitive Study / M. Dynel. – Newcastle: Cambridge Scholar Publishing, 2009. – 310 p.
258. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language / U. Eco. – London: Macmillan, 1984. – 242 p.
259. Eisterhold J. Reactions to Irony in Discourse: Evidence for the Least Disruption Principle / J. Eisterhold, S. Attardo, D. Boxer // Journal of Pragmatics № 38, 2006. – Pp.1239-1256.
260. Evert S. Corpora and Collocations / S. Evert // Corpus Linguistics: An International Handbook. Vol.2. / Ed. by A. Lüdeling and M. Kytö. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 1212-1248.
261. Fauconnier G. Mapping in Thought and Language / G. Fauconnier. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 219 p.
262. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 464 p.

263. Fauconnier G. Rethinking Metaphor / G. Fauconnier, M. Turner // Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Ed. by R. Gibbs. – New York: Cambridge University Press, 2008. – P. 53-66.
264. Feller S. Irony as a Rhetorical Device in Dialogic Interaction / S. Feller // Dialogue and Rhetoric / Ed. by E. Weigand. – John Benjamins Publishing Company, 2007. – Pp. 171-184.
265. Ferrari G.R.F. Socratic Irony as Pretence / G.R.F. Ferrari // Oxford Studies in Ancient Philosophy, Volume XXXIV. New York: Oxford University Press, 2008. – 448 p.
266. Fetzer A. Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives / A. Fetzer, G. Lauerbach. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2007. – 392 p.
267. Filik R. The On-line Processing of Written Irony / R. Filik, L.M. Moxey // Cognition. – 2010. – No. 116. – P. 421-436.
268. Firth J.R. A Synopsis of Linguistic Theory, 1930-1955 / J.R. Firth // Studies in Linguistic Analysis. – Oxford: Blackwell, 1957. – P. 1-32.
269. Fischer K. Towards an Understanding of the Spectrum of Approaches to Discourse Particles: Introduction to the Volume / K. Fischer // Approaches to Discourse Particles / Ed. by K. Fischer. – Amsterdam, Boston: Elsevier, 2006. – P.1-20.
270. Flowerdew J. Academic Discourse. Applied Linguistic and Language Study / J. Flowerdew. – London : Longman, 2002. – 341 p.
271. Fludernik M. Towards a Natural Narratology / M. Fludernik. – London / New York: Routledge, 2002. – 472 p.
272. Forabosco G. Cognitive Aspects of the Humor Process: the Concept of Incongruity / G. Forabosco // Humor. International Journal of Humor Research. – 1992. – No. 5 (1-2). – P. 45-68.
273. Forabosco G. Is the Concept of Incongruity Still a Useful Construct for the Advancement of Humor Research? / G. Forabosco // Lodz Papers in Pragmatics. – 2008. – № 4.1. – Pp. 45-62.

274. Fraser B. Pragmatic Markers / B. Fraser // *Pragmatics*. – 1996. – № 6 (2). – P.167-190.
275. Fraser B. What are Discourse Markers? / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1999. – № 31. – P. 931-952.
276. Fraser B. An Account of Discourse Markers / B. Fraser // *International Review of Pragmatics*. – 2009. – № 1. – P. 1-28.
277. Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour* / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2004. – 424 p.
278. Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* / James Paul Gee. – New York: Routledge, 2006. – 209 p.
279. Geeraerts D. Introduction: A Rough Guide to Cognitive Linguistics / D. Geeraerts // *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. – Berlin: Walter de Gruyter, 2006. – Pp. 1-28.
280. Gerstel J. Irony, Deception, and Political Culture in the Works of Dmitri Shostakovich / J. Gerstel // *Mosaic*. – 1999. – Volume 32. Issue: 4. – P. 35.
281. Ghita A. Negotiation of Irony in Dialogue / A. Ghita // *Negotiation and Power in Dialogic Interaction*. – Ed. by E.Weigand and M.Dascal. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2001. – Pp. 139-150.
282. Giannoni D.S. Book Acknowledgements across Disciplines and Texts / D.S. Giannoni // *Academic discourse across disciplines* / Ed. by K. Hyland, M. Bondi. – Bern : Peter Lang, 2006. – Pp. 151-176.
283. Gibbs R. W. Irony as Persuasive Communication / R.W. Gibbs, C.D. Izett // *Figurative Language Comprehension. Social and Cultural Influences*. – Mahwah, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. – P. 131-152.
284. Giora R. Understanding Figurative and Literal Language: The Graded Salience Hypothesis // *Cognitive Linguistics*. – 1997. – № 8. – P. 183-206.
285. Giora R. Irony: Graded Salience and Indirect Negation / R. Giora // *Metaphor and Symbol* – 1998. – No. 13 (2). – P.83-101.
286. Giora R. Irony Comprehension: the Graded Salience Hypothesis / R. Giora, O. Fein // *Humor*. – 1999. - № 4 (12). – Pp. 425-436.

287. Giora R. *On Our Mind: Salience, Context, and Figurative Language* / R. Giora. – New York: Oxford University Press, 2003. – 259 p.
288. Giora R. *Will Anticipating Irony Facilitate It Immediately?* / R. Giora // *The Pragmatics of Humour across Discourse Domains* / Ed. by M. Dynel. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 19-32.
289. Giora R. *Irony* / R. Giora // *Pragmatics Encyclopedia* / Ed. by L. Cummings. – London: Routledge, 2009. – P. 265-267.
290. Giora R. *Cognitive and Social Aspects of Coherence* / R. Giora // *Handbook of Language and Social Psychology* / Ed. by T. Holtgraves. – New York : Oxford University Press, 2013. – P. 141-153.
291. Givoni S. *How Speakers Alert Addressees to Multiple meanings* / S. Givoni, R. Giora, D. Bergerbest // *Journal of Pragmatics*. – 2013. – № 48. – P. 29-40.
292. Givón T. *Coherence in Text vs. Coherence in Mind* / T. Givón // *Coherence in Spontaneous Text* / Ed. by M.A. Gernsbacher & T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – P. 59-116.
293. Glucksberg S. *Property Attribution in Metaphor Comprehension.* / S. Glucksberg, M.S. McGlone, D. Manfredi // *Journal of Memory and Language*. – 1997. – № 36. – Pp. 50-67.
294. Goatly A. *Meaning and Humour* / A. Goatly. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 380 p.
295. Gooch P.W. *Socratic Irony and Aristotle's Eiron: Some Puzzles* / P.W. Gooch // *Phoenix*. – 1987. – Vol. 41, №. 2. – P. 95-104.
296. Green D.H. *Irony in the Medieval Romance* / D.H. Green. – New York: Cambridge University Press. 1979. – 430 p.
297. Grice H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Syntax and Semantics: Vol.3. Speech Acts*. – New York: Academic, 1975. – Pp. 41-58.
298. Grice H.P. *Studies in the Way of Words* / H.P. Grice. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. – 394 p.

299. Griswold C.L. Irony in the Platonic Dialogues / C.L. Griswold // *Philosophy and Literature*. – 2002. – № 1. – P. 84-106.
300. Gumperz J. *Discourse Strategies* / J. Gumperz. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 225 p.
301. Gurewitch M. *The Ironic Temper and the Comic Imagination* / M. Gurewitch. – Detroit: Wayne State University Press, 1994. – 249 p.
302. Haiman J. *Talk is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language* / J. Haiman. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 220 p.
303. Halliday M.A.K. *Cohesion in English* / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1994. – 374 p.
304. Hancock J.T. Children's Comprehension of Critical and Complimentary Forms of Verbal Irony / J.T. Hancock, P.J. Dunham, K. Purdy // *Journal of Cognition and Development*. – 2000. – No.1.2. – P. 227-248.
305. Harnad S. To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization / S. Harnad // *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Ed.by H.Cohen, C.Lefebvre. – Amsterdam, Boston, etc.: Elsevier, 2005. – Pp. 20-45.
306. Harris M. Children's Perceptions of the Social Functions of Verbal Irony / M. Harris, P. M. Pexman // *Discourse Processes*. – 2003. – No. 36.3. – P. 147-165.
307. Haverkate H. A Speech Act Analysis of Irony // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – No. 14. – P. 77-109.
308. Heller E. *Thomas Mann, the Ironic German* / E. Heller. – Cambridge : Cambridge University Press Archive, 1981. – 314 p.
309. Hellman C. The Notion of Coherence in Discourse / C. Hellman // *Focus and Coherence in Discourse Processing* / Ed. by G. Rickheit, C. Habel. – Berlin: Walter de Gruyter, 1995. – P. 190-202.
310. Hempelmann C.F. Computational Humor: Beyond the Pun? / C.F. Hempelmann // *The Primer of Humor Research* / Ed. by V. Raskin. – Mouton de Gruyter, 2008. – P. 333-360.

311. Hoey M. *Lexical Priming. A New Theory of Words and Language* / M. Hoey. – New York: Routledge, 2005. – 240 p.
312. Horn L. *Implicature // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences* / edited by Robert A. Wilson, Frank C. Keil. – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 1999. – P. 391-394.
313. Hutchens E. *The Identification of Irony* / E. Hutchens // *ELH* – 1960. – Vol. 27, No. 4 – P. 352-363.
314. *Humour in Interaction* / Ed. by N.Norrick & D. Chiaro. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. – 238 p.
315. Hutcheon L. *The Literary Semiotics of Verbal Irony: The Example of Joyce's 'The Boarding House'* / L. Hutcheon, S. Butler // *Recherches Semiotiques/ Semiotic Inquiry*. – 1981. – No.1.3. – Pp. 244-260.
316. Hutcheon L. *The Complex Functions of Irony* / L. Hutcheon // *Revista Canadiense De Estudios Hispánicos*. – 1992. – Vol. XVI, 2 – P. 219-234.
317. Hutcheon L. *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony* / L. Hutcheon. – New York: Routledge, 1995. – 248 p.
318. Hyland K. *Options of Identity in Academic Writing* / K. Hyland // *ELT Journal*. – 2002. – Vol. 56/4. – Pp. 351-358.
319. Hyland K. *Engagement and Disciplinarity: The Other Side of Evaluation* / K. Hyland // *Academic discourse: new insights into evaluation* / Ed. by G. Del Lungo Camiciotti, E. Tognini-Bonelli. – Bern: Peter Lang, 2004. – P. 13-30.
320. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing* / K. Hyland. – London, New York : Continuum, 2005. – 230 p.
321. Hyland K. *Academic Discourse: English in Global Context* / K. Hyland. – London, New York : Continuum, 2009. – 215 p.
322. Juez L.A. *Verbal Irony and the Maxims of Grice's Cooperative Principle* / L.A. Juez // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. – 1995. – № 8. – Pp. 25-30.

323. Kalbermatten M.I. Humor in Verbal Irony / M.I. Kalbermatten // Dialogue in Spanish: Studies in Functions and Contexts. – Ed. by Dale April Koike, Lidia Rodriguez-Alfano. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2010. – Pp. 69-88.
324. Kapogianni E. Irony via “Surrealism” / E. Kapogianni // The Pragmatics of Humour across Discourse Domains / Ed. by M. Dynel. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 51-70.
325. Kappanyos A. Forms of Irony: Modern and Post-modern / A. Kappanyos // Neohelicon. – 2000. – No. 27.2. – P. 261-267.
326. Kashkin V.B. Narrating Personal Experience and Stereotypes: Discursive Functions of Russian Anekdots / V.B. Kashkin, K.M. Shilikhina // Russian Journal of Communication. – 2009. – Vol.2, No.3-4. – P. 250-266.
327. Kibrik A.A. Non-discrete Effects in Language or the Critique of Pure Reason 2 / A.A. Kibrik // Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: Т.1. Калининград, 18–24 июня 2012 г. – Калининград, 2012. – P. 81-83.
328. Knott A. The Classification of Coherence Relations and Their Linguistic Markers: An Exploration of Two Languages / A. Knott, T. Sanders // Journal of Pragmatics. – 1998. – № 30. – P. 135-175.
329. Knox D. Ironia: Medieval and Renaissance Ideas on Irony / D. Knox. – Brill Archive, 1989. – 237 p.
330. Knox N. The Word Irony and Its Context, 1500-1755 / N. Knox. – Durham, NC: Duke University Press, 1961. – 258 p.
331. Kotov A. Accounting for Irony and Emotional Oscillation in Computer Architectures / A. Kotov // Affective Computing and Intelligent Interaction. 3rd International Conference and Workshops, 2009. – DOI: 10.1109/ACII.2009.5349583
332. Kotthoff H. Irony, Quotation, and Other Forms of Staged Intertextuality: Double or Contrastive Perspectivation in Conversation / H.Kotthoff // Perspective and Perspectivation in Discourse / Ed. by C. Graumann & W.

- Kallmeyer. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – P. 201-233.
333. Kotthoff H. Responding to Irony in Different Context. On Cognition and Conversation / H. Kotthoff // *Journal of Pragmatics*. – 2003. – № 35. – P.1387-1411.
334. Kotthoff H. An Interactional Approach to Irony Development / H. Kotthoff // *Humor in Interaction*. Ed. by N. Norrick & D. Chiaro. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. – Pp. 49-78.
335. Kowatch K. Irony Comprehension in Action: A New Test of Processing of Verbal Irony / K. Kowatch, J.M. Whalen, P.M. Pexman // *Discourse Processes*. – 2013. – No. 50 (5). – P. 301-315.
336. Kreuz R. Asymmetries in the Use of Verbal Irony / R. Kreuz, K. Link // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 21 No. 2. – Pp. 127-143.
337. Kreuz R. Social Aspects of Verbal Irony Use / R. Kreuz, G.M. Caucci // *Language and Social Cognition: Expression of the Social Mind*. Ed. by H. Pishwa. – Berlin: Walter de Gruyter, 2009. – P.325-348.
338. Langacker R.W. The Contextual Basis of Cognitive Semantics / R.W. Langacker // *Language and Conceptualization* / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – Pp. 229-259.
339. Lapp E. *Linguistik der Ironie* / E. Lapp. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1997. – 189 S.
340. Lee D.Y.W. Genres, Registers, Text Types, Domains, and Styles: Clarifying the Concepts and Navigating a Path Through the BNC Jungle / D.Y.W. Lee // *Language Learning & Technology*. – 2001. – Vol.5, № 3. – Pp. 37-72.
341. Lee D. Humor in Spoken Academic Discourse / D. Lee // *Journal of Language, Culture and Communication*. – 2006. – No.8 (3). – P. 49-68.
342. Leech G. *Principles of Pragmatics* / G. Leech. – London: Longman, 1991. – 250 p.

343. Leech G. *Introducing Corpus Annotation* / G. Leech // *Corpus Annotation: Linguistic Information from Computer Text Corpora* / Ed. by R. Garside, G. Leech & T. McEnery. – London: Longman, 1997. – P. 1-18.
344. Leech G. *Adding Linguistic Annotation* / G. Leech // *Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice*. – Oxford: Oxbow Books, 2005. – P. 17-29.
345. Leeds-Hurwitz, W. *Semiotics and Communication: Signs, Codes, Cultures* / Wendy Leeds-Hurwitz. – Hillsdale, NJ. : Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – 226 p.
346. Li Xiang. *Irony Illustrated: A Cross-Cultural Exploration of Situational Irony in China and the United States* / X. Li // *Sino-Platonic Papers*. – 2008. – Vol. 184. – Pp. 1-65.
347. Littman D.C. *The Nature of Irony: Toward a Computational Model of Irony* / D.C. Littman, J.L. Mey // *Journal of Pragmatics*. – 1991. – Vol. 15 (2). – P. 131-151.
348. Livnat Z. *On Verbal Irony, Meta-Linguistic Knowledge and Echoic Interpretation* / Z. Livnat // *Pragmatics and Cognition*. – 2004. – No. 12:1. – P. 57-70.
349. Livnat Z. *Dialogue, Science and Academic Writing* / Z. Livnat. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2012. – 216 p.
350. Longyear R. M. *Beethoven and Romantic Irony* / R.M. Longyear // *The Musical Quarterly*. – 1970. – No. 56(4). – P.647-664.
351. Louw W. E. *Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies* / W.E. Louw // *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. – P. 157-176.
352. Lucariello J. *Situational Irony: A Concept of Events Gone Awry* / J. Lucariello // *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. – NY: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – Pp. 467-498.

353. Mann W. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization / W. Mann, S. Thompson // *Text*. – 1988. – № 8. – Pp. 243-281.
354. Marrelli J.V. On Non-Serious Talk: Some Cross-Cultural Remarks on the (Un)importance of (not) Being Earnest // Parret H. (ed.) *Pretending to Communicate*. – Walter de Gruyter, 1994. – P. 253-275.
355. Marshall D.L. Vico and the Transformation of Rhetoric in Early Modern Europe / D.L. Marshall. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 302 p.
356. McEnery T. Corpus-Based Language Studies / T. McEnery, R. Xiao, Y. Tono/ – London, New York: Routledge, 2006. – 386 p.
357. Mellor A.K. *English Romantic Irony*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. – 231 p.
358. Mesropova O. The Comedy of Female Sleuths: Televising Dar'ia Dontsova's Ironic Detectives / O. Mesropova // *The Russian Review*. – 2006. – No. 65(2). – P. 267-282.
359. Miller Y. *Irony and Politeness: Softening or Enhancing Face-Threats* / Y. Miller. – Nordstedet: GRIN Verlag, 2009. – 56 p.
360. Moneva M. Irony in Relevance Theory: Recurrent Features, Critical Stances and Possible Research Trends / M. Moneva // *Modern Criticism* / Ed. by C. Rollason & R. Mittapalli. – New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors, 2002. – Pp. 60-92.
361. Moses C. Jane Austen and Elizabeth Bennet: the limits of irony / C. Moses // *Persuasions: The Jane Austen Journal*. – 2003. – No. 25. – P.155-165.
362. Mudrick M. *Jane Austen: Irony as Defense and Discovery* / M. Mudrick. – LA: University of California Press, 1968. – 267 p.
363. Muecke D.C. *The Compass of Irony* / D.C. Muecke. – Routledge, 1980. – 276 p.
364. Mulkay M. *On Humor. Its Nature and Its Place in Modern Society* / M. Mulkay. – New York: Basil Blackwell, 1988. – 232 p.

365. Murray R. *The Handbook of Academic Writing: A Fresh Approach* / R. Murray, S. Moore. – New York: McGraw-Hill International, 2006. – 196 p.
366. Myers G. *The Rhetoric of Irony in Academic Writing* / G. Myers // *Written Communication*, No.7, 1990. – Pp. 419-455.
367. Narula U. *Handbook of Communication Models, Perspectives, Strategies* / U. Narula. – New Delhi: Atlantic Publishers, 2006. – 448 p.
368. Nehamas A. *The Art of Living: Socratic Reflections From Plato to Foucault* / A. Nehamas. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1998. – 283 p.
369. O'Donnell M. *Demonstration of the UAM CorpusTool for Text and Image Annotation* / M. O'Donnell // *Proceedings of the ACL-08: HLT Demo Session (Companion Volume)*. – Columbus, 2008. – P. 13–16.
370. Padilla García X. A. *Being Polite through Irony* / X.A. Padilla García, Ortega B.A. // *Dialogue in Spanish: Studies in Functions and Contexts*. – Ed. by Dale April Koike, Lidia Rodriguez-Alfano. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2010. – Pp. 55-68.
371. Palmer J. *Taking Humour Seriously* / J. Palmer. – London: Routledge, 1994. – 216 p.
372. Parker I. *Discursive Practice. Analysis, Context and Action in Critical Research* / I. Parker // *International Journal of Critical Psychology*. – 2004. – №10. – Pp. 149-173.
373. Partington A. *The Linguistics of Laughter: A Corpus-Assisted Study of Laughter-talk* / A. Partington. – New York: Taylor & Francis, 2006. – 240 p.
374. Partington A. *Irony and Reversal of Evaluation* / A. Partington // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – No. 39. – P. 1547-1569.
375. Partington A. *Phrasal Irony: Its Forms, Function and Exploitation* / A. Partington // *Journal of Pragmatics*. – 2011. – No.43. – P. 1786-1800.
376. Peleg O. *Resisting Contextual Information: You Can't Put a Salient Meaning Down* / O. Peleg, R. Giora, O. Fein // *Łódź Papers in Pragmatics / Special Issue on Humor*. – 2008. – No. 4. – P. 13-44.

377. Pexman P. Understanding Irony. How Do Stereotypes Cue Speaker's Intent? / P. Pexman, K. Olineck // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 21, No. 3. – Pp. 245-274.
378. Pierce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Volumes 5-6.* / C.S. Pierce. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. – 450 p.
379. Pottier B. Vers une sémantique modern / B. Pottier // *Travaux de linguistique et de littérature*. – 1964. – No.2. – P. 107-137.
380. Quintilian Marcus Fabius. *De Institutio Oratoria. Vol.2.* / Marcus Fabius Quintilian. – Teubner, 1854. – 315 p.
381. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor* / V. Raskin. – Dordrecht: Kluwer, 1985. – 308 p.
382. Raskin V. *Theory of Humor and Practice of Humor Research: Editor's Notes and Thoughts* / V. Raskin // *The Primer of Humor Research*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 1-16.
383. Redeker G. *Coherence and Structure in Text and Discourse* / G. Redeker // *Abduction, Belief and Context in Dialogue* / Ed. by H. Bunt and W. Black. – Amsterdam: John Benjamins, 2000. – P.233-263.
384. Reiss E. *Medieval Irony* / E. Reiss // *Journal of the History of Ideas*. – 1981. – Vol. 42, No. 2. – Pp. 209-226.
385. *Relevance Theory: Applications and Implications* / Ed. by R. Carston & S. Uchida. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998. – 299 p.
386. Renkema J. *Introduction to Discourse Studies* / J. Renkema. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. – 374 p.
387. Ritchie D. *Frame-Shifting in Humor and Irony* / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2005. – No. 20:4. – P. 275-294.
388. Ritchie G. *Current directions in computational humour* / G. Ritchie // *Artificial Intelligence Review*. – 2001. – No. 16.2. – P. 119-135.
389. Sampson G. *Minds in Uniform. How Generative Linguistics Regiments Culture, and Why It Shouldn't* / G. Sampson // *Dialogue and Culture* / Ed. by M. Grein & E. Weigand. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 3-26.

390. Sanders T. Semantic and Pragmatic Sources of Coherence: On the Categorization of Coherence Relations in Context / T. Sanders // *Discourse Processes*. – 1997. – № 24. – Pp. 119-147.
391. Schiffrin D. *Discourse Markers* / D. Schiffrin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 364 p.
392. Scott B. *Picturing Irony: the Subversive Power of Photography* / B. Scott // *Visual Communication*. – 2004. – Vol. 3 (1). – Pp. 31-59.
393. Searle J. *Expression and Meaning* / J. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 197 p.
394. Semino E. *Corpus Stylistics: Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing* / E. Semino, M. Short. – Routledge, 2004. – 272 p.
395. Sharp C.J. *Irony and Meaning in the Hebrew Bible* / C.J. Sharp. – Bloomington: Indiana University Press, 2009. – 376 p.
396. Sheinberg E. *Irony, Satire, Parody and the Grotesque in the Music of Shostakovich. A Theory of Music Incongruities* / E. Sheinberg. – Burlington, VT: Ashgate, 2000. – 390 p.
397. Shelley C. *The Bicoherence Theory of Situational Irony* / C. Shelley // *Cognitive Science*. – 2001. – № 25. – P. 775-818.
398. Shilikhina K. *Multiple Voices in Ironi Discourse* / K. Shilikhina // *Language and Dialogue*. – 2013. – No. 3(2). – P. 186-207.
399. Silver V. *Imperfect Sense. The Predicament of Milton's Irony*. – Prinston / Oxford: Princeton University Press, 2001. – 424 p.
400. Simpson P. *On the Discourse of Satire. Towards a Stylistic Model of Satirical Humour* / P. Simpson. – Amsterdam / Philadiephia: John Benjamins, 2003. – 256 p.
401. Simpson P. "That's not Ironic, that's Just Stupid". *Towards an Eclectic Account of the Discourse of Irony* / P. Simpson // *The Pragmatics of Humour across Discourse Domains* / Ed. by M. Dynel. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 33-50.

402. Sinclair J. M. *Corpus, Concordance, Collocation* / J.M. Sinclair. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.
403. Sinclair J. *The Lexical Item* / J. Sinclair // *Contrastive Lexical Semantics* / Ed. by E. Weigand. – Amsterdam: Benjamins; 1998. p. 1-24.
404. Sinclair J. *Trust the Text.* / J. Sinclair. – London: Routledge. – 2004. – 223 p.
405. Sperber D. *Irony and the Use – Mention Distinction* / D. Sperber, D. Wilson // *Radical Pragmatics* / Ed. by P. Cole. – Amsterdam, Boston : Elsevier, 1981. – P. 295-318.
406. Sperber D. *Irony and Relevance: A Reply to Dr. Seto, Hamamoto and Yamanashi* / D. Sperber, D. Wilson // *Relevance Theory: Applications and Implications* / Ed. by R. Carston. S. Uchida. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1998. – P. 283-293.
407. Sperber D. *Relevance: Communication and Cognition* / D. Sperber, D. Wilson. – Wiley-Blackwell, 1995. – 326 p.
408. Sperber D. *Relevance Theory* / D. Sperber, D. Wilson // *Handbook of Pragmatics* / Ed. by G. Ward and L. Horn. – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 607-632.
409. Stede M. *Discourse Particles and Routine Formulas in Spoken Language Translation* / M. Stede, B. Schmitz // *Proceedings of the ACL/ELSNET Workshop.* – Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1997. – P.3-9.
410. Stewart D. *Semantic Prosody. A Critical Evaluation* / D. Stewart. – New York: Routledge, 2010. – 180 p.
411. *Strategies in Academic Discourse* / Ed. by E. Tognini-Bonelli & G. Del Lungo Camiciotti. – Amsterdam: John Benjamins, 2005. – 212 p.
412. Stubbs M. *Collocations and Semantic Profiles: On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies* / M. Stubbs // *Functions of Language.* – 1995. – No. 2.1. – P. 23-55.

413. Svejenova S. Cooking up Change in Haute Cuisine: Ferran Adrià as an Institutional Entrepreneur / S. Svejenova, C. Mazza, M. Planellas // *Journal of Organizational Behavior*. – 2007. – No. 28(5). – P.539-561.
414. Taboada M. Building Coherence and Cohesion: Task-oriented Dialogue in English and Spanish / M. Taboada. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. – 261 p.
415. Tamura E.T. Jonathan Swift's Satire and Irony / E.T. Tamura // *The Economic Journal of Takasaki City University of Economics*. – 2003. – Vol.46. No.3. – P. 129-135.
416. Tannen D. Agonism in Academic Discourse / D. Tannen // *Journal of Pragmatics*. – 2002. – No. 34. – P. 1651-1669.
417. Thagard P. Coherence in Thought and Action / P. Thagard. – Amherst: MIT Press, 2002. – 328 p.
418. *The Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, E. Hamilton. – New York: Wiley Blackwell. – 872 p.
419. Thomson J. Irony: a Few Simple Definitions / J. Thompson. – URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (дата обращения 29.11.2011).
420. Trabasso T. Explanatory Coherence in Understanding and Talking about Events / T. Trabasso, S. Suh, P. Payton // *Coherence in Spontaneous Text* / Ed. by M.A. Gernsbacher and T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – P. 189-214.
421. Tracy K. *Everyday Talk: Building and Reflecting Identities* / K. Tracy. – New York: Guilford, 2002. – 230 p.
422. Utsumi A. Verbal Irony as Implicit Display of Ironic Environment: Distinguishing Ironic Utterances from Nonirony / Utsumi A. // *Journal of Pragmatics*. – 2000. – № 32 (12). – P. 1777-1806.
423. Utsumi A. Stylistic and contextual effects in irony processing / Utsumi A. // *Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 2004. – Pp.1369-1374.

424. Vallis G. Reason to Write: Applying Critical Thinking to Academic Writing / G. Vallis. – Charlotte, NC: Kona Publishing and Media Group, 2010. – 210 p.
425. Veale T. Incongruity in Humor: Root Cause or Epiphenomenon? / T. Veale // Humor. International Journal of Humor Research. – 2004. – No. 17.4. – P. 419-428.
426. Veale T. Exploding the Creativity Myth / T. Veale. – London: Bloomsbury, 2012. – 184
427. Venour C. Dimensions of Incongruity in Register Humour / C. Venour, G. Ritchie, C. Mellish // The Pragmatics of Humour across Discourse Domains / Ed. by M. Dynel. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 125-146.
428. Verschueren J. Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use / J. Verschueren // Pragmatics. – 2000. – No. 10.4. – P. 439-456.
429. Vlastos G. Socratic Irony / G. Vlastos // Classical Quarterly. – 1987. – №37. – P. 79-96.
430. Werning M. The Cognitive Availability of Synaesthetic Metaphors / M. Werning, J. Fleischhauer, H. Beseoglu // Proceedings of the 28th Annual Conference of the Cognitive Science Society / Ed. by R. Sun & N. Miyake. – 2006. – P. 2365-2370.
431. Widdowson H. Explorations in Applied Linguistics / H. Widdowson. – Oxford: Oxford University Press, 1979. – 273 p.
432. Williams J. Style: Toward Clarity and Grace / J. Williams, G. Colomb. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 208 p.
433. Wilson D. The Pragmatics of Verbal Irony: Echo or Pretence? / D. Wilson // Lingua. – 2006. – № 116. – Pp. 1722-1743.
434. Wilson D. On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. – New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – P. 35-56.

435. Wilson D. *Meaning and Relevance* / D. Wilson, D. Sperber. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 400 p.
436. Wilson J. *Political Discourse* / J. Wilson // *Handbook of Discourse Analysis*. – Oxford: Blackwell Publishing, 2005. – P.398 – 416.
437. Wolf F. *Coherence in Natural Language. Data Structures and Applications* / F. Wolf, E. Gibson. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2006. – 146 p.
438. Wolfsdorf D. *The Irony of Socrates* / D. Wolfsdorf // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. – 2007. – №2. – P. 175-187.
439. Yus F. *Relevance Theory* / F. Yus // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / Ed. by B. Heine and H. Narrog. – Oxford, NY: Oxford University Press, 2010. – Pp.679-702.
440. Zank S. *Irony and Sound: the Music of Maurice Ravel* / S. Zank. – University Rochester Press, 2009. – 434 p.
441. Zhang X. *English Rhetoric* / X. Zhang. – 清华大学出版社, 2005. – 268 p.
442. Zhao H. *A Relevance-Theoretic Approach to Verbal Irony: A Case Study of Ironic Utterances in “Pride and Prejudice”* / H. Zhao // *Journal of Pragmatics*. – 2011. – No. 43. – P. 175-182.

Словари и языковые корпуса

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов – 7-е изд., стереотип. – Москва: Русские словари, 1999.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. Около 60 000 слов / сост. В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: АСТ : Астрель, 2004. – 1268 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2002. – 707 с.
5. Литературная энциклопедия. Т. 4 / отв. ред. А.В. Луначарский. – Москва: Издательство Коммунистической Академии, 1930. – 716 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorgora.ru.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова Рос. Акад. наук. – 4-е изд., доп. – Москва, 1999. – 939 с.
8. Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. РАН; Гл. ред., авт. предисл. Ю.Н.Караулов. – 2-е изд. – Москва: Большая рос. энциклопедия: Дрофа, 1998. – 703 с.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
10. Crystal D. The Penguin Dictionary of Language / David Crystal . – 2nd Edition. – London: Penguin Books, 1999. – 391 p.
11. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de>.
12. Deutsches Wörterbuch. URL: <http://de.thefreedictionary.com/>
13. Encyclopedia of Language and Linguistics. Volume 1-14 / Ed. by Keith Brown. – 2nd Edition. – Amsterdam: Elsevier, 2006. – 11000 p.

14. Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: <http://www.nkjp.pl>
15. The American Heritage Dictionary. URL: <http://ahdictionary.com>
16. The British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
17. The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
18. The Corpus of Historical American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coha/>
19. The Corpus of Global Web-based English. URL: <http://corpus2.byu.edu/glowbe/>
20. The Oxford English Dictionary. 2nd Edition on CD-ROM (v.4.0). – Oxford: Oxford University Press, 2009.
21. The Visual Thesaurus. URL: <http://www.visualthesaurus.com/app/view> (дата обращения 19.04.2009).
22. WordNet. URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn> (дата обращения 12.04.2010).
23. Wielki słownik języka polskiego. URL: <http://www.wsjp.pl/> (дата обращения 10.05.2011).